

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 1966 года
САРАТОВ

11-12 (495)

2021

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Алексей Порвин. «В тени согнулся и сидит плетельщик...» и др. стихи.....	3
Татьяна Риздвенко. Ротонда-трип. История одного проекта.....	9
Лариса Йоонас. «В каком-нибудь городе Фридрихсхафене...» и др. стихи.....	132
Денис Сорокотягин. Архивные папки. Бродячее гетто. Рассказы.....	137
Владимир Морозов. Легкие голоса. Стихи.....	141
Настя Запоева. На углу Толстого и Восстания. Стихи.....	149
Софья Суркова. Опись плесени. Рассказ.....	153
Данила Ноздряков. Голубой протуберанец (...и в бутоне будет бунт). Стихи.....	158
Тамерлан Гаджиев. Футбольный матч. Рассказ.....	165
Сергей Золотарев. «проходил недавно Райским садом...» и др. стихи.....	168
Владимир Гуга. «На ободах» и др. рассказы.....	171

ИЗ ПЕРВЫХ РУК

Евгений Стрелков. Контуры. Вступление Кирилла Кобрин и Петра Казарновского.....	179
---	-----

ЖИЗНЬ ХУДОЖНИКОВ

Вячеслав Лопатин. Узреть (Фрагмент).....	191
---	-----

ПРОСТРАНСТВО ТЕКСТА

Борис Констриктор. Трансфуристам. «Преамбула вослед» Петра Казарновского.....	232
--	-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Андрей Пермяков. Искусство благой жизни в переменившемся мире О кн.: Сергей Трунёв. Письма пограничника.....	235
--	-----

Борис Кутенков. Поэзия как практический результат О кн.: Владимир Козлов. ЗАЧЕМ ПОЭЗИЯ. Избранные материалы к арт-поэтри-проекту #Воскреснымедитации.....	239
--	-----

Мария Мельникова. Трилобитный початок соборного тела О кн.: Гоша Буренин. луна луна и ещё немного.....	242
--	-----

Александр Ливенцов. Детальная недосказанность О кн.: Юлия Лукшина. Сухое плавание.....	244
--	-----

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРОВ ЗА 2021 ГОД.....	247
-------------------------------------	-----

Алексей ПОРВИН

В тени согнулся и сидит плетельщик
корзин: чем вместить полумрак?
Несомненные прутья – те ещё
добровольцы: верят кой-как.

Есть пара старых истин: здесь одной же
не хватит, чтоб выдать приплод
временной маловажной ноши:
кто лозу к сомнению приплёл?

Есть пара истин: верящий податлив,
он хлѣсткую участь избыл;
у костра сокровенных далей
говорит растравленный пыл –

«Молчаньем и словами наготове,
проверенным смыслом своим
вынимая огонь из крови,
человек становится *дым*».

Птицы внутри любви уплотняют
пространство, крылом взбивая весь
видимый мир: поспеши устареть,
об ушедших дымящая кухня.

Залепляется копотью тишина:
в спортивной цели зреют ли бреши,
как плоды ожидания земного
(табуну довольно тени).

Алексей Порвин родился в 1982 году в Ленинграде. Публикации в журналах «Нева», «Дружба народов», «Воздух», «Новая Юность», «Носорог», «Урал», «НЛО» и др. Автор пяти стихотворных книг. Лауреат премии «Дебют» в номинации «Поэзия» (2012), входил в шорт-лист премии Андрея Белого в номинации «Поэзия» (2011, 2014). В «Волге» публикуется с 2008 года. Живет в Санкт-Петербурге.

Звуки лесным густеют надбóем,
створожиться в музыку хотят,
сердце зачем ускорять – всё равно
световые частоты доступны.

Эстафетные мóлодцы не гнали́сь
за светлым ритмом певчих мельканий,
по прокисшему шелесту бежали
пульсовой потехи ради.

Берег – справа, берег – слева,
но правый не расскажет нам,
зачем сквозь листья просочилось время,
молчанье светом пятня.

Всё внушает голос древа –
как шелест, правду затаить:
упасть под сердце, в чистоту дневную
кого зовет полынья.

Грачик мельтешит по ветви,
её начало и конец
желая уместить в один-единый
прикосновения миг.

Нарастал пейзаж ответный
на зрении, как первый лёд;
лучи не перейдут, их лёгкость тщетна,
себя, заря, вразуми.

Листья перистые, словно
небо – у них есть право всё смахнуть,
что тяготит, но подгрызен корень
и земной отыскан брод.

Взросление, пропуск, вечерняя смена:
ряд, продолженный второпях,
призывает с каждым огнём родниться,
горящим в печи.

Волнам коренным подвластны
камни: небесный берег раскусив,
лучи остреют, свой цвет молочный
насаждая трудодням.

Кирпичное устье фабричного дыма
можно птицами перейти,
если каждый шаг есть полёт над взмахом
кленовой листвы.

Едва живых из-под развалин
извлечь, не смотреть на вспорхнувший
гербовый оттиск, утомлённый долгой
загрудинной тюрьмой.

За полусвет объёмный
взимается остаток смысла;
спадая прямо в пламя,
листва шуршит родному языку *не смей*.

Скрежещет ложкой долгий голод
в ночи, преломлённой молчаньем,
лезвия входят в полусумрак хлебный,
тишину потроша.

Звезду хватает с неба,
лежащего в солдатском супе
так плоско и округло,
что поминается монетная душа.

Смешаться с толпой солдатской,
проходя в направлении зыбком –
и вынырнуть из плотной гари,
вставшей на страже тишины.

Собрать сервиз фамильный
довоенный – сложно, как верить:
назначение предмета
кажется сохраняемым до поры.

Вода, омывая тело,
уносила касанья всё дальше,
фарфор не выдержит нажимных
звуков, скользящих по словам.

Садовый душ в пристройке
озарён осколочным светом,

мыло в блюдце тяжелеет
памятью о помывочной суете.

Отрезкам больше не темно, они тишиной
смотрят на всё с растущим азартом;
облако грохочет за спиной –
в камне воспрянет атом.

Платили дань тобой, словесный чистый лён,
земля брала и эти нити:
знать бы, что клубковый продлён
рассказ, не слышный правде/обиде.

На убегание прохожих в синеву –
своими циферками взглянут
камни, зарываясь в листву,
покрывшую льяную поляну.

На убегание, на противление дням
сделана ставка зрячести лишней,
выигрыш поделят пополам –
время и голос ливня.

Флейтовой ловлей пресыщен выдох:
сколько можно тишине
поддаваться, не надеясь
услышать сквозь шелест имена всего?

Зола привычных названий
что угодно отмоеет, когда
угодили в музыку вóлны
тканной любви к тебе, силуэт.

Некто сличает свой взгляд и небо,
сходство вычерпав из книг,
личные свои минуты
в застиранное усердие одеv.

В реке полощется юбка,
пылевые разводы парят
в глубине неясной приманкой;
рыбы переселились в слова.

Прямо в мякотный свет
до ночи гудит давящая:
звук прощупать нутро станочным
кажется, получилось.

Расправленные средостения у растений
жаждой полны – нет же, ничем,
словно молчанье рыбье,
созревшее прежде свободы.

Гулом спугнутый слух
прибьётся к заветным стенам,
спящее пламя в плоды налито,
стиснуто оболочкой.

Потрескивают виноградины, отдавая
солнечный сок – нет же, трещат,
словно костёр сигнальный,
зовущий рыбацкие лодки.

О рычагах, поднявших суть земную,
гремят раскаты, назначают свет
желанным движением сердца
для людей, поющих вдаль.

Ближнее время – отлогое,
а дальше в гору идут
знание, жест, тишина победы:
усилию легко.

Срывают подорожник на погоны
(кто ищет заживления плеча),
лучи ударяют о землю,
вознося отрадный марш.

Полости светятся памятью
о людях, вышедших в гром,
почва обтянута водной плёнкой,
пуста, как барабан.

Вытолкнуть медленный укус –
лишь сердечное усилие
потребно (скажет: «в глубины влекусь,
где молчаньем просвет возгласили»?)

Выше – всё та же песнь,
впивается красота кислорода
в дыхание, как внутривенный слепень:
биение, поработай.

Будет тебе, пресветлый день,
твой подарок – не обнова;
мальки сидят в затонувшей ладье,
словно гильзы, лишённые слова.

С грохотом рвётся нить,
свинцовые рассыпаются бусы
под птичьим языком, каким говорить:
охотники ошибутся.

Посыпались из школьного рюкзака
жестяные тарелки, сверкнув
схожестью с гигантской чешуёй
поверженного зверя.

Началась экскурсия в поля
с привокзального звона: верно,
утварь прорвалась в заплечной толчее
(видели что покрепче материй?)

История, свернувшая в тишину
упирается в облако, ждёт:
воля общая сложилась в свет,
переходящий в слово.

Площадь, выпавшая из мешка
вечевого (о каждой нити
следует молчать отдельно), ты пуста
гулкостью, означающей время.

Татьяна РИЗДВЕНКО

РОТОНДА-ТРИП
история одного проекта

*Всем ушедшим и здравствующим
исследователям жизни и творчества Н.А. Львова
посвящается*

*Хочется надеяться, что его история все же будет написана,
пусть не мной, кем-либо другим, но с большим вдохновением и под-
линным увлечением, с раскрытием всего художественного и своео-
бразного богатства его архитектурного дарования.*

Михаил Ильин. Пути и поиски историка искусства

На литературный конкурс брали два рассказа от одного автора. У меня было три рассказа. Три штуки, прекрасные, на мой взгляд.

Два объединялись в цикл, шли парой. Третий был сам по себе, на другие не похожий. С признаками исторического детектива, с элементами байопика. С выходом в метафизику... С участием в качестве одного из персонажей любимого героя эпохи Просвещения. Все это на почти на сорока тысячах знаков! Рассказ еле влез в конкурсные рамки...

Он мне и сейчас нравится.

А принимали – два.

Я и послала два. От своего имени, со своего адреса. Два первых, как маленький цикл.

А с третьим я не знала, как поступить. Очень хотелось послать его на конкурс. Но там строгие правила для участников, нужно ставить галочку «с правилами конкурса согласен».

И я смухлевала. Сколько можно быть хорошей девочкой...

Чтоб представить на конкурс третий рассказ, я придумала для него авторшу, Евгению Рождествину. Писательницу из Балашихи.

Татьяна Риздвенко окончила худграф Московского педагогического университета. Была художником по росписи фарфора, преподавателем живописи, журналистом, копирайтером, руководила литературной студией для подростков в Доме Щепкина. В настоящее время работает в сфере рекламы. Живёт в Москве. Стихи, рассказы, рецензии печатались в журналах «Знамя», «Октябрь», «Дружба народов», «Арион», вестнике современного искусства «Цирк "Олимп"», поэтических антологиях. Автор трёх поэтических сборников. Предыдущая публикация в «Волге» – роман «Пан» (2020, № 1-2).

Фамилия Рождествина практически моя собственная, переведенная с украинского. У нас была родня с такой фамилией в (на) Украине, но все поумирали, не оставив веточек.

Евгения – хорошее двусмысленное имя, бесполое и насквозь литературное.

Этой Рождствиной Евгении я придумала краткую биографию. Девушка закончила химико-технологический, пишет прозу. Не печатается, пока.

...Хоть это и был(-а) чистейшей воды фантом, я почему-то очень хорошо представляла эту Евгению внешне. Худая брюнетка с гладкой оливковой кожей. Много родинок, как на куличе. Зеленые глаза, нос немного уточкой. Симпатичная. Волосы прямые средней длины, она их закладывает за уши. Высокая, ноги длинные, чрезвычайно удачные ноги. Немного широковат таз, но рост скрадывает этот условный недостаток. Высокая, по школьной привычке немного сутулится.

Балашиха в качестве места обитания сочиненной мной авторши взята была не случайно. Этого города много, даже слишком, в моей жизни. Мы часто проезжаем сквозь долгую, утыканную светофорами Балашиху, отправляясь на восток. Гусь-Хрустальный, Гороховец, Нижний, Казань, город-шапито Йошкар-Ола, все это через Балашиху.

В Балашихе, в Горенках, я провела последний безмятежный день своей прошлой жизни...

Дача у нас тоже в той стороне.

С этим подмосковным городом связана одна мерзкая история, расскажу как-нибудь потом.

Когда я говорю Балашиха, добавляю вслух или про себя – «Ерунда́шиха», в рифму. На автомате, условный рефлекс...

Хотя вообще-то она Балаши́ха, рифма Ершиха (рыболовецкая база в Ивановской области, тоже по этой дороге).

Короче, я поселила Евгению Рождествину в Балашихе.

...На месте жюри, в которое входили сплошь сановитые литературные люди, я бы немедленно догадалась, что Евгения Рождествина – мистификация.

Но догадываться не входило в задачи уважаемого жюри.

Прочитать бы туеву прорву рассказов, присланную на довольно-таки престижный конкурс. Только в лонг-листе было около ста человек!

И этот как бы мой, но как бы уже и не мой рассказ в результате вошел в лонг-лист.

А два других пролетели...

Интересно, что было бы, если б несуществующая Евгения из Балашихи вдруг победила? (Никому не интересно, но можно в это поиграть.)

Кто получал бы нехилое «денежное содержание», кабы до этого дошло?

Кто полетел бы в другую страну на вручение?

А пришлось бы, в случае попадания текста в шорт-лист...

Но мне как-то слабо верилось в такую прям огромную удачу моего рассказа. Конкурс-то престижный. Там и в лонг-листе полно было известных имен... Когда его объявили, все в фейсбуке гордились вхождением в лонг, а я хмуро молчала.

Я даже похвастаться не могла своим скромным успехом.

В шорт-лист Евгения не попала, и ладно.

Проехали.

Прошло три месяца. Четверть года. В общем, ерунда. У забеременевшей женщины через три месяца даже не заметно еще живота... Но за мои три месяца удивительно много чего случилось, все ускорилося, взорвалось, понеслось. Это грустное, тяжелое время пришлось на самый яркий, праздничный период года. Наша частная трагедия, мука разворачивалась на фоне салютов, шуршания подарочных оберток, шипения шампанского, гор оливье. За каких-то девяносто дней я потеряла дорогого человека, совершенно разучилась спать, потом снова научилась, выработала себе шагреньевую кожу, обнаружила, что пережить можно все, или почти все.

Сколько-то времени спустя захотелось получить от ужасного периода хоть что-то. Чтоб восстановить силы, взять реванш. Что-нибудь хорошее. Задним числом, как налоговые вычеты...

Например, выволить свой рассказ, невольно присвоенный этой придуманной Евгенией из Балашихи.

Рассказ назовем для удобства «Ротонда».

(Ага, скривились? Повяло мхом и плесенью?)

Я решила опубликовать «Ротонду». Что ей лежать без дела...

Никто, кроме жюри далекого литературного конкурса, не знал, что у рассказа другая автор, и вообще, всем по большому счету было по барабану.

Я предложила свой (мой) рассказ дружественному журналу. С редактором которого мы были в давних хороших отношениях и на «ты».

Как-то мне не хотелось сейчас долгих вымораживающих пауз, заканчивающихся суетливой радостью в случае удачи, раздражением и обидой в случае обратном.

Редактор отказывал и мне, бывало такое, но аргументы этого Семена меня убеждали. И, в результате, давали пищу для размышлений, и основание для перемен.

...Кстати, он мне нравился, этот редактор журнала, как мужчина. Моя к нему симпатия странным образом питала и совершенно не портила нашу дружбу. Не усложняла простых и естественных отношений.

...Хорошее топливо – интерес женщины к мужчине. С его помощью можно развести костер, запалить пожар, зажарить шашлыки, много чего устроить. Я же обошлась с ресурсом мудро и рачительно, лелея особое отношение на задворках сердечной мышцы. Крошечная лирическая грустинка недовольности только украшала конструкцию.

Но я отвлеклась.

Перечитав рассказ, я убедилась, что он нравится мне по-прежнему. Более того, он вполне мог выстрелить.

(Хотелось именно выстрела, а не просто публикации).

Семен ответил примерно через неделю. «Я перезвоню? У тебя по-прежнему...?»
Да, телефон у меня не изменился. Много чего изменилось, а телефон остался тот же.

Телефонный звонок – тяжеловесная экзотика по нынешним временам, настолько легко все решается в ватсап или в мессенджере. Позвонить – как раньше явиться с визитом.

Но когда соскучился и хочешь услышать голос, просто отлично... Лучше этого только личная встреча, но мы живем на разных концах циклопического города.

– Привет, – сказал Семен, и все прекрасные изъяны, рыки, рокоты и водовороты его голоса, как всегда, угодили мне прямо в сердце. – Тут такое дело... Короче, мы уже поставили «Ротонду» в седьмой номер.

– О, ну вообще супер, – обрадовалась я скорой победе, – Сема, друг!

– Да погоди ты, не части! – взъярился, рассердился вдруг главный редактор, и его своеобразный голос немедленно дал льва. – Мне этот рассказ еще в конце декабря прислали...

– К-кто?..

– Кто-кто. Автор. Евгений Рождествин. Самотеком. Из... сейчас скажу тебе, – вот, Балашиха...

(Семен сказал правильно, «Балашиха», я говорю – «Балáшиха», проверочное слово «Ерундашиха».)

– Евгений?

– Да. Рождествин. Я еще удивился, довольно приличный рассказец, здорово сделан. А автор, получается, дебютант...

– Сема, Сема, постой. А что рассказ написан от лица девочки – ничего? Тебя не смутило?

– Абсолютно. Такое бывает, сплошь и рядом. Прием не нов. Женщины пишут от лица мужчин, и наоборот... Рубина постоянно этим занимается. ...Рассказец, главное, хороший. Я подумал, где ты раньше был, Евгений из Балашихи... А по возрасту не мальчик, типа нас с тобой.

У меня внезапно и резко заболела голова. Разбежались мысли, за ними слова. Я молчала. Абсолютно нечего было сказать...

– Я так и не понял, – сказала трубка суховато. Семен ждал объяснений. От меня!!! – Это вообще что? Какая-то шутка? Проект? Ми-ми-ми-мистификация. Или что-то вроде «Египетских ночей»? Когда все пишут на одну и ту же тему, на скорость...

Доместифицировалась.

– Сем, дай мне, пожалуйста, его координаты? Мейл, или телефон? Это же не государственная тайна? Продиктуешь? Или лучше сбрось мне в ватсап...

В фейбук не оказалось никакого Евгения Рождествина.

1) Что для писателя нехарактерно, они все здесь торчат.

2) Что странно для довольно простого, не экзотического сочетания имени-фамилии...

...Главное, с-ка, это мой личный опыт, накручивала я себя.

Вот что обидно.

Не просто же рассказ. Целый, блин, интеллектуальный детектив... Сорок тысяч знаков! Не на сдачу...

Мое, можно сказать, историко-архивное изыскание. Расследование.

Хорошо, не мое, наше. Общее.

Мы по крупницам материал собирали. По старым желтеньким книжечкам серии «Искусство», из папиной библиотеки.

Информацию добывали, рыскали в сети.

Экспедицию организовывали, и не одну.

Неделю окормлялись в Никольском.

Деньги тратили.

Но додумала и записала – я!

А какой-то призрак из Балашихи, сменив пол, рассылает его по журналам...

Елена Александровна долго отпирала тяжелый замок. Митя держал над ней зонт.

Погода была самая элегическая. Вода стояла в воздухе тончайшим меццо-тинто.

Ноябрь-преноябрь.

Ноябрьские праздники. Оксюморон.

Мы вошли в помещение летнего храма Воскресения. Было очень тихо, будто в каждое ухо су-нули по пучку ваты. Никакие беруши не дают такой выразительной туманной тишины, звукового сфумато.

Шаги отредактировало, преувеличило эхо.

В центре помещения на каменном полу стояло и грубо сверкало большое цинковое корыто. При ближайшем рассмотрении оказавшееся купелью...

Нормально? Входишь в ротонду райской красоты, один из лучших образцов русского палладия. Белую, стройную, непостижимую в этой глуши, практически в лесу.

А посередине – корыто. Нечто, выглядящее как корыто.

Из пробоины в куполе капает, с эхом.

Купель&капель под куполом...

Вода уже подбиралась к бортам. Библиотекарша пришла бы сюда так и так, и без нас. Судя по всему, это было входито в ее обязанности.

Елена Александровна привычно, ухватистым крестьянским движением взялась за ручки.

– Разрешите? – Митя галантно оттеснил библиотекаршу. Поднял купель, понес к выходу.

– За день, если дождь, раза три-четыре приходится выносить. Иногда и чаще, – глядя ему в спину, доложила Елена Александровна. – Мы пишем, пишем в центр бумаги... Тут даже не реставрация нужна, – просто закрыть прореху. Но требуются деньги на материалы, и все-таки специ-алист. Нельзя же просто заколотить доской, забить фанерой...

Мы задрали головы. Под куполом обитал таинственный разреженный свет, жили и смотрели на нас затуманенными глазами каменные розетки.

– Купол двойной, обратили внимание? Он использовал этот прием во многих своих постройках. Смотрите, как падает свет. Чувствуете?

Мы разбредлись, наставив вверх глаза и телефоны.

– А вон там, посмотрите. В прореху видно потайной ход. На купол можно было подняться по лестнице. Не потайной, а скорей, технологический, – гордилась ротондой Елена Александровна.

– Состояние неплохое в целом, – сказал Марк авторитетно. – Не разруха, а назовем это так, консервация. Довольно корректная. Росписи не сохранились, но это и не реально...

– Росписи, скорее всего, были сделаны Боровиковским. Собственно, именно Львов его и открыл, Володьку-богомаза, поручика в отставке, – во время таврического вояжа Екатерины, Львов был в свите. Привез его в Санкт-Петербург. Боровиковский долгое время жил у Николая Александровича дома, в его казенной квартире в Почтовом управлении. *«...Малейшее отличие в какой-либо способности привязывало г-на Львова к человеку, и заставляло любить его, служить ему и давать все способы к усовершенствованию его искусства»*, – продекламировала библиотекарьша с чувством. – У Львова было чутье на чужие таланты. Что совершенно особым образом его характеризует.

От росписей почти ничего не осталось, так, цветные туманности на штукатурке. Я засмотрелась под купол. Оттуда методично и кинематографично срывались тяжелые капли.

– Пойдемте, покажу нижний храм, – сказала Елена Александровна, – а потом, не обессудьте, я вас оставляю. Пойду к своим бумажкам. Горы писанины каждый день! Они просто издеваются над нами... И чем дальше, тем хуже. А вы осмотрите пока главный дом и другие строения. Валеру я предупредила.

Прощаясь, мы жадно изласкали, облизали взглядами пространство Ротонды.

Легендарная...

Поэзия, загадка, гармония.

Цинковое корыто купели, где уже стояла на дне новая вода, добавляло Ротонде странно жилой, обитаемый вид...

Ася, пятясь к выходу, снимала видео.

Галка фотографировала, взмахивая рукой со смартфоном. Как крылом. Странная манера съемки, но я заранее знала, что ее фото будут самые лучшие. Умеет, видит, схватывает.

Ротонду заперли.

Что, при полнейшем безлюдье, казалось лишним.

После той поездки мы решили, что он наш. Не решили, почувствовали.

Что мы за него в ответе, типа того.

Хотя, понимаю, это смешно. У него и без нас армия поклонников, неистовых.

Но, с другой стороны, как – армия? В том-то и дело, что не армия... Армия – нечто структурированное, до известной степени упорядоченное. А тут: одиночки, выскочки. Отчаянные ученые. Блогер. Экскурсоводша. Искусствовед. Немолодая музейщица...

Все – точно... Ну, пара пересекающихся групп в ФВ. Какие-нибудь восторженные «львовцы».

Внезапно по «Культуре» документальный фильм про него покажут. То на «Эхе», слышишь, рассказывают вдруг вечером, страстно так.

Все, чувствуется, влюблены, авторы материалов. Голоса дрожат, горят румянцы. Интершумы: ветер, голуби на колокольне Борисоглебского монастыря.

Что и понятно. Гений вкуса. Любимец муз. Эстет. Красавец...

А ведь мужчина эпохи Просвещения не то же самое, что наш в меру подкачанный современник в ловких трусиках из Uniqlo.

Не будем ходить вокруг да около, возьмем раздевание.

Хорошо, что во второй половине VIII века уже вышли из обихода парики.

А то представим себе.

Парик из чужих волос. Во-первых, тяжесть, лишний вес. Голова под ними вспотела, чешется. Уши жадно дышат. Пар над волосами. Вообще, парики портят волосы... Сначала надеваешь, потому что надо, положено, после маскируешь редкие волосы и раннюю плешь...

К счастью, отменили.

Так.

Долой шлафрок (герой в домашнем). Под ним – атласная жилетка.

Ничего, обойдемся без камердинера... Благо нет застежек на спине, все под рукой, в зоне досягаемости. Мужчине камердинер нужен больше, чтоб подавать одежду, соблюдая очередность. Чистить, развешивать, ухаживать.

...Снять бархатные панталоны, кюлоты. Тесные петли, крошечные пуговицы, обтянутые сукном.

Под ними белые чулки.

Неудобные туфли. Но эффектные, ничего не скажешь. Но будто не на ту ногу.

Рубашка, тонкое сукно, батист. Сложная манишка, тонкое кружево.

Под ней еще одна, нижняя...

Такое не сорвешь, не скинешь...

Вот наконец герой обнажен. Полностью лишен одежд.

Наг. Гол.

Белое тело. Сложен прекрасно. Худощавый. Гармонично, естественно развитая мускулатура. Плечи хорошей ширины, что под одеждой совершенно не считывается.

Ни живота, ни избыточных ляжек. И безо всех этих глупых «кубиков».

Детство в деревне, резвый мальчик. Хорошая наследственность.

Выше – прекрасное, умное лицо, красивое, открытое, живое. Сразу видно: не сноб, не светский зазнайка.

Без гадких усмешечек... До них ли, до всей этой ерунды, суматохи? Полно идей, проектов, увлечений. Планов.

А жизнь одна!

И любовь одна.

Одно с другим крепко взаимосвязано.

Любит свою Марию Алексеевну, и никто другой не нужен.

*...А для нас, мой друг, с тобою
Будет целый век весна.*

Век это он, конечно, загнул. Прожил чуть больше пятидесяти, она пережила его ненамного... Умер в декабре.

Известно, что скончался в Москве. Похоронен в своем имении. Как раз в ней, в Ротонде, церкви Воскресения, – в некрополе.

Которая с купелью.

Для себя, своей семьи и строил. Родовая усыпальница.

Долго болел. Умер, Господи, в пятьдесят...

Но вот почему умер в Москве? Больной, причем болел долго... В трехстах километрах от усадьбы, – а не здесь, в Никольском?

Это очень странно.

Написал Семен.

Дочитал «Ротонду».

Будешь смеяться, версия Рождествина заканчивается по-другому.

Вообще!

Даже не знаю, какая мне больше нравится)

Если соединить ваши варианты, выйдет двойной финал... Могло бы получиться интересно.

В любом случае, рассказ поставили в июльский номер. Уже анонс дали.

А ты присылай ч-н новенькое. Жду и предвкушаю.

Привет семье.

ЗЫ.

Вы там разобрались? Ты его идентифицировала?

С.

Евгений,

добрый день.

Ваш адрес любезно дал мне подсказал предоставил Семен Осадчий.

Я не знаю, в курсе ли Вы, сказал ли Вам Семен...

Дело в том, что рассказ «Ротонда»...

Мы с Вами написали совершенно идентичные тексты...

Хотела спросить.

Правильно я понимаю, что вы специалист по творчеству и наследию архитектора Н.А. Львова?

Если это так или вроде того, можем мы пообщаться?

Лучше оффлайн.

С уважением и надеждой на знакомство,

.....

Пользуясь отсутствием у Львова всероссийской и мировой славы и, как бы, статуса, каждый умник желал его усыновить. И стать единственным обладателем... продолжателем... хранителем.

Покровителем.

Каждый пытался его присвоить – чтобы открывать остальным.

Вообще, кумир умников, интеллектуалов. Индивидуалистов. Романтиков. Станных ребят типа черных копателей. С прибабахом фанатичных женщин. Страстных бородачей в очках.

Ребята покрепче создавали группы в соцсетях. Организовывали экскурсии.

Люди с музейным бэкграундом и доступом в фонды – издавали книжки, как правило за свой счет, иногда случались гранты.

Устраивали, даже, научные конференции...

Один из них помог организовать в усадьбе музей, и вообще очень много чего сделал. Именно он поддерживал связь с потомками.

Этот персонаж оказался занятный. Очень деятельный, активный.

Но, интересно, даже официальную группу он ведет под псевдонимом.

Что вносит некоторую путаницу и немного мешает процессу...

Мы тогда вернулись из усадьбы, приятно измученные тряской грунтовой, дождем, вкусной тяжестью улегшейся на нас информации, элегическими красотоми.

Слегка ошaleвшие.

Здорово было ворваться в нарядную хорошенькую гостиницу, расписную, как китайская шкатулочка. Очаровательную в своей избыточности.

Здесь имелся даже спа-центр! Даже с бассейном. Боулинг, в отдельном флигеле!

Здесь ресторан русской усадебной кухни славился изумительной едой и вдумчивым неторопливым обслуживанием.

Мы ввалились в номер. В протекторах моих ботинок застрял весь глинозем Тверской области. Я поскорей избавилась от обуви, чтоб не наследить на лавандовых коврах и опаловом ковролине.

Переодеваясь, засмотрелась на широченную кровать с красивым изголовьем, кипенно-белым постельным бельем, интимно выглядывающим из-под покрывала.

Не кровать, а нежная провокация.

Какое-то пирожное...

Моя сторона кровати узнавалась по густо заставленной тумбочке. Книга, две косметички, футляр для очков. Расческа, пара прихваченных внизу буклетов. Зарядка от мобильного, гигиеническая помада, пилка для ногтей.

Спазмалгон.

Вечером мы устроили традиционную вечеринку в гостиничном номере. Как всегда, в нашем. В любом пространстве мы умеем соорудить фуршет и даже сделать его элегантным.

Мужчинам разрешается явиться чуть позже. Девушки накрывают на стол. Мы делаем это вдвоем-втроем-вчетвером: флешмоб взаимопонимания, балет сестер во эстетике, парад предвкушений.

Вот и сейчас.

Готово: мы полюбовались сервировкой.

Диссонанс вносил частичка в томате. Как его вообще сюда занесло? Кто впустил сюда эту рыбу?

Плебейскую закуску на бумажной тарелочке мы задвинули подальше, на задворки стола, но, конечно, не убрали, чтоб не обижать автора идеи.

Тем более что частичка был уже открыт и оранжеевел истощно.

В центре экспозиции возлежали сыры нескольких видов, купленные на вампирской ферме, оттуда же хлеб с розмарином и красиво упакованная завитушка масла.

Овощи в ассортименте. Мясная нарезка.

Оливки, маслины, обязательно. Крошечные огурчики.

Пара очень хороших напитков и сколько-то напитков попроще.

Салфетки такие, салфетки сякие.

Неожиданно, сало.

Меня и то качало, когда мы провожали гостей. Митя, пять часов за рулем, рухнул на белоснежные одеяла, не раздеваясь.

Но у меня не забалуешь, я растрясла, отправила в душ.

Потом Митя долго, оступело щелкал пультом, дома у нас телевизора нет, и смотрел все подряд. Завис на «Жанне д'Арк» Бессона, и я тоже отрывалась периодически от книжки, косилась на ослепительную молодую Милу Йовович, особенно как ей устроили досмотр, дева или не дева.

Угомонились поздно. Я вырубилась, а Митя все ворочался, бедный, маялся, не мог уснуть. Бывает такая тяжелая, извращенная форма усталости.

В результате и у меня сон не схватился. Проснулась, протрезвела. И, опять же, жалко человека...

Белые породистые простыни, большая удобная кровать, вся эта комната-шкатулочка... Я решила прибегнуть к известному способу, помочь человеку. Отвлечь, успокоить, чисто по-товарищески, по-партнерски. Без телесного порыва. Лучше б поспала, чем все это, я тоже устала...

Но вышло просто отлично, не пожалела. И смена обстановки способствует... Раскошегарилась, и все сгодилось в топку, Йовович в задранный рубаше, белые девственные простыни, саккумулированная в поездке поэтическая энергия. Никольское-Черенчицы в штриховке дождя.

Невыносимая мужская красота хозяина усадьбы...

Какая-то, откуда ни возьмись, новизна.

Из пустяка, из «какого сора» два человека, знающие друг друга как облупленные, ухитряются иногда высечь такую вольтову дугу, что...

Тайна.

После этого уже конечно уснули как убитые.

...А еще же тишина, провинция, полные уши воска и бархата, мха, опавшей листвы.

L-project, рабочее название. (Я настояла, что рабочее, я такое не выношу, но варианта лучше не родилось.)

...между пятой и шестой, на окраине старинного городка, в нашем 233 номере.
(Это была как бы официальная часть банкета.)

С каждого по способности.

Художник всегда ведь как-нибудь выкрутится... Нарисует, слепит, изобразит.

– ...а ты у нас будешь отвечать за литературную часть!

Дружите с художниками.

По дороге заехали на эту ферму, черт дернул. Мало им запасов, багажник ломится от еды и выпивки, так еще и сыр подавай.

Шло к вечеру, а еще ехать.

Вот-вот собиралось стемнеть.

Свернули с трассы, едем, едем. Опять поворот, едем в Повелково. Покатались по городку, никаких признаков фермы.

И народу никого...

Ни спросить, ни узнать.

Но повезло, два мужика вдруг выбрали из переулка. Мы на них чуть не наехали, боясь упустить. Я вылезла, для более плотной коммуникации.

– Сырная ферма? Это вы не туда поехали. Разворачивайтесь и прямо едите, километров восемь.

Развернулись, поехали. Проехали насквозь городок, пригороды городка. Едем. Поля, лесок, какая-то пустошь. Автобазу брошенную проехали, за бетонным забором. Поселок. Пионерский лагерь справа, тоже брошенного вида. Снова лес. Еще поселок. Река, мост.

Чувствуем, слишком долго едем.

Тут, спасение, мужичок на велике.

Затормозили.

– Сырная ферма? Так вы проехали. Разворачивайтесь. Увидите справа. Нет, вывески, кажись, нет. Была, ураганом оторвало.

– Странно. Справа ничего не видели... Только автобазу.

– Так это оно и есть, – сказал мужичок и засмеялся.

«Автобаза» оказалась видимой с дороги частью большого, даже огромного хозяйства. Там и правда стояла пара автобусов и сколько-то единиц сельхозтехники брошенного, некондиционного вида.

Серый лабаз оказался при ближайшем рассмотрении новенькой гостиницей, бетон без отделки.

Хозяйственные постройки, навес, ангар.

Влево уходила дорожка, выложенная сосновыми спилами.

Мы вылезли, и нас обступили собачки. Это были самые интеллигентные, приветливые, дружелюбные собачки из всех, с кем мне когда-нибудь доводилось общаться. Странно встретить таких умниц в этой глуши.

Все собачки были светлого колера, желтоватые, бежевые, грязновато-белые. В сырных тонах. Если они и выпрашивали еду, то никак это не показывали.

Собачки стояли, деликатно крутили хвостами, хотели дружить и общаться.

Самая маленькая, видимо, их лидер, выразила готовность повести нас по сосновой дорожке вглубь территории.

Мы пошли за нашим проводником. Слева показались неожиданно стильные для такого захолустья сооружения, похожие на оранжереи. Аккуратными рядами стояли плодовые деревья. Показался парник, за ним еще один.

Справа открылось низкорослое сооружение с крыльцом.

«Дегустационный зал», было выжжено на досочке у двери.

Низе значилось «Магазин фермерских продуктов».

Собачка с удовлетворенным видом вертела хвостом.

Мы вошли в просторное темноватое помещение: удивительно низкие потолки, стены, обделанные искусственным камнем, аллюзия к винным погребам. Вдали виднелся вход в магазин. Справа – пустующий гардероб. На стене висело руно, мелковатое для такой поверхности. Два фонаря освещали мертвые кудряшки.

В магазине мы поздоровались с продавщицей, она виднелась из-за витрины по грудь, большую фермерскую грудь в передничке. На бейджике значилось «сырная фея Инна». Стены снова изображали винный погреб.

Под низкими потолками широко раскинулись витрины. Они были самым освещенным местом в помещении, таком неприветливо темном, что никто не удивился бы пронесшейся под потолком летучей мыши.

Интересную атмосферу они тут нагнетают...

Мы, наконец, приникли к витринам и сырам, цели нашего визита.

Цены на сыры были удивительны для такой глуши. Они сбивали московскую спесь. Мы уважительно подняли брови, присвистнули, вот тебе и автобаза. Едешь-едешь, ни вывески, ничего, и вполне себе столичный ценник.

Без стерильной супермаркетовской подачи сыры выглядели странно и волнующе. В помещении пахло молоком, яркий, откровенный запах. Рот стал наполняться слюной. Вид сыров и особенно их названия кружили голову. От написанного от руки «проволоне» меня качнуло. Имелась в продаже целиковая баранья нога. В соседней витрине грудились сладости. Объявление на стене обещало уникальную косметику на молочной сыворотке.

Мы набрали мягких сыров, проволоне, маскарпоне, хлеба, масла. С пятью пакетами и замет-но полегчавшими кошельками покинули магазин.

Да, принимали здесь только кэш.

Мы зашли поглазеть на дегустационный зал, огромный, как стадион под низкой крышей. Справа виднелся винный отсек, стены которого изображали бочки. Имелись здесь даже росписи по бетону. Античные сцены винопития на бесхитростных акриловых фресках.

Пустые столы тянулись до горизонта. За самым дальним столиком сидели женщины, нам ними возвышался сомелье, тоже женщина. Или сырный гид, сыровед? Все они бурно жестикулировали, было видно, что гости фермы уже причастились вином из здешних запасов. Громкий смех и выкрики разбивались о низкий потолок. Букет в вазе выдавал праздничный контекст, скорей всего, это был день рождения.

– Какой странный дизайн, – задумчиво выговорила Ася. – Будто старались сделать как можно более уютно.

- Замок Дракулы... Сплюснутый. Горизонтальный... (безжалостная Галка).
- Добивались экзотичности, всеми средствами. Что ж, у них получилось, – Марк, миролюбиво.
- А туалет тут где? – это подала голос я. Честно говоря, хотелось свалить поскорее. И приехать в городок затемно.

Туалет был как в Третьяковке, просторный, на двадцать или больше кабинок. Видимо, не всегда здесь так пустынно и стыло.

Отягощенные покупками, мы вышли. У дверей ждали сырные собачки. Ну как, понравилось? – было написано на их добрых лицах.

– Таня, где у нас бутерброды? – заволновался Митя. Собачки проводили нас до самой машины и вежливо стояли в сторонке, пока мы утрамбовывали в багажник пакеты с сырами.

Мы поделились с псами запасами колбасы и хлеба и поскорей убрались из загадочного места.

Больше всего меня занимало, что он однолюб.

Это невероятно, влюбиться в молодости и любить до конца своих дней...

Такое, знаю, бывает у лебедей, но у людей?

История их любви, тайного венчания – почти Юнона и Авось, только на русском глиноземе.

И со счастливым концом, относительно. Жили-были-любили и умерли в один день. Практически.

Мария Алексеевна пережила мужа на без малого четыре года. Что в масштабе вечности почти одновременно.

Ушла бы и раньше, вслед, но нужно было завершить отделку усыпальницы, освятить храм, перенести туда останки супруга. Это произошло 21 августа 1806 года. Меньше чем через год, в июне 1807 ее не стало.

И второе (что меня занимало).

Что Львов делал в Москве в декабре 1803?

В последний год и месяц своей жизни.

Почему не уехал, вернувшись из Крыма в конце лета, больной, угасающий, – в Никольское?

Нужно сказать, что о самых последних месяцах и днях Львова известно очень мало. Тогда как о южном его путешествии-командировке, бывшем летом того же года, сведений и свидетельств изрядно.

Львова, как человека и поэта, здорово характеризует то, что в последние дни жизни он написал не элегию, не посвящение друзьям, а – басню. Чего он не делал со смерти друга-баснописца Хемницера в 1784 году...

«Басня о Дураке и Луже», нормально?

Короче, умирать не собирался.

И вторая ночь удалась...

Определенно, мы были возбуждены. Не только в узкоприкладном смысле, – взбудоражены, распалены поисками, личностью, нас на них вдохновившей.

Жаль, неудобно спросить у Марка и Аси, как они скоротали эти две ночи, со второго на третье и с третьего на четвертое, в их 314 номере.

(Гостиница на праздники была забита битком. С друзьями мы жили не в соседних номерах и даже на разных этажах.)

Но как-то неудобно (спросить). Мы все такие большие, взрослые, мы охотно расскажем о себе смешное, нелепое, глупое, самое дурацкое, но только не про секс.

Только не трожьте музыку руками, типа того.

С утра стеной шел дождь, и мы поехали в Гатчину на такси. Небольшого просвета хватило, чтоб добежать от машины через площадь-плац до Большого дворца. Как только мы купили билеты, дождь перестал.

По лабиринтам дворца шли, вежливо ахая в новеньких, только что отреставрированных залах. Из окон дразнило-отвлекало эмалево-голубыми просветами небо, упившаяся вдрызг зелень парка.

Но как только вышли, снова стало накрапывать. Что делать – привычно вскинули зонтики, отсалютовали Павлу, неплохое скульптурное изображение которого виселось на гравийном плацу.

Когда свернули с шоссе к Приоратскому дворцу, небеса разверзлись, оттуда выпал весь июньский запас воды, а было всего только второе число.

Пришлось сойти с маршрута и шмыгнуть в кафе, тем более что дело шло к обеду.

На крытую террасу нам вынесли мобильную печурку, жаровенку. Следом живыми печками вышли два кота и принялись нас любить. В этом кафе, допустим, «Отдых рыбака», мы съели неплохой обед – с видом на Приоратский дворец сквозь толстый полиэтилен дождя. Не отказали себе в графинчике водки. Коты и пледы грели нам ноги. Контраст тепла и дождевой свежести усыплял, мы осоловели, глаза затянуло пленкой.

Однако июньский день долог, но не бесконечен.

Мы решительно отодвинули мягких, изумленных котов, стрельнули в небо зонтиками, неохотно выбрались под дождь.

Миниатюрный, будто ненастоящий, призрачный Приоратский дворец не отражался в бурлящем пузырящемся озере.

...Я думала о строительстве.

Приоратский дворец был возведен в рекордно короткие сроки. В силу специфики землестроительного дела работы велись только в летнее время. Строительство начато 15 июня 1789-го. К середине сентября здание уже вчерне готово. В середине марта следующего года дворец готов совсем, только «печи никуда не годятся». Сдача объекта государю запланирована на июль. В конце июня Приорат мебелируют.

...Я пыталась представить, как среди строителей-землебитцев, крепостных мужиков, благо-роженных знанием уникального ремесла, ходит сам Николай Александрович.

Автор важного проекта – заказ самого государя императора! – самолично руководил и наблюдал за ходом строительства. Прорабом был крепостной мастер Ефим Петров, командированный в Гатчину из Москвы. Под его началом трудились около сорока работников, учеников из первого набора Училища земляного битого строения.

...Вот архитектор на стройплощадке, меж мужиков, толкущих землю, сбивающих дощатые опалубки.

Без сюртука, в рубашке. Не до церемоний, да еще жара...

Интересно, как Львов называл работников? К тому же – собственных учеников...

Братцы? Мужички?

Меж тем управитель Гатчины Оболянинов, довольно-таки гниlostный персонаж, чинит Львову неприятности на этом этапе и последующих. Под строительство дворца выделен наихудший участок, болото болотом. Но Львов делает высокий мощный фундамент, продумывает систему гидроизоляции, благодаря чему строение стоит по сей день. Подлец же Оболянинов, строивший Львову козни открыто и тайно, оказавшийся ко всему прочему его новоторжским соседом, – после убийства Павла попадает в опалу, теряет силу и влияние.

И поделом!

*Хоть взят он из земли и в землю он пойдет,
Но в зданьях земляных он вечно проживет,*

– все цитируют эти слова, сказанные про Львова Державиным, процитирую и я. Точней не скажешь. Гавриил Романович, Ганюшка, верный друг, родственник по второй жене, Дарье Алексеевне Дьяковой. После смерти родителей Державины удочерят девочек Львовых...

Строить из земли, материала могил... Набивая ею опалубки, проливая известковой водичкой. Не домик, не землянку, – дворец!

Понимаете себестоимость собственно сырья? Не-дворцовую...

Пояс между этажами в Приорате сделан несколько иначе, чем вся постройка, не набивкой, а сложен из земляных кирпичей. Красивые, корабельного стиля потолки в Приорате сооружены дощато-кессонным способом. Легкая изящная башня выстроена из пудосткого камня, его добывали здесь же под Гатчиной.

Во всем играет гибкая живая мысль, творческая, техническая, технологическая. Путь экспериментатора, подход мыслителя.

Между тем лаконичная архитектура Приората, миниатюрного и как бы слегка игрушечного, была продиктована свойствами материала.

Землебитный метод требовал особых форм, простых и строгих.

«Земляное битое строение как для удобства в постройке, так и для прочности своей требует почти особого рода архитектуры, хотя простой, но в простоте своей довольно красивой и прочной; почему опасаясь, чтобы господа губернские архитекторы, хотя в прочем искусные люди, не имея опыта в сем роде постройки, не прожектировали бы чего-нибудь такого, которое из сего грубого материала и выполнить не можно, а тем самым не подвергнули бы неизвестного начала сомнительному концу и не подали бы худого мнения желающим распространить сие художество о такой постройке, которая, будучи с точностью совершена, целые века безвредно в целости пробывать определяется. Почему покорнейше прошу предполагаемых вами на будущее лето казенных построек прислать ко мне без потерянния времени проекты, хотя карандашом сделанные, дабы я мог оные, переправя, тотчас обратить к вашему превосходительству», – тщетно вызвал Львов к предводителям губерний, на территории которых случились архитектурные казусы.

Болею за дело!

Землебитное строительство вошло в краткосрочную моду. Иные помещики, посылавшие крепостных в Черенчицы и в Москву для обучения редкому ремеслу, отваживались на эксперименты у себя в усадьбах. Забывая, правда, о том, что это не только материал, метод, технология, но и архитектура особого рода. Большинство построек, разочаровывая энтузиастов, шло трещинами уже на стадии строительства, и разрушалось.

«Мужики Львова без толку толкут землю», – с готовностью остряли скептики.

Совсем иначе повел себя Приорат, на который мы сейчас любовались сквозь дождевой расфокус. А также двухэтажные землебитные дома на Тюфилевой даче, они преспокойно простояли до 30-х годов прошлого века, пока не были снесены. Сейчас на этом месте разросся модный, широко разрекламированный ЖК ЗИЛ, до того – автозавод имени Лихачева.

...От любви и жалости у меня заныло сердце.

В качестве компенсации за неудобства (дождь) нам подвернулась экскурсия. Подождали всего-то минут пять в небольшой компании таких же дождливых скитальцев. Экскурсия, посвященная Мальтийскому ордену и госпитальерам, оказалась к тому же еще бесплатной, нас это тронуло. Мы слушали внимательно, старательно рассматривали картины и витрины, особенно объемный макет Мальтийского госпиталя с крошечными игрушечными коечками, хотя после обеда, водки и котиков отчаянно клонило в сон. С интересом – как что-то сокровенное, небывалое, как сросшихся младенцев из кунсткамеры – осмотрели в тускло подсвеченном окошке фрагмент здания в разрезе.

Так вот ты какое, землебитное строительство! Легенда...

Земляные блоки-кирпичи, пролитые известковой водичкой, вышли прочней самого твердого камня.

«Все строение сделано из чистой земли без всякой примеси и без всякой другой связи, кроме полов и потолков, особым образом для того устроенных».

Автор проекта давал Приоратскому дворцу пятьдесят лет гарантии, а тот стоит уже вон сколько... Пережил войну. Приорат цепко держался за болотистую землю, из которой был сделан. В отличие от других гатчинских построек, практически не пострадал во время бомбежек. Или его хранило могущество Мальтийского ордена?

Дождь закончился, небо расцвело синевой, разбежалось белыми упитанными облаками. Июньская зелень по берегам, полный пруд небесной лазури и сказочный Приоратский дворец впечатались в память раскрашенным дагерротипом.

Не поворачиваясь спиной, не отводя глаз от картинки, мы вызвали такси и всего через сорок минут были у себя на Гороховой.

Татьяна, добрый день.

Семен предупредил, что вы со мной свяжетесь.

Я до конца марта не в Москве, потом можем планировать встречу.

Назвать себя специалистом было бы наглостью)) но некоторое отношение имею.

Вообще по образованию я геолог, работаю журналистом в профильном издании.

Наследием Львова интересуюсь давно. Копая (геолог))), нахожу кое-что.

Спишемся после 30.03?

*С уважением,
Е.Р.*

Тань, я все думаю, почему о нем забыли?
Почему все кануло, как не было? Идеи, начинания.
Будто ластиком стерто...

Ведь все здания, за редким исключением, пришлось заново атрибутировать!

Хотя если говорят о русском Леонардо, ясно, что о нем.

Почему так получилось?
Гений, умница, красавец, любимец муз.
Прекрасные друзья. Круг, кружок.
Любящ и любим.
Редкостно счастлив в семейной жизни. Дети, пять человек!
Удачлив, до поры.
Чувствуешь, да, куда клоню??

Зависть, не? Чья-то деятельная зависть. Он их бесил, отчаянно...
Как тебе такая гипотеза?
Или чушь собачья?

(Оля)

Спустились по широким замшевым ступеням: мох, листва. Вход в цокольный этаж прятался под лестницей. Здесь не капало, но было темно. Мы наставили на замок фонарики смартфонов, Елена Александровна ворочала ключом в замке. Чувствовалось, сюда она ходит значительно реже, чем наверх.

Вошли. Нижний храм святого Николая – именной – не казался низким, приземистым. Здесь было странно тепло, будто перед нашим приходом протопили, или это у меня глюк после дождя. Елена Александровна удержала нас у входа, указала на пол. На каменных плитах отчетливо выделялся световой крест, несмотря на скудость ноябрьского освещения. Благодаря продуманной системе разноуровневых и разноразмерных окон, объяснила библиотекарша.

Елена Александровна рассказала о судьбе усыпальницы, семейного некрополя (мы стояли сейчас ровно над ним). Разорили лихие люди. Деревенские отморозки, искали сокровища. Когда вскрыли склеп, нашли только позолоченный кортик и рыжую косу. У Марии Алексеевны ведь были прекрасные волосы..., – добавила хранительница по-родственному. И, удовлетворенно: – А негодяи эти в тюрьме отсидели...

Из Никольского, движимые инерцией и путешественнической жадностью – еще, еще! – поехали в соседнее Арпачево, владение львовского дядюшки.

Даже без скидок на дождик и ноябрь, дорога-грунтовка оказалась в очень даже божеском состоянии.

Искать не пришлось. Мы ее увидели сразу, издалека, чему способствовала нагота, осенняя неодетость пространства.

Храм стоял прямо у дороги, похожий в общих чертах на Борисоглебский собор в Торжке, а рядом...

– Ах... ре... неть..., – выдохнул Марк с восхищением.

Мы словно попали, просочились на Байконур.

Да, она была похожа на маяк, колокольная-маяк, но гораздо больше на ракету. Страннейшая, какая-то совершенно футуристическая, колокольная винтом врезалась в низкое небо. Храм, церковь иконы Казанской Божьей матери, имел вид мирный и одновременно величавый, классический, с портиком и колоннами. При этом вместе с колокольной они выглядели сложенным ансамблем (что не новость для детищ Львова), непостижимым и странно торжественным в этом совершенно безлюдном на первый взгляд месте.

Жухлые поля, лес на горизонте, домики метрах в трехстах, дачки.

И – собор.

Наставив смартфоны и технику посерьезней, мы разбежались по полю, ловить высокую в кадр.

...Маяк в унылом ноябрьском поле. Что у автора было в голове, когда он сочинял свои архитектурные нарративы? Погреб-пирамида и все вот это... Начинял их образностью. Сочетал палладийскую строгость с мифологической избыточностью и этими своими загадочками...

(Жизнь, из него выплескивалась жизнь, идеи, фантазии. Начитанность, насмотренность, бесчисленные таланты. Не-стиснутость догмами, свобода гениального самоучки.

И, похоже, отменное чувство юмора...

Жадность жизни. Как знал, что мало проживет.

Спешил, торопился.)

Мы бродили, снимали. Щекотался, лип к экранам, постепенно усиливался дождик.

Наконец закрома наши наполнились впечатлениями, телефоны и камеры – фотографиями, мы насытились. По контрасту, стало хотеться есть, заныло в животах.

Маленькая команда, летучий отряд, мы уже загружались в наш автобусик, грезя о теплой хо-рошенькой гостинице, горячем душе, махровых полотенцах и первой порции коньяка.

Но тут на дороге соткался человек.

На абсолютно безлюдной. Просто прохожим он быть не мог. Человек шел к нам.

Кто застав, а кто и чертыхнувшись, мы сняли ногу с подножки, а задницы с сидений.

Тем более что человек имел вид не деревенский. Мужчина к семидесяти, с хорошим питерским лицом. Такие лица на дороге не валяются...

Разговорились дежурно:

– Откуда?

– Москва.

– Вы местный?

– С недавних пор, – и, неожиданно: – Заметили, что она падает?

Мы торопливо закивали, да-да, конечно. Об этом к тому же везде написано. Нелегко было отогнать видение тарелки борща...

– Где бы не стояли, вам будет казаться, что она кренится («кренится», он так и сказал, точное милое слово). Дело в том, что каждый ярус здания винтообразно смещен относительно соседнего на шестьдесят сантиметров. (Я правильно догадалась про винт!) Конечно, она не выглядит винтообразной, но определенную динамику это сооружению придает... Как вы знаете, Львов был в Пизе, где видел, разумеется «висящую колокольню» – тамошнюю башню, оставил рисунки... Достоверно описал свои ощущения от подъема по лестнице... Сейчас (он посмотрел прямо перед собой, будто разбирая слова на невидимом мониторе, произнес с превосходной подачей профессионального диктора или чтеца): *«Ужасное дело видеть сию громаду, почти на воздухе висящую. А войти наверх оной по очень покойной, однако, лестнице из нашей шайки никто, кроме меня, не выбрался; но и я не мог бы более минуты глядеть вниз с ее навесу»*.

Мы окружили его, как экскурсанта, как куры – птичницу с решетом ячменя.

– Вы – архитектор?

Он помотал головой.

– Актер?

– Да, был. Когда-то.

– Специалист по его творчеству?

– Ой, да какой там специалист! – он отмахнулся, хохотнул, будто услышал ужасающую глупость. – Но перебрался сюда из-за нее (кивок на колокольню). Восемь лет назад.

В последний день, конечно, поехали проведать Мост. Кто-то из нас уже его видел. Погода была такая, что морось и туман предыдущего дня мы вспоминали с нежностью. Четвертого ноября лило прямолинейно, жестоковейно. Ледяной дождь развесил полиэтиленовые полотна и скрывал от нас виды.

Скажите, это дали?

Быстро и монотонно чиркающие по лобовому стеклу дворники хотелось оторвать и выбросить, полчаса такого зрелища обеспечивали головную боль на весь оставшийся день.

В этом смысле идея съездить *посмотреть на Мост* была, конечно, не самой удачной.

Но мы не могли уехать, его не увидев. Самой логикой нашей экспедиции финальная точка должна быть поставлена на Мосту, хоть бы и в дождь.

На фотографиях валунный Мост был странно невелик. Скажу больше, невелик он оказался и по своим линейным размерам. По-хорошему, не Мост, а мост, даже мостик. Не очень высокий, не особо длинный. Мост через какую-то, в общем, переплюку, запруженную до состояния небольшого озера.

В народе он звался «Чертов мост», название типовое, пошленькое, но народ зря не болтает.

Налетали, как мухи, киношники. Эти люди первыми разведывают эффектные, магические места и загущают ими свои жиденькие картины.

Бекмамбетов снял Мост в «Ночном дозоре», и это еще не худший случай.

Но одно дело кино, иллюзии.

Другое дело – вот он перед тобой. Глянцевые от дождя валуны проложены замшей мха, даже под потоками воды кажущегося сухим и теплым. Опасно невысокие зубья-бортики, отвесная высота под сводами моста.

Короче, не через пропасть. Но при желании можно навернуться...

И тут вопрос: как такое небольшое сооружение может выглядеть настолько величавым? Мрачновато-загадочным, монументальным. Интригующим. Почти грандиозным.

Романтический флер даже упоминать не стоит...

Может, дело в валунах? Можно досочинить, что Мост сработан бригадой великанов... Хотя это были обычные русские мужики.

Или – в пропорциях?

Нужно будет расспросить Марка, он разбирается... Наверняка у архитекторов есть своих три блатных аккорда для придания сооружениям величавости и стати.

Мы облазили Мост, рассмотрели, сняли со всех ракурсов. Потрогали его глянцевые и плюшевые места. Спустились под каменное брюхо, здесь было сухо и почти уютно, и пряталась от дождя чета корпулентных туристов.

Остались фотографии: в пелене дождя валуны Моста, шестеро промокших путешественников под разноцветными зонтами, яркие блики на сияющих хмурых лицах.

Отметились, так сказать.

В июле вышла «Ротонда». Рассказ был опубликован с благодушным предисловием главного редактора, Семена. Что вообще-то в журнале практиковалось крааайне редко.

И косвенно указывало на как бы событие.

Семен представлял публике неизвестного автора, удивляясь, как с таким потенциалом проза-ику удалось так долго (это сколько же?) сохранять неизвестность.

Зрелый автор...

Собственный почерк...

Необычная оптика...

...У меня даже очки запотели от обиды! Ах ты, Сема, голос с рыком, провокатор хренов. Друг, называется...

Удар ниже пояса.

В конце изящного редакторского пассажа Семен написал:

«...Не из желания мистифицировать уважаемых читателей, но справедливости ради наметну, что у данной публикации не совсем обычная история. Возможно, “Ротонда” станет поводом для литературной вендетты, а может, и нет».

Уф.

Ладно, хоть так.

Очки прояснились, перестало стучать в висках.

Хрен с тобой, простила я Семена. Вендетта, куда загнул...

Совсем уже!

Похоже, мы все подцепили бациллу романтического бешенства.

Вот, например.

После Гатчины – в тот же самый вечер – мы чуть не сорвались со второго этажа.

Скорей, это была антресоль. Предприимчивый отельер, или как там они называются, определил сюда спальню.

Сам номер был вертикальный. Его реальная площадь на метры выходила смехотворной.

Нужно отдать должное, владелец отеля очень остроумно, с проницательным знанием целевой аудитории обыграл это в рекламном объявлении. Мы, во всяком случае, клюнули, как караси на опарыша.

Двухэтажный номер! С лестницей, ммм. Вертикальность номера срифмовали со шпилем Адмиралтейства. Гостиница была рядом, в начале Гороховой, так что в первую очередь мы польстились на локейшн.

Номер в гороховых тонах был мил, а его миниатюрность, даже крошечность ловко обращены в достоинство.

В душевой проем едва бы поместился гость крупней 50-го размера. Керамический фриз украшал узор из целующихся колибри, как тонко...

Романтик, кричало здесь все, точнее, пищало.

О, путешественник! Ты молод, строен, даже худ. Ты не обременен детьми. Или обременен, но сбавил их куда-нибудь на время, и правильно сделал.

Со своей тоненькой подружкой, хорошо, женой, ты нагулялся по Питеру. На свежем воздухе (морском, в разы свежей, чем в Москве). Ты нагулял аппетит и многожды удовлетворил его в разнообразных и недорогих столовых, кафе, ресторанчиках стиля фри-фло, которыми славится наш город. Не отказал себе в бокале-другом, что мы только приветствуем. Блуждая по нашему романтическому городу, ты нагулял и сексуальный голод. Здесь, в номере с видом (без, но как бы) на Адмиралтейство, да сбудутся твои мечты.

Скидывай одежду (аккуратно, не задень бра и картинку). Положи снятые покровы сюда, на стульчик, или смело вешай вон на ту бронзовую загогулину. И (приняв душ) марш наверх, в спальню на втором этаже, в гороховых тонах, напоминающих гобелены XVIII века.

У тебя закружилась голова.

Дык, еще бы.

Вино + пятиметровые потолки...

Единственное, наш худощавый гость, и ты, прелестная. Не вздумайте встать здесь в полный рост! Спальня на это не рассчитана. За сотрясение мозга и подобные увечья гостиница ответственности не несет. Альковный этаж нашего вертикальнейшего из отелей предназначен только для горизонтальных утех (хе-хе три раза).

Наслаждайтесь!

Наверху, не поверите, тоже были картинки, репродукции разнужданного Ватто.

И, короче, мы чуть не рухнули из этого горохового гнезда. Загородка, частокол кокетливых балясин, держалась на соплях. Хороший удар ногой, и она повисла над пропастью, а мы чудом не свалились.

Господи, никакого секса, намотались, устали... Просто валялись, смотрели кино. Ржали, ослабились, Митя лягнул ногой загородку.

Но все живы, особенно ноутбук, который слетел с Митиного живота, вместе с гримасничающим Тайкой Вайтити на экране.

Уф.

Обошлось.

...И мы даже не были пьяными. Так, немного. Ударили в голову Гатчина и особенно Приоратский Дворец.

Тема романтических падений будет неполной без еще двух случаев. Произошли они один за другим в то самое гатчинское утро, завершившееся сокрушением балясины.

День выдался богатый на падения... День падений, па-де-день.

Первое получило название «Грохнувшийся на Гороховой».

Второе «Как низко я пала».

В то утро, перед Гатчиной, мы отправились завтракать в булочную Вольчека на Гороховой: недорого, вкусно, уютно. Было около восьми.

Мы набрали гору пирожков, кишей и пирожных, утром можно. Митя заказал чай, а я кружечку капучино в молочной папaxe. Уселись на высокие стулья, взяли ложки, придвинули чашки, открыли рты, и тут – тыц-бдыц-бабах! – дремлющий за соседним столиком крупный мужчина грохнулся на пол.

С довольно-таки высокого табурета – прямо с ним – на пол в уютной керамической плитке.

Когда ты нацелился отъесть шапку у своего первого утреннего капучино, такое приключение будто бы не очень вовремя...

Все до единого немногочисленные посетители булочной, а также хорошенькие мальчик и девочка за стойкой устали на павшего. Грохнувшийся, высокий крупный мужчина, свернулся калачиком на квадратиках пола и мирно заснул. При этом под правым ухом у него растекалось красное, нам всем это не понравилось.

Митя отставил нетронутый чай, слез, подошел. Склонился, принялся. Потряс спящего за плечо, тот заворчал, загудел шмелем. Павший был пьян, жив, относительно здоров.

...Капучино остывал(о). Входящие в булочную утренние любители булочек столбенели при виде спящего на полу человека, разворачивались, уходили. Парочка веселых французов, наоборот, перебралась через пьяницу, как через ручей, и осталась дожидаться кофе и представления.

Парень-бариста одной рукой делал французам двойной эспрессо, другой вызывал скорую.

Мы вернулись за свой столик. Стараясь не смотреть на спящего и красную лужицу, принялись за еду. Капучино уже остыло, молочная папacha плохо сохраняла тепло.

Скорая прибыла совсем скоро. Спящему измерили пульс, давление, сахар, заглянули под веко. Показатели фельдшеров устроили, они с трудом подняли тяжелого, мягкого, мычащего – аккуратно, сударь, здесь ступенька – и увели.

Все, кто был в булочной, переглянулись. С облегчением вернулись к своим булочкам. Бариста протер керамику пола влажной тряпкой, он заблестел мирной терракотой. Остывшие булочки

нам завернули с собой. Пора было выдвигаться в Гатчину. Пижоны, москвичи, ленивцы, мы решили ехать на такси.

А что такого?

Случай номер два произошел в том крошечном промежутке, когда мы ждали яндекс-такси на углу Гороховой и канала Грибоедова и стояли на крутолобом мостике. На Гороховую откуда-то вывернули двое, в обнимку. Они были великолепны: красивые, элегантные и невообразимо пьяные. То, что мы считали утром, у них было продолжением вечера, исходом ночи. Парень – красавчик в отлично сидящем льняном костюме, какой-то кинофранцуз, правда, слишком высокий и длинноногий. Девушка, крепкая и тоже высокая – бог мой – в коралловом платье-футляре и на каблуках, я запомнила асимметричный высокий хвост русых волос. Они шли, комично вихляясь, подпирая и лоя друг друга. Когда парочка стала всходить на округлость моста, девушке приспичило позировать, и друг принялся снимать ее с пьяной готовностью (здоровенная камера свисала ниже пупа). Цепляясь за витой чугун ограды, его дама принимала красивые позы, но части тела не слушались, ее гнуло, мотало и завивало. Восхищенный фотограф в поиске кадров выбежал на мостовую. Лоя великолепную в объектив, встал на колени, а затем и улегся. Его изумленно, с каким-то даже уважением объезжали малочисленные субботние машины. Девушка оседала, как сделанная из мягкого пластилина. Мы испугались, что она свалится в канал, но красавица всех перехитрила, запуталась в собственных ногах и рухнула на мост, а с него скатилась на мостовую.

Бог мой, как они хохотали, раскинувшись на проезжей части и суча ногами! Какая дикая, невероятная свобода... Даже без скидок на опьянение. Я восхищалась и немного завидовала, тоже хохоча. Мы вторили им, ржали в полный голос, покатывались, хватаясь за живот. Яндекс-такси пришлось несколько раз сердито просигналить, прежде чем мы обратили на него внимание...

Договорились встретиться в «Гринвиче». Идея была Евгения, я согласилась. Для меня всегда мука выбирать место локации, из года в год предлагала всем «Сестер Гримм», хотя они закрылись лет пять назад, – по инерции, и Джелатерию на Старой площади, там вкусное мороженое и близко от метро.

Евгений предложил «Гринвич», отлично. Видимо, недалеко от его работы. Гастропаб плюс пивная.

Я внушала себе, что совершенно не важно, как я буду выглядеть, наплевать, однако постаралась выжать из имеющегося по максимуму. Особенно много усилий потребовалось, чтоб избразить небрежный шик.

Я шла на встречу с человеком, который писал как я, то же, что и я. При этом совершенно не знала, как он выглядит. Невероятно, сейчас все и каждый перед встречей полезут в соцсети, изучат юзерпик, получат как минимум внешнее впечатление.

По тщательно отобраннным удачным фото все про человека поймут, хотя бы попытаются.

Но Евгений Рождествен в соцсетях не обнаружился. Скорей всего, скрывается под каким-нибудь ником. Балашихинский стрелок, или что-нибудь в этом духе...

Я была почти уверена, что он окажется мужской версией придуманной мной Евгении. Высокий сутулый оливковый брюнет. То, что я увидела, скорей напоминало друга моей юности Болшева, краснолицего рыжеватого крепыша. Хорошо хоть без бороды, я уже устала от этих бород.

По осторожной оценке, моложе меня лет на пять.

- Евгений?
- Татьяна.
- Что пьете?
- Огуречный лимонад.
- А я возьму пива.

Мы уставились друг на дружку через черный квадрат стола.

Он смотрел с веселым любопытством, предоставляя мне право начать разговор. Поскольку именно я была инициатором встречи.

Черт! Этот Евгений был совершенно чужой мне посторонний человек. Вполне конкретный. Уже готовый. Неузнаваемый.

Но почему тогда?..

- Евгений. Вы живете в Балашихе?

г.о. Он удивился такому началу разговора. И даже слегка поперхнулся.
Я рада была сбить с него бутылочную, навывате, веселость.

– В Балашихе я родился, – непринужденно начал мой визави. Голос, кстати, довольно приятный, и симпатично не выговаривает л. – Там живут мои родители. Сам-то я давно перебрался внутрь кольца. А почему вы интересуетесь? Мы – земляки?

Я поводила головой в горизонтальной плоскости.

– ...Дело в том, что есть балашихинское землячество..., – продолжил Евгений. – Эти ребята, они как-то угадывают друг друга. Узнают. Земляк земляка чует издалека. Я – нет. Я как уехал в семнадцать, так и... Но Балашиху люблю (твердо, непреклонно). Все-таки детство, отрочество... Знаете, Балашиха не худшее место на земле. Неплохой город. Много красивых мест. Например, Пехра-Никольское. Горенки...

- Хороший парк, – сказала я, вздрогнув. Что он так завелся со своей Балашихой?

- В Горенках я учился ходить на беговых лыжах... – продолжил он мечтательно.

Лыжник. Ага!

– А на горных учились – на Лисьей горе? – спросила я резко и внезапно, как следователь из фильма.

Евгений отпил из своего высокого стакана.

– Я не-на-вижу горные лыжи! И связанную с ними атрибутику, эстетику, субкультуру и все это, – отчеканил он. – Боюсь высоты...

Ага. Ага.

– А я ненавижу Лисью гору.
Получи фашист гранату.

Евгений выкатил свои бутылочные глаза, и я рассказала ему историю про Лисью гору. Помните, в Балашихе с нами случилась мерзкая история?

Так вот она, ниже.

Совершенно не планировала рассказывать ее с соавтору «Ротонды», но дурацкое вдохновение вело меня.

Это случилось лет семь назад. Черт нас дернул поехать на Лисью гору. Но морозным февральским воскресеньем, после рабочей недели, душа просила праздника, а гора была заявлена как горнолыжный курорт. И находилась меньше чем в часе езды от нашего дома...

Курорт!

Горнолыжный!

Лыжи у нас были беговые, но посмотреть-то мы имеем право? К тому же у любой горы есть пологие окрестности, и на них беговые трассы.

Разве нет?

Почему-то нам изменила интуиция и завсегдашняя перестраховочная осторожность...

Навести справки, почитать отзывы и все такое...

Ведь заранее было известно, что Лисья гора – мусорный террикон, превращенный муниципалитетом в спортивно-развлекательное место и центр притяжения бла-бла-бла. Из говна сделали конфетку, буквально.

Лыжи в количестве, а также ватрушка для катания с горок, рюкзаки с бутербродами и термосами распирали машину.

Катание на Лисьей горе было фиговое, совершенно нам не понравилось, но мы ухитрились, бегая туда-сюда по жиденьким трассам, пробыть здесь до темноты. Гора зажгла свои мощные прожекторы плюс какую-то бравурную иллюминацию. Ларьки торговали кофе и пончиками. Подъемники продолжали поднимать горных лыжников на незначительную мусорную высоту. Оттуда даже вида толком никакого не было...

Но хорошенького понемножку. Плохонького тем более.

Пора было возвращаться. Домой, но сначала к термосу и бутербродам.

Машина, благодаря направленным в сторону Горы прожекторам, стояла мало того что в вечерней темноте, так еще и в густой тени.

Поэтому мы не сразу заметили черные, драные, в хрустящей крошке пробойны вместо заднего стекла. Рюкзаки с термосами, бутербродами и теплыми носками исчезли.

Стоило рисковать из-за такой ерунды?

И да, конечно, мы сами виноваты, не поставили машину на платную стоянку. Пожадничали, или просто не могли предположить на Лисьей горе охотников за термосами и сухими носками, ценою стекол нашей бедной Мицубиси...

Убитые, голодные, холодные, мы уселись в опоганенную, ледяную машину.

Дырку закрыли, как могли, большой синей ватрушкой. Вот она и пригодилась...

Опозоренные, ехали с мусорной горы. Медленно и печально, чтобы не выдуло февральским ветром из машины, и так до половины наполненной обидой и отвращением.

На починку понадобилось сколько-то дней и денег, плюс выручила страховка. Гаишникам мы сказали, что машину нам разбили недалеко от дома, вызвав их на мнимое место преступления, тогда еще так можно было.

Теперь, когда мы едем из Москвы по М7, я отворачиваюсь от мошеннической горы, мусорно-го псевдокурорта.

До сих пор тошно.

– М-дааа, – протянул Евгений. Наверное, он думал, что история окажется побогаче, подраматичней. Возможно, ждал не жиденького криминала, а густой мистики. – Лисью гору соорудили лет десять назад. А уехал я в середине девяностых. Но одноклассники, кажется, ценят это место... В прошлом году Верка Туманова, подруга детства, праздновала там день рождения. Мне понравилось.

Евгений немного расслабился. Настороженность ушла из зеленоватых глаз. Кстати о бутылках, он совершенно не был похож на выпивоху. Соавтор «Ротонды» откинулся на спинку стула, выставив незначительный живот в хорошей клетчатой рубаше. Отхлебнул лимонад.

– Так как случилось, Евгений, – решила я взять его тепленьким, – что мы с вами написали одинаковый... идентичный... один и тот же текст?!

Он ответил почти сразу, с крошечной заминкой, но я успела запомнить этот промежуток. За соседним столиком сидели две дамочки лет сорока, оживленные, симпатичные, было видно давних подруг. От подружек веяло теплом, радостью, мне захотелось пересест к ним от мутного Евгения, я уже немного от него устала. Ммм, и одеты хорошо, у меня на чужой стиль выставлены радары, а вот на свой не очень... Я скользнула взглядом под стол: рассмотреть обувь. Весьма! эстетическая радость! – я не ошиблась. Пьют светлое нефiltroванное... едят... гм, ясно, какие-то салатные листья, которые перманентно худеющие дамы заказывают, чтоб оттенить пиво чем-то полезным.

Соседки захохотали, и я поспешно отвела взгляд.

– Знаете, я много лет занимался... интересовался наследием Львова. Меня подсадила бывшая жена. Львов был ее страстью! Вообще, Женя все, абсолютно все делала со страстью, кроме... ну, вы поняли. – Он опять приложился к бокалу. – Да, вы правильно заметили, мы тезки. Учились – кстати о Балашихе – в одной школе. Только она моложе на три года... Еще моя мать – а уж как она мечтала меня женить, ей так было спокойнее, – сказала, что не ждет ничего хорошего от этого фонетического прикола. Женя женится на Жене.

Я повторила, прожужжала эту фразу, про себя.

– Познакомились в... разумеется, конечно – о, улыбайтесь, иронизируйте, не стесняйтесь! – в литературной студии. Женя была талантливая девочка (он сказал это очень нежно). Гораздо талантливей, чем я. Писала короткую прозу.

– Она взяла вашу фамилию?

– Взяла не то слово. Она ее схватила! Выхватила... Ее собственная была исключительно дурацкая... Лабунец. Хотя, Господи, это же так просто... Есть литературные псевдонимы. И вообще, чем страннее... страньше фамилия, тем лучше.

– Женя Рождествина?

– Женя Рождествина.

– Слушайте. Можете не отвечать, к делу это совершенно не относится. Или относится. Вы были счастливы?

– Да. Да! Где-то год. Полтора, если быть точным. Пока не родилась дочка. Думаю, это второе, для чего я ей понадобился. Ребенок. Фамилия и ребенок.

– Пойдите, – я допила остатки пива. – Неужели такая проблема для красивой женщины выйти замуж, сменить фамилию, родить ребенка? К тому же для талантливой...

Евгений покраснел, просто мгновенно стал багровым, я даже немного испугалась.

– Слушайте, Татьяна, – сказал он тонким голосом, – зачем вы говорите хуйню? Вот зачем? Мне стало ужасно, чудовищно стыдно.

– Простите, пожалуйста, – пролепетала я. – Вы правы. Занесло...

Он почти сразу стал нормального цвета.

Отходчивый.

Изумительная черта.

– Ладно. Проехали. Взять тебе еще пива? – Евгений помахал официанту.

Так мы перешли на ты.

– Вы... Ты был в Никольском-Черенчицах?

– Один раз. Плохо кончилось. Сломал ногу, возле Кузни. Спускался с Петровой горки, ну и. Помнишь это место?

– Конечно.

– ...Нарочно не придумаешь. Ходил, снимал, никому не мешал... Да там и нет никого, ты же помнишь... Оступился, лодыжка хрясь. Знаешь, будто он меня там не хотел. Очень недружелюбно ломать гостям ноги. Неинтеллигентно. Не буду рассказывать, как меня тащили по полю до машины, там ведь не проедешь дальше здания клуба... Мы были вдвоем. Хорошо, помог их охранник, здоровенный дядя, если б не он, я бы не дополз... А жену саму надо было тащить. У нее чуть что не по плану, сразу стоны, истерика...

– Ясно. Сочувствую... В Ротонде были?

– Нет. Тогда еще не пускали. Но я был в Знаменском-Райке. И в другой ротонде, на Васильевой горе. А в Райке мы, считай, поженились.

У меня в голове моментально сложился рекламный клип: свадьба в усадьбе! Снежной зимой, Райку идет зима. Свадебные санки, тройка лошадей, официанты в ливреях. Невеста, списанная с портрета Елизаветы Глебовой-Стрешневой. Жених в синем бархатном камзоле.

Гости чернеют посреди огромного овального двора, как уголь, оброненный на снег кухаркой...

– Романтичненько. Это вы что, специально? Усадьба в виде кольца... Свадебный подарок. Символика...

Я опять включила суку, просто по инерции. Евгений заиграл желваками.

– Зря иронизируете... иронизируешь. Это правда было романтично. По-настоящему. Без уменьшительных суффиксов. Зима. Снег выше колена. Белое на белом.

Снег. У меня чутье!

– Верю, верю... – захлопотала я. – Совершенно потрясающее место. Много было гостей?

– Четверо. Всего четверо, мы и свидетели.

Не угадала я с ливреями...

– Мы назвали дочку в его честь.

– В честь... кого?

– В честь Знаменского.

Я задумалась.

– Ра-ек. Рая?

– Мы звали ее Раек. Ее так все и зовут.

- Ей сейчас...?
- Семнадцать.

– Все это круто. Я очарована, правда. Красивая история. Закольцованная... Все как мы любим. Но – рассказ?

– Да, вы... ты все правильно поняла. «Ротонду» написала Женя. Она была помешана на Черенчицах.

– Но... почему?

– Что – почему? Почему я значусь автором? Все очень просто. Мы тезки. Женя ушла. Так какая разница? Какой именно из Жень... Женей Рождествовых автор.

– Ушла... в каком смысле?

– Совсем. Три года назад.

– Господи... Прости... те.

–

–

– Кто все эти люди? Персонажи? Митя, Марк, Ася? Которые фигурируют в рассказе.

– Персонажи и есть. Может, подсмотрела, списала с кого-то, но скорее всего просто сочинила. Синтезировала. Уши от Ивана Петровича...

– Хорошо, хорошо. У нее был... друг... возлюбленный? Там же у героини имеется... Рассказ от первого лица...

– Я правда не в курсе. Не следил за ее жизнью. Замуж не выходила, я бы знал. Мужчины были, наверняка... Скорее всего. Она яркая. Привлекательная. Нравилась мужикам. Горела огнем, ей все было нужно, важно, интересно. Горячая, живая, – он осекся, хмыкнул. – Была. ...Знаешь, – (я вздрогнула, я уже и забыла, что мы на ты). – У нее было очень красивое место – вот тут. Стык плеч и шеи, ключицы, начала рук, – он показал на себе, нарисовал пальцем на клетчатой рубашке, – У нее все красивое, но это... Мне достаточно было просто вспомнить эту... часть, чтоб завестись. Сейчас, конечно, уже нет, но раньше... Хотелось змеей обвиться вокруг шеи. Разлечься по плечам, положить лицо в ямку одной ключицы, конец... кончик хвоста в другую. И прям враспи, не раставаться. Таким...

– ...боа? – догадалась я.

– А ты умная, – хмыкнул Евгений.

Все с головой ринулись в этот L-project. Им только поставь творческую задачу, они погружаются в нее как в иордань, с головой.

Я запрягаю годами. Надо ж подумать, прикинуть, почитать. Собраться с духом.

А там уж как пойдет.

Сказали, литературная часть – на тебе (то есть на мне).

Можно было бы отделаться эссе. Не знаешь что писать – пиши эссе. Оно не обязано быть длинным, и в любом, даже самом плохоньком, паршивеньком из них всегда что-то есть. Брезжат смыслы, пульсируют догадки, мерцают идеи.

Его можно прочесть публике, подав в виде лекции. Чтоб не придирались, следует обязательно уточнить, упредить, что поток слов, этот сиреневый туман, дым, который ты собираешься выпустить в лица терпеливых слушателей, – не научные изыскания, а эссе.

И тогда они все схавают.

«Эссе», были такие тоненькие сигареты...

Я начинала двадцать раз, и каждым из этих двадцати эссе можно было смело подт... морочить голову аудитории.

А удовлетворения не было. Удовлетворение же вещь вполне конкретная. Даже мифический, невидимый глазу женский оргазм – это шесть-десять мышечных сокращений.

Мне не хотелось имитировать удовлетворение.

Пока не начала писать «Ротонду». Вот просто, однажды, заискрило, засверкало в голове, оформились, начали твердеть слова, стала расти личинка сюжета, я села за свой Lenovo с отсутствующей буквой Ё и пошла строчить.

Как Анка-пулеметчица.

Как швея-мотористка.

Как когда-то давно, в восьмом классе, когда я шила свои первые джинсы на швейной машинке Подольского завода с черным расписным корпусом и ножным приводом. Белые, с карманами, простроченные красными нитками, настоящие джинсы четырнадцатилетней девственницы. Эти джинсы, гордость моя и учительницы по труду Зинаиды Ивановны, просуществовали целую неделю. Они даже успели прославиться на районе. Джинсы изумительно сидели. Они обтягивали задницу, но не слишком, нигде не жали и были правильной длины и ширины. Белые, за неделю интенсивной, хотя и аккуратной носки они почти не посерели. Но я все-таки решила их постирать. Хотя можно было потерпеть еще неделю, а то и две. Месяц! Страсть к чистоте, эти енотовы рефлексы сгубили мои джинсы... Но они в любом случае были обречены, качество красных ниток не оставляло им шансов. Если только не стирать джинсы совсем. А, например, отдать в химчистку.

Другой вопрос, что постирай я их не вручную, а в стиральной машине, они могли бы сгубить еще кучу вещей...

Красные нитки полиняли, окрасили белую бортовку безобразными розовыми разводами. Как ни убеждала меня подруга Элка, что получилось даже интересно, интригующе и как в Европе, я, повыв, разлюбила джинсы и не предпринимала больше попыток их спасти, перекрасить анилиновыми красками в булькающем чану. Тогда многие так делали, многократно продлевая жизнь одежды, вечная жизнь вещей.

Моего размера, Элла перехватила джинсы практически у помойки, упросила отдать, я так и сделала и больше никогда не интересовалась их судьбой. Уверена, Элка их спасла, но, видимо, из деликатности ни разу не надела ничего даже отдаленно напоминающего (при мне). Я бы узнала их синими, зелеными, алыми, расшитыми бисером, расписанными акрилом.

От тех джинсов в памяти осталось, как ровным сердечным стуком ходит педаль ножного привода, как уверенно, победно вытекает из-под лапки долгая белая штанина с алым швом.

Шов был двойной, твердый, аккуратный, как лыжня мастера спорта по лыжам на устойчивом январском снегу.

Похожим образом, лихо, восторженно и скороспело вытекала «Ротонда». Вопрос, не полиняю ли ее свежие алые швы после первой стирки, не приходил мне в голову.

Еще одну находку, странную и непонятно зачем нужную, привезли мы из Никольского-Черенци.

Нос Кваренги.

Произнесите: Кваренги. Чем отзовется в вас красивое слово? Великолепными дворцами, особняками. Рассказом Нагибина «Срочно требуются седые человеческие волосы». Герои которого носились по улицам тогда еще Ленинграда и любовались постройками итальянского архитектора.

Даже первый слог, ква, не отдает майским болотом, настолько это красивое благозвучное слово: Кваренги.

Пока я не увидела, как он выглядит...

В музее Львова в Никольском-Черенчицах (комната на втором этаже местного ДК с печным отоплением) со стенда, где был представлен круг друзей архитектора, на меня глянуло лицо с огромным сизым носом. Толстые щеки, крошечные недобрые глазки, черные волосы и непостижимо большого размера бесформенный нос.

Так выглядел Джакомо Кваренги. И дело не в карикатурности одного отдельно взятого изображения: великий архитектор и, кстати, прекрасный музыкант, выходец из грациозной Италии, имел такую вот странную внешность.

В приложениях к изданному недавно дневникам Львова находим материалы об итальянском периоде жизни Кваренги. (В России он прожил дольше, сорок с лишним лет.) В переписке резидента английских иезуитов Джона Торпа с лордом Арунделлом – Торп пишет об архитекторе следующее. *«Его зовут Кваренги, но он больше известен как Тень Палладио»*. Ать! А кто у нас в России первый палладианец?

Переписка относится к 1774 году, Джакомо Кваренги тридцать лет. В Петербург он придет зимой 1779-1780 года... Ниже находим такую характеристику: *«...ваш Палладио является одним из самых неуклюжих парней, которых вашей Светлости приходилось видеть. Он страстный любитель музыки, ради нее готов бросить все. Он работает, когда одежда его отдана в залог, и порой не имеет ни гроша, чтобы заплатить за свой обед, в то время как английские художники ловят момент, чтобы выхватить что-то из-под его пера. Он столь гениален и полон творческого горения, что не может даже прикоснуться к вину, и не пьет ничего, кроме простой воды...»*

Интересная деталь, учитывая, что сизый нос Кваренги первым бросался в глаза и моментально наводил на мысли о пьянстве...

«Старик Кваренги часто ходил пешком, и всяк знал его, ибо он был замечателен по огромной синеватой луковице, которую природа вместо носа приклеила к его лицу», – писал о нем известный бытописатель и мемуарист Ф.Ф. Вигель, член арзамасского кружка.

Но с лица воды не пить. Созданные Кваренги постройки изящны, стройны, легки, певучи.

А нос?

Вот такой нос.

С эффектом селфи, когда телефон держат недостаточно далеко от лица (это была скрытая реклама палок для селфи).

Я возьму это фото для публикации?

Не надо, здесь ты чистый Кваренги.

Писатель пишет где его посадишь. Нужны, по существу, две горизонтали: стол, стул. Художнику подавай натуру.

Наши снова засобирались в Тверскую область: писать.

И я с ними, писать.

На сей раз не шиковали по отелям, сняли на всю команду домик в Никольском-Черенчицах. Сделать это было непросто, здесь не практикуют такое, сдавать дома на несколько дней. Не курорт и даже совершенно (пока еще) не туристическое место. Учítывая, что рядом Торжок и гостиницы на любой вкус...

Елена Александровна, первопроходица туристического направления, договорилась с двоюродным братом, и нам сдали дом на то время, пока хозяева уехали в Питер к сыну. Просто повезло.

Три комнаты, кухня, веранда, отлично. Нормальные душ и туалет.

В окно моей комнаты скреблась груша с уже оформившимися плодами, протягивала их мне, зеленые, каменные. Как у Бродского:

*в густой листве налившиеся груши
как мужеские признаки висят...*

Скорей бы уже Митя развязался с работой и приехал, подумала я.

В первый вечер отмечали приезд, легли поздно.

Ночью груша выстукивала морзянку. Станные запахи чужого жилья довольно скоро перестали замечаться и восприниматься.

Встать я собиралась со всеми, в восемь.

Они пойдут писать, я тоже пойду, мой ноут с аккумулятором и сидушка позволяют в любой точке на любой кочке устроить кабинет.

(В Москве никакого кабинета у меня не было.)

*Плакущие березы воют,
На черну наклоняся тень;
Унылы ветры воздух роют;
Встает туман во всякий день –
Над кем? – Кого сия могила,
Обросши повиликой вкруг,
Под медною доской сокрыла?
Кто тут? Не муз ли, вкуса друг?..
Уж нет тебя! Уж нет! – Придите
Сюда Вы, дружба и любовь!
Печаль и вздохи съедините,
Где скрыт под пеленою Л[ьвов].*

Главный дом представлял собой страшноватую развалину, вход в которую был воспрещен, но я бы и не рискнула. Сохранилась примерно треть здания. Львов строил дом для своей семьи, обожаемой жены и детей, числом пятеро, двое сыновей, три дочки. В этих стенах функционировал первый в России кондиционер. Восемнадцатый век, на секундочку. Эстету Львову хотелось, чтобы в его прекрасном доме пахло свежими розами, и аромат поставлялся во все комнаты с

помощью хитроумного устройства (не букетов). Дом был чудом не только архитектуры, но и инженерной мысли, здесь готовили блюда на пару, вода доставлялась прямо в кухню из домового колодца, и т.д. и т.п.

А нежная, сильная, преданная Марья Алексеевна вышивала здесь шерстью по соломенным обоям.

– Крх-хэм-крхэ, – раздалось за спиной.

Я осторожно обернулась. (Я сидела на складном стульчике, на коленях ноут, справа пакет с белым наливом.) Повела взглядом – метрах в ста Галка в панамке с независимым видом писала погреб-Шиш.

За спиной у меня с медвежьей деликатностью переминался с ноги на ногу здоровенный мужик (крупный мужчина) в униформе охранника.

– Дообрый день! – дежурно расцвела я. – А мы вот в гости. Елена Александровна же предупредила? Изучаем наследие вашего гениального земляка. Татьяна, – снизу вверх я протянула ему руку.

– Валера, – сказал охранник, с удивлением глядя на мою ладонь, но взял, потряс. – Да я чего... Конечно. Смотрю, все с этими... ящиками... (этюдиками! – подсказала я с повышенной готовностью), а вы как-то странно...

– Да! Они рисуют, я пишу. Они художники, а я писатель (выражение лица, приглашающее не принимать мои слова всерьез). Вот, с натуры (округлый жест правой рукой)... Жалко ж в четырех стенах сидеть в такую погоду. Ну а у вас, как, много туристов?

– Да нет... Хотя иногда автобус приедет, и два, бывает. В музей сходят, в Ротонду, на Петрову горку. Сейчас, конечно, чаще стали приезжать, как музей появился.

– А вы давно здесь работаете?

– А с самого начала. Как сделали заказник, с тех пор, – он показал на будку из оргалита, пристанище охранника.

– Чудесно у вас! Мы вот уже второй раз приехали. В первый раз, видимо, разминулись...

Валера с непонятым выражением лица покачал корпусом.

– А что-нибудь интересное бывало у вас? Все-таки место такое... необычное. Знаковое! Все ездят к вам... – лила я коммуникационный елей.

– Да не, все спокойно. Публика тихая, аккуратная... Приехали, посмотрели, уехали. Мы даже рады, когда приезжают. А то неделями тишина. Сидишь как сыч. О! Вспомнил! – мрачно оживился Валера. – Было приключение, на мою голову...

Я смотрела на рассказчика не мигая.

– ...Двое приехали. Уже к зиме, а машинка у них дурная, низкая. Номера московские. Застряли на въезде, дорога сами видели какая. Даже в июле, если дожди... Но нормально, справились. Мужчина и женщина. Долго ходили, выспрашивали. Экскурсию им двоим устроили. У нас тут этих туристов на руках готовы носить... Потом они пошли к Кузне, сами, одни. Через час где-то, или меньше, прибегает она, помогите, муж ногу сломал. Только этого мне не хватало... Как ухитрился? Ну, пошли с ней. Сидит, стонет. Вдвоем еле доперли, считай, я один тащил, от женщины его толку мало... А медпункт ближайший в Торжке. Скорую звонить смысла нет, три часа будут ехать. А за рулем как раз он, она не водит. Плачет, вся трясется, а уже темнеет.

Я отвлеклась на Галку. Она стояла перед этюдником прямая, торжественная, в панамке, и я прямо физически почувствовала ее радость находиться здесь и рисовать. Галя перехватила мой

взгляд. Что? – подруга округлила глаза, мотнула головой на Валеру. Я кивнула, все норм, просто проверка связи, потом расскажу.

– ...Руководство давай звонить в Торжок, – вел Валера дальше, – в больницу. А кому везти? Конечно, Валергеннадичу! Это хорошо у них механика, я на автомате не умею. Она причитает, кому-то все звонит, мужик ее вообще мертвым прикинулся, а я их вези, Валера из Черенчиц! Оно мне надо? У меня рабочий день давно закончился... Пока привез их, пока сдал... Домой вернулся, уже ночь была. Хорошо, подбросил брат начальницы, из Арпачево, с работы ехал, подождал меня.

– А дальше что?

– Понятия не имею. Не моя забота.

– Видите, – сказала я торжественно после надлежащей паузы, – вы спасли людей... В совершенно безвыходной ситуации!

– А! Что интересно! Она потом еще несколько раз приезжала, – не повелся на лесть Валера.

– Одна?

– Нет, типа экскурсию проводила. С людьми.

– А он?

– Мужик ее? Не. Руководство потом обсуждало, что странно вышло с этой ногой. Как специально... У нас же здесь не Кушавель ноги ломать...

Валера так и сказал: Кушавель (не).

Шел четвертый день экспедиции. Домик зарос этюдами. Акварель, пастель, картон-масло покрыли большой стол на веранде. Участники L-проект разошлись не на шутку, писали как сумасшедшие, все больше входя во вкус. Их работы съедали пространство дома, множа виды Черенчиц; было уже больше двадцати изображений Ротонды. На одно из них попала я, собственной персоной. Сидела на ступенях, ни о чем не подозревая, а Галка поймала в кадр. Вечерний этюд в сладостных гиацинтовых тонах, и я в белой рубашке.

(С некоторых пор ношу только белый верх, предпочтительно рубашку, даже вот на этюды. В качестве не-художника гораздо меньше риска испачкать одежду. Белая рубашка как оберег, и, потом, красиво.

Глядя на Галкин этюд, я убедилась, насколько это правильное стилистическое решение. Мы с рубашкой декадентски фосфоресцировали в сумерках и смотрелись очень эффектно...)

Было много черно-белой графики, такой точной, дышащей, что яркость середины лета, вся эта синь и зелень читались на них, несмотря на монохром.

Мои «результаты» жили пока под черной крышкой ноутбука.

По вечерам мы романтически читали знакомые почти наизусть стихи Львова и тяжеловатые, но прекрасные, мы как-то в них всмотрелись, вжились, стихотворения Державина. Пожелав друг другу доброй ночи, расходились по комнатам. Я падала на кровать гранитной плитой, не было сил даже читать, без чего в Москве не засыпаю. Проваливались до утра под грушевый перестук.

Мы вышли около десяти, то есть очень поздно. Все вместе, вшестером, по сложившейся традиции.

Возвращались обычно вразбивку...

Недалеко от домика культуры, загораясь собой все, стоял огромный серебристо-белый Неоплан.

Мы поморгали, видение не исчезло.

Стоящий неподалеку, отсалютовал Валера. Махнул папироской на автобус: вот, говорил же, ездют!

Из автобуса как раз высыпали туристы. В ярком, белом, в кепках и панамках, с камерами на животах. Поражала воображение чистенькая, новенькая светлая обувь прибывших. Сразу видно: люди ехали получать удовольствие, и знания-впечатление тоже, но удовольствие в первую очередь. В основном туристы были женщины средних лет, имелось несколько мужчин, две молодые пары, семья с ребенком и семья с двумя детьми, и чудесная пожилая чета артистического вида, очень элегантная.

Экскурсовода отличили легко: бородатый, похожий на социал-демократа мужчина неопределимого возраста выстраивал свою паству полукругом. Джинсы, клетчатая рубашка, очки, борода: классический тип историко-архивного фанатика. (Лучшие из экскурсоводов. А не просто тетеньки, выучившие, что говорить и куда показывать...)

Меж тем туристы отвлеклись от своего повода и смотрели на нас. Оно и понятно, мы были гораздо эффектней их вожака. В шелесте листвы, в игре солнечных бликов мы приближались к зданию ДК, оно же музей и библиотека, небольшой живописной процессией. Красивые, по-дачному расслабленные, по-художники собранные, с этюдниками, и я в белой рубашке с ноутбуком. Чистая литература: *роща, пение птиц, солнечные пятна на траве и все мы разноцветными пятнами на ярко-зеленом фоне – преоригинально, во вкусе французских экспрессионистов.*

Встретить такое на лоне природы, в деревенской глуши – можно навеки остаться очарованным зайкой.

...С художниками часто так. Приезжаешь: живописная глухомань, двенадцать километров от станции, автобусное сообщение отменили пять лет назад. Первое, что видишь на пригорке, – человек с этюдником. Хорошо еще, если по склонам не залегли двадцать его учеников подросткового возраста...

В этом случае, как при встрече с медведем в Татранском заповеднике (выдают инструкции) нужно – не притвориться мертвым, нет. Издалека улынуться дружелюбно, капельку виновато (зачем нарушил ваш покой). Подойти, поболтать непринужденно, откуда, кто, надолго ли. Не коситься и не пялиться на холст! В конце беседы деликатно попроситься посмотреть. Дождаться разрешения. Поглядеть, помолчать. Отпустить разумное, уместное замечание, выдающее человека хоть отчасти компетентного. Не знаете, что сказать, произнесите: как точно вы поймали настроение, состояние, не ошибетесь. Поддержать мелеющую беседу можно (вы ведь подготовились), поделившись маленьким не особо ценным фактом о местности. А знаете ли вы, что до 1960 года здесь существовала прядильная фабрика/водяная мельница? Или выдать координаты святого источника. Немного жалко, конечно, но придется поделиться... Цель коммуникации: узнать, где банда поселилась и как скоро освободит территорию. Расслабив собеседника ровной приветливостью, можно попытаться его насчет местных достопримечательностей, вдруг разживетесь полезной информацией. Несмотря на часто неприглядный вид, художники существа мирные, безобидные, травоядного типа, в большинстве своем не жадные. Гораздо приятней литераторов.

Так что из всей нашей группы реальную опасность представляла только я.

А икру, сыр и белорыбицу съели два брюнета и толстый актер.

Со стороны невидимого отсюда, спрятанного за деревьями Никольского к туристам приближалась Елена Александровна: встретить гостей, отпереть музей. Принаряженная, в платье и каких-то длинных бусах, библиотекарша шла торопливо, я впервые заметила, что она прихрамывает на левую ногу. Туристы, как поле подсолнухов, всей группой повернули к ней голову.

Мы поприветствовали милую библиотекаршу. Вчера вечером она была у нас в гостях, под чай с бальзамом мы пытали ее про некоторые детали здешней жизни. Напустили для начала Марка с гитарой, он размягчил милую женщину Окуджавой.

*Наши деевочки плааатьица бееелые
раздарили сестренкам своим...*

Елена Александровна расцвела в нашу сторону, помахала как своим. Туристы повернулись всем телом теперь уже к нам.

Вот что значит культурный туризм, какая настроенность на получение впечатлений...

– Может, присоединимся? – сказала Галка сквозь сжатые губы. – К экскурсии. Узнаем хоть чего-нибудь новое...

Хоть. Что-нибудь.

– А это идея, – откликнулся вполголоса Марк. – Старший у них вроде нормальный.

Солидный Марк отделился от нашей группы и неторопливо подплыл к социал-демократу. Тот приветливо сверкнул на него очками и крупными зубами (зайчик, подумала я). Мужчины отошли на несколько шагов от клумбы экскурсантов, обменялись фразами. Я загордилась перед туристами из Неоплана внушительностью Марка, его элегантностью, барственной красотой. Экскурсовод закивал, заулыбался, и сразу в зарослях бороды и челки проступил совсем молодой человек. Уже через минуту Марк махнул нам округлым приглашающим жестом. Сквозь сдержанность явно чувствовалось оживление; наш друг был рад приключению.

Галя сияла, ее хлебом не корми, дай послушать экскурсию.

В основном мы, конечно, все знали. Туристам давали общую канву, по которой вся заинтересовавшийся Львовым и его наследием довольно скоро начинал вышивать собственными изысканиями. Информация в интернете, в общем, имела, и было где раскапывать.

Галка, поджав губы, одобритительно кивала на каждое слово Саши, так звали экскурсовода, лишь изредка она удивленно поднимала бровь, что означало – стрела попала в цель, слушательница узнала что-то новое.

Хоть (что-то новое).

А целомудренные, нецелованные впечатлительные экскурсанты на наших глазах влюблялись в русского Леонардо, то есть Львова.

Из чего явствовало, что экскурсовод Саша был замечательно хорош. К тому же довольно прилично разбирался в архитектуре.

– А в Москве, – сказала Ася, когда Саша красиво закруглил экскурсию и предложил задавать вопросы, и даже уже ответил на несколько, касающихся женитьбы Львова и его принадлежности к масонам, – что именно он построил в Москве? Питер и окрестности, Тверская область, Могилев, Подмоскowie, с этим приблизительно понятно...

– Отличный вопрос, – обрадовался Саша. – Это пять! Тут много темных мест... спорных... неочевидных. Москва и Николай Александрович Львов. Ему был поручен Павлом проект реконструкции Кремля, там был довольно большой фронт работ. Известно, что с незначительными поправками эскизы Львова были одобрены. Строительство возглавил Казаков. Гм, сложновато. Вообще, в московском периоде Львова много непонятного...

– Например, насчет его смерти, – подсказала я.

– Вот! – резко повернувшись, Саша наставил на меня указательный палец (как наган, я даже испугалась за его манеры.) – Знаете, мне это тоже не дает покоя...

Мы переглянулись. Несколько женщин-экскурсанток сделали стойку, решив, что запахло историческим скандалцем. Одна из них снимала на телефон.

– Александр, время, – красивым низким голосом напомнила дама в соломенном канотье и постучала пальцем по запястью. Видимо, по фантомной привычке, потому что часов на ней не было. Женщина посмотрела на нас извиняющимся взглядом; на белой кофточке корректно выделялся бейджик «Магазина путешествий». – Нам еще Кузню осмотреть, полчаса на Арпачево, и к обеду в Торжок. Знаю-знаю, о Николае Александровиче можно говорить бесконечно, но... – Она сложила руки в молитвенном жесте, слева у нее была приколата брошка ростовского завода художественной финифти: нежный букет на бледно-голубом фоне.

Говорящая штучка. Подобная есть и у меня, досталась.

Только я ее не ношу...

Экскурсанты, почувыв ослабленные поводья, стали расползаться, теряться в зелени.

Я подступила к их лидеру.

– Александр, – напирала я под печальным взглядом организаторши. Белая рубашка делала меня сильной и уверенной. – Вы ведь дадите... оставите нам свой телефон... мейл... что-нибудь?

Саша закивал, с готовностью вручил мне визитку и буклет (кандидат исторических наук, успела заметить я, ого). Он догнал свою паству, и живая клумба поползла в сторону развалин господского дома...

Неоплан растаял как облако, сразу стало легче дышать. Мы снова остались в Черенчицах одни. Не считая, конечно, двухсот жителей Никольского, растворенных в пейзаже, Елены Александровны, Валеры, и Львова с Державиным.

До вечера мирно рисовали, наслаждаясь безлюдьем. Не опасаясь, что из-за деревьев раздастся громкий шепот: о, художники, и тебя обступят туристы. Люди становятся любопытными и докучливыми именно в своей туристической ипостаси, в Москве они и бровью не поведут в сторону человека с этюдником.

Вечером, чтоб снять туристический морок, мы пили траминер и читали Гавриила Романовича, Ганюшку. Посвящение как раз Львову. 1792 год, прекрасное, прекраснейшее время.

Устроили, так сказать, вечер одного стихотворения.

*Стократ благословен тот смертный,
Кого не тяготит печаль,
Ни зависть потаенным вздохом*

*Ни гордость громогласным смехом
Не жмут, не гонят со двора.*

Вздохом-смехом, консонансная рифма, затесавшаяся в ямбический белый стих, прекрасно. Зависть с гордостью рифмуются примерно по тому же принципу, и смыслу.

Львов – не завистлив, не горд, не склонен печалиться и развешивать нюни. Так и запишем.

*Скрыта жизнь твоя в деревне
Течет теперь, о милый Львов!
Как светлый меж цветов источник
В лесу дремучем. Пусть другие,
Взмостясь, из терема глядят,*

В той самой деревне, где мы сейчас, в Черенчицах.

Источник светлый меж цветов в лесу дремучем – между прочим, отличный образ!

Неспроста и это «теперь»: в столице пожито изрядно, в служебной квартире в здании Почтового управления, а до того в роскошном дворце Безбородко, откуда, несмотря на роскошества, рад был переехать. Пусть другие, взмостясь, из терема глядят...

*Как на златые колесницы
Зевает чернь, как ратный строй
В глаза ей мечет блеск от ружей,
И как она, волнам подобно
От бурь, от всадников бежит;*

Чернь, зевающая на златые колесницы, это сильно. В этом «зеваает чернь» много психологии, кроме собственно образа зевка и зеваки. Черные распыленные рты, а ратный строй «мечет» толпе, в глаза, блеск от ружий. Страшноватая картинка...

А все ведь повторяется. Прошло... так, сколько? 128 годков.

Ратный строй по прежнему мечет блеск от ружей, а еще от касок, забрал и щитов.

*Как витязи в веках позднейших
В меди иль в мраморе себя
Со удивленьем созерцают
И плещут уж заране в длани,
Что их народ боготворит.*

Вот и нам привет, в наших веках позднейших.

Витязи созерцают себя, уже без малейшего удивления.

И народ их не боготворит, а так, по инерции.

Плескать заране в длани – хорошо, ядовито сказано. Ай да Гаврила Романович!

*Но ты умен – ты постигаешь,
Что тот любимец лишь небес,
Который под шумком потока
Иль сладко спит, иль воспевает
О Боге, дружбе и любви.*

О, да. Львов ли не умен? Если не он, кто тогда?

А это «под шумком потока». Не под шумок, а вот так.

Львов точно не спал, как бы иначе все успел? Воспевал о Боге, дружбе и любви, да, в общем и целом, крупными мазками, можно и так обозначить его разнообразнейшую деятельность...

*Восток и запад расстилают
Ему свой пурпур по путям;
Ему благоухают травы,
Древесны помавают ветви
И свищет громко соловей.*

Эх, соловьев-то мы и не застали, надо было раньше приезжать... Но июльские травы и особенно цветы благоухают, есть одно особо душистое место за кузней. Свой пурпур (на этюдах все зафиксировано) Черенчицы гостеприимно расстилают и нам, преимущественно вечером, потому что по утрам мы слишком долго спим. И утренняя заря по той же причине, увы, нам недоступна.

Помавать – от такого величавого подмахивания можно испытать филологический экстаз, но среди нас, о чудо, нет ни одного филолога.

*За ним раскаянье не ходит
Ни между нив, ни по садам,
Ни по холмам, покрытых стадом,
Ни меж озер и куц приятных, –
Но всюду радость и восторг.*

Не ходит за ним раскаянье! Во-первых, раскаиваться не в чем. Во-вторых, раскаянию здесь не место: всюду озера, приятные кущи, радость и восторг. И холмы, покрытые стадом. Уютно, эротично... Холмы понесут от стад, и родятся, закурчавятся, поползут по новым народившимся холмам новые стада.

*Труды крепят его здоровье;
Как воздух, кровь его легка;
Поутру, как зефир, летает
Веселы обозреть работы,
А завтракать спешит в свой дом.*

Труды, укрепляющие здоровье, – озарение для осмнадцатого века. Легкая, как воздух (насыщенная кислородом, что ли?) кровь... Тут впору предаться ликованию, если б не знать про следующие болезни, про безвременную кончину...

Поутру летает обозреть работы, перекинуться парой слов с мужичками; стопудово должен быть кто-то вроде прораба. Ефим Петров?

Что касается зефира – он есть и у нас, невский, белый и в шоколадной глазури, купили к чаю.

*Тут нежна, милая супруга –
Как лен пушист ее власы –
Снегоподобною рукою
Взяв шито, брано полотенце,
Стирает пот с его чела.*

Дивно.

Марья Алексеевна действительно прелесть, сходите убедиться Третьяковку, или погуглите. Нежна, мила, бела. В 1794 году архитектор и автор этих стихов породнятся, овдовевший Державин (52) женится на Дарье Дьяковой (28), сестре Марьи Алексеевны.

«Стирает пот с его чела» – между прочим, сколько легкости в строках. А сначала казалось, мысль тянут бурлаки. Так сказать:

...снегоподобною рукой.

*Целуя покрасневши щеки,
На пальцы посмотреть велит,
Где по соломе разной шерстью
Луга, цветы, пруды и рощи
Градской своей подруге шьет.*

Супруга – тоже творческая натура. Едва только поцеловала мужа, а уж «на пальцы посмотреть велит». Вышивает по соломе (новое слово в вышивке!) – шерстью, а мы читали, что еще и шелком. Вышивает не абы что, сельские пейзажи, и не себе, а подруге, причем городской.

Здесь ненадолго задержимся, внимем. Мария Алексеевна не просто вышивает шерстью по соломе (при содействии крепостных девушек) сувенир для «градской подруги» – первой жены Державина Екатерины Яковлевны, в девичестве Бастадион. Львова (как истинная Львова!) выполняет заказ, делает декор для собственного его, Державина, роскошного дома на Фонтанке. Соломенные обои украсят стены Овального зала. Николай Александрович интегрировал в проект такие вот авангардные декоративные покрытия. Заодно и жену в ее Черенчицком уединении подключил к творческой работе.

*«О! если бы, – она вещает, –
Могло искусство, как природа,
Вливать в сердца свою приятность, –
Сии картины наши сельски
К нам наших созвали б друзей!»*

Вот! Очень дельное, важное замечание. Почти манифест. Сравнение искусства и природы, в части вливания в сердце приятности. Тоска по друзьям. Природа природой, но общения-то хочется. И какого!

У четы много друзей, настоящих, близких по духу, а не просто светских знакомцев. И все – лучшие люди своего времени.

*Моя подруга черноброва,
Любезна, мила горожанка,
На нивах златом здесь пленившись,
Престала б наряжать в шумиху
Свой в граде храмовидный дом».*

Влюбленные в сельскую жизнь, Львовы невольно пропагандировали ее среди друзей-горожан, и не без успеха.

Пленившись златом на нивах – это супер.

Перестать наряжать в шумиху дом, да еще храмовидный – собственный дом на Фонтанке, огромную городскую усадьбу, имеет в виду поэт. Не его ли, Державина, собственная тоска в этих строках, не себя ли уговаривает?

*«Ах, милая! – он отвечает
С улыбкой и со вздохом ей, –
Ужель тебе то неизвестно,
Что ослепленным жизнью дворской
Природа самая мертва!»*

Сам-то Державин, государев человек, чиновник, кабинет-секретарь императрицы, волею службы и уклада обречен жить в столицах. Губернаторствовать то в Петрозаводске, то в Тамбове, не сложилось ни там, ни там.

Похоже, здесь он с грустным «ах» защищает собственную позицию. Печально иронизирует, или кокетничает.

– За это надо выпить, – крикнул Марк и припечатал на щеке комара.
 – За что? – хихикнула заноза Галка. – Что природа самая мертвая?
 – Что мы сейчас в этом богоспасаемом месте. А не в термах, взмостясь.
 – Интересно, – сказала Ася задумчиво. – Сначала стихи кажутся ужасно архаичными, тяжеловесными, громоздкими. Непроницаемыми, мозг отказывается понимать и принимать их, настолько это туго, неповоротливо. А вчитываешься – свежо, живо. Умно, понятно. Образно. Информационно! Все по делу... Или это мы здесь ввали в восемнадцатый век?

Наконец-то приехал Митя. Вернемся мы все вместе.

Ошалеv от зелени, пышных и одновременно глухих красот, Митя ходил по окрестностям, пока все писали, а я строчила; иногда мелькал в зелени его маковый рюкзачок.

Я устроила засидку на Петровой горе, над Кузней, на самой высокой точке. Сидя под раскидистым зонтом, видела окрестность как в широкоугольную камеру. Когда-то ровно на этом месте стоял домик Вельяминова, Петра Лукича; руины входили в список здешних достопримечательностей и были обозначены на туристической схеме.

А меж тем дом Вельяминова тоже был храмом дружбы. Хорошо, часовней...

Смотрите, Львов, небогатый дворянин. Пятеро детей. Дела идут разнообразно, имеются долги. Служба в почтовом ведомстве, что греха таить, в тягость. Тяготит даже/также покровительство самого канцлера Безбородко, несмотря на несомненные выгоды этого союза-симбиоза, связанные с ним бонусы. Впрочем, хоть и страшноvато назвать сии отношения дружбой, слишком герои были разные, но после кончины Безбородко в 1799-м Львов будет горевать и убиваться, сетовать в стихах, что Господь взял на небо того, а не его...

А совсем недавно сорвалась – досаднейшим образом! – возможность получить должность директора казенных театров. Львова уже было назначили, но отказали, а все почему. Член правления почтового управления Судиенко распространяет сплетню, что Львов похвалялся публично, будто ворочает у Безбородко всеми делами и ходит вместо него на доклад к императрице, когда тот «болеет» (недуг известный). Скандал! Облом.

А место было прямо под Львова...

То есть фон не слишком веселый, не вполне благополучный. И на этом фоне Львов, придуmывая и отстраивая усадьбу для своей семьи, предусматривает флигель для друга, бессемейного Вельяминова.

Строит его на достаточном отдалении от главного дома, соблюдая интересы приватности, минует семь пешком.

Этот Петр Вельяминов, почти разорившийся дворянин, «с лицом рябым от оспы и почти ослепший после нее», одинокий человек, без определенного места жительства, все гостил по друзьям. Вельяминов ровесник Львова, даже на год моложе. Познакомились и подружились на службе в Измайловском полку, то есть совсем молодыми людьми. Заметный персонаж львовско-державинского поэтического кружка. Приметы Вельяминова – несомненный литературный талант, страсть к русской народной песне, прекрасный низкий голос. Петра Лукича любили дети, которых он учил танцевать по-китайски и плавать на паркетe.

Приятель практически бездомен, что ж, в столице Львов хлопочет о земельном участке для Вельяминова, и получает, по соседству с собственной дачей, у Малого Охтенского перевоза.

С именем (и имением) Вельяминова связывают еще один загадочный, не до конца проясненный проект Львова. В Липецкой области, в принадлежащей Петру Лукичу деревне Ивановка была построена церковь, колокольня которой практически сестра-близнец колокольни в Арпачево. Есть все основания полагать, что церковь строилась по проекту Львова, хотя с сооружением также связывают имя швейцарского зодчего Томазо Адамини: тот возводил кафедральный собор в Липецке, за строительством которого Вельяминов, как пишут, «приглядывал». Это дало основание полагать, что Томазо заодно проектировал и для имения Вельяминова. Бенуа в своих записках назвал колокольню «курьезнейшей», что ж, имеет право. Сейчас церковь Иоанна Предтечи и колокольня-маяк в Ивановке находятся в бедственном состоянии, практически это руины. И все равно, представьте, вызывают интерес и споры...

А в Никольском-Черенчицах Львов строит для своего друга дом, от которого остался лишь фундамент. На один из этих камней я пристроила пенку-сидушку, и вот, сижу. Мои собственные друзья разбрелись по Никольскому, они пропускают местность через себя, своим художническим способом, а я пишу сидя в тени под зонтом.

...Надо мной неслось быстрое небо, полное рвущихся и сшивающихся в полете облаков. Белая кудель махрилась, ивы стелились сизыми изнанками, травы на лугу полоскало, расчесывало ветром.

В том же быстром рваном ритме я писала, стучала. Когда снизу меня окликнула Галка с румяным носом, было уже около семи.

Ночью груша, для (продлевая) писательской морок, настукивала в окно, позванивала, шепталась. Небольшие шумные ходики из пластика, изображающие «Ласточкино гнездо», не попадали грушам в такт.

– Грушевый звон. Сегодня особенно... Груши как мужеские признаки висят, все время вспоминаю почему-то, – сказала я. – из Бродского...

– Мудозвоны? – скаламбурил Митя.

– Не, здесь так нельзя! Не надо.

Мы уезжали 18 июля. Участники L-project, с красиво обветрившимися лицами, с полиловетскими глазами, заносили в машину вздувшиеся папки.

У меня была практически готова «Ротонда». Осталось немного дошлифовать, самая приятная часть работы. Ноутбук налился волшебной тяжестью, сквозь пластмассу, железо и текстиль чехла я чувствовала вес большого текста, упругого, остроумного, с сформившейся загадкой, практически завершенного.

Примешивалось чувство рыбацкой удачи: я вытащила, выловила «Ротонду» в этом прекрасном старинном пространстве, прикормив – чем? – мыслями, хождением под кущами, всеми касаниями, физическими и не только.

Иногда рискуя умственным и душевным здоровьем и семейным благополучием...

Так рыбак варит котелок неаппетитного варева, пшенка-перловка, с вечера закидывает подкормку в гладкие безгрешные воды лесного озера. Ждет рыбацкого вдохновения, а утром таскает верткое увесистое серебро. Чужая тонкость момента, тайный, почти интимный стговор с пространством, рыбак не выкладывает фото улова в Инстаграм.

Рыбак не дурак!

Кстати, у него Инстаграма-то нет, не завел пока, хотя надо, придется, у всех мужиков уже есть.

...Так, да не так. Вдруг «Ротонду» мне настукала груша, во сне.

Я конечно немного горевала над тяжеловесностью названия, самого слова. Может, оно и создавало дополнительный вес...

«Ротонда», какой-то архитектурно-топографический ребус.

Здание палладинской легкости, стройности, парящей красоты, со всеми его колоннами и взмывающей лестницей, высоким лбом красивого купола.

Храм Солнца, как аттестовал его автор.

Шедевр архитектуры. Готовая взлететь, удерживаемая расползшимся у ее подножия небольшим деревенским кладбищем и грузом некрополя. Стоящая в деревне, в глуши, практически в лесу.

Здесь все сходилась, канатами стягивалось к Ротонде.

...Одна печаль, ротонда – это еще и предмет женской одежды.

Тяжелое, колом стоящее бархатное пальто. Довольно нелепый, мешанистый предмет женского туалета.

В день взятия Бастилии с утра лило. Вечером не было ни намека на изменение погоды с солнечной и жаркой на такую вот. За прогнозами, разнежившиеся, слившиеся с природой, мы уже не следили... Рисовальных планов отменять не стали, дорог каждый день. Сидели в укрытиях, пригодились зонты, плащи, резиновые сапоги.

Три раза в Ротонду и обратно прошла мимо меня Елена Александровна, опорожнять купель; на четвертый я увязалась с ней.

– Почему именно вы? Хрупкая женщина, а ворочаете такие тяжести... – ворчала я, пока она отпирала замок. Дело шло к вечеру. – Это вредно, вообще-то. Мужиков, что ль, нет во всей деревне?

– А кому еще? Валере не положено отлучаться... Да и не такие уж тяжести, я потому и хожу почаще, чтоб не тяжело. Когда ливни, бывает, по восемь раз в день приходится...

Я присвистнула.

– Городских шокирует, знаю. Вы нежные. А я родилась здесь. У меня огород, яблони, сливы. Картошки восемь соток. Муж кур держит, но это его епархия. И ничего, высшее образование не мешает. И работу никто не отменял. Экскурсии, когда самотеком приезжают, тоже я провожу.

Я пустила по лицу сложную мимическую волну.

– Только не подумайте, что я жалуюсь. Не променяю такую жизнь ни на какие столицы.

Елена Александровна подняла глаза, поглядела в темноту под куполом и продекламировала, будто с листа:

*...А здесь, меж мужиками,
Не знаю отчего, я как-то стал умен,
Спокоен мыслями и нравом стал ровен.
С надеждою ложусь, с утехой просыпаюсь,
С любовью выхожу, с весельем возвращаюсь...*

– так писал по этому поводу наш с вами общий друг.

Повисла пауза, за время которой в купель упало с десятков увесистых капель, напоминая библиотекарше о цели визита.

– Еще бы! Конечно, милая Елена Александровна, – вскричала я, с эхом. – Да мы вам просто завидуем...

Выврала из ее рук тяжесть, потащила к выходу.

– А вот это лишнее, – сказала библиотекаря сухо. – Не обольщайтесь. Все сложно. Вот сюда, левее, – она отцентровала пустое корыто, ориентируясь по каменным квадратам пола. – Мы все тут немного того... служители культа (она ухмыльнулась). Помешанные. Но в хорошем смысле! Даже Валера...

Про «даже Валеру» я, кстати, и сама уже догадалась...

В Ротонде стоял полумрак. Темнело прямо на глазах. Елена Александровна посветила в купель телефоном, потом навела его в туманность купола; сверкнула капля.

– Когда завертелась вся эта история с музеем, с наследием Львова, с наследниками... – я вам так скажу – хлопот и обязанностей у меня сильно прибавилось. Но и смысла! Вот вы меня защищаете, жалеете... с этим... послушанием (библиотекаря мотнула головой в сторону купели). А я радуюсь дождливым дням... Повод прийти сюда лишний раз, – Елена Александровна покраснела, это было заметно даже в сумерках.

У меня загудело в кармане. Галка.

– Ты где? Потеряли тебя.

– Скорбунд, – ответила я. Совсем стемнело. Елена Александровна помахивала связкой ключей. С сочным звуком в купель упала новая капля. Если дождь не перестанет – во сколько же ей нужно прийти сюда в следующий раз?

– Я вставила вас в свой рассказ, вы не против? – сказала я неожиданно для себя, совершенно не собиравшись с ней это обсуждать. – Как-то так само получилось... Но никакого вымысла, только факты...

– Это синдром Никольского-Черенциц, – нисколько не удивилась Елена Александровна. Я выпучила глаза. – Только пришлите, когда напечатаете, хорошо? В библиотеке действует постоянная выставка публикаций. О нас.

По ритму, по томному отпускному настрою в сюжет упорно просилась эротическая сцена. Деревенская комнатка с кроватью из ИКЕА, с лезущими в окна возбужденными грушами, располагала и намекала.

...Как и вся, в целом, Тверская область. Эротических сюжетов на Тверской земле разворачивалось немало. Берново, Старица, Торопец! Осташков и его окрестности! Собственно Тверь. Чудесный Торжок-пирожок, уже упоминавшийся в этом контексте. Не забыть отвратительную историю, случившуюся на озере близ атомного городка Удомля... По степени гадостности она сопоставима с эпизодом на Лисьей горе, в Балашихе.

В этой Удомле, фигурально говоря, нас отымали...

Может, расскажу попозже, сейчас не то настроение.

Слишком хорошее...

Но вот, например. Лет сто пятьдесят назад на другом озере, сейчас знаменитом, политически окрашенном, тогда еще нет, неподалёку отсюда – случился яркий эпизод сексуально-романтической направленности.

Вкратце, компания приехала отдохнуть. Две молодые пары и две их подружки, оставившие в Москве одна бойфренда, другая трехлетнюю дочку. Приехали на довольно-таки известную турбазу, располагавшуюся на месте старинной усадьбы. Барский дом сохранился, большой и величавый, но внутри он был мелко настроган на номерной фонд. Сбоку высилась котельная, терялись

в зелени столовая, одноэтажные корпуса, крашенные голубой краской, низкое зданище клуба. Из хорошего имелась пристань с лодочной станцией и дощатое кафе с пивом и пиццей, по вечерам здесь иногда танцевали.

Компании повезло – они сняли целиком дом директора турбазы, Саныча. Дом был большой, только что построенный, он девственно пах свежим деревом, стружкой, доской; здесь еще никто не жил. В отличие от главного корпуса, он не был нарезан на комнаты. То есть на втором этаже комната имелась всего одна, большущая, светлая и веселая. Настоящий деревянный зал, без мебели, по периметру они и разлеглись; одеяла, белье и матрасы им выделил Саныч из фондов турбазы.

То ли это молодость, но прикольно было жить коммуной, есть коммуной, спать коммуной; совершенно не мешало, наоборот. Вечерами читали вслух Тэффи, болтали, ржали, пока не скашивало сном.

Ранним утром сквозь Санычев двор, не имевший еще забора, проходило стадо. В их сон врывались, но не будили, разноголосое мычание, жестяное бряканье ботал, шумные ниагары, когда кто-то из коров оправлялся у самого сруба.

Все хорошо в коммунальном житье, только вот заниматься сексом не было никакой возможности. У одной пары, – вторая спокойно трахалась каждую ночь, и никто об этом не знал (выяснилось много позже). Другая пара была щепетильная, с понятиями, боялась помешать соседям, или что помешают ей. Таким образом, молодая горячая, со здоровым сексуальным аппетитом парочка обрекла себя на полторы недели поста и вскоре озверела, до воя.

Эти двое не придумали ничего лучше, чем уплыть на безлюдный остров, в часе от турбазы, чтобы там заняться сексом в спокойной обстановке. Уплыть, конечно, на лодке. Маленький, заросший соснами лобастый островок имел даже туристическую инфраструктуру в виде дощатого стола, пары скамеек и костровища; еще там был песчаный пляж в форме полумесяца. Изредка здесь останавливались на дневку байдарочники, палатки было видать издалека, что означало, остров занят, никто уже больше не лез.

И вот влюбленные покидали в рюкзачок все, что могло бы пригодиться двоим любовникам, уплывающим на остров. За ними было простодушно увязалась подруга, но они, в аффекте побега, отшили ее почти грубо, а вечером подлизывались, извинялись.

Никогда еще молодой мужчина не греб с такой скоростью. Весла мелькали, лодка неслась, от влюбленного валил пар. Наверное, он поставил мировой рекорд по гребле на раздолбанных яликах. Его подруга помогала, но не попадала в такт, и возлюбленный приказал ей сложить весла. Толку от девушки было мало, к тому же у нее перехватывало дыхание от зрелища ходящих ходунком напряженных предплечий, от всей этой возвратно-поступательной механики. Поперечная волна могла бы стать препятствием, но молодой мужчина преодолел ее легко, демонстрируя хорошую физическую подготовку и твердость намерений.

Наконец лодка ткнулась носом в берег. Торопясь, они примотали ее к нависшей над водой елке. Остров оказался не занят; гипотетически они могли застать на Буяне водников-туристов, так что им повезло.

Она просто задыхалась от нетерпения, он был сдержанней. Все случилось как буря, как в кино, со сдиранием немногочисленных одежд. С каплями пота, разлетающимися в рапиде, – день выдался жаркий. Они приспособили для своих нужд конструкцию деревянного стола с хлипкими скамейками в одну доску. Муза вождения, помогающая любовникам, позаботилась не только о накале, но и об удобстве...

Влюбленная потом долго не могла навести фокус, в глазах двоилось и туманилось; не очень слушались ноги. Ее друг часто дышал, будто секс на острове стал кульминацией гребного подвига. С той только разницей, что предстояло еще плыть назад...

Первое, что увидела молодая женщина, когда к ней наконец вернулось зрение, был белый гриб-подросток, прячущийся в траве под ближайшей сосной. Она повела взглядом и увидела еще грибы. Любовное наваждение отпустило ее совсем. Остров зарос грибами, торчали повсюду, это

было какое-то грибное бешенство, и в результате они набрали полный рюкзак отборных белых и подосиновиков.

Влюбленная еще подумала, что было бы, если бы она увидела грибы ДО, а не ПОСЛЕ... Изменило ли это характер и темп сцены? Она вспомнила опубликованные где-то результаты наблюдений за кошками, это был научный эксперимент. Когда спаривающиеся животные видели мышь, кот ее игнорировал и продолжал свое дело, а кошка бросалась ловить добычу.

М-да, непонятно только, как кот сможет продолжить, если кошка убежит?

Но важна суть, психология.

...Они искупались на пляже-месяце; парень не отказал в себе в заплыве, быстро превратившись в точку. Влюбленная валялась на рыжем песке, послеживая за этой точкой, как рыбак за поплавком, и удивлялась спортивной неукротимости своего друга. Снова подвиг? Ее тело не требовало ничего подобного, только лежать, растекаться, медленно таять.

Назад плыли уже не торопясь, прикладываясь к бутылке белого; она-то и составляла основную тяжесть рюкзака, сейчас доверху наполненного грибами. Хорошо, что на большой воде не было озерной полиции, которая могла остановить транспортное средство и заставить водителя дышать в трубку. К тому же трафик на озере был невелик, только иногда в поле зрения попадали лодочки и, совсем редко, кавалькада байдарок.

Греб снова он, она чертила рукой по воде и горланила песни (щас спою!) из «Бременских музыкантов» и «Приключений Электроника».

Парочка поспела аккурат к ужину. Их встретили, обрадовались грибам, усадили. Ничего не спрашивая, наполнили тарелки, заботливо налили. Любовники сели по обе стороны от обиженной ими подруги, ластились, прижимались, она дергала плечом, фыркала, но простила.

Улицу Казакова я знала как облупленную. Яичный образ будет тут в самый раз, почти первое, что видит человек, выбравшийся из кишки метро, вслед за всегдашней толчеей при выходе из нее, – огромные удивительно кривые шары, украшающие здание института Землеустройства, в народе Землеройки, в количестве двух.

Одно время мне часто приходилось ходить мимо них, по дороге в дружественную мастерскую на Старой Басманной. Даже не мимо, а прямо под ними, всегда облупленными, я помню то розовое, то зеленое под грязно-белыми завернувшимися струпами краски.

Улица Казакова хорошая улица, мне нравится, как она вытекает, будто сливается по нескольким притокам из вокзала и Садового кольца. Импонирует, что она извитая, с перепадом высот. Тихая и шумная в разных своих местах, привокзальная и студенческая улица Казакова; я рада была снова здесь оказаться.

Именно на эту прекрасно знакомую мне улицу собрался вести нас субботним утром экскурсовод Саша. Московский след Львова, манил Саша, блестя очками и милыми добрыми зубами. Его девушка, хипстерша в очках с очень крупными зубами, все время широко улыбалась. Вы – тоже историк? – со сложной смесью снисходительности и суровой приветливости спросила ее Галка. Мы как-то не ожидали увидеть третьих лиц, нам все казалось, мы расследуем тайну, а тут неведомая девица, долговязая юница в очках с широченным смайлом.

– Не угадали, – еще шире улыбнулась эта Агата. – Я программист! Айтишник.

Тут мы все, и Галя в первую очередь, сбавили тон, с нашими-то творческими специальностями. Профессия Сашиной подруги означала, что она в ладах с математикой и что она хорошо зарабатывает своими молодыми умными мозгами. Мы не могли похвастаться ни тем, ни другим (мозги, заработки). Ни, кстати уж, особой молодостью, но это наименее обидное...

Встреча была назначена в метро, под Каменным цветком. Понадобилось минут двадцать, чтобы подтянулись все участники L-Project.

Саша, новый знакомый из Черенчиц, назначил нам свидание на субботу, на десять утра. Почему так рано, завопили мы про себя, а Галка вслух, она раньше трех не ложится. Но у востребованного Саши был плотный график, так что мы проглотили эти десять ноль-ноль и явились на встречу как миленькие. Еще спасибо, что согласился. И оказывал, можно сказать, всяческое содействие. Видать, мы угодили Саше в какую-то важную точку.

Точку J. Или L.

А может, просто понравились ему чисто по-человечески, подумала я и посмотрелась в черное зеркало своего Хуавей Редми.

Все были в сборе, кроме Марка. Включая, неожиданно, эту незнакомую нам Агату, девушку Саши. Зачем программисту Агате в субботу ранним утром куда-то переться?

А ей, оказывается, интересно!

Это аргумент...

Вот теперь и наша компания в роли живой клумбы, подумала я, когда мы всемером повернули головы в сторону Марка, вплывающего на эскалаторе в вестибюль и зону видимости.

Экскурсанты, даже смешно...

Почему Саша согласился делиться с нами информацией? (Ну, если совсем грубо, схематично.)

Может, мы шайка проходимцев с этюдниками?

Или прямые конкуренты, банда доморощенных экскурсоводов.

Почему?

Обаяние. Полагаю, все дело в нем...

Обаяние компании, горящей идеей-фикс.

Недлинной вереницей мы шли по улице Казакова. Саша шагал впереди, решительный, как Петр I с известного рисунка Бенуа, только невысокий и с бородой.

Мы многозначительно переглянулись, минуя Гоголь-центр. Оставили за левым плечом квадратные яйца института землеустройства. Справа началась и долго-долго тянулась заповедная территория усадьбы.

Показались ворота, закрытые шлагбаумом, и будка охранников. Саша остановил нас властными жестом, а сам бесстрашно направился к людям в черном.

Мы с волнением смотрели, как четверка охранников, все как на подбор спортивного телосложения, загорелые и светлоглазые, окружили небольшого Сашу. Он говорил, жестикулировал, они смотрели прозрачными глазами. Один из них позвонил, покивал.

Саша помахал нам, и мы поспешили за нашим Вергилием.

В воротах, на краю миров, красивый охранник пересчитал нас взглядом.

...А вслед нам смотрела церковь Вознесения Господня на Гороховом поле, построенная Матвеем Казаковым.

В возбужденном молчании мы прошли метров двести и встали, где велел наш начальник, акkuratным полукругом.

– Мы с вами находимся на землях министерства физкультуры и спорта, – сказал Саша торжественно.

Про министерство мы знали и без него...

Не знали про земли, что их столько.

За спиной Саши расстиралось огромное, преувеличенного размера футбольное поле с травой, стриженной ежиком. Казалось, этих мягких изумрудов никогда не касалась нога футболиста, только бережный триммер садовника. Который закончил стричь и причесывать травку за полчаса до нашего прихода...

Странный мир, в который мы выпали с понятной и вполне себе каменной улицы Казакова, за полем не заканчивался. Там шумел лес, за ним текла невидимая Жуза.

...Неясно, как в центре Москвы могло безнаказанно существовать такое огромное незастроенное зеленое пятно. Как вообще оно тут умещалось? Или – действовал какой-то пространственный трюк...

– А теперь, – произнес наш экскурсовод, – повернитесь, пожалуйста.

Как подсолнухи, мы повернули головы, а затем и тела. Мы стояли аккуратно напротив фасада. Здание цвета костромского сыра предстало пред нами во всей красе. Лестница парадного входа упругим зигзагом вытекала навстречу, спускаясь с двух сторон. Полукруглый балкон поддерживали две пары сахарных колонн. Здание круглилось и расходилось двумя длинными крыльями.

– Львов? – страстно прорычала Галина.

– Достоверных сведений, что авторство проекта принадлежит именно Львову, – медленно заговорил Саша, – нет. Есть предположение... Но совершенно точно известно, что строительные работы возглавлял Адам Менелас, шотландский... ну, он даже не архитектор, скорей, производитель работ. Прораб. Высококласный каменщик. Мастер сводов... Краеугольный камень и все такое. Вы понимаете, да? (Саша сделал многозначительную паузу и оглядел нас из-под челки). Так вот. В тот период, когда здание строилось, – Менелас работал под началом Львова. Был прикреплен к нему, как прораб к ГАПу. То, что работы производились Менеласом, с очень высокой степенью вероятности указывает на авторство Николая Александровича.

– Шотландец? Как Камерон? – уточнила умная Галина.

– Вы совершенно правы. Именно благодаря Чарльзу Камерону Менелас и оказался в России. Был спрос на специалистов из Шотландии... Считалось, хорошие. В качестве каменщика он попал под начало ко Львову. А теперь вслушайтесь в список компетенций этого самого Адама. (Саша почему-то не скрывал своей неприязни к шотландцу.) Ничего не напоминает? Специалист по добыче угля. В России тогда топили чем? Правильно, дровами, сводили драгоценные леса. А Львов, все это знают, носился с идеей добычи и использования каменного угля в качестве топлива. Он и погорел на этом угле, в результате... Как Джордано Бруно. Но вернемся к Адаму. Спец по садам и паркам, два. По гидростроению... Трудно сказать, сложился этот круг интересов в таком виде до знакомства со Львовым или оформился уже впоследствии, в результате общения и сотрудничества. Считается, Менелас входил в дружеский кружок Николая Александровича, а это, поверьте, очень круто... Подолгу бывал в Черенчицах (сердце встrepенулось, запело синицей). Принимал участие в строительстве усадьбы Львова. Чувствуете степень доверия? Близость почти интимная! Менелас участвовал, это совершенно точно, в строительстве усадьбы в Митино, соборов в Торжке и Могилеве. Вот повезло парню с учителем! Более того, Менелас преподавал в землебитной академии, задуманной и созданной Львовым. То есть, считай, друг и соратник. (Саша изобразил на лице сомнение.) Или – умный, предприимчивый, дальновидный человек, делающий карьеру в России? Хитрый. Когда это стало возможным, отодвинувший учителя. Совершенно больного... Хотя, возможно, я накручиваю...

Саша тяжело вздохнул, перевел дыхание.

– Менелас везде называется строителем здания на Гороховом поле, но не автором проекта. Есть упоминания «архитектора, под распоряжением которого то строение производилось» и который не мог свидетельствовать «по болезни». В другом документе снова упоминается о «заболевании» архитектора. Как раз в это время Львов перенес тяжелую болезнь, чуть не отправился на тот свет, очень трудно поправлялся. И все это на фоне ужасных неприятностей, на него Оболянинов пошел войной... Так вот, в означенный период Львов жил под Москвой, на Тюфилевой

даче, где был московский филиал землебитной школы и дом, построенный им для себя же, по служебной надобности. Менелас в то время жил у него в Тюфилях... Все сходится!

Саша утер лицо платком. Начинало припекать, плюс очень много растительности на лице.

– Но, скорей всего, я его демонизирую, этого Адама. Не обращайтесь внимание. Менелас темноватая фигура. Возможно, я не прав, и он был предан Николаю Александровичу до мозга костей. Простите, в горле пересохло.

Саша вытащил из рюкзака пластиковую бутылку воды и ополовинил ее одним глотком.

– Знаете, существует мнение, что усадьба Разумовского на Гороховом поле сладковата для Львова... Пышновата. Крупновата. Да, есть и такой момент! Но я отчетливо вижу здесь приметы присутствия Николая Александровича. Прямые указания. Переключки... Вот сейчас ровно перед нами центральная группа – обратите внимание – полуротонда с парными колонками и балконом сверху. Вы ведь видели изображения главного дома в Митино? Не могли не видеть... Усадьба в Митино, конечно, просто деревенская крошка против этого сооружения. Другой размах, совершенно другие задачи. Но полуротонда на фасаде – родная сестрица этой. Ну согласитесь же? Так, а теперь вспомните Введенское. Центральная группа на фасаде очень похожа, хотя другое распределение объемов. Опять полуротонда, и очень похоже организованы лестницы. Как хотите, он точно приложил руку к дворцу Разумовского. Лично я в этом уверен на сто процентов! А самостоятельные работы Менеласа – уже после ухода Николая Александровича в мир иной – совершенно, совершенно другой стиль и почерк! Да возьмите хотя бы дворец того же Разумовского в Батурине!.. Этот огромный, простите меня, конечно, чемодан с колоннами.

Все полезли в смартфоны искать дворец Разумовского в Батурине.

Я смотрела на Сашу.

– Саша, а вы не хотите коньяку? – спросила я. – Мне кажется, вы взволнованы. Мы ведь тоже разнервничались, правда? – обернулась я к остальным участникам экспедиции. Они оторвались от телефонов и дружно закивали. В том числе Сашина Агата.

– Да, хочу, – сказал наш экскурсовод устало и обреченно. – Пойдемте, здесь недалеко есть беседка...

«Ротонда» выстрелила.

Думала ли я, что это так мало меня обрадует?

Хотя...

Случай почти беспрецедентный. Рассказу в электронном литературном журнале посвятили статью. Не роману, не повести, – рассказу! Опубликованному даже не в старике-толстяке, а в одном из электронных литературных журналов, тьфу, который и бумажной версии-то не имеет...

Когда я наугулила этот текст (Ротонда Рождествин), чуть со стула не упала. Конечно, я бы хотела, чтоб проницательный критик заметил, что с текстом что-то не так. Что интересно было бы предположить литературную мистификацию, каковой жанр сейчас переживает новый подъем. Тем более, автор «Ротонды» неизвестен и нов, тогда как текст сигнализирует об опытности и искусственности его создателя...

Все это придумалось в моей голове, пока я открывала ссылку. Хотелось хоть какой-то сатисфакции.

Критическая статья изрядного размера была посвящена другим вопросам и аспектам. То есть абсолютно.

Увы, в данном случае.

В статье отмечалось, что автору удалось развернуть свежую, живую интригу вокруг событий более чем двухстолетней давности, завязанной к тому же на архитектуре. Критику понравилось, как в «Ротонде» обошлись с исторической основой, хирургической ниткой (рассасывающейся) сшив ее с современностью. Автор статьи отметила (-а, критик был (-а) женщина) прыжки во времени, изящную игру в детектив, обманки, капканы, разложенные в ткани повествования. Легкость, разговорность текста, даже некоторая его легкомысленность, поддержала критик, в сочетании с фактурой и страстями времен эпохи Просвещения дают неожиданный эффект. Он (она) сравнил(-а) это с пушечным выстрелом и контузией.

Да? Каково мне было это читать?

До кучи, статья кокетливо называлась «Ро-Ре»: Ротонда Рождествина. В этом мало того что содержалось, но еще и закреплялось обидное для меня утверждение четы Рождествовых, Евгения и Евгении, в качестве автора.

Главное, изменен был сам замысел, гипотеза, которую я ловила, как ящерицу на горячем камне валунного моста...

В тот день в Василево.

Примерно год назад, шестнадцатого июля.

И я ее поймала! Сухая и теплая, ящерка недолго возилась у меня в кулаке. Я выпустила узницу в окошко свернутого улиткой указательного пальца. Изумленно оглянувшись, ящерица растворилась в моховых складках моста.

Хотя, по-хорошему, могла бы предложить мне исполнить три желания...

16 июля в Черенчицах вырубili электричество, утро сразу перестало быть томным. Плита чернела холодными кругляшами конфорок. Безмолвствовали холодильник и электрочайник. Не было света в туалете и особенно в душе, который по разнузданной столичной привычке мы с утра надолго оккупировали, создавая маленькую понимающую очередь. Судя по зарядке телефона и ноута, электричество отключили еще ночью.

Мы позвонили Елене Александровне.

– Авария на подстанции! – сказала библиотекаря бодрым голосом. – Обычное дело... Обещали дать к 18.00, но мало ли что они обещают... Все без света сидят, Арпачево, Фомино, Осипово, Горошино. Мы с мужем сегодня на огороде. Все равно компьютер не работает, на работе без света тоже делать нечего, – и я поняла причину ее хорошего настроения.

Мы-то как раз приуныли, но Марк сказал:

– Сегодня у нас что? Среда! Едем в Василево, это другой район. Тогда в дождь ничего толком не увидели.

На остатках интернета он связался с заповедником Василево, убедился, что там все в порядке и по графику. Мы позавтракали хлебом, сыром и кипяченой водой, покрепче запеленали пельмени в газеты и сунули их поглубже в начавшую плакать морозилку.

Когда мы выдвинулись, не было еще и десяти.

В дороге по очереди заряжали от аккумулятора севшие телефоны, потому особо не торопились. Мой неновый Редми насосал двадцать пять процентов. Это часа на два при самом удачном раскладе.

Свернули с дороги к стоянке, и сердце у меня упало. На парковке стояло пять машин, четыре из них были съемочные гримвагены.

Налетели, черны вороны...

Мефистопродакшн, сияло у них на боках.

– Не понос, так золотуха, – расстроился Марк. – В Черенчицах нет электричества, а здесь его будет слишком много. Главное, чтоб на Мосту не снимали...

Но все прекрасно понимали, что снимать будут именно на Мосту.

Билетерша подтвердила наши опасения.

– Кино снимают, на Мосту, – сказала она смущенно, выдавая нам тонкие бумажки билетов, – или передачу, я так и не поняла.

Мы тяжело вздохнули, чтобы зародить у бедной женщины чувство вины.

– Телевизионщики зачастую в последнее время... Скорей всего, на весь день. Ну а что я могу сделать... У них разрешение. Заранее звонили, предупреждали.

– А электричество? – спросила я с напором, представив все прожектора и софиты. Кто о чем, а вшивый о бане. – У нас в Черенчицах до вечера не будет...

– Так они со своим генератором приехали. Размером с мою будку, – вздохнула женщина и потерла лоб. – С фонарями, с ящиками...

– Вы за нас, пожалуйста, не переживайте, – растрогалась ее огорчением, смягчила ситуацию добрая Ася. – Мы сумеем получить удовольствие. У вас и кроме Моста много чего интересного.

– К тому же мы бывали здесь много раз! – приврала я от щедрот. – Скажите, а можно у вас телефончик поставить на зарядку?

На Мосту было черно от людей, экранов, софитов. Какой бы еще сельский мост такое выдержал, только валунный, подумала я. Другой бы провалился, к чертям...

Но кому он нужен, другой?

От черной группы на Мосту отделилась и пошла нам наперерез симпатичная совсем молодая девчонка с синими волосами, в черном. Алефтина, администратор съемочной группы, значилось на бейджике.

Алефтина же через «в» пишется, подумала я...

У Алефтины были красиво подкачанные стройные руки, она раскинула их широко, будто хотела обнять всю нашу компанию.

– Друзья! Друзья! Доброе утро! – запела синеволосяя красивым низким голосом. Она едва заметно картавила, я прямо слабее от небольших дефектов речи, в смысле, млею. – Знаю-знаю, вы с билетами и в своем праве! Мы старались начать пораньше... Для нас одиннадцать утра – это вообще еще ночь. А вы ранние пташки...

Мы мрачно молчали.

– ...Нам нужно поснимать Мост. Это буквально два часа! Хорошо, три, а потом он ваш. Ужасно неудобно! Я знаю, знаю! Вы ехали, специально, выбирали день, а тут мы. Хочу попробовать вас – подкупить! Задобрить. Я вижу, вы... – она просканировала нас взглядом – интеллигентные,

культурные люди. Бутылочка борделло... вас... так... шестеро... две! Две бутылки борделло 2010 года. О, вы не разочаруетесь! Уверена, у настоящих культурных туристов найдется чем закусить. Здесь есть где притулиться. В тени ив. Пикник, так сказать, на обочине. Или вы захотите оставить на вечер? Придержаться... Отпраздновать... что б вам такое отпраздновать? Уверена, повод найдется. У таких симпатичных ребят.

Я не поняла, как ей это удалось. Заговоренные синевласой сиреной, зачарованные, с двумя бутылками наперевес, мы безмятежно пошли прочь. Отметим, зафиксировав, впрочем, время.

И помня про три часа.

Перед тем как отпустить, точней, спровадить, Алефтина перецеловала нас всех по одному. Видимо, от избытка чувств, или тронутая нашей покладистостью.

Или это какое-то киношное энэлли...

Никто не возражал.

– А что снимаете-то? – спросил напоследок Марк с безумной улыбкой и бутылкой в руке.

– Мини-сериал! Для платформы more.tv.

– Неужели снова Мост?

Алефтина заржала басом. Хохоча, она перевернула папку, которую прижимала к впалому животу.

КАМЕНЩИКИ, прочитали мы.

– Название аааапсолютно рабочее, – Алефтина смеялась с удовольствием, позволяя обозреть свой красивый рот. На верхнем правом резце сверкал крошечный полумесяц.

Выпивать в Василево мы, конечно, не стали, это было бы подло по отношению к водителю. И как-то не тянуло, с утра. Учитывая холодный скудный завтрак...

Но запасы борделло и коварная Алефтина вырубili в нас поисково-туристический настрой, мы сдулись. Ушли в сторону от образцов деревянного зодчества и завалились на лужайке. Валились в клевере. Смотрели сначала в гаснущие телефоны, потом просто в небо. Внезапно выключенные из сети, выбитые из плана, мы выпали, вообще, отовсюду. Из колеи арт-марафона. Из бешеной московской гонки, которую в Черенчицах возгоняли в жадное рисование и письмо...

Взамен – просто бездействие, пустота, никак и ничем не окрашенная праздность. Синеволосая Алефтина подарила нам три часа аппсолютной, дистиллированной свободы. И две бутылки превосходного красного вина, но это на вечер.

Когда мы очнулись, было начало четвертого. На щеке Марка отпечатался листик клевера. Ася массажной щеткой вычесывала из волос муравьев. Я крутила руками, разминала затекшие плечи, остальные ходили с очумелым видом, щурились, моргали. Галя, как всегда, что-то снимала, она была с камерой и не зависела от розеток...

На Мосту не было никого. Только тесно сбитые валуны и зашпаклеванное мхом пространство между ними. Киношники не оставили после себя следов. Я поискала взглядом хотя бы окурков: ничего. Странно, учитывая, что их было человек пятнадцать. Супердисциплина, или позаботилась умная собранная Алефтина... Нагота, пустота Моста сама по себе уже шокировала: я была уверена, что киношники застрянут здесь до вечера.

Чудо-Алефтина сдержала свое честное администраторское.

...Настолько никого, что внезапно обострившимся зрением я увидела неподвижную ящерку, греющуюся на каменном зубце. Серенькая, среднего размера, с ажурным бельевым рисунком.

Вид у нее был вполне околдованный. Видать, с ящеркой Алефтина тоже как-то договорилась. Только не как с нами, чтоб сгнули, исчезли с глаз долой, а наоборот, чтобы побыла, посуществовала, эффектная, в кадре.

На остатках плавности, травяного сна, держа тень на отлете, я приблизилась. Накрыла ладошкой маленькое сухое тельце. Ящерка сначала крутилась у меня в кулаке, потом затихла.

Поймать ящерицу – стать супергероем. Который, по обстоятельствам, дышит огнем, или двигает взглядом предметы, или повелевает земноводными. Может взять и вытянуть руку на нужную длину, как Балбес в «Кавказской пленнице»...

Теперь я смогу все, подумала я. После ящерки.

Наверное, это могущественная Хозяйка Чертова Моста, сущность которой упакована в маленькое чешуйчатое тельце. Я напишу гениальную книгу, я прославлюсь, жизнь моя будет яркой (она уже яркая), интересной (уже), разбогатею (да-да!) и помогу всем хорошим людям, нуждающимся в помощи.

– Что с рукой? – Галка смотрела на мой кулак, поджав губы. – Ушиблась?

– Я. Поймала. Ящерицу. – сказала я севшим голосом. – Первый раз в жизни.

– И что? – не удивилась Галя. Ей, с орлиным зрением, было меня не понять. – Сдашь в живой уголок?

– Отпущу, конечно...

Я посмотрела в темноту между пальцами, притихшая ящерка никак себя не обнаруживала. Наверное, сжав кулак посильней, я бы могла ее убить. Придушить, покалечить, но зачем мне дохлая ящерица.

На краю Моста я выбрала самый красивый валун. Мох горел зеленым бархатом. Расширила окошко пальцев. Ящерица не шла. Я открыла руку. Зверь сидел на ладно ладони миниатюрным изваянием и не шевелился. Кажется, ящерка впала в транс. Я бережно стряхнула ящерицу на мох, она утвердилась на лапах и хвосте и снова замерла.

– Хорошая, – похвалила Галина. – Ты ее часом не помяла? – она потянулась к головке, на которой не хватало короны.

Ящерица очнулась и исчезла молниеносно.

– Эх, – расстроилась Галка, – а я хотела сфотографировать...

Тут, как по волшебству, по внезапно закончившемуся волшебству, Мост заполнился людьми. Воздух всплеснул голосами, ожили под ногами валуны. Привалило человек двадцать в шортах, похуже, чем киношники. Туристическое воинство ощерилось селфи-палками, несколько человек к тому же было с палками скандинавскими. В стороне обнаружилась их в модных очках предводительница, она пережидала вспышку фото-бешенства и, видимо, считала до ста.

Мост стоял невозмутимый, красивый, мускулистый. И перестойт нас всех вместе взятых, подумала я.

– Ну а мы, пожалуй, пойдем, – подмигнул нам Марк и потряс над головой булькнувшим пакетом. Глаза его блестели, щеки горели, он выглядел захмелевшим. – Интересно, дали уже электричество?

Мы вернулись в жаркую позднейюльскую Москву, где уже начала поджариваться листва. Асфальт выглядел полинявшим, выгоревшим, а вот плитка держала марку. Только великое офисное сидение в бодрящей смеси целей, задач и кондиционированного воздуха могло спасти мозг от закипания.

Но я не ходила в офис.

Из всей нашей компании один Марк работал присутственно и строго, руководил КБ. Все серьезно.

Но. На что не люблю лето в городе, я без уныния и оскомины прожила почти две недели на дрожжах нашего Черенчицкого выезда. Ротонда (место, постройка) светила мне мягким разреженным светом, обдавала прохладой, выравнивала фон.

Был еще маленький сюжет, интермедия. Не доезжая до Москвы, мы сделали, по настоянию Аси и Марка, ягодный крюк. Заехали к ним на дачу, недалеко от Боблово, помочь с урожаем. С ночевкой.

Кусты смородины стояли отягченные, гнулись к земле ветки. Готовые лопнуть ягоды горели у самой земли. Черная смородина была покрепче, но и она посмурнела и требовала снять урожай.

Стопка легких пластмассовых ведер, и вперед. Мы разошлись по кустам. Собранные ягоды, будто они скапливались не в ведрах, а в головах, вытесняли оттуда впечатления последней недели.

По опыту ягодничества, я знала, что мне будет сегодня сниться...

Мы отлучились пообедать, часто приникали к большой коробке, практически кулеру, с белым вином, взбаламучивая его минералкой.

Кусты медленно пустели, поднимали ветви; ведра наполнялись. Это была абсолютная медитация, мне заранее было немного жаль, что занятие скоро себя исчерпает.

Последний куст был такой плодоносный, такой тяжкий, обремененный, что в памяти всплыли муки и побочки грудного вскармливания (ГВ). Горячие новости о собственном теле, и без того ошарашенном, болезном, раскаленную грудь с красным пятном, тревогу, температуру, младенца, не могущего прорвать молочную осадку.

Приезжающую по вызову специальную женщину: она расцеживает тяжелые случаи, за приличный гонорар.

Редкая профессия.

Я бросилась спасать куст, доить его. Ты ж моя хорошая, говорила я смородине, обирая ягоды бережно, с женской солидарностью на кончиках пальцев, сейчас я помогу, станет легче.

Не знаю, о чем думали мужчины, но и они предавались сбору ягод с молчаливой готовностью, оба, правда, были в наушниках.

Еще даже не начало темнеть, а битва за урожай увенчалась победой. Кусты стояли худенькие и счастливые, а мы пьяные, полулежали за столом и ели макароны, Ася сделала на скорую руку импровизированную болоньезе по-флотски и гигантский салат из чего попало, включая смородину обоих цветов.

Только у Мити, не имевшего аккаунта в Инстаграме и вообще нигде, не появились в ленте фото ведер со смородиной и себя на фоне ведер. Остаток вечера наряжались, прихорашивались, фотографировались.

Смородину с собой заберете, предупредил Марк, куда нам столько. Все крикнули, задумались, а я обрадовалась, радуясь новой срочной задаче недуховного свойства...

– А крутое у вас хозяйство, – я взяла Марка под руку. – Ухоженное такое... Все растет, плодоносит. Когда вы вообще успеваете?

– Смородину еще родители сажали. И яблони со сливами. Я только немного модернизировал, рассадил там... Туи заказали в питомнике, люблю хвойные. И с ними возни мало. Можжевельники выкопал в лесу, проредил, они там все равно загнутся, и пересадил к нам. Все, весь уход.

- А откуда ты это умеешь? Столичный житель. Не знала, что ты садовод. Как Чехов.
 - Как Львов, – Марк улыбнулся широчайше, как чеширский кот, но не исчез, остался при улыбке. – В Черенчицах тоже было что-то вроде питомника.
 - ...и дом такой красивый.
 - Еще родительский. Они сейчас редко приезжают, им тяжело. Я его немного реконструировал, сделал пристройку. Обшил. Крышу перестелил в прошлом году.
 - Красивенькая. Это...?
 - Искусственная черепица. Кстати. Про каменный картон, ты, конечно, уже прочитала?
- Я отрицательно поводила головой и подлила себе вина, ради которого, собственно, и отлучилась от ягодных работ.
- Еще одно изобретение разностороннего Николай Александровича. Прототип нынешнего рубероида. Открыт, ориентировочно, в процессе строительства Приоратского дворца. Под актуальный запрос.

Хорошо представляя себе Приоратский дворец и его устройство по свежим впечатлениям, я приосанилась.

– Как архитектора и гражданина, его мучил кровельный вопрос, – продолжил Марк, – Чем крыть? Чтоб надолго... Приоратскому дворцу, ты же знаешь, он давал гарантию пятьдесят лет, а тот стоит уже больше двухсот. Перенес бомбежки в окрестностях Гатчины, выстоял. Хотя, вроде, домик из земли. Так вот, крыша. Черепица дорога и опасна, может слететь и убить не хуже пушечного ядра... Дерево гниет и горит, свинец дорог, железо ржавеет, это практически цитата. И Львов под это дело изобрел, считай, один из первых композитных материалов, каменный картон. Тряпичная бумага, пропитанная квасцами и истолченная вместе с глиняной или каменной крошкой. Формуется, застывает и становится чем-то вроде... думай... на что похоже? Ну, мокрая толченая бумага?

- Папье-маше!
- Точно. Каменное прочное папье-маше. Или толь. Ну не гений?
- Да, гений, гений, – я грустно допила свое вино. – Знаешь, столько же восхищаюсь, сколько и печалюсь (язык заплетался). Львов так много успел, он удивительно потратил свою короткую жизнь. Я офигеваю... И семья ведь прекрасная... А мы? А я? Нет, ты-то как раз молодец, со своей черепицей, со своей смородиной... Да, вот, кстати.

Марк тем временем аккуратно забрал у меня бокал, обнял и проводил к кусту.

Это был тот самый, тяжкий недоеный куст, я вспыхнула жалостью, и каменное папье-маше отпустило меня.

Вечером, уже в сумерках, мы пошли шляться по поселку. Разглядывали встречающиеся дома. Визуальный аттракцион, разгадывание домиков...

Постройки в поселке преобладали скромные, были среди них изящные, и с претензией, и смешноватые. Один (одно?) палатко буквально распирал(-о) сдвоенный, но все равно маловатый ему участок. Были домик с пристанью, домик с мостиком и даже дом с чем-то вроде небольшой деревянной эстрады и тремя скамейками напротив.

Я вопросительно посмотрела на Марка, он пожал плечами.

К нам прибилась полненькая ухоженная собачка, белая с круглым рыжим пятном на правой лопатке. Собачка трусила рядом с выражением «я ваша», а нам что, не жалко, беспокоились только чтобы она не заблудилась и вернулась к хозяевам. Было приятно идти с воспитанной акку-

ратной собачкой у правой ноги, она корректно останавливалась там же где и мы, но довольно быстро просекла наш аттракцион, пару раз отбегала и звала негромким лаем, приглашая показать домики по собственному выбору.

Дачный поселок был окружен приличным хвойным лесом. Зимой в таком хорошо бегать на лыжах, осенью – собирать грибы, весной праздновать масленицу, летом – просто хорошо...

Нагулявшись до первой прохлады и легкой сонливости, мы брели дачной улицей к ним домой...

– Ёш твою медь! – воскликнула Галина. – Эт-та что еще за ужас?!

Между двумя вполне приличными домами показалось нечто, заставившее меня охнуть от неожиданности. Серо-черное бессмысленное уродище возвышалось над двухэтажными симпатичными коттеджами. Сооружение могло только условно считаться домом: рамы окон были закреплены прямо на глухой стене, почти не прочитывалась этажность, выпирал по бокам брус. Конструкция из серых досок, местами обгорелых, хаотично торчащих, казалось, не имела внутреннего пространства, не являясь, собственно, домом.

– Господи... что это?

– Здесь, – сказал Марк, понизив голос, – был нормальный дом, жила семья. Случился пожар, все погибли. Кроме мужа, хозяина. И он несколько лет на месте пожарища строил, возводил вот это. Видимо, сошел с ума... Никто ничего не знает.

Дом стоял между нарядных домов и скромных домиков мрачным памятником, кошмарной стелой. Никаким забором нельзя было укрыться от этого зрелища.

...Здесь можно было бы пофилософствовать о фатальности соседства. Как и родину, соседей не выбирают, а они живут и умирают или выживают из ума...

К счастью, наши друзья жили в нескольких улицах от этого невеселого места. Мы вернулись слегка подавленные, но быстро утешились чаем с коньяком и завалились спать.

Москва, жара, тшета всего сущего, подбирающаяся на сухих лапах хандра и пять ведер из-под шпатлевки, полных смородины. Они смиренно стояли на балконе, а вот ждать не могли, в жару ягоды портятся.

Тут было важно правильно выставить настройки и получить максимальное удовольствие. Не мука, пытка, геморрой, а затяжная медитация.

Да еще и с наваром в виде будущей наливки, варений, животворящего красносморозинного желе.

Я готовилась, настраивалась полдня, зависая то в фейсбуке, то в инстаграме, а потом отключила интернет, телефон и началось великое ягодное стояние.

Дни утонули в сахаре, ягодах, пенках, музыке Каравайчука и Пендерецкого и собственном тексте, это были не худшие дни. В конце концов я переработала все, то есть абсолютно, ягоды, и дошлифовала «Ротонду».

Я сделалась пуста, как куст, и полна одновременно. Холодильник стоял забитый под завязку, чего я вообще-то не люблю, но здесь был особый случай.

Впервые за много месяцев не тянуло магнитом к ноутбуку – наоборот.

Я отмыла стол, пол, плитку от ягодных пятен, все было чисто, мирно, только в огромной кастрюле из нержавейки бледно розовел жмых. Выпотрошенная, выжатая, обескровленная красная смородина; мы были с ней чем-то похожи.

И хотя лучшие мировые хозяйки рекомендовали сделать из жмыха витаминный напиток или даже желе, я просто выгрузила содержимое кастрюли в помойное ведро.

Все. Достаточно.

...Что-то не сходилась у меня в этом 1803 году. Летом Львов отправился в экспедицию на юг: Кавказ, Таманский полуостров Крым, если по сегодняшней географии. Командировка, вообще говоря, козырной. Два в одном: решить некоторые (многие) государственные задачи и поправить здоровье на кавминводах.

Львов все осмотрел, проанализировал, предложил план действий.

Придумал и детально расписал проект ванн и общего устройства водолечебницы. Наверняка прикладывался к знаменитой уже тогда кисловодской водичке...

Правда, в следующем 1804 году случится эпидемия чумы, которая продлится до 1806, а после нее про изыскания, выводы и предложения Николая Александровича никто и не вспомнит. Почему-то забвение шло за ним по пятам, дышало в затылок. Уже при жизни Львова его проекты начали приписывать другим...

Архитектора это не тронет, не расстроит – в ночь с двадцать первого на двадцать второе декабря 1803 года «гений вкуса» покинет бренный мир. В последние минуты рядом со Львовым неотлучно находится преданная Марья Алексеевна. Происходит это в Москве.

Но вот почему?

Удивительно, исследователи Львова бьются над датой его рождения, здесь и правда некоторая неразбериха, май или март. Но совершенно никак не комментируют его кончину вдали от дома. Почему помещик, семьянин, многодетный отец, летом управившийся с важным государственным заданием, в декабре встречает смерть не дома, в милом сердцу Никольском.

Или, на худой конец, в Санкт-Петербурге, где Львов гипотетически мог оказаться по делам, с высочайшим докладом об экспедиции, – а в Москве.

Кто-нибудь может мне ответить?

Позвонила Оля: громкий оживленный голос, фиоритуры профессионального педагога, ласковое «Танечка».

– Слушай, ты же помнишь эпизод с вампирской фермой? В Повелково...

– Отож. Проволоне вспоминаю с нежностью. С маслом внутри...

– Да. Все правильно, хорошие сыры. Место, правда, странноватое... А ты знаешь, что в соколовы годы девятнадцатого века Черенчицы были главным сырным местом Новоторжского уезда? Сыра продавали почти на 2000 рублей в год. Огромные деньги! Возили в обе столицы.

– ...

– Пишут, виноваты местные травы, какие-то особенно прекрасные. Ты же помнишь эти травы?

(Я хорошо помнила эти травы.)

– Имение досталось по наследству старшему сыну. Тоже гений вкуса...

– Да, типа того, – Оля хмыкнула. – Причем буквально. Леонид Николаевич Львов как раз и замутил сырное производство. Перенял от родителя хозяйственную жилку... И предприимчивость.

– Предприимчивость?

– Да, Тань, именно! Ты не думала взглянуть на Львова с этой точки зрения?

Как велика и разнообразна Тверская земля... В Торжокском ее районе растут, как и двести лет назад, волшебные травы, а под Удомлей нас вы... отымали. Было это года четыре назад. Я обещала эротический эпизод, в кавычках, вот он.

В Удомле, атомном городке, чистеньком и относительно новеньком, вида сытого и благополучного, мы первым делом заехали в Чикен Хаус, местный тверской-областной не допущенный почему-то в Москву куриный фастфуд. Здесь мы и особенно сопутствующие нам подростки оторвались по полной, съели сколько влезло, а потом поехали искать место для ночевки. Нашли довольно скоро, прелестное. Озеро, большая поляна с песчаным пляжем, все как мы любим. Со-сны, камыши, вид. Тишина, безлюдье.

Блаженствуя, мы разбили лагерь, поставили палатки, развели костер, искупались, и тут, к нашему огромному неудовольствию, на поляну въехал сизый рено. Из машины вылезли худощавый парень лет тридцати пяти и двое подростков. Двое собственных подростков, напомним, имелись и у нас.

Парень решительно подошел и объявил, что здесь, на этой поляне, будет происходить удомельский городской юношеский слет, военно-патриотические игры. Место утверждено муниципалитетом, внесено в план, в смету, и точка.

Мы вступили в переговоры. Нам ужасно неохота было переезжать, сворачивать лагерь, так хорошо вписавшийся в пейзаж, который мы еще толком не изведали. Удомельский Юра смягчился, попросил кофе (с утра еще не пил), сказал, что сегодня к вечеру они заедут, разобьют лагерь, а вся активность у них начнется только завтра днем, так что нам не обязательно прям срываться с места.

А завтра днем мы так и так планировали уехать.

На том и порешили. Сутки как-нибудь побудем соседями, тем более что поляна большая и на редкость комфортная (что вообще-то сразу должно было насторожить). Очком в нашу пользу стала банка очень хорошего кофе, Юра пил уже вторую «чашечку», лидер патриотических отроков оказался кофеманом. Его тихие блондинистые подростки страстно гордились своими вождями, когда Юра ушел встречать подъезжающие машины, спросили нас, заметили ли мы, как сильно их Юра похож на ныне действующего президента. Некоторое сходство имелось, голова огурком, близко посаженные глаза, пацанская вкрадчивая нагловатость, только удомельский лидер юных патриотов был довольно высок и совсем молод.

Мы сказали да, похож, парни удовлетворились.

Остаток дня юные удомельцы устанавливали лагерь. Юра совсем по-свойски подходил к нашему биваку то за кофе, то за топором, то за лопатой, патриоты оказались плоховато экипированы. Человек пятнадцать подростков, сколько-то взрослых, мужчины и пара молодых женщин нарядили лагерь к слету, натянули несколько плакатов, развели костер на почтительном расстоянии от нашего. Все развивалось мирно и даже хорошо, и мы оставили палатки, машину и хозяйство при костре на попечение патриотов и ушли обследовать окрестности, многозначительно кивнув Юре, он сделал нам ручкой, де, все под контролем.

Что было очень кстати, лагерь ведь просто так не оставишь.

Мы отправились блуждать по полуострову и нашли уютнейшее место. Высокий берег, укромный пляж с тарзанкой, закрепленной на огромной розовой сосне. Пожалели, что не устроили здесь лагерь, патриотические удомельцы сюда бы просто не поместились...

Но переезжать было поздновато и лень.

Тарзанка, качающаяся над блестящей водой, искушала надежным канатом и широким размахом. Все принялись лихо прыгать, но вскоре выяснилось, что один из подростков искупался вместе с кошельком, и еще сколько-то времени мы сушили его наличность, разложив ее на валунах.

Мы уже не удивились, видимо, это действовало заклятье Удомли, когда пришли две блондинки с хвостиками, с черным деревенским загаром, – мама лет тридцати пяти и дочка пяти. Никаких

кивков и политесов, они просто уселись на берегу метрах в десяти, мать ловко собрала удочку, насадили червяка из банки, закинула и завела нескончаемый телефонный разговор, из которого мы узнали, что женщина работает в Питере официанткой, но взяла отпуск и приехала на родину. Дом цел, все нормально, хотя видно, что забирались, но ценное не нашли, было хорошо спрятано. Через спокойное повествование и непротивные бытовые матюги открывалось невеселое состояние ближайшей деревни: пьют, крадут, бездельничают. «С Алинкой сейчас рыбачим» – блондинки пришли наловить рыбки к ужину.

Пока мать болтала, ее девочка подошла и молча нас рассматривала, хмуро, из-под челки, потом увидела разложенные на камнях Никитины деньги и приросла к ним взглядом. Наши подроски не обращали на малышку никакого внимания, как на белочку, которой умилились в первый момент, и все.

Мать закончила разговор (ну все, бля, давай, увидимся, Дрозду привет), поискала девочку взглядом: Алинк, не мешаешься там? Мы уверили, что нет, хотя нас не спрашивали.

Меж тем, пока питерская официантка болтала по телефону, она натаскала десяток красноперок. А что сделали мы? – высушили тысячу рублей отдельными ассигнациями...

В лагерь вернулись часа через три. Поляну было не узнать, все пространство заросло одиноватыми большими палатками. Выделялись цветом и размером три вожатских шатра. Стояли стенды из досок, фанеры и пластика, к соснам были приторочены веревочные лестницы. Вяло свисали, по полному безветрию, флаги. На стендах, в числе прочего, имелось расписание мероприятий, списки команд и еще много чего; значилось там вручение вымпелов и выступление замэра Удомли, послезавтра.

Надо отдать должное, патриоты выдержали дистанцию и наши две палатки, костер, машина стояли как бы на островке. Поляна была полностью обжита, но Юра, зашедший хлебнуть кофейку, уточнил, что завтра утром придет еще часть команды, но завтра нас уже мало волновало.

На ужин мы сварили себе картошки с тушенкой и котелок чая, похожего на вскипевшую торфяную воду; к чаю шло сухое печенье, которым у нас было забито полбагажника, и сгущенное молоко. Мы сидели-ели, глядя на озеро, и солнце садилось прямо перед нами, как балерина. И хотя неправильно плавать на полный желудок, желающие сплавали по розовой дробящейся дорожке туда-обратно, а я фотографировала.

На берегу тусовались также и юные патриоты, им было от восьми до двенадцати, просто провинциальные мальчишки, довольно хлипкие, плохо одетые. Купаться им почему-то не разрешалось, они смотрели на купальщиков пустыми глазами. Патриоты тоже ужинали, мыли посуду, терли песком котелки. Лидер одергивал и строил их самодельными присказками, типа «раз, два, три, жопу подотри» и «выше нос, отставить сопли».

Около половины десятого Юра в последний раз забежал за кофе. Кофе на ночь? – забеспокоилась я. – Спать не будете... Буду-буду, – Юра вдруг гаденько подмигнул. Чего это он, подумала я, в душу закралось нехорошее предчувствие, выяснилось, не зря.

Старшие патриоты затолкали младших по палаткам около десяти. Взрослых во главе с Юрой было пятеро, две женщины, я особо не вглядывалась, следуя собственным представлениям об идеальном соседстве. Удомельские крутились у костра, поздний ужин. Около одиннадцати мы забрались в палатки и заснули.

Проснулись среди ночи, соседи горланили под гитару, пение ненадолго вошло в сюжет сна. Голоса и интонации выдавали хороший градус опьянения. Я вслушалась. Ни одной знакомой песни. Патриоты пели откровенную похабщину, в одной из песен рифмовалось «платье – е...ть я».

Ну и репертуарчик, подумала я тоскливо, а ведь у них полная поляна детей...

Ну и мы, какие-никакие соседи, незнакомые люди...

В темноте я нашарила мобильный, было полтретьего ночи.

*...сегодня жду Ирину,
я ноги ей раздвину
и крепко ей задвину.*

*Раз, раз, раз
раздвину!
Зад, зад, зад
задвину,*

– орали соседи хором; видно, репертуар был хорошо им знаком. Кто сочинял песни этому самодеятельному ансамблю, что за мастер-похабстер?

Судя по всему, участники были свежи, полны сил и горласты, пьянка набирала ход.

Намотай мы на голову хоть весь запас одежды и заткни уши чем угодно, песни удомельцев не оставили бы шансов заснуть. И, потом, было противно.

– Не, я так не могу, – я накинула куртку, пригладила волосы. Вылезла на поляну, где вокруг адского пламени сидели и горланили патриоты; их было уже семеро, двое приехали, когда мы спали.

– Господа, – я дождалась конца песни. Они оглянулись. Лица расцветали усмешливым интелесом. Юра встал, его качало. Лидер патриотов поднял руку, будто просясь, к доске. Полноватая блондинка рассматривала меня, как насекомое.

– У вас здесь спят дети. За которых вы отвечаете... Вы взрослые люди, орете похабщину. Глухой ночью... А еще здесь есть посторонние. Мы, ваши соседи. Вы нам мешаете спать.

Кто-то засмеялся. Блондинка сделал движение в мою сторону, округлила рот, но Юра сложным размашистым жестом дал понять, что ща все уладит.

– Аня, – начал он. Согласные ему давались плохо, получилось: Ая.

– Я Таня.

– Та-я! Все, мы уже закач... заканчивам... да, ребята, скажите ей, мы уже сакан...

– Юрк, ты чо пластаешься, – обняла его блондинка, увлекая к себе на бревно. – Она вообще кто?

– Мы сакан... – закивал мне Юра, а его сосед справа легонько затеребил струны и тихо, вкрадчиво пропел:

*– А соседей, мать твою,
мы видали на х...
– На х..., на х...
ахаю и охаю!*

– подхватил, подключился вдруг Юра, следом грянули его товарищи.

Я попятилась к палатке. Дальше из песни последовало, что речь идет о жителях бывших союзных республик.

Кажется, своими переговорами я сделала только хуже...

Удомельские патриоты не унялись ни через час, ни через два; как они завтра собирались проводить слет и принимать начальство, я не представляла.

Встали мы никакие. Шатало, с недосыпа знобило и подташнивало. Старших патриотов не было видно, у костра валялись остатки пира.

Несколько младших теньями ходили между палатками, подбирались к месту кормления.

Наши собственные подростки, за ночь наслушавшиеся всякого и невольно прошедшие инициацию, смотрели на нас, криво улыбаясь. Будто удомельские вампиры покусали их, впрыснули своей мерзости, подумала я, но тут же отогнала морок.

По расписанию, висящему на дереве, подъем значился в восемь утра, на часах было начало десятого.

Я полезла в озеро, прямо туда, где вчера разливалось малиновое золото заката, вымылась в холодной воде; стало чуть легче.

Собрались мы быстро, как солдаты. Есть не хотелось, наоборот. Тем более что на кромке озера розовела лужа блевотины...

На звуки мотора из крайней палатки вылез Юра с серым лицом, и меня чуть не стошнило. Говорить слова не было сил и смысла. Мы уехали с обесчещенной поляны с облегчением, ругая себя за лень, малодушие и компромиссность.

...Забыла рассказать. Вечером Юрина команда завезла на поляну три туалета, синие пластиковые кабины. Двери их были примотаны скотчем; Юра объявил своим бледным мальчикам, что начать пользоваться удобствами можно будет только завтра, когда приедет начальство и слет официально откроется. А пока, – Юра-патриот подмигнул и сделал широкий приглашающий жест, охвативший поляну, лес поляны, берег справа и слева, будто дарил им для упомянутых нужд весь этот озерный край, или сдавал в краткосрочную аренду.

Через четыре часа мы уже были в Осташкове.

Кофе, по которому протрезвевший Юра наверняка быстро соскучился и застосковал, мы пили уже на Селигере.

Мухи отдельно, кофе отдельно. Днем хочется приличного кофе, ночью всего остального, неприличного... Днем дружить, ночью хамить, такая вот оборотневая сущность.

А ведь и боготворимый Николай Александрович оказывался в покоем... ну, относительно, положении. Когда в апреле 1799 году умер его покровитель Александр Андреевич Безбородко, канцлер и фактический министр внешней политики, Львов моментально лишился всех своих скромных привилегий. По приказу Федора Растопчина Львова просят немедленно очистить казенную квартиру. Она располагалась в здании Почтамта, доме, который архитектор собственноручно спроектировал. Где Львов трудился ключевым сотрудником почтового ведомства, успев сделать немало полезного. Которое (ведомство) вскоре возглавит Растопчин...

Справедливо ради, Львов принадлежал к ведомству до 1798 года, в этом году он оставил место, поскольку был назначен руководителем сразу двух важных проектов. Создание и запуск землебитных училищ – раз, добыча угля под Боровичами – два.

Но служебная квартира на Почтамтской улице сохранялась за ним. Что, конечно, было очень удобно...

А тут все, досвидос, просят с вещами на выход. Некоторые заслуги перед Отечеством, верная служба плюс созданный к тому времени архитектором сонм прекрасных зданий, жемчужин отечественной архитектуры, – к делу никакого отношения не имеют. Аппсолютно.

Но что интересно. В 1800 году граф Растопчин покупает подмосковную усадьбу Вороново. Которую в свое время перестраивал и улучшал – кто? Конечно, архитектор Н.А. Львов. Заказчиком выступил прежний владелец, граф Артемий Иванович Воронцов.

Мухи отдельно, котлеты отдельно.

В 1812 году хозяин сожжет усадьбу, оставив на воротах «записку» для французов. Незадолго до того, 20 сентября, здесь останавливался на ночь Кутузов.

Этот огненный прием (в обоих смыслах слова) Растопчин потом повторит в Москве.

Вотсап подал голос: три мокрых шлепочка.

Ого, Евгений. На юзерпике он был беленький, чистенький, какой-то идеализированный. Удачное фото.

*Вы в Москве? Встретимся? расскажу про наш крымский тур...
Как писатель писателю))))* должок за ротонду

– ...Это была ее безумная затея. Повторить последнее путешествие Львова, его южное турне. Точней, командировку. Проехать тем же маршрутом, тютельница в тютельку. Шаг за шагом... Толь-

ко, ясное дело, на машине. Я как раз купил Мицубиси универсал, до этого ездил только на машинах, – отвлекся и сразу немного поглупел Евгений, – Так что у меня были свои резоны. Обкатать машинку... Запланировали отпуск на начало августа. Кисловодск, Таманский полуостров, Керчь и Коктебель. Мне, честно говоря, вообще было пофиг, куда ехать. Дочку отправили в спортивный лагерь, так что мы с Женей отправились как молодожены, сами-одни. К тому же маршрут пролегал по лучшим винным хозяйствам. Тут мы с Женей совпадали...

(Его мысженей слилось в жужжание и вызывало жжение слуха.)

– Начали с Липецка. Львов посещал здесь путевой дом Петра, мы, конечно, тоже туда потащились. Львов был здесь в 1803, а в 1806 году дом сгорел, дотла. Но ничего, заново отстроили. Такой милый новодел, пряничный домик. Воссоздали, будто знали, что мы приедем...

От Ростова Львов со товарищи плыли по Дону, мы, конечно, нет. От станицы Аксай, здесь сейчас аэропорт. Потом заехали в Пятигорск. Пили их воды, гадость, тухлятина и расстройство. У меня от них вообще случились глюки... Приснился безумный сон, вся компания, Львов, Остап Бендер и Лермонтов в крови. Конечно, мы с Женей выпивали, все-таки отпуск... Но не до такой степени. Хотя в сочетании с минералкой иногда просто жечь. Причем, заметь, я люблю красные, плотные, танинные, а Женя только белые, душистые. Она их называла «с цветочком». Хорошо, дочка с нами не поехала... Всегда переживала, что слишком много пьем, пыталась нас контролировать (папа, может, тебе уже достаточно?). А мы с ее матерью отбивались, хохоча. Внушали, что это чистой воды дегустация. Ты хоть раз видела маму или папу пьяными? Не-а...

– Раек, – сказала я автоматически.

– Что? Ага, – у Евгения непроизвольно дрогнули углы губ, – Раечек. Так что хорошо, что ее с нами не было... Приключения не в ее вкусе.

На Таманском полуострове мы повторили все его движения. Львов в Темрюк – мы в Темрюк. Он в станицу Сенное, мы за ним. Съездили в Пеклу. В Тамань, само собой разумеется.

А чтоб вы понимали – тыфу! – ты, – Таманский полуостров это тебе не Крым. Пыльная сонная жаркая провинция. Еще же август, все выгорело. Сенное – унылейшее место, пусть оно хоть трижды древняя Фанагория. Во времена Львова – колония греческих купцов.

Даже наоборот, понимание былого величия – и убожество этого захолустья. Но зато любая столовка с колоннами и портиком из гипсокартона...

Единственный плюс Сенного – фирменный магазин винзавода. Я там завис надолго. Хотя, честно говоря, и магазин дурацкий, беспородный. С Шато-Тамань никакого сравнения... Но кое-что найти все равно можно, если поискать.

А вокруг, Таня, плоская степь, серо-желтая, цикады, пыль-тоска. Что там еще делать, только пить... И море в странной, преступной близости... Вот прямо за домом, за магазином, 50 метров от трассы. Когнитивный диссонанс. Как у человека, скучного, пресного, старого – умница-красавица жена.

Азовское море прекрасное. Нежное, перламутровое... Какое-то доброе, – глаза у Евгения затуманились, будто он рассказывал о школьной любви, причем к учительнице литературы или истории. – Несмотря на всех этих глупых людей, которые лезут в него своими ногами, кругами, надувными матрасами. Кишат. Болтаются на поверхности цветным шумным мусором. Вся эта пляжная фактура, семечки, пахлава, обязательно верблюд с мешком под хвостом – хочется взять и счистить в мусорный бак...

Само море, как вода, как среда, оно – другая реальность. Это уже никакое не Сенное, а именно море. Просто море...

В Сенном Львов искал Тмутараканский камень. Сенное – тип-пичная Тмутаракань, вот чистая правда. Там можно самого себя потерять, раствориться, сгинуть. Унесет пыльным ветром, как перекасти-поле, зацепишься за куст, покроешься пылью, заснешь вечным сном.

Я представил его там, Львова. Греческие домики, рыбацьи сети. Гарнизон стоял неподалеку. И Львов худой, больной, бледный. Воодушевленный. Еще бы, такая безумная авантюра, такая красивая история. Почти «Юнона и Авось». Кстати, собственная его love story похлеще Резановской,

из «Юноны и Авось». Только со счастливым концом. Ну, эту эпопею все знают... Есть мнение, что Пушкин писал с нее свою «Метель».

А еще кайф в том, что южная экспедиция – госзаказ... По одной из версий, Львов сам этот проект инициировал, предложил, а государство вложилось. Список полномочий ого-го, но ведь и задач немеряно. Но ему-то в радость, ты же понимаешь, свободный дух, пытливый ум, артистический темперамент...

– Тань, ты в Пекле была? Там вообще по-другому. Не как в Сенном. Никакого уныния... Берег довольно высокий. Внизу дикий пляж, галечный, суровый, ходить можно только в шлепках. Бакланы в небе маршируют. Грязевой вулкан маленький, круглый, детского размера, пукает серыми пузырями. В Пекле мы зависли на несколько дней, жили в палатке. Совсем другая энергетика... Античность чувствуется.

– Интересно, он купался?

– Львов? Наверняка. Они тоже были в августе. Точней, это мы – тоже. Жара. Потом, у него болела нога, а плавание помогает, снимает остроту, и соль морская... Он очень нездоровый поехал, ты же в курсе. Как бы заодно и подлечиться.

– Эти мне поездки подлечиться...

– Да, понимаю. Вагон, лед, устрицы, мертвое тело...

В Тамани мы опять пересеклись с Лермонтовым, и он снова мне приснился. Но в Тамани главное, конечно, не это. А огромный винный магазин на въезде в город. Язык не поворачивается назвать его супермаркетом. Это храм! Таня, с дегустационным залом... С залом-холодильником для шампанских вин. Я там просто ошалел... Наверное, когда девушки попадают в какие-нибудь магазины одежды или косметики, у них сносит крышу. Ряды вин, ничего кроме вина... Коньяков не помню, коньяки в Темрюке. Огромный выбор недорогих хороших вин. Есть и дорогие, пожалейте. И ты такой, с кошельком и тележкой...

Я забил вином весь багажник. Себе, друзьям, на подарки. Знаешь, испытал удовлетворение, как крестьянин, как белочка... Вот, обеспечил себя вином на долгое время. Запасся! На долгую зиму. Правда, закончилось вино уже в октябре, с моими темпами...

Через вино, через эту линзу, вся Тамань, – выжженная земля, низкие горы, неприличные грязевые вулканы, крокодиловые болота с лотосами приобретают другой смысл... Древность проступает, история, не музейная, а настоящая. Она там неглубокого залегания... И ты уже не в провинции, не в захолустье, а в месте, где закручиваются временные вихри.

– Портал?

– Да, типа того. Сейчас, правда, все портал. Но в Тамани действительно есть такие места. Выпадаешь из этого времени, вообще. Прямо бац, и ты один на пляже... И это не пляж, а берег. Древность дышит, море скворчит, небо близко. А грязевые вулканы – это вообще пространственно-временные дыры... норы... Надо просто туда нырнуть, в этот серый жидкий цемент... Но страшно же. И брезгливо... Все осторожно погружаются, окунаются по шейку, бегемотами. Безнаказанно пускают пузыри.

– А потом?

Евгений, мыслями весь в прекрасных винах и целебных грязях, даже не понял, о чем я. Помергал.

– Потом... Да. А потом мы поехали в Крым. В Керчь. Еще не было моста, переправились на пароме...

– В Керчи – конечно же догадываешься что произошло? Ты ведь хорошо изучала матчасть... Я задумалась.

– Какой-то фак ап? Понятно... Так. Что, опять с ногой?

– Ты умная. Можно, я...?

Евгений пристал, преувеличенно кряхтя, выдвинулся из-за стола, поцеловал меня в щеку.

...Он выбрал удивительно удачный локейшн, я и не знала, что в Москве есть такое место. Совершенно не московское. Заведение общепита в отрогах Маросейки называлось «Березка». «Кафе естественной кухни». Каково? Вроде буэ, такой ЗОЖ с национальной почвеннической ноткой, но пища это идет. Здесь обнаружилась милая вкусная еда, на удивление недорогая. Что-то с молодым горошком, с тушеным пастернаком, со свежим любистоком. В этом кафе «Березка», как в муравьях вокруг Константиново, можно было забыться-затеряться. Народу оказалось мало. В сочетании всего со всем, фантазируй себе, что кафе создано специально для этой встречи, требующей особой атмосферы, и исчезнет по ее завершении.

Как пряничная лавка миссис Кори.

– Сначала все было отлично. Мы шли по следу, обошли этот Еникале, съездили в Коктебель. Кстати, там случился один сюжет, не по плану, вот он был отличный. Последнее из хорошего...

– Таааак, – сказала я. – А в Керчи-то что?

– Вы будете смеяться. Ты. Будешь... 27 августа Женя проснулась с огромной ногой, ножищей. Бордовой от ступни до колени. Сине-бордовой. Распухшие пальцы... Раскаленная нога 45 размера. На нее даже смотреть было страшно, не то что прикоснуться. Женя плакала просто когда я пытался рядом сесть... Помнишь: черная нога идет по твоему городу... черная нога идет по твоей улице... черная нога входит в твой дом?

Главное, никаких предпосылок. Не ударялась, не падала. Даже не бухали накануне... Ни морских ежей, ужей... Вот просто на ровном месте.

В травмпункте посмотрели – все на месте, ничего нет по их части, ни переломов, ни смещений, ни ушибов. Сказали ограничить употребление крепких бульонов и вина. Причем красного, а Женя всю жизнь пила белое...

Мы помчались в Москву. В дорогу я купил Жене резиновые садовые калоши мужского размера, великанская нога никуда не лезла. Гнал весь день. Ночевали под Ростовом. Не думал, что все сбудется настолько буквально.

Я вообще решил, все, капец, отнимут ногу. Как Фриде Кало... Как Маресьеву...

А это и вправду оказалось что-то типа воспаления, подагры. Когда мы въехали в Московскую область, Женя уже спокойно влезала в свои кеды... Отек спал, опять стала нормальная человеческая нога. Хоть возвращайся... И, кстати, она жива-здоровая.

Я вытаращила глаза.

– Не попл?

– Моя бывшая жена. Женя. Жива-здоровая.

Про такие моменты говорят «потерять дар речи». Я булькала и не могла сказать ничего членораздельного. Я уже оплакала, пережила его потерю. Хорошо помню мохнатый ком в гортани...

– Тыбл... Жты... Совсем ох? Шутить такими вещами... – я вскочила, чуть не перевернув стол. Сидеть и перекусывать с человеком, который сочинил, что его жена умерла, я не умела.

Едоки правильной пищи повернули к нам удивленно-доброжелательные лица.

Евгений, оглядываясь, потянул меня за руку.

– Сядь. Хватит кудахтать... Вот б... женщины... Просто. Послушай.

Я села.

– Я не говорил, что умерла. Не передергивай. Сказал: ушла. Остальное плод твоей литературной фантазии. Да, для меня теперь она не существует. Она не просто ушла, а... хуже. После всего что... – он сглотнул, помолчал. – Так какая разница? Долбанная «Ротонда» досталась мне после ее символической смерти... Отошла по страховке, – Евгений хохотнул, – какбэ. Ведь она должна была умереть в декабре. По всему.

– По... чему?

– Да потому что все шло как по нотам. И даже по числам. Бегство из Керчи с больной ногой. 27 августа... Она же суеверная, впечатлительная как не знаю кто... Она себя уже похоронила... Зато после благополучного исхода этой истории расколдовалась. Вообще другой человек. Сбросила

прошлое как змея кожуру... Обнулилась, как сейчас модно говорить. А меня выкинула, как использованную прокладку.

Я ужасно устала от Евгения, от его внезапно воскресшей жены. От всей истории с «Ротондой». Этого мне еще только не хватало: чужих ног, посторонней подагры... Но – мы как будто делили ребенка, и нельзя было просто встать и уйти...

– Так, – сказала я, отодвигая тарелку. – Что у вас там случилось-то, в Коктебеле? Вы сказали, хорошее.

– Ты, – возразил Женя. – Мы же на ты?

– Вы! – отрезала я. – Ты, твоя жена и ее подагра.

– В Коктебеле, – плавно вынул Евгений, – мы отлично проводили время. Мы сделали вид, что это Киммерион, что там нет сотен жареных тел и всего этого пляжного гриля. Конечно, выпивали, было бы странно, согласись... Этого не делать. Мы выполнили львовскую программу, и можно было валить, но тут через приятелей познакомились с одной... девчонкой. Господи, какой девчонкой?! На самом деле эта Зоя – легендарная личность, я про нее давно слышал. Такой Маугли без возраста. Женщина за сорок, а то и больше, маленькая, поджарая. Такая вроде саранча, но с... (Евгений изобразил обеими руками нечто волнообразное). С головы до ног в камуфляже... Таня, у нее даже купальник, даже носки, даже резинка для волос были в этих бурых защитных пятнах! Не поверишь, носовые платки одноразовые – камуфляжные. Фляжка – в пятнах. Это была ее идея фикс, фишка. Визуальный манифест. Слиться, б..., с природой. Угадай, с чем связано?

– Ей... шел защитный? (Женя кивнул.) Какая-нибудь гринписовская?

– Тепло. Горячо, – сказал Евгений. – Она была сталкер и внештатный сотрудник Коктебельского заповедника. У нее даже ксива имелась. Это удостоверение было ей дороже любого паспорта...

– Местная? Коктебельская?

– Ты смеешься? Москва, Таня, Москва! Девушка на когнитивном диссонансе. В столице зимует, переживает. В Коктебеле с ранней весны до поздней осени живет, с большой буквы. Ну и промышляет. Фотографирует... Знаю, все местные турагентства мечтали заманить ее, перехватить, перекупить. Ей, кстати, это льстило, но она была клас-сическая одиночка! И ревнитель этих мест. Окрестности знала как саму себя, как собственное тело. Здесь у меня родинка, здесь родник, тут тропа, складка, морщина, укрытие, здесь, не наступи, орнитагал и ятрышник. А тут, осторожней, белладонна. Если говорить о гении места, то это она и была.

– Красивая?

Женя не удивился вопросу. Посмотрел куда-то вдаль за мое плечо, а потом обратно в глаза.

– Да. Она была красивая. Такая суровая, резкая. Женщина-воин. Похожая на финикийку с сигаретой, на фаюмский портрет. Взрослая, с детским смехом... Какая-то прикольная. В защитной бандане и трусиках... Ящерка. Царица горы. А сама, б..., из Юззино.

– Ты что, влюбился?

– Издеваешься? У меня была Женя. И Раек... Сразу две любимых женщины...

Что-то в его голосе подсказало мне сделать паузу. На чай-кофе березовый сок.

– Она повезла нас на Опук.

– Как? Апук? Еще одно львовское место? – я не собиралась его дразнить, но дурацкое слово располагало...

– Нет. Опук не еще одно... Единственное в своем роде. Вы что, не слышали о нем... ты? (я поболтала головой). Зойка велела оставить машину. Договорилась с таксистом. Она дружила с

несколькими водилами по многу лет, кореша. Они ее боготворили. Зойка приводила жирных клиентов, жаждущих экзотики. Такой Саша-таксист, прическа как у трубадура. Поехали очень рано, мне проще было вообще не ложиться. Чтоб обмануть жару, и еще там были какие-то соображения, резоны. Это же запретка, боялись встретить охрану. Поэтому старались не попасть в прайм-тайм. Спойлер: мы их встретили... Расчет, что на охрану произведет впечатление ксива из карадагского заповедника, не оправдался. Конечно, они пялились на ее защитный купальник и молодой коричневый живот, но велели нам уйо... проваливать.

Опук – гора, невысокая, столовая, меньше двухсот метров. Но для ровной степи вполне себе гора... Считается, именно здесь был Киммерион. В ясную погоду с Опук хорошо видны знаменитые скалы-корабли. Знаешь скалы-корабли? – я кивнула, слышала такую комбинацию слов.

Таксист высадил нас в Марьевке, дальше пошли пешком. Он должен был забрать нас в районе пяти. Договорились заранее. На Опук не было никакой связи. Вообще. Только с космосом (я закатила глаза). Дорога вокруг и вдоль усыпана античными черепками. Именно усыпана, усеяна, я не преувеличиваю. Я стал набивать рюкзак и карманы горлышками и ручками, но Зоя не велела ничего брать. Прямо остановилась и проследила, чтоб я все разложил на дороге, вернул на те же места. Такая пионервожатая. Мы ее слушались, как сталкера... Конечно, само собой разумеется, один черепок я заначил. Подумал, не станет же она шарить у меня по карманам... (Евгений отчего-то покраснел).

Сначала мы обошли Опук справа. Там море встречается с соленым озером такого цвета... не могу описать... он присущ только этому месту. Кояшское соленое озеро. Встречаются две соленые воды разного цвета. Под небом... Художники, конечно, намешали бы, наболтали нужный оттенок, а я не могу. Между морем и озером коса, узенькая косица. И ничего, вообще. Только птицы, очень много птиц. Зоя показала нам сизоворонку... Ты видела когда-нибудь сизоворонку (я помотала головой). Угадай, какого она цвета? Ну? (я молчала). Подсказка: си... зо... воронка. Си-? Ну? Синяя! Она ярко-синяя! Как птица счастья. Бирюзовая. Крылья оранжевые сверху и лазоревые снизу. Не птица, а галлюцинация. Зойка сказала, нам повезло, сизоворонки обычно не показываются и уж тем более не позируют, а нам показалась вся, кружась и помавая крыльями, как танцовщица.

– Помавая.

– Да. Тот поход на Опук вообще был чистый Гильгамеш. Хождение в страну мертвых. Зойка привела нас на рапановый пляж номер один, оранжево-розовый. И на оранжевом вдалеке что-то белеет. Будто накрытое простыней. И шевелится! Мы подошли и обнаружили мертвого дельфина под взлетевшими чайками. Огромное тело... Как живое, не тронутое тленом там, гниением... Мечта таксидермиста... Серо-голубой и гладкий, как голая спящая женщина. Понимаешь, полное безлюдье. Коктебель с его жареными людьми далеко. Карадагский заповедник, Курортное с его адским дельфинарием где-то там. А тут свобода, заповедная земля, но вот, почему-то труп прекраснейшего из земных существ.

Знаешь, я начал оглядываться, вдруг набегут полицейские, следователи, гринпис и обвиняет нас в убийстве дельфина...

Мы погоревали над ним. Чайки вежливо пережидали, перетаптывались в сторонке. Знаешь, а я даже фотографировать его не мог, хотя понимал, какие эффектные бы получились картинки. Все лайки были бы мои (он нервно хохотнул). Хотя я и вышел уже из этого возраста, вроде... (Евгений вытер лоб салфеткой, промокнул рот).

Потом ушли далеко по пляжу номер один. Купались, валялись, но разлеживаться нам Зойка не дала. Строгая, настоящий командир. Товарищ начальник. И сталкер, конечно, в первую очередь. Пошли к горе, она обещала показать Глаз-камень и пещеру с летучими мышами. И тут столкнулись с охраной! Жестокый облом, жесточайший! Мы понимали, что вероятность велика, но все равно – шок. Они велели нам нем-медленно очистить территорию. Зойка махала удостоверением, орала, пускала пену, это их развлекло, но не более того. Мы сделали вид что уходим, но ушли в сторону, скрылись из вида, и обошли гору с другой стороны. Вплотную, под прикрытием. Восточный пляж, номер два, был почти алый, но это не камни, не песок, а мельчайшая рапановая

крошка. Мы, конечно, хотели залезть на гору, иначе ради чего все это. Когда пойдем на Опук?! я пристал к Зойке, такой заказчик, хозяин-барин. Не в этот раз, сказала она. Все. Мы не успеем до темноты. Нам еще возвращаться, только до Марьевки час. Да, не повезло. Такое бывает. Все, расслабься. И сама расслабилась. Знаешь, как? Она сразу избавилась от одежды... Что ты смотришь? (Я смотрела.) Никакой эротики. Аскетическая культурологическая нагота, тело из терракоты, выскокая шея. Идеальная голова, как яйцо. Маленькая женщина, но пропорциональная. Античная бегунья. Она сидела голая, по-турецки, на этом маковом варено-раковом песке, и курила. Какие-то конкретные сигареты, всегда только их, забыл, какие... Мы, конечно, замутили пикник, тем более раз на Опук нельзя, надо же как-то себя развлечь. И утешить. Я в кои-то веки был не за рулем. Достали наши припасы. У меня с собой было, коньяк с ангелом, 5 звезд, стопочки. Зойка выпила благосклонно, но без фанатизма, я наблюдал внимательно. Мне хотелось понять, что за женский стalker такой, аскет. Должны же быть слабости? Но нет, она не алкоголичка. Питалась Зойка, как в письмах римскому другу, хлеб и сливы, вода и галеты. Рыбу, правда, любила. Дикая кошка...

Ну и вот. Мы плюшились на этом красном песке, плавали, просто лежали, смотрели. Скалы-корабли оттуда не видны, я поплыл в их сторону, но бросил, это как плыть до горизонта.

И ты не поверишь. В час Ч, когда пора было валить, солнце уже садилось, на горе, в контражуре, появились эти двое, всадники, б..., апокалипсиса. Картина Репина не ждали... Голубчики прошагали весь Опук по хребтине, а тут такие мы сидим, какой пассаж, и Зойка в чем мать родила. Она оделась неторопливо, глядя на них, демонстративно нацепила свой пятнистый купальник, щелкнула ляжками. Прихватила рюкзачок и пошла по красной тропе, хрустя античными черепками, такая Таис Афинская. Мы за ней, отбрасывая сиреневые тени до самого горизонта. Идем. Во мне все рыдает, я почему-то чувствовал, знал, что не буду здесь больше никогда. Не поднимаюсь на гору, не увижу скалы-корабли с правильной точки. Руины Киммерика. Глаз-камень, на который если сядешь, потом задница горит и неделю понос, и в пещеры со связками летучих мышей тоже не попаду. Никогда. Не стану посвященным... И меня прямо затошнило от тоски. Тут слышу, Женя хлопает, плачет, на нее непохоже. Правда, там же эти травы, все пылит, семя летит, сенная лихорадка запросто. Представь себе такую процессию в степи, в сумерках. И только Зойка покрывает: не отставать! Эй! Шире шаг!

Евгений залпом допил свой березовый сок, глядя на меня, но мимо, куда-то между глаз. Лицо у него сделалось странно мягкое, молодое, и на нем проступила правда, вся.

Я постучала ложкой по чашке, отвлекая визави от приятных воспоминаний. Так здорово разглядывших ему физиономию.

Евгений сфокусировал взгляд, и лицо его сразу вернуло себе каркас, жесткость, ухабистость, заломы и морщины. Нормальные для мужика за сорок.

– Слушай. Я все поняла. То есть вообще – все! Ты просто запал на нее. На эту Зойку с терракотовым животом... Ты бы видел сейчас свою физиономию... лицо. Ты просто влюбился в нее, в эту, блин, строгую госпожу. А Женя твоя не дура. Женщины моментально такие вещи чувствуют. Про сенную лихорадку ты бы уж постеснялся мне рассказывать. А эта ее черная нога – чистой воды психосоматика...

«Кстати, его собственная love story похлеще Резановской, из «Юноны и Авось». Только со счастливым концом. Ну, эту эпопею все знают... Есть мнение, что Пушкин писал с нее свою «Метель»», – сказал Евгений с небрежной уверенностью.

Я-то вот не уверена, что все. Поэтому давайте пробежимся по ней быстренько, освежим в памяти, сверим хронологию.

Для начала придется зайти в Третьяковку. Главное здание, в Лаврушинском. Лучше в среду, там бесплатные билеты на основную экспозицию, но всегда остается на ваше усмотрение.

Место встречи пятый зал. Здесь без труда находим среди прочих портретов два нужных –

изображения Н.А. Львова 1789 года и М.А. Дьяковой 1778 года кисти Левицкого. Они привлекут внимание даже если просто скользнуть взглядом по стенам и не знать про Львовых ничего. Пропустить невозможно, проверено. Портреты супругов, только Мария Алексеевна изображена молодой девушкой, еще даже не невестой, но в 1778 году они уже «вместе».

Итак, хроники.

1777 год. В доме П.В. Бакунина молодой Николай Львов, в ту пору чиновник Коллегии иностранных дел, знакомится с одной из пяти дочек прокурора Сената Алексея Дьякова, Машенькой. И, конечно, с другими сестрами Дьяковыми, а также с их братом, своим тезкой. Происходит это во время постановки любительских спектаклей, комедии Реньера «Игрок» и оперы-комик «Колония» (музыка Антонио Саккини, слова Фрамери). Главные партии исполняют Мария Дьякова и ее сестра Катрин. Львов влюбляется в Машеньку моментально, и не только он, то же самое делает его близкий друг Иван Хемницер, поэт, баснописец, важная фигура в державинском поэтическом кружке.

(«Важная фигура» – звучит пышно, на самом деле Хемницер такой настоящий поэт, в чем-то недотепистый, легковверный. И настоящий друг. Умрет Иван Иванович в Смирне (нынешний Измир), куда Львов своими связями устроит его дипработником. Хемницер будет до самого конца переписываться с Николаем Александровичем и Машенькой.)

На волне успеха обоих спектаклей решено поставить еще одну пьесу. Но какую! «Дидону» Якова Княжнина. Княжнин в то время фигура сомнительная, скандальная. Блестящий драматург, уже переживший успех, в том числе «Дидоны», и кадровый военный – за растрату был приговорен к смертной казни. Приговор смягчили, Княжнина разжаловали в солдаты, отправили в гарнизон. Императрица, однако, прощает нарушителя. Княжнину возвращают капитанский чин.

Но в 1778 году нужна была смелость, чтобы взяться за такой материал. Скорей всего, постановщики обязаны этим репутации хозяина дома, Бакунина. Кстати, на премьере «Дидоны» в домашнем театре Бакунина присутствовал и сам автор.

Премьера состоялась 7 февраля 1778 года.

Дидону играет талантливая Машенька Дьякова. «Мария Алексеевна много жару и страсти полагает в своей игре...», – писал очевидец Муравьев, еще одна фигура.

Автор некролога, забегая далеко вперед...

Львов страстно влюблен, Дьякова отвечает ему взаимностью. Он сватается, несколько раз просит руки, но родители Дьяковой жениха отвергают. Слишком молод, не богат, не особо знатен.

*Мне и воздух грудь стесняет,
Вид утех стесняет дух.
И приятных песен слух
Тяготит, не утешает.
Мне несносен целый свет -
Машеньки со мною нет...
Воздух кажется свежее,
Все милее в тех местах,
Вид живее на цветах,
Пенье птичек веселее
И приятней шум ручья
Там, где Машенька моя.
...Если б век я был с тобою,
Ничего б я не просил, -
Я бы всем везде твердил:
Щастие мое со мною!
Всех вас, всех щастливей я:
Машенька со мной моя.*

Эти стихи, дань сентиментализму, довольно наивные и простенькие на современный взгляд, Львов слагает в октябре 1778 года. Обращает на себя внимание рефрен с акцентом на притяжательное местоимение «моя».

К июню того же года относятся три таинственные записи в дневнике Львова. Они сделаны на испанском, что уже должно наводить на мысль о секретности, интимности, крайней важности этих записок. Львов прекрасно владел французским и итальянским, а испанским постольку поскольку. В первом своем путешествии за границу, с Соймоновым и Хемницером, будущему архитектору удалось побывать в Испании. Похоже, именно там Львов подсмотрел опыты землебитного строения, но я отвлеклась.

Согласно этим почти шифровкам, которые заинтересовавшиеся при желании смогут без труда найти, – к началу лета 1778 года отношения влюбленных обрели материальный статус.

Другие исследователи ссылаются на письмо, которое я не стану здесь приводить, кто захочет, отыщет сам. Письмо имеет приписку «Прочтя это письмо, прежде всего сожги его» и датировано вообще 19 апреля. Оно убирает любые сомнения относительно характера отношений между влюбленными.

Любимый и любимый, Львов снова сватается, ответ отрицательный. Прочим женихам, огорчая родителей, Машенька Дьякова неумоимо отказывает сама.

В конце 1780 года Львов при поддержке близкого друга, еще одного члена поэтического кружка Василия Капниста осуществляет дерзкий план. Жених Машиной старшей сестры Александры (Капнист, в отличие от Львова, богат и знатен) сопровождает обеих барышень на бал. Но по пути они заворачивают на Васильевский остров, где в маленькой церкви у Галерной гавани их ждет Львов. Священник венчает влюбленных, и молодые разъезжаются, Машенька едет на бал в сопровождении сестры и будущего зятя, Николай Александрович возвращается к себе.

В записях метрической книги церкви Живоначальной Троицы Санкт-Петербурга находим: «1780 год 8 ноября № 35. Иностранной коллегии коллежский секретарь отрок Николай Александрович Львов штацкого с сосетническою Алексеевою дочерью Афанасьева сына Дьякова девицею Мариною. Кто поруками подписались: по женихе – Горного корпуса надворный советник Иван Хемницер, по невесте – Тобольского пехотного полку капитан Петр Вельяминов». Итак, все друзья приняли участие, включая безнадежно влюбленного Хемницера...

Кстати, авторы большинства материалов о Львове полагают, что Хемницер не был в курсе тайного венчания. Видимо, исследователей ввела в заблуждение его бескорыстная, до гроба, любовь к Машеньке, выразившаяся в письмах и стихотворных посланиях.

Тайна венчания и дистанционного супружества так и не была раскрыта вплоть до самой свадьбы, а до нее еще три года. Маша, огорчая родителей, продолжает отказывать отборным женихам. Львов не теряет времени даром. За эти годы он окреп и, съездил в еще одну весьма продолжительную заграничную поездку с некоей важной миссией, и в качестве жениха стал совсем привлекательной партией. Уже в 1780 году Львов создает два весьма значимых архитектурных проекта – собор в Могилеве (не сохранился), и Невские ворота Петропавловской крепости. В 1782 году Николай Александрович поступает на службу в новенький почтовый департамент, отпочковавшийся от коллегии Иностранных дел, – по личному приглашению возглавившего его генерал-почт-директора А.А. Безбородко. В апреле 1782 года должность Львова называется «член Почтового департамента», а в июне – «советник посольства, главный присутствующий в Почтовых дел правлении».

Кстати о Безбородко. Ненадолго отвлечемся от Львовых и рассмотрим висящий здесь же в пятом зале Третьяковской галереи портрет знойной волоокой красавицы с фарфоровой кожей и усиками. Это актриса итальянской оперы-буфф, блиставшая тогда на петербургской сцене Анна Давиа Бернуцци, пассия Александра Андреевича Безбородко. На содержание Бернуцци патрон Львова тратил 8000 рублей серебром в месяц. Для сравнения, упомянутый Яков Княжнин, автор «Дидоны», совершает грандиозную растрату в 6000 рублей и едва не лишается за это жизни. Портрет сей написан Левицким по заказу Безбородко для убранства своего дворца, художественным

оформлением которого занимается – кто у нас гений вкуса? – конечно, Николай Александрович Львов. Кстати, квартирует он здесь же, во дворце Безбородко. По всему видно, Безбородко приятно и выгодно держать рядом с собой замечательно умного, образованного, одаренного человека. Вероятно, еще и тактичного, и умеющего держать язык за зубами.

Львова Н.А.

Сюда же, во дворец Безбородко, молодые въедут после свадьбы...

Да, все-таки свадьба. В 1783 году, вскоре после избрания членом Российской академии, Львов делает очередное предложение. На сей раз согласие получено. Родительское терпение не выдержало долгой осады, Машенька с безмятежной уверенностью отказывала всем женихам, кроме Львова, а годы идут, ей уже двадцать восемь, по понятиям того времени – старая дева. Служебное положение жениха заметно упрочилось, он уже в чине коллежского советника. Львов сопровождает государыню в поездках, например, в Выборг в июне 1783 года. Имеет ценные подарки от монарших особ. Екатерина осчастливила его драгоценным перстнем «за сделание им очень красивых кораблей и других небольших работ для великих князей». Золотая в алмазах табакерка получена от Иосифа II за проект собора в Могилеве. Жених дружит с влиятельнейшими сановниками. Нет у него, правда, дома в столице, заметных имений с крестьянами, кроме скромных Черенциц, зато есть «свои покои» во дворце Безбородко, хо-хо. К тому времени Львов выхлопотал себе в Петербурге небольшой участок земли, под дачу. Правда, далековато «от центра», у Малого Охтенского перевоза, за городского чертой.

Что, вообще говоря, нормально для дачи...

Свадьбу сыграли в Ревеле, у сестрицы Катеньки и ее мужа, графа Якова Федоровича Стенбока, богача-остезейца. Долгожданное торжество позволило, с приятной оказией, повидаться всем Дьяковым, а графу Стенбоку похвалиться богатством. Вот и прекрасно, вот и хорошо.

Правда о тайном браке молодых открывается прямо на церемонии. Ситуация скандальная, повторное венчание – тяжкий грех, но да здравствует предусмотрительность жениха. В церковь доставлены другие жених и невеста, так что обряд венчания проводят над четой молодых крепостных, заранее подысканных Львовым.

Так. А теперь версия номер два. По документальному исследованию Дзюбанова С.Д. «Верует в резон, как во единого Бога» (подлинная история тайной женитьбы Львова) брак – тайна для всех, но обе семьи в курсе. Станный сей замысловатый маневр обусловлен тем, что параллельно истории любви и сватовства происходит судебный процесс над отцом Машеньки, Алексеем Афанасьевичем Дьяковым. Львов выступает свидетелем защиты, а подсудимый и свидетель, по закону, не могут быть родственниками. Вот незадача! Выходом из лабиринта неудачно сложившихся обстоятельств становится тайное венчание влюбленных. Тайну тщательно сохраняют до самой свадьбы, а для гостей был разыгран спектакль. Видимо, сделано это было настолько искусно, что а) удалось избежать скандала и кривотолков, б) до сих пор бытуют и сосуществуют бытуют обе версии тайного брака, что придает love story романтический и романический флер и обеспечивает повышенный интерес почитателей и фанатиков.

Но есть и третья версия, согласно которой за влюбленных перед родителями невесты ходатайствовала сама матушка государыня. Влюбленные обвенчались в 1780 году – Львов не хотел уезжать в длительную поездку за границу, знаменитое европейское турне – не будучи связанным с Марией Алексеевной ничем, кроме любви.

Итак, тайный брак, нечто общее для трех версий. Согласно последней, девушку вызвала к себе императрица – узнать, почему Дьякова отказывает женихам. Мария Алексеевна выложила матушке все как на духу – про любовь взаимную и страстную, про нежелание родителей отдать девушку за небогатого Львова, про тайное венчание. Екатерина II пришла в восторг от романтической истории и замолвила за влюбленных словечко перед родителями Дьяковыми. Брак легализовался. Как видим, все было не зря, перед нами один из редких примеров долгого и счастливо-го супружества, освященного любовью и взаимным уважением.

И еще деталечка. На самом деле познакомились будущие муж и жена не на репетициях в домашнем театре Бакунина, а в доме у Дьяковых. Матушка Марии Алексеевны приходилась приехавшему в столицу молодому провинциалу тетушкой по материнской линии. Супруги Львовы – троюродные брат и сестра, что в те время было распространенной практикой.

Но вернемся к свадьбе.

Пользуясь гостеприимством родни, Львовы остаются в Ревеле и на острове Даго (Хиуйму) до середины февраля. Это с октября-то месяца! Что же Львов, известный своей деятельной натурой, так долго делал в Эстляндии? Осматривал владения родни? Знакомился с достопримечательностями? А может, и поработал немножко, под шумок? Есть, есть основания предполагать, что Львов имеет некоторое отношение к проекту здания Суда в Ревеле (сейчас это дом правительства). Подрядчиком на строительство которого являлся его зять граф Стенбок собственной персоной. Хотя официально здание связывают с именем другого архитектора, Моора...

11 марта 1784 года Львов получает в столице новый участок земли, прилегающий к первому. Это совершенно замечательно, но строительство дома требует времени и средств, и Львовым по возвращении из Ревеля приходится принять предложение Безбородко и занять в его просторном дворце «свой покой».

Здесь 3 августа 1784 года у Львовых родился первенец – Леонид.

Написал Саша-маньяк. Саша-экскурсовод.

Нашел еще Л в Мск Почти уверен

Договорились встретиться на Арбатской. Наших в Москве никого не оказалось, Галка у мамы в Перми, Оля в Израиле, Митя работает как сумасшедший, Ася с Марком в Суздале.

А я и могла, и хотела.

Мы встретились на Арбатской в двадцать ноль-ноль. Саша мне не понравился, похудел, глаза горят темным пламенем, неприбранный борода. Ему будто стали велики его очки, он их все время придерживал, подхватывал, толкал пальцем вверх по переносице.

– Саша, вы... в порядке?

– Да. А что?

– Не, все нормально. Так, – я передумала портить Саше настроение рассказами о его худобе, эти мнительные мужчины, нафик... – Пойдемте? Сгораю от любопытства. От наших всех привет. Завидую.

Я дописала «Ротонду», львовская горячка меня совершенно отпустила. Наслаждалась свободой, образовавшейся лакуной, паузой, тишиной. Мне не хотелось никаких «новых вводных». Я поставила в этом деле, в собственно тексте, и не только, толстенькую точку. Саша, было видно невооруженным глазом, точку не поставил. И похудел...

Но, конечно, мне интересно было узнать, что он там надыбал, просто любопытно.

Мы прошли от метро метров двести, не сворачивая с Воздвиженки.

– Ну, вот! – торжественно произнес специалист по творчеству Львова.

Этот дом я знала прекрасно. Как знали его все, кто здесь когда-нибудь ходил/ездил. Вполне себе заметный, нарядный, эффектный дом на углу Воздвиженки и Грановского.

– Это Львов? Докажите, – сказала я развязно. После того как мы пили коньяк на территории министерства спорта, на улице Казакова, а потом все вместе сидели в пельменной на Сухаревке, можно обойтись без политесов и всего такого. На ты мы так и не перешли, но набубенились изрядно. У Саши тоже был с собой запас, во фляжке, нас это удивило, тронуло, сблизило. Братья во коньяке, мы были теперь накоротке. Что коньяк имелся с собой и у Марка, даже не считаю нужным упоминать...

Правда, при всей нашей общей предусмотрительности, закуска оказалась «суровая мужская»: конфетка, яблочко, батончик мюсли.

– Городская усадьба Шереметьевых. Наугольный дом. Знаменит тем, что сюда после замужества с графом Шереметьевым въехала его невеста, а теперь уже жена, крепостная актриса Праксодия Ковалева-Жемчугова. Правда, прожила здесь совсем недолго, умерла вскоре после родов. В том же роковом 1803 году... Все знают эту романтическую историю, легендарный мезальянс. Но идиллия длилась недолго... (я демонстративно заскучала. Саша закрутил линию Шереметьевых и выключил экскурсовода). А до Шереметьева владельцем дома был кто? (я хмуро молчала) – правильно, Алексей Кириллович Разумовский... Уже хорошо знакомый нам! По недавнему походу на Гороховое поле... нынешнюю улицу Казакова (Саша делал для меня интерактивные ссылки). Строительство здания началось в 1790-х годах. Шереметьев, кстати, был шурином Разумовского...

– И?

– Угловая ротонда вам ни о чем не говорит?

Слово «ротонда» говорило мне о многом.

– Ну, ротонда. Да, угловая.

– Купол с круглыми окнами!

– И?

– Здесь очень много указаний на почерк Львова. Странно, что вы сами этого не видите... Купол напоминает Знаменское-Раек. Ротонда, дорические колонны – это вообще львовское фирменное, узнаваемое. Немного смущают медальоны – они нехарактерны для него – но могут быть более поздними. Автор здания не известен, не установлен. Одни пишут, Баженов, но это смешно. Другие считают, что Казаков, пожалуй, это самая часто встречающаяся версия. Простите, но и от Казакова здесь нет ничего! Ничегошеньки... В одном источнике я нашел указание, что автором проекта с большой долей вероятности был Львов, и у меня пелена упала с глаз...

– Что за источник?

– Ой, все вам расскажи! – огрызнулся, взвизгнул вдруг Саша. Я не поверила своим ушам.

Версия, что с Сашей творится что-то неладное, выглядела все более правдоподобной.

– Хорошо, – я решила не лезть в бутылку. – Какие еще признаки Львова вы здесь видите? Что говорит ваш законспирированный источник? А внутри вы бывали? Выпьем кофе потом? Я приглашаю.

– Слушайте, а вам-то он зачем? Вы же одержимы, Саша, посмотрите на себя! Вы что, диссертацию о нем пишете? Или книгу?

– Мне-то? – Саша смотрел дикими глазами. – Мне? То? Это вам он – зачем?! Пижоны, эстеты... Завели себе клуб по интересам и развлекаются. Исследователи! Смешно просто... Тьфу! Тоже мне... тайная ложа. Блажь мнимых интеллектуалов (Саша показал пальцами кавычки).

Я смотрела на него не мигая. Мне было ужасно интересно.

– Поймите. Львов стучится в меня (Саша ударил себя в гулкую грудь). Я ему нужен... чтобы установить истину. Это вы, вхохочущие восторженные дамочки, идеализируете его. Вы и на полпроцента не понимаете... Ни его значение... Ни сложную, сложнейшую натуру... То, насколько он обогнал, перегнал свое время! А вы услышали звон, посмотрели картинки... Сомлели... Нет, я все конечно понимаю, красавец, гений. Видимо, тут замешана и какая-то эротическая составляющая, как и в случае с обожателями Чехова. Култ Николая Львова, слава Богу, не достиг пока еще таких масштабов... Но, чувствую, к этому идет. Все чаще наблюдаю львовское бешенство.

(Прозвучало как бешенство матки.)

Саша в сердцах отхватил половину эклера. Мы сидели в теснейших «Братьях Караваевых», до соседей было сантиметров тридцать. На нас смотрели, Саша сумел заинтересовать не только меня.

В бороде у моего визави белела эклерная крошка, она делала Сашу уязвимым. Как можно говорить о чем-то серьезном с человеком, у которого пища на лице? Я потеряла подбородок, Саша непроизвольно отзеркалил мой жест, крошка упала.

Я сказала очень тихо, ледяным шепотом.

– Сами-то вы, конечно, холодны и бесстрастны. Слушайте, да как вам не стыдно?! Вы возите эти экскурсии, распинаетесь, поете гимны, заманиваете людей в эти... сети... Миссионерствуете! Мы же для вас дикари. В стеклянных бусах... И потом, вдруг, ни с того ни с сего – презрительные брезгливые речи...

Саша глубоко дышал и водил взглядом по сторонам, словно не находил слов и пытался найти их в пространстве закуской. Или ему противно было на меня смотреть.

– О, я поняла. Вы сами устанавливаете дистанцию, да? Насколько к нему можно приближаться. На расстояние дилетантских восторгов, охов и ахов, – пожалуйста. А ближе ни-ни. Руки прочь?

Саша устоял в угол у входной двери.

– Почему вы решили, что именно вы – избранный? Вы бы о-очень удивились, если б имели возможность пообщаться с ним лично. И узнали правду о его пристрастиях...

Саша наконец навел на меня глаза цвета чайной заварки:

– Татьяна, да вы хоть знаете, – КАК Николая Александровича называла жена? (я обалдела помотала головой). В письмах друзьям, и, вероятней всего, в личном общении? *Львовинька... Львовинька!*

Я испугалась, что он сейчас заплачет или кинет в меня чаем, но тут ему позвонили.

– Да, я помню, – сказала я, когда он закончил («скоро буду, мам»). – Я читала о нем довольно много... Знаете что? В меня Львов тоже стучится, по вашему выражению. Я это отчетливо чувствую, стук. И даже более того, но сейчас не будем об этом. Я не историк, я литератор, мы со Львовым отчасти коллеги – как, впрочем, и вы. Но мне и в голову не приходит считать себя... таким, знаете, медиумом. Хотя могла бы! Его не убудет от нашей любви. Личность Львова масштабна, полна, щедра, всем найдется места. Не будьте ревнивцем! Я бесконечно уважаю ваши знания и эту вашу чокнутую одержимость. Меня она даже по-своему трогает, дорогой Са-шень-ка!

Саша смотрел на меня мутным взглядом. Кажется, он действительно заболел.

– Между прочим, Саша, диссертацию не диссертацию, но я написала про Львова довольно объемный текст, прозаическую вещь. Большой рассказ, или маленькую повесть. Немного детектив. Угадайте, как называется? Вы у нас знаток. Главное львовское слово?

Глаза у Саши прояснились, он навел на резкость. Он смотрел на меня нормальным человеческим взглядом.

– Ну? Вы же умный... Подсказка: оно неотделимо от Львова. Маркер.

– Та... лант? Просвещение? Дружба? Вер-ность?

– Саша, давайте, не тупите! Мы оба смотрели на это слово час назад, в упор.

– Рррр... – сказал Саша, – ротонда? – Он выздоравливал на глазах, в режиме ррреального времени. – Ротонда... Ну конечно, без вариантов. Дадите почитать?

– О! Легко! Сочту за честь. Прямо сейчас и перешлю.

«Ротонда» отправилась из моего смартфона в Сашин, ее прибытие обозначилось звуком, изображающим брачное пение лягушки. Как долго она сочинялась и как быстро отчалила-причалила. Саша тут же скачал себе вордовский файл и углубился в чтение.

– Саша, – сказала я нежно и бережно, любуясь человеком, читающим с небольшого, выставленного по горизонтали экрана мой текст, – вы ее прямо здесь собрались читать? Там сорок тысяч знаков. Тридцать девять тысяч девятьсот девяносто четыре, если быть точной.

– Да, конечно, – сказал Саша. – А знаете что? Давайте собирайте вашу компанию. Съездим еще в одно место. Львовское, или пост-львовское – будем разбираться на месте.

Вечер становился томным. Мне нравилось думать, что я каким-то волшебным фокусом вылечила Сашу. От загадочного ментального расстройства. Или просто вернула его назад, на общую волну.

– Отлично. Скоро как раз все приедут... Ася с Марком возвращаются послезавтра. Из Суздаля...

Я произнесла «из Суздаля» и, походу, подивилась на фонетический кунштюк. Два «з» совсем близко, еще и «с» между ними, и, о диво: в тесном пространстве девяти букв возникает простор, задувает свистящий ветер, даль, красота Ополя, и нежное, ледяное хрустальное «ля» в конце.

– Суздаль тоже ведь львовское место. Вы, конечно, в курсе? – Саша посмотрел из-под очков строго и вопросительно.

– Так. Сейчас...

Саша молчал с кротким терпением. Звучали на разные лады «Братья Караваевы»: голоса, звяканье приборов о стекло, бляканье микроволновок, шипение кофе, пиканье смартфонов, ходящая туда-сюда дверь. В этой условной тишине я заглядывала в кладовые памяти, там было темно, тесно и по киношному туманно, будто кто-то напустил бутафорского дыму, я никак не могла прочитать, увидеть, разобрать...

– Летопись.

– Да! Да! – в азарте Саша взметнул чашку, едва не расплескав чай, и через стол коснулся моего лица своим. Нос у него был холодный, как у здоровой собаки. – Совершенно верно! Летопись, найденная в архивах Спасо-Ефимьевского монастыря. Легшая в основу шестой его книги. Собственно, летопись с его редактурой и комментариями. Эту книгу читал и ценил Пушкин, вы, конечно, в курсе? *«Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии. Нашел и издал Н.Л. Спб, 1798»*.

Саша залпом допил свой чай, откинул со лба челку.

– Знаете, я вдруг понял, о чем нужно думать и говорить! Почему он в нас, так сказать, стучится... Да просто он созвучен, со-временен нам психическим укладом! Такой хорошей торопыжестостью. Жадностью до жизни. Вздвенностью... *Казалось, что время за ним не поспевало*, писал о нем, кажется, Хемницер. Его распирало. Он жил проектами. Кто еще в XVIII веке жил проектами? Ломоносов... Новиков... Болотов. Причем проектами разноплановыми! Бесконечно значимыми и важными! Созидательными. Просветительскими. Я просто офигеваю от этого, правда (я офигела, услышав такое от Саши). И он честно на них зарабатывал. Ну, пытался... Знаете, меня очень тронуло, и даже умилило, что он продавал фрукты. Которые выращивал в своих продвинутых оранжереях на даче у Охтенского перевоза. Сейчас, как там (Саша заглянул в книгу, открытую у него в голове, нашел нужное место) *«...в угольном каменном желтом г. Статского Советника и Кавалера Львова доме продаются все имеющиеся в саду и оранжереях фрукты, как то: априкозы, персики, клубника, смородина, вишни, малина и пр., из которых часть уже к снятию и продаже пошла. Цену скажет садовник»*. Это так современно, практично. Прогрессивно. Хотя, много ли заработашь на фруктах? Еще. Львов ненавидел... нет, слишком сильно для него слово – презирал чиновников. Эти суки (я вздрогнула) постоянно чинили ему препятствия... Чиновники не от слова причинять произошли? ...Смотрите, что он пишет графу Кушелеву, докладывая тому о своем изобретении. Львов, знаете же, открыл состав, предохраняющий снасти и паруса от гниения. Он добавляет (Саша настроил экран у себя в голове и прочитал с выражением): *«Препоручая опыт онаго доброму ко мне расположению вашему и известному усердию Вашего Сиятельства к службе отечества, покорнейше прошу в Адмиралтействе не называть изобретателя. Я так несчастлив во всех делах моих, что одно мое имя достаточно остановить успех и полезного дела»*.

– От слова чин.

– Что? – вздрогнул Саша.

– Чиновники от слова чин. А не причинять...

– Да. Конечно. Николай Александрович отличался повышенной совестливостью. Поинтеллигентски радел о справедливости. Заботился обо всех этих землебитных учениках, об угольщиках. Для последних даже хлопотал, пытался ввести особое обмундирование, казенное платье, но Павел послал его подальше, мундиры, де, для военных. Отдельная тема – его удивительные отношения с покровителями. Совершенно особые, полные, я уверен, достоинства и паритетного начала. Но и загадочные. Например, с Безбородко. Вы со мной согласны?

Вместо ответа я вывинтилась из-за стола и поцеловала Сашу в бородатую щеку.

Мы расстались у Арбатской. Саша сел в метро, я отправилась пешком до Китай-города, через Александровский сад.

Я думала о своем городе. Отношение у меня к нему по-родственному снисходительное, требовательное. Такая любовная ворчливость, на грани брюзгливости, типична для некоторых интеллигентных пожилых пар, состарившихся вместе. Они всегда видны, заметны. Идущие по улице, могут даже не держаться за руку/под руку, просто двигаются рядом, медленно, враскачку или хромя – старые солдаты любви.

...Город тек людьми, перемешивался ими, хмурыми, разными. Ближе к центру люди делались краше, изящней, улыбчивей, элегантней. По краям их можно было встретить в трениках, шлепанцах, цветастых халатах.

Даже кое-где в центре город щерился стройками, дыбился кранами, цвел утешительными баннерами, клумбами тоже цвел.

В той части, где жила я, город был примитивно угловат, заборист, приятно запущен, что сказывалось количеством буйной зелени во дворах. Он не пытался изображать из себя европейского улыбчивого красавца. Здесь имелись действующие, вполне обиходные голубятни, порой пробегали ничьи собаки, бородой дикого винограда обросли ограждения, что было даже красиво.

Стоял на перекрестке фонтан непонятно какого времени и роду-племени в виде чаши с пришившимися на ее краю бесформенным от частого крашения ангелком...

Люди здесь были средние, не элегантные, нескладные, корявенькие, но все-таки не в халатах.

Удивляясь сам себе, ярко цвел освещенный вход свежестроенного метро.

Сплошным серым шоколадом лежала новая плитка.

Нормально, жить можно.

И тоже Москва.

Кстати о Москве. Москва похожа на гранат, фрукт. Это мы открыли, когда участвовали в одном... гм... проекте, брендинго-ребрендинговом. Для которого нужно было сочинить фирменный стиль Москвы.

Среди двух предложенных нами вариантов была концепция Москвы-граната...

Легко догадаться, что мы ничего не заняли, не выиграли и не получили. Но метафора осталась, метафора неплохая.

И наоборот, гранат похож на Москву. Если вытряхнуть из него все зерна, упаковать их обратно в тот же объем не получится. Просто не влезут. Феномен умной сверхкомпактной упаковки, – у Москвы такое называется «резиновая».

Гранат похож еще и на секс, на страсть. Гранат начинается и длится столько, сколько длится, ничто другое в это время не существует. Закончится гранат только когда закончится.

Гранат красит руки, портит маникюр, от него появляются заеды на губах, может бурлить в животе.

Фанатики гранатов светятся в темноте рубиновым гемоглобиновым кремлевским светом...

А вот, например, упомянутый Суздаль.

Что обидно. Мы много раз бывали в Суздале, но ни разу по львовским делам, это началось позже.

Отношения с Суздалем всегда были странные. Город контрастов. То приедешь в конце девяностых, в ноябре. В безлюдном почти деревенском городке сядет на хвост подросток, будет ходить по пятам, не отставая, тенью, и кланяться, сколько ни дай. То прибудешь в лютый мороз, греться в музеях и блинных, тереть щеки и непрозрачные очки. Красота, застревающее в горле дыхание, алмазное сверкание, вертикальные дымы, минус двадцать пять.

Несколько лет назад заехали сюда в день огурца, случайно, по дороге в Ивановскую область. Суздаль стоял заставленный лендровеками, как прихожая обувью. Гости города фланировали, кафе и рестораны работали на износ, огурцы продавались во всех видах, включая огуречное варенье, похожее на водоросли с сахаром, здешний специалитет.

Мы плюнули тогда, не остались здесь ночевать, уехали в Кидекшу. А то какая-то прям Рублевка...

Еще попытка. Надолго, на неделю, сняли домик в тихом секретном месте. Привезли лыжи и книги. Повезло с погодой: умеренный мороз, замерзшая Каменка, березы в белых маскхалатах.

Застали относительно безлюдье.

После 30-го, конечно, началось...

Уворачиваясь от буранов, катили на лыжах по реке, смотрели на Суздаль снизу вверх. Каменка здесь довольно широкая, изгибистая, обсажена церквями и монастырями. Отталкиваясь от белого, неслись по белому мимо длинных белых торговых рядов, лично знавших Вицина-Бальзамина. Вечером все это горело золотом щедрого электричества. Даже лошади в Суздале светятся синим и красным, у саней электрифицированы дуги и полозья. Едешь, сверкаешь, завернутый в доху, в клубах пара, в запахе рыжего Добрыни или кауруго Гордея.

Для усиления праздника и для контраста одна повозка стилизована под тачанку-ростовчанку, возничий – в бурке, кубанке и с саблей.

Вечером один берег снежный, молчаливый, таинственный, другой – нарядный, светский, разудалый. Улица Ленина сияет и манит огнями рестораций: ИМПЕРИАЛЬ, ГРАФИН, ОГУРЕЦ. Весь Суздаль – сплошные торговые ряды: ряды носков в снегирах, варежек в рябинах, расшитых тулупов и валенок, горшков и крынок. Хозяйки искушают укутанными пирогами и замотанными сбитням. Можно сфотографироваться с соколом, метнуть копей, скатиться с городского вала на ватрушке.

Публика молодая, модная, сытая, веселая, и огни, огни.

Наигравшись, насмотревшись, выпив глинтвейна, дыша корицей и кардамоном, хорошо уйти к себе на другой берег – читать, играть в ассоциации, пить чай, спать.

Запомнилось от той поездки сильней всего, как бежали на лыжах по белой Каменке, и носки, вязанные носки.

Белые, душистые, в рельефных ромбах, шерстяные. Я купила их для подружек-соседей. Думала: вложу в носок одной – банку огуречного, другой – варенья из шишек, подарю, вот обрадуются.

Сто пятьдесят рублей ручной вязки шерстяные носки!

Почему я не купила все носки города Суздаля?

Ведь копейки, за такую радость...

С запахом сказочной козы белые мягкие утешительные носки. Чтобы стать счастливым, даже надевать не обязательно... Посмотрел, погладил, повеселел.

Приложил ко лбу – подумал о хорошем.

К горлу – чисто, красиво спел Harry New year.

На живот – сладко уснул...

Что будет, если использовать их по назначению, даже не знаю... Обратишься лебедью белой, улетишь из Москвы в сказочную даль, Суз-даль.

(Согласно этикетке, носки оказались из Кировской области. Но их обаяния это не отменяло.)

...И вот мы занимались в Суздале всем чем угодно, пили глинтвейн, катались на лыжах, и в Спасо-Ефимьевском монастыре были несколько раз, а Львова там так и не прочухали.

Ужас начался пятнадцатого ноября. Это день стал водоразделом, экватором. До середины ноября все у меня было хорошо и даже прекрасно, после – покатилося, понеслось, и на возрастающей скорости я въехала в худший период своей жизни.

...С другой стороны, разве кто-то обещал, что нас минуют болезни и уход близких? Что-то я не припомню такого пункта в договоре.

На нет и суда нет.

А пока на календаре значилось пятнадцатое октября. У меня, но я этого пока не знала, имелся в запасе целый месяц счастья, беззаботности, свободы, восьмичасового сна. Потом сна не стало вовсе, ни в одном глазу, месяцы свистящей гулкой бессонницы.

В субботу пятнадцатого октября погода была подарочная: эмаль, хрусталь, золото, багрец. Из года в год в такие дни все наперебой цитируют Пушкина, и, на удивление, это совершенно не бесит. Наоборот, крепнет понимание, что раз никто до сих пор лучше АС не описал происходящее, то не стоит и пытаться.

В такие дни люди как бы находят общий язык, язык этот прекрасен и все им владеют, худобедно.

Наш следующий Сашин адрес был: улица Горенки дом шесть корпус восемь. Встретились на дублере Горьковки, больше известной сейчас как М7, у желто-белых каменных врат, запертых, но калитка была открыта. Из-за ворот выпирал, золотился парк, желтели усадебные постройки, манила въездная аллея. У забора были припаркованы три машинки, наша встала четвертой.

Генерал каменных усадеб с заметным рюкзаком уже переминался у ворот. Саша, я отметила это с удовлетворением, выглядел гораздо лучше, чем в прошлый раз. (Я была уверена, что вылечила его.) Глаз горел, борода и челка были аккуратно пострижены, очки крепко держались на носу, руки пребывали в покое. Одет наш главный был с неожиданным щегольством и некоторым подвохом: песочный тренч, широкие укороченные штаны, модные крепко держались на носу, руки пребывали в покое. Одет наш главный был с неожиданным щегольством и некоторым подвохом: песочный тренч, широкие укороченные штаны, модные преувеличенные кроссовки, это мало что мощное, но в чем-то и уязвимый историко-архивный стиль. Видны были замысел и заботливая женская рука. Сменил подругу?

– Все? – наш вождь оглядел, пересчитал нас взглядом, недосчитался Галки, но она уже выкидывала длинные ноги из желтого яндекс-такси. Наша подруга, в пандан Саше, выглядела как действительный член русского географического общества, не хватало только сачка. – Все! – с удовлетворением заключил Саша.

Так я впервые попала в парк Горенки. Расположенный, как всем прекрасно известно, в Балашихе. В преступной близости к МКАД, к Москве. Преступной в том смысле, что почему мы, т. н. культурные люди, до сих пор здесь еще не побывали? Сами, без поводыря...

...В Балашихе, куда я вскоре поселю Евгению Рождествину, суррогатного автора «Ротонды».

Чтобы подать текст (в настоящий момент уже написанный) на престижный литературный конкурс.

А пока стояло пятнадцатое октября, суббота. Солнце поливало листву рафинированным маслом, неярким, осенним, с той стороны тянуло лесом и тишиной, и просто тянуло, и было хорошо. Мы вошли в парк.

Горьковка перестала звучать и фонить, как только мы пересекли границу. Старинный парк сразу начал прорастать в нас своими ветвями и веточками, стволами, листвой; такой визуальный прием широко используется в кинематографе. За триста метров неторопливой ходьбы, отделяющих шоссе и ворота от главного дома, с нами произошли небольшие структурные изменения.

Саша, по своему обыкновению, выстроил нас подковой против фасада.

– Красиво, – сказал Марк с ленцой. – Алексей Кириллович понимал в жизни.

...Конечно, в субботу и в такую погоду мы чисто физически не могли оказаться единственными посетителями парка. Было, мягко говоря, людно. Прогуливались в одиночку, семьями, парами. Много было молодых родителей с колясками. Мало того, в беседке метрах в пятидесяти от нас развернулся штаб чего-то вроде детской олимпиады. Участники в фиолетовых шейных платках то и дело подбегали с маршрутными листами и неслись дальше.

То есть никакого мистического флера, заповедного мотива.

То ли дело наш интимный поход в запретку, во дворец на Гороховом поле...

– Вы абсолютно правы, – не смутился Саша, – Алексей Кириллович Разумовский был человек хорошего вкуса. И к тому же очень деятельный, разносторонних интересов. Что, безусловно, роднит его с.

Так и закончил: – с.

– Но вы же не хотите сказать, что эти постройки – дело рук Львова? Об этом не сказано ни в одном источнике, – пискнула я. – А я о нем маненько почитала...

У входа в правый флигель мужчина с бородой фотографировал невысокую и полную молодую женщину. Она позировала, откидывала назад прямые волосы цвета бронзы, прикладывала к плечам и груди красную прядь дикого винограда, с изяществом меняла позы. Женщина перехватила мой взгляд, у нее было красивое лицо и глаза светлые как ртуть; я отвернулась.

– Мы с вами сейчас как раз и разберемся. Так сказать, на месте. Авторство усадьбы приписывается... кому? (Саша строго посмотрел на всезнающую Галину. Хотя, конечно же, мы все заранее почитали про усадьбу Горенки.)

– Адаму Менеласу! – отчеканила Галка.

– Ох уж этот мне Адам, – сказал Саша с лекторским кокетством. – Позже мы еще обсудим вашего Адама. А пока просто смотрим, сравниваем, анализируем.

– Кстати, здесь сейчас что? Спросите у вывески: – Центр внелегочного туберкулеза¹, – прочитала я на табличке, подойдя вплотную.

– Бывший санаторий «Красная роза». Назван в честь кого? – Розы Люксембург. Существует с 1926 году. Отличник отрасли! О нем очень хорошие отзывы, я бы сказал, душевные. Скажем спасибо этой организации за относительную сохранность усадьбы.

– Портик с шестью колоннами... ионического ордера. Два двухэтажных флигеля. Один из них арочными проходами. Флигели украшены парными колонками, так-так-так... тосканскими... я предпочитаю считать их дорическими. – Марк производил опись увиденного.

¹ Центр внелегочного туберкулеза (ЦВТ) в Балашихе закрылся в марте 2020 (*Прим. автора*).

– Открытая колоннада ведет к причалу – когда-то здесь был причал...
– Будьте осторожны, там опасно. Держитесь подальше от колонн, они осыпаются!
– Южный фасад... Ого, это грандиозно... Колонны... колоннищи... четырнадцать штук. Ордер – ионический.

– Здесь... только, прошу, умоляю вас, на сверните шею... парадная лестница. Фото с орлами вы конечно видели? Нет?! Как нет? Ну и ладно... Что уж прошлое ворошить (с горькой иронией).

– Колоннада закрытая с павильоном. Сохранность намного лучше.

– А здесь у нас... так... грот! Да, да, можно войти. Только осторожно, и со скидкой на общедоступность. Туда родители пускают детей. Приводят школьников...

В виде описи это занимает несколько абзацев, но на осмотр здания и прилежащих территорий у нас ушло больше часа. Мы даже взмокли, физически и психологически не готовые ни к таким расстояниям, ни к октябрьскому теплу. Усадебный комплекс был по-настоящему большим, изрядно поеденным временем и растительностью. Со стороны южного фасада невысокие деревья и кусты сплелись в джунгли. Парадная лестница была источена травой и корнями, мы спускались со стариковской осторожностью. Не забывая, конечно, снимать-фотографировать. Несмотря на запустение и разрушения, пусть и не самой последней степени, здание все-таки было жилым, не заброшенным.

Саша заманивал нас в недра парка:

– У меня там есть одно место... Засидка, уютная... Там никто не помешает. Заодно и все обсудим.

С хрустом, треском и топотом мы прошли сквозь лесную толщу и всемером ввалились на Сашину поляну, густо оплетенную бересклетом и похожую благодаря этому на корзину. Место и вправду оказалось славное. И популярное, мы спугнули немолодую обнимающую пару. Полноватая шатенка, встряхнув волосами, запахнула плащ. Ее спутник был красиво сед и спокоен.

...Влюбленные – само по себе уже прекрасно и волнующе, я их сразу поприветствовала, но они не пошли на контакт. Не дав собой полюбоваться, мужчина и женщина ускользнули в заросли.

– А кстати, – проводив их строгим взглядом, сказал Саша, – здесь совсем недалеко, в паре километров, находится дача Мейерхольда. Которая на самом деле дом Есенина, просто он достался его жене. Музея нет, но здание сохранилось. Имеется памятная доска. Широко известен эпизод, когда в середине двадцатых годов в Париже Мейерхольда с Райх арестовала и оштрафовала полиция нравов. За поцелуй в общественном месте. А ему тогда было за пятьдесят! Что в общем-то совсем не много, по нынешним меркам (добавил Саша поспешно). Полиция обалдела, когда узнала, что пылкие влюбленные – муж и жена...

– А теперь собираем пазл. Предупреждаю – окончательно он не соберется. Частично, в лучшем случае. Я не знаю решения. Может, вместе мы продвинемся дальше... Но поиграть все равно же интересно, правда? Викторина: насколько хорошо я знаю наследие архитектора Львова.

Саша-затейник смотрел на нас с веселым вызовом. Поиграть! Он был моложе нас в среднем лет на десять, а вот сидит теперь на пеньке (складном стульчике), экзаменует почтенных людей.

Солидный Марк, не дожидаясь наводящих вопросов, сказал со скукой в голосе:

– Открытая двойная колоннада – это прям живая цитата из Знаменского. Только здесь для прохода предназначено пространство под колоннами, а в Райке – и над, и под. Там это как бы такой парящий, висячий променад. Но сама идея колоннады-променада – явный отсыл к Райку и Львову. Там замкнутый овальный двор, здесь – крылья...

Саша кивнул. Я выкинула руку, раз уж у нас викторина:

– Полуротонды! Визитная карточка Николаевича Александровича. Правда, здесь они с плоскатым куполом, не особенно выраженным.

Наш вожак снова кивнул.

– Мне кажется, балюстрадки в сочетании с парными колоннами – это львовский почерк. И снова отсыл к Знаменскому, – сказала Ася и показала на экране флигель.

– Эй, ну а грот? В качестве хозяйственной постройки, винного погреба – а не просто павильона – это же Львов в квадрате и даже в кубе. К тому же он каменный, валунный, сколь я поняла. Это вообще его фирменное, вспомните новоторжские усадьбы, включая собственно Никольское-Черенчицы.

– Заказчик проекта Алексей Кириллович Разумовский. Как и на Гороховом поле.

– Как и на углу Воздвиженки и Грановского. Наугольный дом! – встала я свои пять копеек, эсклюзив. Галя_синдром_отличницы посмотрела на меня тревожно и вопросительно. На что я и рассчитывала...

– К тому же парк. Система разноуровневых прудов, вся эта гидросистема, вообще львовская тема. Вспомните проект парка для Безбородко... Пруды в Василево. В Черенчицах. В Райке.

– Ну так и чо? – спросила конкретная Галка. – Я не поняла. Это Львов? Или не Львов?

Саша прошелся туда-сюда, заложив руки за спину и хрустя хворостом; наш лидер длил мхатовскую паузу.

– Я – не знаю. Свечку не держал. Ни единого упоминания, что Львов имеет отношение к этому проекту, я не нашел. Хотя искал, как вы наверное догадываетесь, не в википедии...

Мы внимательно и даже взволнованно слушали Сашу, а смотрели, честно говоря, по сторонам. Такие осенние ясные дни – на вес золота. Мы знали, что нам предстоит вскоре (ноябрь, зима), и хотели напитаться щедрым светом, горьким воздухом, шуршащим златом, голубой эмалью. В пасмурной погоде есть своя элегическая прелесть, не спорю, но до этого нужно дойти умом, а солнце воздействует на чувства, мышцы лица, непроизвольно радуешься, и все тут...

Постройки, которые Саша цитировал, из нашей укромной лесной обители видны, конечно, не были, но у каждого имелись шпаргалки в телефоне.

– Усадьбу в Горенках связывают с именем Адама Менеласа. Что логично, дворец Разумовского на Гороховом поле так же приписывают Менеласу. Но строить и быть автором проекта – не одно и то же. Совершенно разные вещи! Менелас мог просто цитировать Львова, будучи его верным учеником и, как утверждают, преданным другом. Последователем. Можно было бы предположить, что этим проектом он почтил память учителя. Но – не сходится, друзья... Постройку отнести к самому концу к XVIII века! Львов еще жив, хотя уже совершенно не здоров.

Я слушала про болезнь Львова. Что же это было? Неужели удар? Не узнавал детей... Ходил на костылях. Долгое время был в отключке, только вот неизвестно, до какой степени. Не мог писать, но писали под его диктовку. То есть интеллектуально был активен всю дорогу.

– Вспомним, кто таков был Адам Менелас. Специалист узкого профиля, каменщик, мастер сводов. Нет, конечно, он накачал в России компетенции, работая под началом такого ослепительно талантливого архитектора. И по-человечески, и по-учительски щедрого. Настоящего просветителя. Они сотрудничали, можно сказать, с самого начала. Львов привлек его к своему первому масштабному проекту. Собор в Могилеве. Вы же знаете историю этого, так сказать, тендера? Участия Безбородко (мы знали, покивали). Так вот, пока за дело не взялся Менелас в качестве прораба, все шло ни шатко, ни валко. Мучительный долгострой. Строительные работы длились ни много ни мало семнадцать лет. До 1797 года! Треть его короткой жизни! – голос у Саши дрогнул.

Все смущенно потупились, особенно я. Мне хорош знакомо этот эффект, комок в горле, когда нужно набрать полную грудь воздуха и ненадолго замолчать, чтоб осадить слезы, не дать им случиться, унять трясущееся горло.

...Есть стихотворение известного питерского автора, которое мне ни разу не удалось прочитать до конца без этих стыдных пауз. Заставляющих слушателей испытывать неловкость и отводить глаза.

Только я не знала, что такое бывает у молодых мужчин.

Нас спасли яблоки, коньяк и бутерброды: решено было перекусить. Градус настроения не медленно поднялся, все заулыбались, обрадовались предстоящей пирушке, даже Саша. У Саши в рюкзачке нашлась бутылка пятилетнего «Коктебеля», сразу видно серьезного человека. Правда, сопровождали коньяк тепловатые сырники в слоях фольги, не успел позавтракать, смущенно сказал Саша в свое оправдание. Трезвенница Галина захватила термос, а мы, ей назло, крошечную спиртовку, котелок, чай, воду.

Обед сервировали прямо на земле. Ася-эстет соорудила скатерть из неестественно больших кленовых листьев, подобрал их по цвету.

Налили по первой. Честно говоря, для коньяка было рановато, но мы существовали в собственной временной метрике, и уже не факт, что в этом веке. У нас были свои порядки. *«Жаркой розой глоток алкоголя разворачивается в груди»*, – лучше не скажешь о том, что мы испытали, кроме Гали, она пила чай, но глаза блестели и у нее.

Саша интересовался моделью спиртовки, ел,пил, его опрятная борода мирно шевелилась, и в ней не было ни единой крошки. В игрушечном котелочке булькало, желающим предлагали чаю, но в основном все пили пока коньяк, а на предложение Мити совместить его с чаем, добавив первое во второе, вслух изумились убожеству подобной затеи...

– Кстати, – сказал Саша. – Или некстати. Вот Торжок. Самый львовоцентричный город. Львова здесь чтят и, можно сказать, помнят. Почти как местного святого... Давно там были? Я две недели назад... Ходил по туристическим точкам и прицельно изучал сувенирный ассортимент, связанным с Николаем Александровичем. Открытки, буклеты, магнитики, все такое, керамика, выжигание по дереву. Но поразили меня спички. Крошечный коробок, меньше стандартного, из фанерки. Выжжено по трафарету лицо Львова, коричневая графика на светлом фоне. Практичный сувенир, функциональный. Чиркать, конечно, не по портрету, а по боковым граням, но все равно, знаете ли... «Рано сгорел» – этим они, что ли, вдохновлялись, братья-сувенирщики?

Я с тревогой взглянула на Сашу. Он спокойно откусил половинку сырника.

– Я вам скажу так. У меня нет сомнений, что дворцовый и парковый комплекс в Горенках имеет отношение ко Львову. Я чувствую его присутствие. На молекулярном уровне. Доказать пока не могу, но все возможно. Всплывают документы, чертежи, письма... Конечно, включать Горенки в официальный экскурсионный маршрут пока еще рано, но... Вас же я сюда вытащил, в Балашиху... В порядке дружеского эксперимента... И для обкатки гипотезы.

– За это надо выпить. Правда, Саша, мы очень вам благодарны. В том числе за доверие. Все это бесценно... (Митя взмахнул руками) и драгоценно, – он смутился пышных слов и склонился над подставленными кружками, разливая. Даже Галя протянула толстостенный колпачок от термоса.

Мы растроганно брякнули чашками, и тут на поляну пушечным ядром вылетела большая собака. «Клайд, ко мне!», – неслось сзади, но животное, обжевав территорию и размахивая палкой хвоста, уже обнюхивало наши припасы, то, что от них осталось. «Клайд, фу!» – увещевал пса крупный мужчина, разгневанный от бега по кустам, исхлестанный бересклетом.

По законам композиции нам следовало оставить, передать поляну новоприбывшим, как сделали пару часов назад немолодые влюбленные.

– Ну что? Думаю, нам пора собираться. Программа выполнена, – озвучил Саша общую мысль, вставая с алюминиевого табуретки, – Пробежимся до Мейерхольда, тут недалеко?

...Вот почему я почти не задумываясь поселила мнимого автора (авторку) «Ротонды» в Балашиху. Это было последнее из явленных мне львовских мест. (Что бы я там не болтала про

светофоры, дачу, Нижний и Йошкар-Олу.) Рассказ с притороченной информацией об авторе и контактными данными полетел на конкурс, одновременно с еще двумя, но те с другого электронного адреса. Ждать от конкурса успеха, признания и особенно дензнаков – дело априори глупое и неблагодарное, и я поспешила забыть обо всей этой истории и о «Ротонде».

В следующий раз в Санкт-Петербурге я оказалась в самом конце февраля, одним днем, по довольно приятным рабочим обстоятельствам, которые исчерпали себя за два часа. Я наслаждалась одиночеством, свободой, исчезновением с радаров, бегством из грустной траурной Москвы. Но стоило, сидя в «Брынзе», выложить эффектное фото Банковского мостика, в телефоне захлопало, пришло сообщение.

Татьяна вы в Питере

Да сегодня вечером туту (эмоджик выражающий вежливое раскаяние).

Я тоже в Спб Сможете присоединиться через час

Вопросительного знака последняя фраза не содержала.

Что мог прочесть опытный человек (я) в последней Шашиной реплике? Что Саша возбужден. Что, скорей всего, его приглашение без знаков препинания связано со львовским вопросом. Что наш усадебный генерал нарыл что-то спорное или узкосенсационное и хочет поделиться. Или, что вероятнее всего, обкатать на мне гипотезу. Его находка, почти наверняка, в черте города.

Где во сколько

Угол Бакунинского прс Синопской наб. ч час

Ок

Как приятно без церемоний.

На месте Саши не оказалось, но припорошенная снежком серенькая «Рено» заговорщицки мне подмигнула. Больше некому, полнейшее безлюдье.

Из машины вылез Саша и еще долговязая фигура. Фигура сразу закурила.

– Татьяна. Артем, – представил нас Саша. – Мой старый друг, учились вместе. Коренной петербуржец, – в Шашином голосе прозвенело неподдельное уважение. – А с Татьяной у нас общие интересы в области архитектуры конца XVIII века. Она...

– Москвичка. Коренная, – не удержалась я. – Мне очень приятно, – я протянула руку Артему. Высокий, бледный, с выразительным актерским лицом, он был похож на покойного артиста Авилова из театра на Юго-Западе. – Вы случайно не актер?

– Почти, – ухмыльнулся Артем. – Пиарщик. В музейном объединении.

– Время, друзья мои! У Татьяны вечером поезд. Давайте посмотрим направо...

– Сань, – прервал своего товарища Артем, – я в машине подожду, у меня работа! – он помахал смартфоном.

Саша кивнул, он был уже не с нами. Здесь, но не сейчас.

– Место, где мы находимся – угол Синопской набережной и Бакунинского проспекта. А прямо тут (взмах в сторону парашета и пустоты за ним) был Малый Охтенский перевоз.

– Дача Львова?

– Да. Совершенно верно! Как близко к центру, правда? Десять минут на такси... Во второй половине XVIII века это была полная ж... болотистая глушь. Именно здесь Николай Александрович получает два участка земли, сначала один, после другой. Помните – «априкозы»?

– Саша. Послушайте, все это интересно, но поймите правильно. Просто чтобы вы понимали... Львов для меня уже немножко не актуален. Я давно закончила, отпустила свою... текст. И даже забыла бы о нем, если б не одна противная история.

Саша вскинул небольшую академическую ладонь в вязаной варежке.

– Татьяна. Умоляю. Потом расскажете, хорошо? Сегодня нам нужно успеть еще в одно место. Артем подбросит. – И, потеряв щеку: – Кстати, я не удивлен. Что «Ротонда» тянет за собой продолжение истории. Но это все потом...

– Налево дом 32/35 по Синопской набережной. Здание бывших бань Кошмакова. Бани – просто пометьте себе в голове. Сейчас здесь нет ничего, что нас могло бы заинтересовать. Львову этот участок земли принадлежал с 1780-го. В 1799 году он продал часть земли со строениями купцу Крону, и почти сразу здесь случился пожар... Известно, что имелся усадебный дом, помните, «Большой угольный желтый дом Статского Советника Львова»?..

– Угольный?

– Да. В смысле, угловой. Дом обоими фасадами был вписан в городскую застройку, а на задах был изрядный сад, хозяйственные сооружения. От дачи не осталось ни следа. Но есть документ. И какой... Правда, нужно уметь его читать, – Саша сдернул зубами варежку и принялся тыкать в экран телефона: – Вот!

Тусклый рисунок, несколько линий и цифр, подписи.

– Нежилой амбар из досок, видите? На сваях. Это пристань. Что значило – Нева подходила значительно ближе, чем сейчас... Загородная дача статского советника, усадьба и при ней пристань с амбаром. Странновато, да? Возле Охтенского перевоза. Для чего? Для торговых нужд! Помните, в «Братьях Караваевых» мы обсуждали его предпринимательскую деятельность, торговлю фруктами? Николай Александрович пытался заработать. Пускался в несвойственные... для людей его круга торговые... гм... махинации. Торговал хлебом. Догадываетесь, кто был его партнером в этой аванюре. Ну? Поэты торгуют мукой и овсом.

– Так. Это у нас какой год? 86-й. Хемницер уже в могиле. Капнист в Малороссии. Державин?

– Да, – Саша красиво взмахнул заиндевевшей бородой. – Гаврила Романович собственной персоной. Партнер Львова по этой негодии. Слово красивое, да? Всегда удивлялся полному несоответствию формы и содержания... Два поэта придумали заработать денежек на торговле хлебом. Смотрите, неурожайный год. В столице подскочили цены на хлеб. А Державин как раз губернаторствует в Тамбове. На югах. Закупает партию зерна и баржой отправляет в Санкт-Петербург, – чтобы Львов здесь ее продал. Николая Александровича, видимо, вдохновил опыт соседа, купца Калашникова. Его имя, кстати, одно время носила вот эта самая набережная (Саша притопнул каблучками). Смотрите, Львов пишет Державину, интересуется (Саша уставился в точку и прочитал): *«Что нужно и когда сделать по хлебной спекуляции, пришли мне операционный план, потому что я по невежеству моему в подобных делах полная свинья»*. Как вам? Спекуляции, операционный план... Сетует на собственное невежество, узнаю львовский системный подход. Где бы ему было подкачать компетенции, поучиться навыкам торговли? А негде! План, потребовавший немалых финансовых вложений, с треском и блеском проваливается...

Львов не оставляет попыток заработать. На схеме, вблизи общественных торговых бань видим еще одну постройку. Трактир «Торжок»! Как вам? Кто бы еще мог построить трактир с таким названием? Только Львов, новотор, новоторжец, его даже друзья так называли. А я бы сейчас зашел погреться в трактир «Торжок», – Саша перевел дыхание, выпустил облачко пара. – Вот вы не поверите. Я гуглил «трактир «Торжок», название удачное, – нет! Нет такого трактира! Был

всего один, примерно вот здесь. Похоже, тоже прогорел. Плохой из Львова получился предприниматель...

Я пыталась свести информацию воедино. Кули с мукой и овсом, илистый берег Невы, окраинный трактир «Торжок», пьяные купцы отмечают сделку. Можно предположить, что здание трактира было не лишено известного изыска. Если даже винный погреб и дровяной сарай под рукой Львова становились шедеврами архитектуры...

– Но нет худа без добра, – не утихал Саша. – Догадайтесь, какую выгоду смог получить Львов от всей этой истории? Выгоду в чисто львовском смысле. В его стиле и духе... Ну, сообразите? Вы же знаете его библиографию, книги... Подсказка: близость общественных бань. Выводы, наблюдения, рацпредложения... Ну?

Я помолчала. Саша, как всегда, заполнил меня информацией выше ватерлинии. Я посветила фонариком в илистые глубины памяти.

– Вы имеет в виду... его печной труд? Из названия помню только пиростатику...

– «Русская пиростатика, или употребление испытанных печей и каминов, кои посредством нагретого воздуха нагревают покои».

– Во-во! Саша, чему я немного завидую, так это вашей памяти.

– А я немного завидую Николаю Александровичу. Я бы впал в отчаяние после такого провала! Ведь он же просчитывал, надеялся, рисковал. Деньги вкладывал... Такой стресс! У меня бы все опустилось, и надолго. Тянулось бы и тянулось послевкусие неудачи. А Львов уже изучает вопрос бань! Ужасается, сетует, сопоставляет, анализирует, пишет книгу. И издает. И какую! Актуальную, значимую... Проникнутую заботой о людях! Не знаю, читали ли ее владельцы бань, хозяева банных бизнесов. Правда, до конкретных предложений и чертежей дело так и не дошло, они должны были выйти в третьей части. *«Я несколько уже лет брежу полезным сим заведением, а свидетельство разных несчастий и самой смерти, недостатками торговых наших бань тем бедным людям приключенные, которые для здоровья в сию пасть влекутся, до того раненое мое воображение распалило, что я хотел просить, как милости, чтобы позволили мне на свой счет построить торговую баню, но, слава богу, проспался»*, – прочитал Саша у себя в голове.

– Поразительная память, – сказала я не Саше, а самой себе. – А символично, что в этом месте были бани, да? Банное место... Только у меня осталось два часа до поезда. Куда вы собирались меня везти?

– Уткин проспект, 2, – бросил Саша водителю небрежно и безлично, как таксисту. Мы сидели на заднем сидении довольно опрятной ухоженной машины. Над водительским зеркалом качался какой-то иероглиф на рисовой бумажке.

– Что, говорите, за «Ротондой» тянется след? Вы намекнули... Неприятности? Хотите, угадаю? Исходя из львовской матрицы, должны быть какие-то проблемы с авторством... Ну, кому приписывают вашу «Ротонду»? Пелевину? – и Саша заржал своей дурацкой шутке так громко и тряско, что у него свалились очки.

Даже водитель обернулся на Сашу с недоумением.

– Наверное, вы просто больше никого не знаете. Из современных писателей... Кстати, это лестно, Пелевин уже больше двадцати лет – лучший. Недавно появился еще один, тоже отменный. Но увы. Я сама назначила «Ротонде» другого автора. Какая-то чертовщина... Иногда жажда славы выбирает странные, корявые пути.

Я рассказала львововеду про конкурс, про текст, посланный с другого адреса, про свою ужасную зиму (я вам сочувствую, пробормотал Саша), про Евгению Рождествину, суррогатного автора

«Ротонды», про Балашиху, про попытку опубликовать повесть и неожиданные результаты этой попытки. Про смену автором пола (но не имени) я тоже рассказала. Саша слушал внимательно, подавшись ко мне корпусом и бородой, кивал. Даже Артем на водительском месте прядал ушами.

– Публикация будет в июле. Редактор принял соломоново решение – кто первый встал, того и тапки. Кто первый прислал текст, того и публикация. С «лжеавтором» мы списались. Такой вроде дружелюбный... Евгений Рождествин. Договорились встретиться в конце апреля.

– Класс! – вывернулся с водительского сидения Артем. – Послушал с восторгом. Раз уж я тут. А меня вообще трудно заинтересовать. Профессиональная деформация... Хорошая история, люблю такие.

– Длинный, ты следил бы за дорогой, – грубо одернул Саша водителя. И мне, с непонятным мне оживлением: – Знаете, я совершенно не удивлен. А что вы хотите? Взялись за такой материал... Львов! Все уже найдено, проанализировано, описано. Информация в открытом доступе, бери не хочу. Все книжки оцифрованы и выложены. Не надо сидеть в архивах, пыль глотать... Слушайте, такое было уже сотни раз! Львов шел к одному исследователю, а потом вдруг резко сворачивал и уходил к другим. Похожая ситуация описана у историка культуры Михаила Ильина, и не только. Просто до сих пор это были культурные академические люди. Они понимали, что делают одно дело. В общих интересах. Поэтому ни дрызг, ни ссор, дележей, мое-мое, никаких научных скандалов...

– До сих пор? Что значит – до сих пор? – от обиды у меня сел голос. – Я не собираюсь устраивать скандалов. У меня кишка тонка... А потом, вы неудачный пример привели, уж извините. Там – исследования, атрибуция, научные находки, факты, замеры. А здесь – художественный текст! Написанный мной, вручную. Со-чи-нен-ный! У которого внезапно обнаружился еще один автор...

– А вот и не подере-о-отесь, – пропел Артем. – Все, приехали.

Они забросили меня в поезд за минуту до отправления. Это было как сцена из фильма, даже проводница нам подыграла, показала лайк. Я взлетела на второй этаж, красная, запыхавшаяся, кинула в своем купе рюкзак на полку, вернулась в коридор и успела из-за фирменной шторки увидеть, как Саша и Артем медленно уезжают вместе с Московским вокзалом.

Женское купе было полностью укомплектовано. Опять не сбылась моя мечта ехать одной. На что зимой, во вторник вечером я гипотетически могла рассчитывать...

Верхние полки занимали мама-пенсионерка и дочка лет сорока пяти, они переговаривались усталыми голосами, с печальным умиротворением. Из реплик явствовало, что женщины возвращаются с похорон, каких-то очень удачных в организационном смысле. Дочь звали Зоей, я знала всего одну Зою, и подумала, у этих двух Зой, пожалуй, есть что-то общее. На другой нижней полке, видная мне из-под купейной столешницы, лежала девушка-студентка и смотрела вверх, изысканно-бледная, с длинноватым носиком, наверное, коренная петербурженка.

Я думала, сейчас завалюсь на свое девяносто третье место, спокойно переварю сегодняшний вечер. Аккуратно разложу все по полочкам, прочерчу в голове географию передвижений. Перелистаю фото и успею сделать огневой пост на FB – *гайз, гайз, кто догадается, что за место?*

«...так сказал Палладио» – послышалось сверху. Я чуть не упала со своей нижней. Совсем свихнулась на почве русского палландианства... «Сказали по радио», проступила в своем изначальном виде реплика Зоинной мамы с полки наискосок.

Все, спать, сказала я вслух, натянула простыню до подбородка и боком поплыла в черную тутукающую ночь.

– А похоже на Горенки, да?

В розовых сумерках мы бродили по Уткиной даче, даже оторвавшийся от смартфона Артем. Красота и гармоничность архитектуры входили здесь в жесточайший диссонанс с тяжким, бьющим в глаза запустением. Горенки, конечно, сохранились гораздо лучше. Несмотря на мороз, будний день и вечернее время, мы были не одни. Прогуливалась, иногда мелькала за углом, опережая нас на один пролет, совсем молодая, подростковая парочка. Наоборот, постоянно маячила перед глазами, не выходя из поля зрения, пара взрослая, с замечательно красивой корги, задевающей снежную скорлупу низко висящим животиком. Не самое удачное место, и время, для выгуливания собачек такой конструкции...

– Служительский корпус – девятнадцатого века. Более поздний, – отозвался Саша. – То, что вы имеете в виду, в Горенках, тоже девятнадцатого...

– Я вообще никогда не слышала про это место. От слова совсем. Уткина дача, класс!

– Честно говоря, сам здесь впервые, – сказал Саша с мечтательной улыбкой. – Так что спасибо за компанию. Длинный, и тебе! – окликнул он Артема. – Вкратце, дача изначально принадлежала Марку Полторацкому. Упрощая, директору придворной певческой капеллы. Благодаря красивому голосу сделал шикарную карьеру при дворе, а сам из черниговского казачества. Нашел это сокровище Алексей Григорьевич Разумовский, который, помним, сам происходил из певчих и казаков, а стал «ночным» императором. Хоть я и не люблю такую оптику... Вышеупомянутые Горенки принадлежали Разумовским, но всю красоту там навел племянник «ночного» императора, сын его брата, Алексея Кирилловича. Это же касается усадьбы на Гороховом поле, на улице Казакова, где мы бы с вами были. Но вернемся к Полторацким. Про имяние говорили, что он его себе «напел». Вторая жена Полторацкого, первую схоронил, носила поразительное имя Агафоклея. Женщина во многих смыслах замечательная, обязательно найдите и почитайте о ней. Родная бабушка Анны_Я помню чудное мгновенье_Керн. Мать – только не падайте – двадцати двух детей. Одну из дочек, кстати, тоже назвали Агафоклеей. А где взять на такую ораву нормальных человеческих имен? (Я хихикнула.) Татьяна, вы же были в Красном? Где эта безумная церковь-ракета, копия Фелтеновской. Которую подлизал Полторацкий возвел, зная, что она нравится Екатерине... А в Грузии были? Не могли не быть. – Я кивнула. Саша, похоже, следил за всеми нашими передвижениями. – Это все имяния Полторацких! Здесь недалеко, выше по реке, было еще одно... Строительством мызы Оккервиль, как она тогда называлась, занималась сама Агафоклея. Уткиной дачей усадьба стала называться только через сто лет, в ходе семейно-наследственных подвижек. Есть мнение – о чем, полагаю, вы давно уже догадались – что здание выстроено по проекту Львова. Какие мы можем обнаружить доказательства сей гипотезы? – Саша посмотрел на меня строго, и я немедленно расправила плечи.

Меня больше не раздражали Сашины академические повадки и некоторая, порой, надменность. Жизнь слишком коротка (я посмотрела на часы), чтобы придавать значение интонациям и модуляциям...

Я выпрямилась, задумалась, отчеканила.

– Фасад украшен четвертушкой ротонды. Это его автограф. Осьмушка ротонды там, где черный вход. Четыре колонны тосканского – хорошо, дорического ордера. Знаменитое чувство ансамбля.

(Сам, бля, один, бля.)

Саша благосклонно кивнул, простер руку профессиональным жестом.

– Обратите внимание, как эффектно поставлено здание. Какой открывается вид (большая вода, цветные корпуса за ней)! Здесь сливаются Охта и Оккервиль. Смотрите, как здание вписано в пейзаж. Как оно двумя крылами уходит назад. Грудью-ротондой устремляясь к месту слияния рек. Как лебедь!

Я покосилась на Сашу в поэтическое трансе. Но все сказанное было чистой правдой...

- А что здесь было раньше?
- Кем обычно у нас заселяют брошенные здания? Усадьбы на окраинах. Ну, Татьяна?
- Де... детский дом?
- Ду! – передразнил меня Саша. – Душевнобольные! Населяли этот прекрасный желтый дом...

Долгое время он пребывал в чудовищном запустении. Что, конечно, преступление. Сейчас это филиал музея городской скульптуры. Планируется реставрация...

Стремительно темнело. Желтея окнами, совсем близко к Служительскому корпусу подступали новые жилые кварталы. Слились с темнотой деревья, хрустел и кололся под ногами упрямый наст, вела куда-то застарелая лыжня, странно узкая, будто проложивший ее сильно хотел в туалет... В сумерках я снимала двукрылый дом с шапочкой-куполом, колонны, воду, Служительский корпус, гаснущее небо. Телефон мой тоже угасал, двенадцать процентов, ничего, подзаряжу в машине.

С...

сколько-сколько? Я навела фокус. Никогда не расслабляюсь, но непостижимая Уткина дача утя-утя-нула меня в воронку безвременья.

До поезда оставалось, внимание, двадцать восемь минут. Двадцать. Восемь. Минут.

Артему не надо было ничего объяснять, а вот задумчивого Сашу пришлось выводить из морока, тормозить. Все громко затикало, запульсировало, мы утрамбовались в ледяную машину и понеслись. Всю дорогу я смотрела на красивый профиль идеально спокойного Артема и его руки, и совсем не смотрела на часы, дорогу и Сашу, сидевшего на заднем сидении.

Нервные клетки не восстанавливаются, был такой советский мем.

На мартовские праздники уехали на Академичку. Чтоб немного развеяться.

Отдохнуть от города.

Побегать на лыжах.

Ранней весной здесь стояла полноценная, картинная зима. Картинной быть не мудрено, мало какой местности повезло в этом плане так же сильно, как Академической даче. Обжитая, исхоженная, исцелованная художниками – благодаря старейшей в России творческой базе – она была запечатлена каждым своим малым ракурсом, поворотом, изгибом. Местность с 80-х годов позапрошлого века облюбовали художники, Академичкой заодно звалась вся окрестность с несколькими прилежащими деревнями.

По соседству, например, находилась дача классиков соцреализма братьев Ткачевых...

Здесь бывали Репин (Академичка носит его имя, имеется памятник), Куинджи, Левитан. Не говоря уже о великом князе Владимире Александровиче с супругой Марией Павловной, они опекали Академичку, приезжали сюда, останавливались непосредственно в Восьмиграннике; в их честь заведение одно время называлось Владимиро-Мариинским приютом. Исключительная же роль в становлении Академички принадлежала нашему любимцу Кокореву, промышленнику, богачу, благотворителю, меценату, покровителю искусств. Именно с легкой руки Кокорева, просидевшего из солигаличских солеваров, эту местность облюбовали художники.

Кстати, вот кому мы посвятим наш следующий K-project!

...Русский Барбизон, так Академичку называют любители рифм и аналогий.

Сейчас здесь стояла зима и перетапывались мы, только что вылезшие из микроавтобуса, озирающие белизну, сосны, постройки мастерских, красиво вписанные в местность. Административный корпус причудливой архитектуры, реплика знаменитого Нотр-Дам-дю-О в Роншане. Легендарный Восьмигранник отсюда виден не был.

Пройдет месяц, и Академичка оголится, розовато-серая, задымит зеленью, изойдет голубым подснежником, по-научному печеночницей, и художники повалят сюда «на подснежники».

На все про все у нас было три дня, две ночи, лыжи, мороз минус десять и очень много замечательного алкоголя.

Законно возникает вопрос: рисовали ли мы в эти 3 (три) дня на Академической даче?

Месте, ниспосланном художникам свыше, где всё кричит, вопиет: нарисуй меня.

Где озеро и река берутся за руку, и получается высокий полуостров, заросший соснами и увенчанный желтым деревянным павильоном Восьмигранник, построенным в восьмидесятих годах девятнадцатого века за десять дней без единого гвоздя.

Где столовая, по традиции, сложившейся в тот же период, кормит художников с особой страстью, «усиленно», с учетом особенностей работы на пленэре. Живописцев раньше даже взвешивали в начале и конце «смены», отмечали привес и рапортовали Государю.

Итак, рисовали ли мы, расположившиеся сразу в трех мастерских, прихотливо совмещенных со спальнями?

Мы, в большинстве своем имеющие художественные дипломы.

Ответ: да.

Да, рисовали.

Не считая многих акварельных этюдов, графических листов, мегабайтов фотоматериала, рисовали армянским и ставропольским коньяком по розовому шелку внутренностей. Особо отметим серию этюдов рижским бальзамом на черной смородине.

Штриховали белозефирную гладь озера Мстино коньковым и классическим ходом.

Рисовали по звездам, соединяя их в новые созвездия.

Чтоб отличать мастерскую в ряду ей подобных, отметили ее зеленым стаканчиком. Так родился скромный шедевр концептуального искусства.

Пока мы жили-бродили-ходили здесь, в головах наших трудились художественные комбинации и артели. В моей голове, ни разу не заболевшей, стучало и стрекотало целое машбюро.

...В это же самое время с десятков других художников разных возрастов рисовали, замерев с этюдниками в сугробах, там и сям, и была среди них троица изысканных азиатов в сливочных тулупах, казах и два китайца.

Вечером второго дня мы собрались в нашей с Митей мастерской. На повестке стоял L-project, как он все еще назывался, наш художественно-просветительский проект.

Первой взяла слово Ася:

– Может, пусть это будет сайт? Гораздо больше, шире, чем просто выставка... Если грамотно и по-умному его продвигать. В том числе с помощью выставочных проектов.

– Портал? – уточнила Галя. Я поперхнулась коньяком, настолько двусмысленно, да и вторично это прозвучало. Митя здоровенной ладонью похлопал меня по спине.

– Можно и так. Делаем культурную площадку. А вот заполняем ее не тем, что более-менее известно, пересказыванием фактов биографии, чем занимаются все неофиты. А собственными изысканиями. И художественным продуктом. Живопись. Фоторепортажи – отлично. Эссеистика. Путевые заметки. Не просто Львов, а наш Львов, мы во Львове, он в нас.

– У Марка отличные этюды по мотивам поездки в Черенчицы и Знаменское-Раек. Целая серия, – напомнила Галина.

– Я придумала декоративный проект по мотивам Черенчиц, а именно Ротонды. Можно, пока не буду рассказывать? Я суеверная... Расскажу, и ничего не получится, сто раз так бывало, – промолвила Ася.

Оля подлила себе.

– Так, а можно теперь мне? Во второй половине сентября у нас выставка. Да, не скоро. Но это даже хорошо, лучше подготовимся. Где, где, в любимом музее. Нам отдают весь нижний этаж. Есть даже небольшой бюджет на оформление. Чтоб не трогать основную экспозицию. Две не-

дели. Открытие поставили на субботу, двадцать шестое. Кроме фуршета что захотите, культурная программа на наш вкус. Так что мне срочно нужно название! Для рекламы, афиш. Раз существующее тебе не нравится, – и все посмотрели на меня.

– Не забудьте Сашу. Будет шикарный приглашенный гость. Для пафоса. Дадим ему тему, или сам предложит, – я уклонилась от ответа, но не от темы.

– Слушайте, раз бюджет. И раз музей с садом и большой территорией. Тогда чего нам сиrotствовать? Давайте сделаем объемные макеты? Хотя бы несколько. Поставим прямо на улице. 3D резка из пенополистирола. А чтоб не повторяться, предлагаю хотя бы для части экспозиции сделать макеты нереализованных проектов... Или утраченных.

– В натуральную величину? – спросила Галя с мрачным восхищением.

– Полтора-два метра более чем достаточно. Не больше пяти объектов. Я готов сделать чертежи для 3D.

Л-подвижки молчали, потрясенные великолепием идеи и неслышанной щедростью Марка. Подготовить чертежи для 3D!!! Митя молча разлил коньяк, он назывался «Ной». Не про нытье, а про кедровую прочность замыслов, про то, что все возможно...

– Марк, я тебя люблю, – вымолвила Ася, нарушив торжественную тишину, и все немного смутились звенящей нежности в ее голосе. Захотелось оставить их вдвоем, или пусть отправляются к себе в номер.

– И я! – разрядил обстановку Митя, и все потянулись к Марку, как к имениннику, губами, щеками, стаканами.

– Давайте тогда уж и список согласуем. Тем более все в сборе, – сказал розовый зацелованный Марк, – Раз все за. Собор в Могилеве – обязательно! Это его, считай, первенец, без него нельзя. Дачу графини Строгановой – два. Она такая лаконичная, компактная, будет хорошо смотреться в пенопласте. (Марк виновато улыбнулся тому, как курьезно, по-дурацки это прозвучало.) – Дом Томары, очень прикольный. Более вертикальный, немного другой, хорошо, для разнообразия, для экспозиции. Ротонду из Черенчиц – обязательно, наш талисман. И, хотел посоветоваться, что лучше. Комплекс из Арпачево с колокольней-маяком? Или «Кулич и Пасху»? Что скажете?

– Конечно, Маяк! В Арпачево трудней добраться...

– Я за Маяк.

Проголосовали единогласно.

– А называться, – сказала я, – все это будет очень лапидарно: «Н.А. Львов – жизнь и судьба русского Леонардо».

Перед сном пошли пройтись. Дошли до причала, покосились на квадратную прорубь с белым бульоном под тонкой коркой, отраду любителей попариться.

Банщик вырезал во льду Мстино черный квадрат. Прорубь быстро, на глазах, затягивалась снеговой пленкой. Из бани выходили красные дымящиеся люди в простынях, окунались с визгом, криком или молча. Банщик получал благодарную соточку за каждое погружение. Как водичка, кричали с берега, поеживаясь, восхищаясь и завидуя.

Мы выпали на белый, укрытый снегом лед Мстино. Смотреть на звезды и Академичку с «воды».

Бережно перешагивали, обходили, стараясь не наступить, собственные лыжни, утром они нам пригодятся. По берегам Мстино виднелись деревни, светились окнами домики и гирлянды фонарей на причалах – будто угольки выложили на снег. Сравнение конечно не очень корректное, применительно к деревянной застройке...

Большое заснеженное озеро с частичной иллюминацией под черным небом в крупную звезду выглядело празднично.

– А все-таки жаль, что так не скоро. Выставка. Полгода ждать...

– Слушайте, – обиделась Оля-организатор, – там вообще-то очередь. План! И ты еще поди влезь... Докажи целесообразность... Сопроводительное письмо, обоснование... Все не так просто!

– Да я понимаю, – я обняла подругу, двукратно увеличенную пуховиком. – Просто хочется уже перевернуть страницу. А то какой-то получился проект пролонгированный.

– Кстати, что у тебя с твоим сочинением? (хорошо, не «произведением»).

Этот вопрос выдает степень интимности, принятую в компании. Не «над чем сейчас работаете». А – «что у тебя с ним». С уважением, без придыхания.

– Не поверишь, у сочинения нашелся еще один автор. Не еще один, а вместо меня... Будет публикация.

– Не появ! – Оля остановилась, развернулась в своем толстом пуховике, красивая и грозная.

– И что? И как?

– Пока не знаю. Я списалась с ним. Увидимся в апреле. Но на самом деле я сама виновата, это мои собственные химеры.

Под звездным небом, выпуская клубы пара, я рассказала сотоварищам историю «Ротонды».

В нашем кружке уже случались подобные казусы. Подруга сделала прикладное произведение по мотивам не очень известного полотна известного художника. Идея была довольно-таки блестящая. По наивности поделилась эскизами в соцсети... Про сие немедленно, во мгновение ока прознал музей. В коллекции которого – в запасниках, а не в основной экспозиции – картина обреталась, – и давай вежливо, но настойчиво качать права. Типа, не напомним ли номер договора, согласно которому мы передавали вам права на единовременное использование картины в ваших проектах?

Будто они сами ее нарисовали!

Нервы музей потрепал изрядно, замысел так и остался замыслом.

– Поэтому мне вся эта пролонгация серпом по месяцу, – сказала я, глядя на тонкий ноготок молодой луны. – Главный урок, конечно, что врать нехорошо. Это я про конкурс. Ну и тонус немножко теряется...

– А давай я пойду вместе с тобой? – предложил неожиданно Марк. – На встречу с этим лже-автором?

– Нет-нет. Что я, маленькая? Сама разберусь. В конце концов, брат литератор, как-нибудь уж договоримся. И потом, мне интересно.

– Тогда не ной, – Марк с хрустом развернулся на ледяной коросте и пошел в сторону пристани.

– А я и не ною, – не обиделась я. – Я делюсь... Советуюсь.

Проснулась от толчка в плечо.

– Ты што? – спросил Митя шепотом. – Орешь на всю Тверскую область...

Была глубочайшая ночь. Сквозь занавеску лилась потусторонняя морозная тишь. Косой свет фонаря наводил в комнате особый аквариумный уют.

– Я? – сказала я изумленно. – Ору?

– Заладила: не поедем! Мы устанем... Мы не успеем... Голосом чревовещателя. Куда не поедем? Кто это мы? Вроде не полнолуние...

В голове напознала тьма. Я силилась вспомнить яркий настойчивый сон, но его обрывки утекали в сливное отверстие памяти быстрее, чем я успевала рассмотреть.

Телефон показал 3.17.

– Н-не помню.

– А у тебя нет температуры? Горячая, – Митя потрогал мне лоб родимым родительским жестом. С его ладони полилось тепло. – Не хватало только разболеться...

В памяти встали и пошли чередой внезапные болячки, сломанные по дури ребра, брызнувшая

стеклом дверь в номере, высокие температуры в разгар поездки, лихорадящие, мечущиеся дети, вызов скорой где-нибудь на краю Карелии...

Я перевернулась на спину. Переложила Митину руку со лба себе же на живот. Живот – отличная стартовая площадка для любых начинаний, действий и маневров. Нейтральная полоса...

В моем детстве болезни живота лечили поглаживанием по часовой стрелке. Для процедуры требовались только ладонь и некоторое терпение. Теплый, сухой, как морской песок, живот любил такую терапию и быстро переставал бурчать, урчать и беспокоиться.

– Температура, полечи меня, – подвинувшись на скрипучей панцирной сетке, я высвободила место рядом.

...Одноместные кровати на Академичке не были предназначены ни для чего, кроме богатырского сна наработавшихся за день художников. Назидательно, кровати стояли по три штуки в узкой, пеналом, спальне. А вот прилегающая мастерская, в которую спускались по лесенке, была просторная, высокая, продуваемая и для сна не годилась, зимой температура здесь не поднималась выше 15 градусов. Непонятно зачем, в мастерской стоял диван, в разложенном состоянии размером с рояль, ледяной и твердый.

Седьмой номер вышел без опозданий, в июле. Этот июль в отличие от предыдущего был холодный, с внезапными бурными дождями; Подмосковье местами затопило. Не вызрела земляника, смыло с кустов малину. Говорят, кое-где плавали по улицам дачных поселков на надувных лодках. Но купальники и плавки пока оставались невостребованными.

Когда я нашла свою/не свою публикацию по ссылке, в небе снова заворчал, прокатилось.

Предисловие редактора я прочитала накануне. Новости такого класса я могла принимать только порционно, по чуть-чуть.

Начала читать и успокоились. Долгое время «Ротонда» Евгения Рождествина ничем не отличалась от моей. В трех местах были заменены слова. По-другому, не так густо, расставлены запятые. Эти довольно дельные правки-поправки скорее всего были внесены Семеном, строгим и умным редактором. Я читала текст и любовалась, как здорово он сделан.

Пока...

Ну, конечно! Евгений, он, она или они оба, меня переиграли... И ускользнули в другую Ротонду.

tripadvisor.ru

Музей колоколов

130 отзывов

развлечения_Валдай

Снаружи ничего не напоминает, что это церковь, только вывеска. Церковь сделана в стиле ротондизма.

Внутри от церкви ни чего не осталось, там расположен музей колоколов.

Церковь Святой Екатерины построена в конце XVIII века в виде ротонды в форме классицизма, но при этом с колоннадой, ограниченной по периметру выступающей алтарной частью. Отличается гармоничными формами, стройными пропорциями, изящными деталями. Храм построен в память придания Валдая статуса города по именному Указу Государыни Екатерины II, как путевая дворцовая церковь. В 1826г. в церкви Святой Екатерины во время проезда траурного кортежа с юга России в столицу на одну ночь был установлен гроб с телом умершего в Таганроге императора Александра I. В настоящее время в церкви располагается одна из экспозиций музея колоколов.

Направляясь на экскурсию в музей колоколов, увидели необычное строение в виде ротонды. Пошли посмотреть – оказалось церковь. А потом оказалось что там и находится музей колоколов. Очень необычная архитектура для храмов. Век путешествуй, век будешь поражаться чему-то.

Церковь Св. Екатерины, архитектор Н.А. Львов, больше похожа на ротонду, выполнена в виде колокола. Сегодня используется, как музей колоколов. Внутри запах плесени и если у кого астма, наверное экскурсию не выдержит.

Церковь Святой Екатерины . Церковь была построена для русской императрицы и освящена именем ее святой покровительницы. Легкая ,изящная ,поставлена на высоком откосе ,где открывается прекрасный вид на озеро Валдай и Иверский монастырь. Через дорогу ,чуть пониже стоит часовенка ,где сегодня горят свечи перед ликами святых . Это часовня Иверского монастыря . Сегодня там происходит чудо очищения иконы Богородицы, но туристы спешат в Музей колоколов. Небольшой объем церкви сегодня заставлен и завешан разными колокольчиками ,которые отличаются по размерам и голосам . несомненно ,что колокольчик Валдая раскрученный и признанный бренд ,но мне жаль Храм ,все-таки для колоколовцев можно было найти и другой домик. Возможно выбрали этот ,по тому что он по форме напоминает валдайский колокольчик.

Очень понравилась экскурсия. Хотелось бы отметить блестящего экскурсовода Евгению Игоревну. Она рассказала много нового о великом зодчем. Евгения Игоревна оправдала факт устройства в Церкви Великомученицы Екатерины (Ротонде) музея валдайских колоколов не очень известным фактом что Львов первым проявил культурный интерес к жизни ямщиков и создал либретто для оперы Е. Фомина «Ямщики на подставе, или игрища невзначай». Валдайский (он же ямщицкий) колокольчик важная часть эстетики и ямщицкого быта. Так в этом есть логика (в музее колокольчиков). В пользу такой версии говорит также факт, что Ротонда строилась как церковь при путевом дворце Екатерины (1780-е годы). Рекомендую всем, кто интересуется творчеством великого архитектора экскурсионное агентство Культ-Тур, двухдневную программу «Тверская и Новгородская область в жизни и творчестве Н.А.Львова» и экскурсовода Е.И. Рождествину.

...Вот куда нам приказывали ехать, см. мой мартовский сон на Академичке, прерванный Митей. Наверное, можно было вспомнить содержание сна, существуют специальные техники, но мы отвлеклись и все продолжали.

А меж тем от Академической дачи до Валдая, где по адресу улица Труда, 2А располагается построенная Львовым церковь Великомученицы Екатерины, она же валдайская Ротонда, она же музей колоколов Валдая – было чуть больше ста километров.

Если б подорвались, мы бы успели до обеда...

(На Академичке обеды, а также завтраки и ужины – отдельная ценность, им стихотворные оды посвящают.)

Ну или пропустили бы обед, тоже мне трагедия...

Кто пытался вложить мне в голову мысль о близости валдайской Ротонды? С кем я спорила во сне, упорствуя, возвышая голос? И зачем?

Видимо, отстаивая право на отдых.

Просто интересно.

Разница в том, что в финале своего сочинения я отправила героев туда, где (откуда) Львов исчез. А мои соавторы – туда, где он остался...

В день зимнего солнцестояния стояла неопределенная серенькая погода, минус два. Приятно завывало. К вечеру обещали снег и желтый уровень, но нас таким не испугаешь, скорей наоборот.

Многие, как известно, ждут двадцать первого декабря, полагая его началом, предвестником весны. Не отношусь к весноборцам, мне и зимой хорошо.

...Правда, не этой зимой, полной тоски, ежедневных ухудшений, трезвящего коктейля из деловитости и беспомощности. Я и мои близкие уж точно не чувствовали подпора праздников, ноговогодного волнения, веры во всемогущество Деда Мороза...

Вдруг я с интересом посмотрела на календарь, доживающий последние дни. С каким-то свежим чувством. Волнением, легким смятением.

На сегодняшнюю цифру...

Ну, конечно! Вот дубина...

В два счета создала чат в мессенджере. Назвала его L-project (что значило – бык машет красной тряпкой). Выставила максимальное количество восклицательных знаков, семь, больше мне не позволило чувство меры.

Встречу назначила на Чкаловской, в центре зала.

Чтоб не обременять себя/их долгой коммуникацией, вопросами-ответами, написала:

Привет Сегодня в ночь годовщина смерти L. 215 предлагаю отметить месте где он пкинул грешный мир (не сохр) Потом посидим погремся Приглашаю Пятница и у меня гонорар

(Про гонорар я загнула, договор даже не был еще подписан. Но эта невинная ложь делала мое приглашение неуязвимым, с т. з. возможности отказа. Теперь они просто обязаны были явиться.)

И вереница эמודжиков, семь штук.

Могу! (Ася).

Что так поздно (Галка).

Отлично. До встречи! (Оля).

Постараюсь успеть (Марк).

Но это же по старому стилю? Ничего? По-новому з.от. (Галина)

Митя не написал, его нет в соцсетях. Но я ему сразу же позвонила, обещал быть.

До встречи Жду!!! Ура (организатор).

Да здравствует спонтанность.

Я забронировала столик на шестерых в «Имеджин». На двадцать ноль-ноль. Скорее всего, это будут два сдвинутых кругляша, причудливая планировка не позволяет им заводить большие столы... Раньше здесь располагался знаменитый «Кризис жанра», где кормили очень прилично, в значении вкусно.

В «Кризисе» я посмотрела и взяла на вооружение несколько дельных рецептов...

Лет пятнадцать назад денег и часов здесь просижено было немало... Дружеские посиделки, бизнес-ланчи, дни рождения, даже, однажды, корпоратив.

Все дело в том, что неподалеку, совсем рядом, на Покровском бульваре, в здании бывших Покровских казарм, они же Павловские, располагался мой когдатошний офис...

По адресу Покровский бульвар, дом три.

Занимая, конечно, крошечную толику огромного объема, в левом крыле здания, если смотреть с бульвара.

Наверное, если б судьба занесла нас в правое крыло Покровских казарм, отстоящее от левого на полбульвара, мы бы ходили в другое кафе, где-нибудь в Казарменном переулке.

...Между прочим, постройкой этого грандиозного сооружения в первой его допожарной версии руководил наш старинный приятель А.А. Безбородко.

А вот приписать авторство Львову, как бы сильно мне этого не хотелось, нет никаких оснований. Архитектор неизвестен, точка. Хотя строительство началось в 1798 году, а закончилось в 1801-м, Львов архитектурно еще весьма активен. А вот Безбородко уже скончался, в апреле 1799-го, повергнув друга в скорбь и уныние.

Известно только, что после пожара 1812 года перестраивал здание Жилиарди.

Проектировать Павловские-Покровские казармы Львов не проектировал, но последние дни предположительно провел в непосредственной близости от этого места.

В двадцать минут восьмого мы стояли недалеко от индийского посольства. Оно же – знаменитый особняк с «беседующими змеями», усадьба Латышевых – Бахрушиных.

Интересно, как мало меня теперь волновал и привлекал модерн. Со всеми его цветами, волнами и прочими причудами. То ли дело двадцать лет назад...

Гисметео сдержал(о) слово, валил снег, задувало; погода подходила сегодняшнему дню по драматургии.

– Ну, вот, – сказала я. – Примерно здесь. Воронцово поле, дом 6-8. Наш ориентир... – Выдержала эффектную паузу и продекламировала:

*Слуга твой хвилой Львов
Услышать звон колоколов,
Увидеть пузыри и плашки,
Москву-тетеху впопыхах
По тюфильской дорожке
Приплыл на костылях
И у Николы поселился
В Воробине, на тех горах,
Где дом светлейшего затмился,
Живущего в благих делах!*

– Хвилой?

– Большой, хилый.

– Ровно на этом месте «дом светлейшего затмился», – я сделала жест в сторону посольства.
– Кстати, оцените игру слов. Светлейшего – затмился. Участок принадлежал – был подарен Павлом I князю Андрею Саньчу Безбородко. Проект дворца создавал, или не успел, не имею точных данных, – наш добрый друг Джакомо Кваренги. А вот проект дворцового парка был поручен Николаю Александровичу Львову. Территория большая, тянется до самой Яузы... Проект парка был автором разработан и даже частично реализован. Всем известен созданный эстетом Львовым альбом гравюр, рисунков и чертежей с подробнейшими описаниями и комментариями. Этот альбом сам по себе произведение искусства. Выдающийся документ эпохи. Эталон... Вот что, например, Николай Александрович пишет про сочетание регулярного и натурального, то есть английского, принципов устройства в рамках одного парка. Немножко сейчас не по теме, но не удержусь, – я закрыла глаза:

«Единообразие прервать противоположением, противоположение связать общим согласием и дорожками, которых излучины и повороты не для того сделаны, что так вздумалось садовнику, но каждая из них имеет свое намерение и причину, и если гуляющий принужденным иногда найдется сделать круг для того, чтобы пройти к предмету, его зовущему, то лишние шаги его заплачены новым и неожиданным удовольствием, которого бы прямая дорога его лишила».

– Какой слог! Прямо стихи... – сказала Ася мечтательно. Ее черную челку разрисовало белым, – «заплачены новым неожиданным удовольствием!».

– Альбом издан, спасибо одному прекрасному издательству. Считаю, необходимо иметь его в хозяйстве. А вот на территорию, где парк располагался, прорваться не удалось, везде заборы и колючая проволока... Ни со стороны Воронцова поля, ни с переулка Обуха. В Большом Николо-воробинском есть место, откуда можно заглянуть в щель в заборе. Но там ничего особо интересного: снег, деревья, спортивная площадка. То есть, все-таки, нечто вроде парка, зоны отдыха. На довольно-таки крутом склоне...

Мои заснеженные друзья стояли ровно, как сурикаты. Никто не кренился, не подламывался. Можно было еще какое-то время позлоупотреблять их терпением...

– Короче, где-то здесь поблизости (я смахнула снег с капюшона, пошарила глазами вокруг) – в каком-то из домов у Львова была квартира. Из окон которой открывался вид на церковь Николы в Воробине. Эту церковь взорвали в 1932 году, а ее именем называется теперь вот этот переулок (вниз стекал Большой Николоворобинский). Не просто квартира, а, как пишет Глумов, *«старая его квартира»!* Предположу, что служебная. Но что интересно... Удивительно, какая глубинная, неразрывная связь была у Львова с Андреем Александровичем Безбородко. Все время рядом! Редкий пример симбиоза людей интеллектуально равных, но во всем остальном совершенно разных – по положению, статусу, доходам, темпераменту, жизненному укладу... Дружба вельможи и поэта.

Друзья слушали, не подавали реплик, или просто они задубели.

Хотя именно в этой части спича со мной можно было и поспорить; остальные сведения более-менее выверены.

– У Николы в Воробине – это примерно здесь. Воронцово поле, дом четыре, корпус один – более точный адрес. Сейчас тут сидит Росреестр, а до того была школа. Довольно высокое место, обратили внимание? Раньше местность называлась Гостиная горка, то есть – здесь селились купцы, гости.

– Глумов, автор самой подробной книги о Львове, пишет про этот период его жизни так: *На-езжал в Москву, там любил проживать в старой своей квартире на Воронцовом поле, поближе к заветному месту, где был не так уж давно заложен дом светлейшим князем Безбородко...*

– Шпаришь как по писаному, – похвалила Галя.

– Дык! Готовилась, – я победоносно улыбнулась, и в рот мне влетело немного снега. – Так вот. Если принять за правду, что Львов скончался в Москве, это могло произойти в одном из двух мест. В Тюфилях, где у Львовых имелся землебитный дом при училище, им же и построенный. Земляной особнячок. Или здесь, у Николы в Воробине. Учитывая активность Николая Александровича в последние месяцы и дни, – несмотря на жестокую болезнь, на костыли, – верней предположить, что это было в Москве, то есть здесь. А не за ее пределами, в Тюфилях.

Его известное... гм, в узких кругах... стихотворение «Три нет» – послание к Бакунину имеет подпись «У Николы в Воробине после смертельной моей болезни послание начерно к А.М. Бакунину 1 октября 1801 года».

Друзья не реагировали. Они молчали слишком каменно, и я поняла, что рискую потерять их, вот так, всех сразу. Замерзнут или проклянут.

– Ну что ж. Вряд ли нам сегодня откроется больше, чем мы уже увидели...

Метель белила окрестности толстым штрихом, это было похоже на линогравюру советской школы. Видимость постепенно исчезала.

Нам действительно повезло с погодой.

– ...поэтому предлагаю переместиться в «Кризис жанра». Точнее, «Имеджин», там тепло и ждет нас сдвоенный столик, нечто в форме восьмерки, или знака бесконечности, как посмотреть.

Все оживились, мгновенно расколдовались, стряхнули морок и снег с плеч и головных уборов. Повеселевшие, двинулись в сторону бульвара.

– Рекомендую обратить внимание на бифштекс в горчично-медовом соусе. Такой, штрихованным пенечком. И салат из дайкона, – это было последнее, что я успела сообщить, чтоб подержать в друзьях боевой дух.

Мы свернули на бульвар, метель ударила в лицо и залепила мне рот.

Забегая вперед (а относительно других событий отступая назад). Уже в понедельник в Москве сделался плюс, и весь наметенный за выходные приличный объем качественного, как мука высшего сорта, снега – превратился понятно во что, а вскоре растаял, истоптался, мостовые заголились, и установилась, как называют ее пижоны и нытики, «европейская зима», а по мне так полная фигня.

С конца декабря до начала февраля город простоял серый, голый, зябкий. Автомобилисты и «европейцы» блаженствовали, коммунальщики окончательно расслабились, и тут Москву накрыло таким великим снегом, что все встало и замерло, карты пробок сделались венозного цвета. По ходу выяснилось, что нечем платить дворникам, куда-то делись «снежные» деньги (растаяли?), никто не убирал, не чистил, и мэр призвал всех мужчин призывного возраста и старше – его референты как-то иначе это иначе сформулировали – взять в руки лопаты и выйти на правое дело, на борьбу со снегом. Снегоуборочные лопаты взлетели в цене, а потом исчезли как класс, хоть мастера, сколачивав из фанеры. Мы ходили на лыжах, вставая на них прямо у подъезда. По дороге к парку отстегивали всего раз, когда пересекали проспект на светофоре.

К этому в кавычках бедствию примешивался эстетический фактор. Москва сделалась такая нестерпимо красивая, гордая, какая-то незнакомая, такие были по вечерам метельные ветра, что я получила реванш за все неудачные зимы прошлых лет, жидкие, позорно бесснежные. Еще, я тешила себя мыслью, что снег и мороз уничтожат всю органическую, неорганическую и ментальную дрянь, которая накопилась в земле и на ее поверхности: гигиена, смена клеток, обновление.

Зима тянулась до последней трети марта, огорчая веснолюбов, но потом сдалась без боя за несколько дней, и все получили что хотели.

Друзьям понравилось в «Имеджин», они ухитрились оказаться здесь впервые, даже Митя. Еда не подкачала. Официантка умело скрыла удивление, получив заказ на шесть бифштексов в горчично-медовом соусе средней прожарки. В качестве бывшего рекламиста я умею кое-какие вещи...

Пили все разное, мне принесли глнтвейн.

Когда мои друзья разомлели, раскраснелись, я взяла слово:

– Наверное, я вас уже немного утомила, но все, это самый последний раз. Два факта. Верней, один факт и один стишок. Басня.

– Давай. Жги, – разрешил Марк. Приятно порозовевший, он откинулся на спинку стула. Все были расслаблены, улыбчивы, ни одна складка не омрачала дорогих мне лиц.

Для пушкого уюта нам зажгли свечечку в плошке. Каким-то поразительным предрождественским чудом отменили «живую музыку», я совершенно забыла, что она всегда бывает здесь по пятницам и выходным, причем отличная. Но нам, да, повезло, и ее не было, иначе сценарий вечера был бы совсем другой, и пришлось бы слушать музыку, а не меня и друг друга. Наверное, ударник застрял в пробке, или собралась рожать солистка, или бас-гитарист подхватил простуду, но концерта не было, просто играло фоном что-то не противное, и было нестерпимо уютно.

– Басня! – объявила я.

*Дурак привык купаться в луже.
«Дурак, поди в реку...» – «Там хуже,
Там течет,
Светла, мешает,
Да студена, как лед», –
Дурында отвечает.
Дурак наш так считает:
«Где смирно, хоть черно,
Но тихая вода,
То там и золотое дно».
О дурень! Там беда.*

Прочитала хорошо, эффектно, артистично, с акцентами.

– Почему-то ее любят датировать 1791 годом. Но надежные источники указывают на осень 1803.

Ну вот скажите мне. Разве похоже, что это написал человек, собирающийся помирать? Да он, вообще, резвится! «Дурында отвечает»... Единственное, что могло связывать этот текст с темой смерти – жанр. Баснописцем был Хемницер, его рано ушедший друг. Сама энергетика текста, посыл говорит о деловом настрое. Боевитом. Правда, сейчас прочитала вслух и расслышала эту «беду» последним словом...

Что еще известно о последних днях Львова? Да почти ничего! Ходит по комнате на костылях... Отсылает Шеремьетеву его крепостного, и своего последнего ученика. Пишет: «Теперь учеников ваших у меня никого нет, и печники и земляные строители все выпущены. Кустарев был последний!» Просит Шереметьева продать старый Конюшенный двор – который, внимание! – понадобился Николаю Александровичу «для подворья». Если цена не будет «свыше сил кошелька». «Для подворья!» То есть – Львов полон планов. Готов вкладывать деньги!

Шереметьев ответил отказом – он только что потерял любимую жену. Графиня Шереметьева, бывшая крепостная актриса Прасковья Ковалева-Жемчугова скончалась 23 февраля того же года, спустя три недели после родов. Вдумайтесь, какая драма. Хотя и бывало в те времена сплошь и рядом... К тому же Параша была уже взрослая девочка, за тридцать. Безутешный Шереметьев в память о жене возводит в Москве Странноприимный дом. Строительство этого грандиозного сооружения требует средств. Огромных! Граф продает свои дома и владения, но, конечно, Львов не тот покупатель, который подходит ему в этой ситуации... Странноприимный дом Шереметьева – это у нас сейчас что? – я обвела своих товарищей строгим «академическим» взглядом и уперлась им в Марка.

– Склиф, – сказал Митя, извиняющимся тоном. – НИИ скорой помощи имени Склифосовского. Я там лежал. А потом ходил, хм. Тоже на костылях, по коридору. Правда, не в этом конкретном корпусе... здании.

Все потупились. Все помнили ту историю, аварию, разметающую нас по разным больницам. Мите достался Склиф, а мне выпало челюстно-лицевое отделение больницы на Семеновском валу...

Вот не хочешь вспоминать, а всегда что-то да напомним... Мемориальный характер вечеринки проступал сквозь радость встречи, благостное сыто-пьяно. Грусть просачивалась, как я не пыталась отвлечься, забыться хоть на вечер.

Я выпрямилась, прочистила горло.

– Засим объявляю травмирующую тему закрытой. Все, достаточно. Закругляемся. К тому же, как всем прекрасно известно, итальянское «ротонда» происходит от латинского «rotundus», круг, так что... – Я помахала официантке. – Кто еще чего хочет? Кофе? Десерт? Здесь готовят обалденную Павлову.

Разошлись не поздно, пытались-старались соблюсти рабочий режим. Пораньше (ну, относительно) лечь, чтобы днем побольше успеть.

Такой непротивный вид жадности...

Дом затих. Стояла дышащая живая тишина, такая бывает только в деревянных постройках. Уютно тикало «Ласточкино гнездо». Молчала, не шевелилась груша за окном. Крепко спали временные обитатели дома, то есть мы. Доносился негромкий интеллигентный храп из-за стенки.

Спокойно дышал Митя.

Не спала только я, с огромной обидой наблюдающая все это сонное царство...

Чертова бессонница! Незаслуженная, ничем не спровоцированная... Там, тяжелой пищей или чем-то в роде. Ничего не болело, не беспокоило. Совесть моя была кристально чиста.

Дневной усталости должно было набраться на вполне себе заслуженный ночной сон, но фиг.

А всего через шесть... уже через пять часов прокурлычет будильник.

Я смотрела в темноту потолка и вспоминала, что делают в таких случаях. Не думать тревожные мысли. Не углубляться в смутные планы. Не расковыривать обиды.

Считать овец – старье, не работает.

Не беспокоиться. Но моя бессонница меня беспокоила!

В принципе, имелся надежный, хотя и не вполне удобосказуемый способ. В последнее время тема вышла из зоны умолчания (и научно-популярных статей) и проникла в область искусства. В сериале *Mad men* прямо говорилось про некий ночной час, между волком и собакой, когда одинокие девушки Нью-Йорка занимаются самоудовлетворением, чтобы победить тревогу и бессонницу. Или даже не одинокие, способ никак не связан с одиночеством, хоть он и с приставкой «само-»...

В свежайшем сериале «Эмили в Париже» героиня-американка извлекает из сумки вибратор, похожий на погружной кухонный миксер, белый и сверкающий. Включает гаджет в розетку и обесточивает весь Латинский квартал...

(Гм, это плохой пример).

Но вообще лайфхак действенный. Правда, чтоб сработало, следует приложить фантазию, включить память, как-то себя раскошегарить. Идеальны в таких случаях порноролики, но не здесь и не сейчас.

Я отправилась в темноватые запасники памяти.

Портрет Львова работы Левицкого 1789 года, тот, из пятого зала, все время попадал в поле зрения, и я отставляла, переставляла его, бережно и почтительно, пока не поняла – да вот же оно! Он.

Прекрасный мужчина, просто невероятно привлекательный... Способный, как всем хорошо известно, сильные прочные чувства не только испытывать, но и вызывать, встречно.

Верный муж.

Так и отлично... Мне-то что?

Я установила портрет фронтально, осветила получше, и продолжила поиски.

Вслед за этой картиной пошли другие. Обнаженные Рубенса. Сразу несколько полотен Тициана. Какие-то голландцы, а потом вывалился целиком итальянский дневник Львова, описывающий путешествие в Европу 1781 года. Замечательно изданный в прошлом году и знакомый мне почти наизусть, включая комментарии и приложения.

Львов описал встреченные и внимательно осмотренные им коллекции и произведения искусства. Подробно и живо, акцентируя все, что его зацепило-впечатлило. Показав себя искушенным знатоком искусств, блестящим арт-критиком.

Причем замечания искусствоведческого характера перемежались житейскими комментариями и наблюдениями. Позволяющими оценить картины, скульптуры и произведения архитектуры в актуальном, современном Львову контексте...

И понять кое-что о нем самом.

Так, про Рубensoвых нимф («Кимон и Ифигения») наш путешественник пишет:

«Три грации, преддородные, титьки круглые, фунтов по шесть. Стоят спокойно. Но тела их кажутся падучею болезнью переломаны. Мужчина, пришедший к сему зрелищу, дивится более, кажется, их уродливым пропорциям, нежели красотам кисти».

Гм. Остроумно и беспощадно...

К Рубенсу Львов постоянно придирался, хоть и признавал за ним мастерство. Николаю Александровичу явно претил рубensoвский тип красоты, «преддородный»... Про довольно-таки симпатичную Елену Фурман («Шубка») Николай Александрович пишет буквально следующее:

«Если кто хочет полюбоваться на жену Рубенса, несмотря на то, что она вся голая, гляди только голову, кажется, что ревнивая кисть ее супруга для того собрала все пороки тела женского (особливо ниже пояса), чтобы и в картине никто им не воспользовался».

А вот запись про картину «Празднество Венеры», действие которой разворачивалось в ставке богини Афродиты (Венеры) на острове Кифера.

«Остров Цитера – фламандская торговая баня, исполненная непристойностями, там иной сатир сажает себе нимфу... не на стул, другой ухватил ее за то место, где никакой хватки нет, спасибо, что без движения, и на дурной рисунок сей картины и смотреть нельзя».

Жестко.

А вот немного Голландии. Франс ван Мирис старший, «Голландская куртизанка».

«...третья, представляющая просто сказать, блять в желтом платье, спящую, и старую ее девку, принимающую деньги от закутанного в епанчу мужчины, пришедшего воспользоваться и сном, и открытую грудь госпожи ей».

Сразу две Тициановы красавицы, «Венера и купидон» и великолепная «Венера Урбинская», эротический символ эпохи. Львов сравнивает обе картины еще и с той точки зрения, что на первой изображена жена (изображена жена) художника, а на второй известная венецианская куртизанка Анжела дель Моро, по мнению Львова, Тицианова любовница.

«Тело сей Венеры так же хорошо, как и другой славной Венеры, изображающей любовницу его, но в нем есть та разница красот, какие в жене и любовнице честный человек желать может...»

(Уф, перевести дух в середине длинного предложения. Какую же разницу красот желает видеть честный (подчеркнуто) человек в жене и любовнице? А вот:)

«...первой тело не столько красивое, пропорции тела не так искусные и нежные: но видно тело крепкое, здоровое и такое, на коем не без причины можно сковать щастие... Вторая Венера красавица. Части тела ее легкие и нежные; руки маленькие; груди островатые и ноги под икрами очень тонкие. Словом, все красоты, обещающие хорошую утеху, которую одна беременность или другой какой болезни припадок совершенно в ничто обратить может».

На коем не без причины можно сковать щастие...

Все красоты, обещающие хорошую утеху.

Что ж, такой несколько прикладной функциональный взгляд...

Так. Продолжим.

«Даная Тицианова лежащая, или, лучше, полуседящая на постеле, розами усыпанной, имея левую руку между ног и держащую простыню для употребления после утехы... Лицо сей Данаи лутше всех и прекрасней и Венер и Данай Тициановых, кои я видел доселе, изображающее дышащую восторгом женщину, коим она исполнена...»

Я хорошо представляла эту описываемую Львовым Даная из Венского художественного музея. У нее и тело дышало восторгом, не только лицо, на котором художником был отчетливо запечатлен только что пережитый оргазм.

Ну все, достаточно.

Я установила перед внутренним взором портрет Львова работы Левицкого (из пятого зала). Дала хороший свет.

Задвинула в тень Ван Мириса, Данаю, Рубенсовых толстушек, Остров Киферу, Мирисову куртизанку и даже Тициана.

Просто смотрите на меня.

Прекрасной лепки лицо.

Тонкое, умное. Красивое.

Глаза. Взгляд живой, с юмором.

Немного усталый, но усталостью не тяжелой, счастливым утомлением от любимого дела.

Высокий лоб. Неплотно сомкнутые губы.

Правильный подбородок.

Ниже синий сюртук. Белая рубаха из тонкого сукна. Долгое плиссированное жабо...

Смотрите на меня.

Да, так.

Смотрите.

Да.

На... меня...

Просто

смотри...

те

.....

.....

Утро началось с пения птиц, они у меня на будильнике.

Выключая, увидела, что телефон почти разрядился.

Фак!

Настоящие птицы тоже пели, еще как...

16 июля в Черенчицах вырубili электричество, утро сразу перестало быть томным. Плита чернела холодными кругляшами конфорок. Безмолвствовали холодильник и электрочайник. Не было света в туалете и особенно в душе, который по разнузданной столичной привычке мы с утра надолго оккупировали, создавая маленькую понимающую очередь. Судя по зарядке телефона и ноутбука, электричество отключили еще ночью.

Мы позвонили Елене Александровне.

– Авария на подстанции! – сказала библиотекаря бодрым голосом. – Обычное дело... Обещали дать к 18.00, но мало ли что они обещают. Все без света сидят, Арпачево, Фомино, Осипово, Горошино. Мы с мужем сегодня на огороде. Все равно компьютер не работает, на работе без света тоже делать нечего, – и я поняла причину ее хорошего настроения.

Все наши, наоборот, приуныли, и тут на меня снизошло озарение:

– Сегодня у нас что? Шестнадцатое. Среда. Значит, все открыто... А давайте съездим на Валдай? По М11 выйдет совсем быстро...

Все посмотрели на меня с отвращением. Мои друзья мрачно молчали, сказывалось отсутствие души.

– ...Увидим наконец их Ротонду, и заодно музей валдайских колоколов. А еще там копченая рыба. Озеро. Путевой дворец...

Молчание было уже не такое плотное. Галка, кажется, собиралась что-то сказать.

– Или мы уже слишком старые для экспромтов и эскапад?

Это их задело, я видела.

– Там и заночуем. Мы были на Валдае один раз, проездом. Не видели ничего кроме ужасной гостиницы. С самым тесным в мире туалетом...

Они колебались. Понимаю, Мите не хотелось садиться за руль. Не выпив к тому же кофе.

– Хорошо, – я выложила главный аргумент. – Туда на пару дней приехала, с экскурсионной программой одна девчонка из Москвы... Ну, как девчонка... Помладше нас. Львововед. Скорей стихийный львовозналец. Наша, можно сказать, коллега. Я за ней слежу. У нее своя группа на фейсбуке, «Львовцы». Я засекла у них активность на Валдае. Примкнем к экскурсии, посмотрим Ротонду. Познакомимся. Ну что, я с ней договариваюсь? Давайте уже, решайте, – я потрясла телефоном. – Осталось двенадцать процентов!

Без души, кофе и деревенских яиц всмятку они плохо соображали, эти обычно очень активные деятельные люди.

Марк хмуро переглянулся с Асей.

Митя жевал холодный бутерброд.

Оля мазала руки кремом.

Одна Галка выражала готовность сорваться с места, она за любой культурный кипиш. Просветленным лицом, попой – но почему-то молчала...

Вероятно, из вредности.

– Два часа восемь минут по М11! Это вообще ничего (я покосилась на Митю-водителя). Телефоны зарядим по дороге... Ну? Ведь никогда туда специально не поедем... Криво добираться, и далеко, из Москвы.

– Ну, хорошо, – сказал Митя. – Но тогда там и заночуем. И с тебя копченая рыба. Доставай где хочешь.

Евгения, вы еще там? Мы приедем Доброе утро!)

Да. Отлично. Вас?

6

Тогда отдельно, не буду вас к группе пристегивать

ДА! НЕТ! Мы странствующие мизантропы

)))))) Жду. Часа ч три? Звоните как приедете. Вы на день?

Хотели заночевать И рыбы)))

Есть где остановиться? Гостевой дом норм? С коптильной))

Даааа

– Вас тоже шокирует, что в церкви – музей колокольчиков?

Евгения стояла перед нами, а мы перед ней, в пространстве Валдайской Ротонды, в эпицентре звончатой экспозиции.

Успевшие по дороге перехватить кофе, но несмотря на это довольно-таки варенье...

– Да нет... Нормально. Не худший вариант. Даже какая-то логика прослеживается... Церковь, колокола, – сказал Марк вяло.

Остальные покивали.

Кажется, Евгения силилась соотнести нашу с ней пылкую переписку и помятые физиономии напротив. Источающие полное отсутствие энергии Ци.

На самом-то деле мы были подавлены не дорогой, не отсутствием горячей пищи на завтрак и даже не музеем колокольников в Ротонде Львова. А зрелищем напротив, – тем, как выглядела эта Евгения из фейсбука.

Где она легкомысленно называлась Женья Рэ...

Одно могу сказать наверняка. Эта Евгения была не кокетлива. Ее фото в соцсети, которые я по неискоренимой дамской привычке изучила перед встречей, не отражали и сотой части ее обаяния.

– У меня такое ощущение, будто я вас знаю, – сказала Евгения.

Тут следует прерваться и подчеркнуть, что мы любим красивых людей. Радует красоте, щедро авансируем ее хоть мало-мальски привлекательным и одухотворенным людям.

Красота в глазах смотрящего, любит повторять Оля.

Но эта Женья Рэ выглядела как существо отдельной человеческой породы.

Длинные, длиннющие ноги. Мне не встречались еще такие привольные, свободные, совершенно не гламурные ноги.

Крупные узковатые ступни.

Вполне себе женские бедра, феминные.

Некоторая, минимальная сутуловатость с отзвуком готической традиции. Комплектом должен идти выпуклый живот, но надетая на нашем экскурсоводе просторная рубаха не давала достаточного обзора.

Антаблемент соразмерных плеч.

Нежные сандрики ключиц...

Колонна шеи с красивой капителью подбородка...

Выше, как положено, шли голова и лицо, они не посрамляли того, что ниже, но завораживало именно тело.

Хотелось стянуть с Евгении льняную рубаху. Покрыть плечи росписью, как своды Сикстинской капеллы.

Но это позже.

Для начала просто раздеть.

(Ева, вкусившая от древа, но оставленная в Раю. Адам взял вину на себя и отправляется к выходу. До нее пока не дошло: машет, кричит вдогонку: пока! до встречи! see you soon!)

Побрить голову, или убрать как-нибудь волосы. Они отвлекали, добавляли этому образцу совершенной архитектоники излишний объем...

А нам нужно было видеть линию затылка.

Поставить на подиум, хорошо осветить, неторопливо изучать все эти косточки и мышцы, сошедшиеся в хрупкой гармонии. Рождающие мерцание, чудесный звон, слышимый даже через одежду.

Если оперировать, действительно, архитектурными примерами.

Есть масса замечательных церквей, – и есть Покрова-на-Нерли, гений соразмерности. Куда всегда тянется муравьиная тропа людей, а те, кому лень идти тысячу метров пешком, а также пижоны, добираются от Боголюбово тягловым транспортом.

Зимой на санях, летом на повозках.

Есть Ротонда в Черенчицах, к которой сползаются по бездорожью сумасшедшие вроде нас.

Есть слегка кренящаяся, как бы сутуловатая, долговязая колокольня-маяк в Арпачево. Вот она – вылитая Евгения Рождествина.

Прекрасная Валдайская Ротонда тоже рифмовалась с Женей, резонировала.

Поэтому нас так и накрыло. Двойной удар...

Так что колокольчики тут были не при чем.

tripadvisor.ru

Музей колоколов

136 отзывов

развлечения__Валдай

Между Питером и Москвой есть маленький город – Валдай. Одна из основных его достопримечательностей Музей Колоколов. Именуется как единственный музей в России. Здесь можно не только любоваться на разные колокольчики, но еще и самому попробовать поиграть. Очень интересная задумка. Архитектура музея впечатлила, массивные колонны, сама постройка круглая, лепнина. Получаются очень красивые кадры. Это раньше была церковь Екатерины II. Находится музей в парке с многовековыми деревьями. Рядом есть небольшое кафе. С парка открывается вид на Валдайское озеро. Пейзажи замечательные. Рекомендую для посещения)

Расположен он очень удобно: на небольшом холме слева по движению вы увидите красивую белую ротонду с колоннами, разворачиваетесь, останавливаетесь на стоянке и поднимаетесь к великоленному сооружению – путевой церкви, построенной знаменитым архитектором Львовым еще в 18-м веке. Помещение совсем небольшое, но колоколов и колокольчиков здесь очень много. В какой-то момент в зале включается запись разных звонов – очень эффе́ктно. А в один из колоколов мне разрешили ударить, чтобы отогнать все нечистые силы),

При входе небольшой сувенирный магазинчик, в котором можно купить колокольчики из самых разных материалов. Я выбрала два фарфоровых.

Оригинально, но не более.

Понимаю, что каждый город старается преподнести туристам какую-то изюминку.

В данном случае, выставка различных колоколов и колокольчиков в здании дорожной церкви. Сама церковь в форме колокола – символично.

Но с точки зрения познавательности – экспозиция в соседнем музее гораздо более насыщенная.

Красивое и довольно необычное здание, которое вносит очень приятное разнообразие в унылый архитектурный облик городка. Находится в здании бывшей церкви, внутри небольшая экспозиция колоколов и колокольчиков. Вид изнутри чудесный. Многочисленные круглые окошки хорошо проводят свет внутрь и при этом дают удивительный эффект, как будто ты находишься не в унылом провинциальном городке, а где-то в примечательном месте. А вот работники могли бы быть приветливее.

Музей расположен в бывшей церкви очень оригинальной архитектуры. Много разных колоколов, в которые можно звонить. Особенно впечатлил звон ямских колокольчиков в исполнении экскурсовода.

Музей интересный и познавательный, детям будет интересно. Можно поиграть с колокольчиками и звук разный у всех.

Церковь

Екатерины

1795 года.

Архитектор Н.А. Львов.

Памятник русского

классицизма XVIII начала XIX века.

Отличается простыми гармоничными формами, стройными пропорциями, изящными деталями.

Восстановлена в 1959–1961 гг.

Подлежит охране

как

всемирное достояние.

– Смешно написано. Хотя, вроде, все по делу, – сказала Оля. – Как в каталоге одежды.

– Может быть, – пожал плечами Евгений. – Хотя правда странная формулировка – «как всемирное достояние». Несколько расплывчато...

– Одна из наиболее благополучных построек Львова. Впрочем, имела место глобальная реставрация. Церковь, вы, наверное, знаете, бесприходная. Службы здесь происходили нечасто. Про ночевку в Ротонде тела Александра I по дороге из Таганрога в Санкт-Петербург, конечно, читали...

– Я читала в отзывах на трипэдвайзере. Про вашу версию с «Ямщиками на подставе». Эффектно вы придумали, ничего не могу сказать, – сказала я с напором, рассчитывая смутить нашего экскурсовода.

В ответ на это Женя Рэ улыбнулась во все семьдесят четыре зуба.

– Правда? Спасииибо! Рада, что вы оценили.

Женя возбужденно вскочила на свои ходули и встала над нами, загородив солнце. Подвигав плечами, я установила солнечный диск подобием нимба у нее за головой; лицо было затенено контражуром...

– Смотрите! Львов в то время – одно из самых значимых лиц Почтового правления. Кстати, успевший сделать очень многое на этом поприще. Не просто так жалованье получал и пользовался служебной квартирой... Транспортные перевозки, ямщики, станции, подставы имели к его деятельности самое непосредственное отношение! Именно Николай Александрович разработал первый в России типовой проект почтовой станции. Он был реализован и успешно функционировал в нескольких городах. Например, в нашем с вами любимом Торжке. Иначе говоря, можно посмотреть на оперу «Ямщики на подставе, или игрища невзначай» как на производственную комедию... Причем в актуальном историческом контексте. Герои (ямщики, плюс один офицер) ждут царский поезд. Императрица отправилась в свое большое таврическое турне. Место действия, если помните, – Российская империя, подстава у большой дороги на равнине. М-да, на наше ухо звучит, конечно, так себе. Подстава, да еще у большой дороги... Ну а где ямщики, там и колокольчики. Чего мне не хватает в валдайской экспозиции, так это упоминания об опере Евстигнея Фомина на либретто Львова! Было бы просто великолепно... И точно в цель. Учитывая, что достаточное количество людей понимают Ротонду в первую очередь как Львовское место... Кстати, – Женя снова уселась к нам травку, – давайте их вечером вместе послушаем? «Ямщиков»? А? Она коротенькая, чуть больше получаса. Хорошо? В интернете есть запись постановки Санкт-Петербургской филармонии... Опера очень красивая, вы обалдеете. У меня увертюра из нее стоит в качестве рингтона.

Мы лежали на траве. Я совершенно обессилела от энергичного Жениного голоса, от информационной плотности, от всего этого валдайского звона.

Митя привстал:

– Конечно. Встречаемся у нас? Мы с удовольствием, да? – сказал он, оглядываясь. – Вроде никаких других планов не было... Только искупаться.

– Очень интересно, – сказала Ася искренне. – Как же нам повезло, что вырубили электричество.

Они, конечно, уже забыли, кто организовал для них всю эту прелесть... Посредством долгих переговоров и переговоров... И кому принадлежала великолепная идея...

– Куда дальше планируете? По каким... львовским местам? – спросила Галя с плохо сыгранной непринужденностью, как шпион, не прошедший аттестацию.

Тема поездок, путешествий, а тем более культурных расследований – острая, болезненная, ревнивая.

Мы сидели на лужайке, недалеко от Ротонды. Разливалась томная теплынь, солнечный ветер играл листвой и волосами, картинка из туристического буклета... К Ротонде тянулась светлая, шевелящаяся, как букет хризантем, группа туристов.

– О, вы прям будто знали! – обрадовалась Галкиному вопросу и без того радостная Женья. – Мы как раз недавно сверстали наши планы. Думаем проехать его европейским маршрутом 1781 года. Этой осенью. Тем более, уже точно известна вся география поездки, спасибо исследователям за их нелегкий труд (она отвесила поклон в сторону Ротонды). Но нам не обязательна эта буквальность, знаете. Путешествие скорее символическое, чем исследовательское. Тем более что в целом все уже найдено, опознано, атрибутировано. Возможно, удастся встретиться с самой России. Итальянской специалисткой по наследию Львова.

– Владеете итальянским? – спросила Галя с отвращением.

– Я – нет, но есть человечек с итальянским. Ну, и все же говорят по-английски...

Как наползает в ясный день тень от облака, так и меня заволочло унынием. Не зависть, не ревность, нет. Я вдруг увидела наш L-project в кривом зеркале. Восторженный любительский междусобойчик. Малобюджетный, даже в смысле символического капитала...

– А присоединиться-то к вам можно будет? – не унималась моя подруга. – Вы на когда планируете?

Над нами было натянуто ровное, без единой морщинки, образцовое небо середины июля. Самолет с белым хвостом писал белым по синему... к... он... ец...

Фильма?

Иллюзиям?

– Я отойду, – я встала, отряхнула джинсы. Помахала телефоном, что-то сегодня весь день размахиваю телефоном. – Надо позвонить!

Женья проводила меня долгим взглядом.

Мы засиделись допоздна на террасе гостевого домика. В одиннадцать было еще светло.

Опера и правда оказалась просто прелесть, веселая, заводная, очаровательная. Надо будет побольше разузнать про этого Евстигнея Фомина... Русский Моцарт, прожил всего 38 лет. Вместе с русским Леонардо, Львовым, они сочинили комическую оперу, и заодно вытащили на оперную сцену народную песню.

С Фоминым сотрудничал и русский Эзоп, 19-летний Иван Крылов. Написал либретто к опере «Орфей», самому известному детищу композитора.

Моцарт, Леонардо, Эзоп. Нужно прикинуть, кем в этой системе выходит Гавриил наш Михайлович Державин? Русский – кто?

...Мы послушали «Ямщиков» аж два раза. Привязалось смешное «Брунь, брунь, кандалы». Ноги, как говорится, сами пускались в пляс.

Чудо-Женя добыла нам копченых линей, удлинивших вечер на магическое время рыбной процедуры. (Вечер стал длинней на три кило линей.)

Мы решили не размениваться гоблински на пиво, пили сухое белое, кроме Мити, которому завтра было за руль. Но Митя и так охмелел от всей этой истории, побега на Валдай, озера (купальники и плавки сохли на бельевой веревке), рыбы, «Ямщиков», долгоногой Жени, ее львово-центрических планов.

– Угадайте, какая у нас главная... скажем так – символическая цель итальянского путешествия? – Женя сидела в плетеном кресле, заплетя ноги в долгое макраме. Видимо, у нее развился инстинкт все время укорачивать свои выдающиеся конечности. – Ну, к чему нужно припасть в Италии? Для лучшего понимания Львова... Причаститься? Давайте, совсем простая задачка! Тем более что вы прямо из Черенчиц, а там есть подсказки...

...А я, главное, недавно проштудировала свежее издание дневников. Обводила, подчеркивала. Все важное, все главное, казалось мне... Венеция? Болонья? Наклонная Пиза – на нее намекала колокольня в Арпачево.

– Ну, дорогие, давайте?

(«Дорогие». Между прочим, Женя категорически отказалась брать с нас деньги за экскурсионное сопровождение! Которые я подсовывала со всей возможной деликатностью. «Обижаешь, бро!»)

Обессиленный Марк помотал головой. Они, Ася, Галина бывали в Италии не раз, в отличие от нас с Митей и Олей.

– Хорошо. Не буду вас истязать. Синдром экскурсовода-затейника, это уже не лечится... Храм Весты! Верней, то что от него осталось, четвертушка, или того меньше... Из храма Весты растут ноги у всех Львовских ротонд. Это раз. И пирамида Цестия. И то и другое в Риме. Нашего Николай Александровича, считай, архитектурные папа и мама...

– А как же Палладио? – вскричала Оля.

– А Палладио – старший брат, – Женя, качнувшись, потянулась к нам бокалом. Было приятно видеть, что она пьяна. Эфирное создание пило не отставая.

– Думаю, я к вам присоединюсь. Может кто-то еще? – раскрасневшаяся Галка обвела нас взглядом. – Две-то недели можно выкроить для такого дела...

(Галя сказала это так естественно, будто выкраивать ей предстояло только время...)

– Отлично, буду рада единомышленникам. Потом сброшу план поездки и примерный расклад по деньгам, – сказала Женя. – Знаете, у меня ощущение, будто я знаю вас сто лет. Именно компаний, двое прекрасных мужчин, четверо женщин. И все художники...

– Я – п-писатель! – возразила я, качнувшись на стуле.

– Я п-провожу, – кивнула я на засобиравшуюся Женю.

– Будь, пожалуйста, осторожна, – не стал возражать Митя. – И телефон не забудь!

Все они еще минут пять целовались, обнимались, говорили, как здорово и слава небесам; опять добрым словом было помянуто отключенное электричество.

Июльской ночью мы шли с Женей Рэ по городу Валдай. До ее гостиницы, она сказала, минут десять, но мы не торопились.

Мы с Женей отразились в зеркальных окнах городского пассажа. Я была своей спутнице примерно до уха.

Шли, уютно молчали, чтоб не расплескать приятность всего произошедшего.

Валдайского экспромта...

Чудно вышло сегодня... Фигак, и мы на Валдае... Пацан сказал, пацан сделал! Я вспомнила похотливый эпизод, примерно с тем же составом участников. Только тогда экспромт вылился в какую-то смешную ерунду. В результате мы так и не попали в Алексин...

Гугл, когда я его гуглила, напомнил, что был у меня в детстве такой любимый писатель. «Поздний ребёнок», «Мой брат играет на кларнете» и так далее. Попытка передать эту любовь по наследству детям – увы, не удалась: мир сильно поменялся, особенно подростковый.

Анатолий Алексин.

...Мы собрались в Тарусу. «Там всего тридцать километров до Алексина, заедем?» – предложила подруга. «О, у меня в Алексине двоюродный прадед жил, – обрадовалась я, – ветеринар Василий Рождествен!» Отцу приходили из Алексина мелко исписанные письма-открытки от троюродных сестер, переписка длилась десятилетиями.

Тридцать километров – ерунда же, не двести и даже не сто. Поэтому мы томно запланировали съездить в Алексин во второй половине дня. Сходили в музей, пообедали и уселись в машину. Федор Бондарчук, который был у нас штурман-навигатор, даже обрадовался: «О, это ж рядом совсем! Поехали!» И мы поехали.

...В добондарчуковский период я бы обязательно посмотрела карту, с ними как-то надежней. Сели, завелись. Зимний день, снег с дождем, путь недалек лежит. Выехали из Тарусы, проехали всего ничего, и Бондарчук говорит, мол, через триста метров поворот налево.

Повернули. Такая присыпанная снежком грунтовочка уводит к Оке, нетронутая. Странно, почесали мы в затылке, и решили ехать по асфальту.

Едем. Бондарчук, не моргнув глазом, сказал, что ж, будем импровизировать, перестроил маршрут. Но по-новому вместо обещанных тридцати километров выходило уже шестьдесят.

Но едем. Что нам, никуда не опаздываем.

А природа кругом красивая. Холмы, овраги, перелески. Эстетическое удовольствие получаем. Все как один художники, даже я, правда, слѡва. Любуемся.

Тут на горизонте за лесами показались натурально башни Мордора. Нечто циклопическое. Встает серой громадой, по мере приближения.

Взобрались на холм – и открылся нам в перелесках огромный укромно припрятанный в российской глубинке промышленный комплекс. Целый Байконур, показалось с перепугу. Ближе подъехали, прочитали – бетонно-цементный завод, что-то по-французски и добро пожаловать.

То-то нам одни цементовозы по дороге попадались...

Миновали комбинат, и дорога испортилась. Дыры, колдобины, промоины. А навигатор говорит: пятьдесят пять километров осталось.

Еще попетляли в перелесках, дорога стала глиняная, грейдерная, и пошла петлючим слаломом под гору. Щемящей красоты вид открылся нам: река во льду, понтонный мост, два жигуленка, трое рыбацков чернеют на льду. За рекой – деревня. Дорога сделалась окончательно глиняная и как бы свежевыкопанная, в смеси снега и дождя, и раздвоилась – правый рукав уводил на понтонный мост, левый, совсем дикий, – вдоль берега в кусты.

Ничто не выдавало близости шестидесятитысячного города с тысячелетней историей, промышленностью и инфраструктурой. Встали в растерянности третьими у жигуленков. Мы с Асей пошли к ближайшему рыбаку. Смуглый, с заснеженными бровями, он засмутился от нашего вопроса. «Витек, – позвал другого рыбака. – До Алексина как им лучше?» Витек не знал, и наш рыбак сказал, что надежней через мост по тульской трассе, а там свернуть. Километров девяносто. Но тут на мосту показалась машина, и рыбак с облегчением отправил нас спросить у водителя. В машине сидела девушка-ковбой. Она подтвердила насчет тульской трассы и девяноста километров. А вдоль берега до Алексина километров семнадцать, но никаких гарантий. Грунтовка, зима, погода.

С невеселыми новостями вернулись мы к своим. По дороге встретили еще машинку с немолодой и, кажется, изрядно поддатой парой. Водитель был копия актер Виктор Сухоруков, красивый, веселый. «Да, в Алексин тоже решили попробовать. Пару лет назад ездили вроде... Не знаем, посмотрим», – и унеслись, лихие, бухие, счастливые, подпрыгивая на ухабах и вздымая крылья жидкой глины.

Смеркалось.

Алексин не давался. Трудно было отказаться от него, но равно пугали и девяносто километров, и перспектива увязнуть. Осторожники и чистоплюи на белой машинке... Из хорошего у нас был с собой термос и румяные тарусские булки, их решено было съесть не абы как, а – все же эстеты! – в живописном местечке.

...Выбрали обочину почище, вылезли, поели булок с чаем.

Возвращались веселые, немного смущенные. Подразнивая друг друга, говорили «Алексин», краснели, а потом смеялись.

Остаток вечера гуляли, пили вино, играли в ассоциации, радовались уютной маленькой Тарусе.

А Алексин когда-нибудь в другой раз.

– Знаешь, – сказала Женя (на ты мы перешли сразу после знакомства), – все это... ужасно странно. Ну, ваша бешеная компашка, помешанная на Львове.

Формулировка показалась легкомысленной, но Женя не дала мне возразить.

– ...В этом есть что-то... фантомное. Я вас знаю. Ну, я же занимаюсь Львовым, давно. Вожу экскурсии. Однажды... (Жене снова приспичило курить, она запустила руку в рюкзак, нащарила пачку, встрясла сигаретку...)

Мне тоже захотелось курить, прямо заныло во рту, свело предвкушением горло. Представился горячий вкусный дым. Но я свято помнило правило: либо пить, либо курить. Если одновременно – больная голова, сто процентов, три дня.

– Прости... (Женя выдохнула дым.) Однажды мне приснился сон... Кстати, дело было в Питере. Славная такая гостиница на Матисовом острове, и недорогая. Это была программа «Львов и Петербург». Приснился целиком, как таблица Менделеева, с титрами, с музыкой. Я проснулась и записала. Сны же никто слушать не любит, такая нудятина, сама знаешь. А сон странно складный, жаль было его забыть, потерять. Там, во сне, компания совершенно незнакомых мне людей ехала по львовским местам, такое мини-расследование. Видимо, у меня уже профессиональная деформация, снятся экскурсии. Записала. Получился рассказ, неплохой. Я ведь тоже... (она затагнулась, выпустила дым, закинув голову) пишу. Для нескольких электронных ресурсов, там, по истории архитектуры. Публицистику. Лонгриды. Отчеты о наших... экспедициях. Как ни странно, такое востребовано.

– Ничего странного.

Женя махнула длинной рукой, веля не перебивать.

– Так вот, в моем сне была компания на микроавтобусе, вылитые вы... Точно, художники.

– А еще... – она колебалась, – даже не знаю, как ты к этому отнесешься.

Я пожала плечами.

– Короче, у нас с ним был секс! – объявила Женя, вращая глазами. – Вообще... Какое-то безумие... Чулки, жабо, кюлоты... Шлафрок этот...

– С кем с ним?

– С кем, с кем! Со Львовым! А чего ты удивляешься? В него же все влюблены, кто им интересуется. Независимо от гендера! Влюбляются сразу, или со временем. У меня, видимо, просто набралась уже критическая масса... И мы с ним переспали, во сне. Причем по его инициативе...

Женя, кажется, собиралась угостить меня подробностями, но я не готова была слушать. Это было тоньше и сложнее, чем, допустим, негодование или смятение. Почувствовав что-то, моя спутница необидчиво замолчала, углубившись в сигарету.

Просто я не могла собрать ее в одного человека. Блестящего экскурсовода, специалиста по творчеству Н.А. Львова, женщину завораживающей внешности и сумасшедшую дылду напротив.

Женя, ссутулившись, жадно прикуривала уже третью сигарету.

– А ты замужем? Просто вопрос.

Женя подбоченилась, пьяно качнулась. По ее лицу пронесся калейдоскоп выражений, целый театр одного актера, плюс сложная жестикуляция. Она могла бы участвовать в шоу мимов-рассказчиков. В ее немом повествовании была давно минувшая любовь, насмешка, жалость, неодобрение с нотками презрения, и даже содержался набросок портрета. Я узнала, например, что Женя муж светловолос, ниже ее ростом и любит красное вино.

– Что? – спросила я развязно. – Брунь-брунь, кандалы?

– Не-е-е! – Женя сделала размашистый отрицающий жест. – Не в этом смысле. Короче, официально мы еще не развелись.

16 июля в Черенчихах вырубili электричество, утро сразу перестало быть томным. Плита чернела холодными кругляшами конфорок. Безмолвствовали холодильник и электрочайник. Не было света в туалете и особенно в душе, который по разнузданной столичной привычке мы с утра надолго оккупировали, создавая маленькую понимающую очередь. Судя по зарядке телефона и ноута, электричество отключили еще ночью.

Мы позвонили Елене Александровне.

– Авария на подстанции! – сказала библиотекаря бодрым голосом. – Обычное дело... Обещали дать к 18.00, но мало ли что они обещают. Все без света сидят, Арпачево, Фомино, Осипово, Горошино. Мы с мужем сегодня на огороде. Все равно компьютер не работает, на работе без света тоже делать нечего, – и я поняла причину ее хорошего настроения.

Наши, наоборот, приуныли, потерялись. Оля нервно расчесывалась. Марк смотрел в окно, Митя ловил новости на остатках интернета. Несгибаемая Ася делала бутерброды.

Тут на меня снизошло вдохновение.

Счастье. Боже, какое счастье. Подарок! День без телефона. И даже без ноутбука...

– Эй, вы, – сказала я. – Очнитесь! Вам подарен день без гаджетов... Воспряньте, воспримите это как чудо и благо. Как внезапную випассану. Этот, как его, ретрит. И без кофе можно выжить. Без яичка всмятку... В туалет можно сходить в темноте. Выдержать одно утро без душа. Ладно б у нас были полные морозилки мороженой наваги, как, помню, на Соловках... – отвлеклась я.

– Сама-то как будешь без ноута? Первая взвоешь, – сказала Галка. – Мы-т ладно...

– Я – прекрасно. Я осмотрюсь, переведу дух. Дойду, наконец, до конца поля. А потом ты, Галина, поделишься со мной тонированной бумагой, карандашами, и что у тебя там еще. И я нарисую Ротонду и все, что захочу. А пока, друзья, предлагаю немного изменить наш распорядок. И прямо сейчас, не дожидаясь лицемерно обеда или какого-то специального времени и повода, выпить немного вина, с водой и без. А можно и много, запасы позволяют. Как пойдет. Вместо кофе. В конце-то концов...

...Это был и правда чудесный день. Выпав из графика, режима, исчезнув с (собственных) радаров, я бродила по Никольскому, смотрела на окрестности новыми глазами, с которых упала пелена суматохи, долженствования...

Эй! Куда ты несешься?
Почему торопишься?
Кто за тобой гонится?

Почему-то мне никак не удавалось силой фантазии реконструировать бытие в Никольском. Будто электричество выключили заодно у меня в голове. Представить мелькнувшую в зелени Марию Алексеевну. Девочек Львовых. Хозяина усадьбы, энергично идущего от барского дома в сторону служб, – даром, что ли, я изучала их портреты, глаза сломала. Ухватить взглядом дворяно. Учеников-землебитцев, крестьян. Присматривающего за ними молодого художника Петрова. Черенчицы в конце XVIII века было местом людным, а я иду уже десять минут и не встретила пока ни души. Даже Валеры не видать, отлучился или в будке.

Стояло полновесное яркое лето. Терялись в зелени постройки. Петрова гора и кузня в ней были замаскированы кустарниками и травами, а дальше стелился, полоскался луг.

Я пошла, что называется, куда глаза глядят. Держа, впрочем, ориентир Петровой горы за левым плечом.

...Рисовать, что интересно, совершенно не тянуло, только идти. Причем в одиночку – я мягко, но твердо отказала Мите, Галине и Оле.

За лугом начинался лес, я пошла краем, опасаясь туда войти и заблудиться, был опыт... Бес-телефонная эйфория все-таки не совсем лишила меня разума и чувства реальности.

К тому же сомневаюсь, что здесь имелся интернет.

Я шла и шла, смотрела, как меняется, загибается пространство.

...У Тверской области свой особый стиль, давно замечено. В Костромской области средний пейзаж устроен по-другому, даже с тем же рельефом и набором растительных видов в кадре. Иные – Ивановская, Ярославская, Владимирская...

Захотелось пить, я приложила к акварельной бутылке. Для акварели годится любая вода, для питья нет.

Причем воды кругом становилось все больше, под ногами захлюпало.

Что ли, болотистая местность?

Или какие-то мелиоративные дела?

Я обернулась.

Сзади тянулись поля, лес по горизонту, перелески, красоты.

Только вот Петрова гора и Никольское в пейзаже никак себя не обнаруживали.

Я допила воду из бутылки, развернулась на 180 градусов и пошла обратно.

...Хотя, конечно, гораздо интереснее было бы продолжить движение вперед. Ориентируясь на поля – верный признак человеческого присутствия. Очнуться в каком-нибудь Смердове. Выблести, уже устав и потеряв самоуверенность бывалого путешественника. Рвануть туда, завидев, наконец, серую, как графит, крышу на краю пейзажа. Заявиться в Смердово, где всего несколько домов, в основном заброшенных, но есть пара очень приличных дач, с калитками на запоре. Выяснить, что в данный момент обитаемы только два дома, в обоих живут пожилые женщины, но не старушки, и у одной, к счастью, гостит двенадцатилетний внук Коля, хороший мальчик из Питера.

После сбивчивых объяснений женщины с мокрыми ногами и сожженными на солнце носом и щеками, после упоминаний Никольского, Елены Александровны, Валеры, музея, хозяев дома Щепотьевых бабушка и Коля сжимаются над сумасшедшей. Дают ей а) попить, б) Колин велосипед, напрокат. Велосипед причем хороший, с подрессоренной вилкой, семь скоростей. Полевая женщина обещает, клянется, что этим же вечером *они* (в Никольском *их* много) вернут транспортное средство, завезут на машине.

В Смердово тоже с утра отсутствует электричество. Это, конечно, становится решающим фактором и объясняет явление откуда-то из полей дикой, прокаленной на солнце женщины.

От Смердово до Никольского меньше четырех километров по грунтовке, сушая ерунда. Пусть они покажут направление, и она отлично доберется пешком, без проблем. Коля настаивает на велосипеде, ему жаль женщину, хоть та и хорохорится, тем более что она похожа на его симпатичную училку по муз-ре, музыкальной литературе, чем-то, стрижкой.

...Я допила воду из бутылки, развернулась на 180 градусов, пошла обратно.

Галка писала, в значении рисовала, на моем любимом месте, на Петровой горе. Я заметила ее издали в виде серебристого столбика, вечно она в сером да голубом, будто нет других цветов. Художник называется.

Увеличиваясь в размерах, столбик превратился в художницу в панамке.

– Есть там что-нибудь интересное? – кивнула Галя, не отрывая глаз от своей работы.

– Лес, поля, все то же самое. Здесь лучше.

Марк и Ася сидели бок о бок, рисовали руины усадебного дома. Развернувшись, я увидела Олю с этюдником, замаскированную пятнистой тенью.

Митю ни она, ни супруги-художники не видели, помотали головой, будто отгоняя муху.

...Это было странное ощущение. Давно забытое. Безжизненные прямоугольники наших телефонов существовали отдельно от нас, лежали, ждали, когда им дадут прильнуть к электрической титке. Верней, они не ждали, им было пофиг.

Ждали – мы.

Но чем дальше, тем меньше. Неужели зависимость проходит так быстро?

Я пошла в сторону музея, здесь стояли и беседовали Валера и Елена Александровна. Они хорошо смотрелись рядом, рослые, крупные...

– Не дали? – крикнула я издалека. – Здрасьте, Валер! – охранник остальютовал мне ответно и двинулся навстречу, в сторону своей будки.

– Не-не, раньше шести не дадут, – уверила меня Елена Александровна, и я опять отметила радость в ее голосе. – Надеюсь, сегодня уже никто не приедет, я ж с самого утра без связи. Не должны... Уже пятый час. Ну а вы как без электричества, справляетесь? – спросила библиотекаря.

– Отлично! – я потрясла плечевым рюкзаком. – Собралась вот порисовать.

Мы шли с ней в сторону Ротонды. Меня вдруг осенило.

– Елена Александровна! Я хотела порисовать там, внутри. В верхнем храме. Стены, купол, с натуры. Можно? Сегодня день такой яркий, свет хороший. Пустите меня, а?

Библиотекаря стала как вкопанная, я чуть не врезалась в нее плечом.

– Это не положено. Запрещено.

– Я понимаю. Но от меня-то какой ущерб? Ууу? – я заглянула ей в глаза, изображая голодную собачку.

Несмотря на очевидную мою безобидность, библиотекарша мялась и явно не хотела идти на встречу. Будто я предлагала что-то по-настоящему противозаконное... Что?

– Ну пожаааалуйста! – не сдавалась, канючила я. – Никто и не узнает... Кроме нас двоих и... – я посмотрела вверх, а потом снова на библиотекаршу.

Острое желание проникнуть в Ротонду и побыть там в одиночестве, в сущности, внезапный каприз, вызванный странностями и непредсказуемостями бестелефонного дня, заставило меня давить на хорошего, законопослушного человека...

Было идеально безлюдно, но Елена Александровна оглянулась по сторонам, будто за деревьями мог скрываться государственный проверяющий. С величайшей неохотой женщина сунула мне тяжелую теплую связку.

– Большой желтый ключ – от верхнего храма. Только не афишируйте, прошу. Я ответственное лицо, а это памятник федерального значения. Ключи занесете.

– Елена Александровна, вы... вы – человек! Муза! Покровительница искусств...

Я ткнулась библиотекарше лицом куда-то в область грудино-ключично-сосцевидной мышцы.

Елена Александровна закатила глаза:

– Такие чувствительные все, кто Львовым занимается. Только вы там поаккуратней! Все, я пошла. Надо пользоваться... пока свет не дали...

– Тук-тук? – крикнула я, входя в калитку. – Тук-тук-тук! Есть кто живой? Еле-на Александров-на!

Дом, хозяйственные постройки, большой огород и небольшая беседка подтаивали в сумерках. Уже растворились верхушки яблонь и слив. Без электричества, желтых вечерних окон, уличных фонарей естественное освещение показывало себя во всех тонкостях и нюансах.

Библиотекарша помахала мне с дальнего края участка. Я смотрела на нее новыми глазами. Высокая, крупная, статная, без возрастной сутуловатости. Яркие глаза, живые и веселые. Морщины по возрасту. Гусиные лапки подчеркнуты деревенским загаром. Пигментное пятно на скуле, а у кого их нет. Без затей короткая стрижка на вьющихся волосах. Грубоватые серьги из желтого золота. Бесформенная футболка, синие трико – непритязательный прикид для работы на огороде.

Разогнулся и стал виден Петр Витальевич, ее муж.

– Таня, заходите! Все успели? Мы уже заканчиваем... Будем чай пить.

– О, электричество дали?

– Нет-нет. Что-то они сегодня бьют все рекорды... Разожжем самовар, раз такое дело. Пили когда-нибудь чай из самовара? У нас и печка есть, вообще-то. У вас, кстати, тоже. Только я пойду переоденусь, две минуты.

Мы пили чай из самовара в начинающих сумерках, при свете керосиновой лампы, словно оказались в мультике Норштейна. Елена Александровна зажгла и расставила несколько свечек в разномастных подсвечниках, чувствовалась хорошая подготовленность к происшествиям такого рода. Получилось атмосферно и почти элегантно.

Молчаливый Петр Витальевич пил из чашки в виде головы Путина, держа его за левое ухо. Перед тем как пить, он разболтал в чае ложек десять сахара, или мне показалось с перепугу.

Муж библиотекарши неверно истолковал мой взгляд:

– Смutil я вас? Покоробил? – Он поднял чашку повыше, подкрутил ее Путиным ко мне. – Дочка привезла из Крыма. Сувенир. Размерчик хороший. Почти пол-литра.

– Не-не! – успокоила я его. – Мне-то что... Все нормально. Главное, чтоб функционировало...

Хозяева угощали меня вареньями из смородины и негуса, черного крыжовника, и белопенным зефиром.

– Ключи я вам сдала! – напомнила я. – Ключ сдал, ключ принял. Спасибо огромное. Это... не-передаваемо. Не было подобного опыта... В общем, я узнала почти все что хотела. И порисовала, да.

Елена Александровна посмотрела на меня внимательно. Петр Витальевич поставил Путина на стол, кинул в него еще ложку сахара, забрякал ложечкой.

– Это уже второй раз, – промолвила библиотекарша задумчиво, – когда я дала ключи от Ротонды. Постороннему лицу. Был такой грех. Недавно... Петь, когда они приезжали? В прошлом году? Или два года? Группа, большая, с экскурсоводом. Меня их главная, девушка... ну как девушка, сейчас все девушки, до пятидесяти... упростила пустить. Сказала, она ученый, историк. Специалист по Львову. Такая рослая, выше моего Пети. Привлекательная, – отвлеклась Елена Александровна. – Ну что, я пустила, раз надо человеку хорошему. Ученая тем более. Хотя я и не имела права. Правда, знала ее, экскурсовода этого. Они иногда приезжают, компания Культ-Тур. Причем вся группа уехала в Торжок с водителем, представляете, а она осталась. Видимо, потом ее забрали, не знаю, как она добиралась в город... Но это уже не моя забота. Просто вернула ключ, попрощалась. Деньги давала, но я не взяла. У нас в музее есть коробка для денег, вы видели, все туда кладут, сколько захотят. Хоть сто, хоть тысячу.

– Из Москвы? – спросила я, подкладывая себе еще варенья и делая в голове зарубочку, что нужно будет отблагодарить Елену Александровну как-то, но не деньгами. – Экскурсовод эта из Москвы?

– А откуда еще? – засмеялась библиотекарша. – Таня, кстати! Раз такое дело... Хотите вишневой наливки? Петя делает, очень вкусная.

Митя с Галкой вышагнули к нам из темноты. Как ежик, как месяц из тумана.

– Здесь твоя! Пьет... – объявила Галка саркастически. – Простите, что вломились. Мы стучали, просто вы не слышали. Потеряли нашу писательницу.

– Тань. Ты вообще ох...ренела? – спросил Митя тихим криком. – Мы ее ищем, волнуемся. Ночь скоро. А она тут... чаи гоняет. – Он повернулся к Елене Александровне, виновато пожал плечами – Совершенно разучились жить без телефона... Какой-то коллапс на ровном месте.

Поморгав, зажегся ближайший уличный фонарь. Вспыхнули окна соседнего дома. Забубнило радио. Пространство ожило возбужденными выкриками.

– Чаю? Наливки? – спросила я, пододвигаясь. – Петр Витальевич сам делает, обалденная! А вот, кстати, и электричество.

– ...Я правда не понимаю, что с тобой творится. Как можно уйти на целый день – и ни разу не дать о себе знать. Не зайти, не предупредить... Ася говорит, показалась в начале пятого, а потом как сквозь землю провалилась.

Я обрывала малину с ближайшей ветки, крупную, в полпальца.

– Это что вообще? Инфантилизм, внезапно? Что я должен думать? Где тебя носило? Мы с ума сходим, а она чаи гоняет у соседей...

Для «важного разговора» Митя отвел меня на зады большого участка. Как герои картины «Деревенская любовь» Жана Бастьена Лепаж, мы стояли с ним у забора. Хотя не было нужды бояться, что нас услышат из глубины малинника.

Негромкий Митя в состоянии бешенства переходит на металлический скрежет.

А я... а мне нечего было сказать.

– Ладно, Мить. Послезавтра уезжаем уже. Жизнь войдет обратно... в эту, в колею. Электричество больше никуда не денется. От телефона, сам знаешь, меня будет не оторвать.

– Где. Ты. Была? Можно ответить на простой вопрос, а не разводить эссеистику?

– Б...! В будке у Валеры, где-где! – взорвалась я. – Не могу сказать. Это тайна. Причем не моя. Могут у меня быть тайны? Или все уже?..

Митя смотрел на меня со смесью жалости и отвращения.

– Ты сходишь с ума! Помешалась на всей этой... архитектуре! – казалось, его сейчас стошнит.

Какой огромный, нескончаемый день. Я почувствовала усталость. Поняла, что усну сейчас прямо здесь, в малиннике.

– Мить, нет! Как раз наоборот. Я совершенно выздоровела... Пойдем уже спать?

После вулканической паузы, сверкнув глазами, Митя ушел через заднюю калитку в неизвестном направлении. В темноту. Этого еще не хватало...

Он вернулся часа через три, когда я уже немного поседела. Не проронив ни слова, лег спать. Сбросил мою руку, как дохлую ворону, откатился на край кровати, затих.

Я разложила на каменных плитах пола свое (Галкино) акварельное хозяйство и только потом сообразила, что выпила всю воду. До капли, утолив в полях жажду и заметно облегчив рюкзачок.

Таким образом, акварель отменялась. В кои-то веки соберешься порисовать, и вот...

Я вспомнила про купель, надежный источник влаги, но жара сделала свое дело, здесь было идеально сухо.

...Вдруг ужасно захотелось залезть в нее, пользуясь сходством с корытом, с ванной, подремать-понежиться. Но память, цензор и жандарм, немедленно показала мне картину «Смерть Марата». Написанную Жаном Луи Давидом, кстати, или некстати, примерно в те же годы, когда строился храм Воскресения в Черенчицах, и я отказалась от непристойной затеи...

Устроилась на сидушке под колонной. Раскрыла твердый блокнот, взяла карандаш пожирней и помягче, для быстрых темпераментных зарисовок. Запечатлею-ка я внутренности купола! Какая-то же должна быть практическая польза от сегодняшнего дня...

Я подняла глаза к каменным розеткам, упорядоченным под куполом. Неподвижный свет, льющий внутрь ротонды, мельтешил пылинками. Я решила для начала сосчитать розетки, но они двинулись рядами, всеми шестью, каждый в своем темпе, по кругу. Потом розетки образовали пары, завальсировали. Разлепились, перестроились, снова завальсировали, потом задвигались странным тетрисом, взбесившимися шашками.

– ...а что до зодчества, строительства из дерева и камня, матушка, то и на этой ниве нет ничего вечного и прочного, – сказал приятный мужской голос. – Все ветшает, рушится, приходит в негодность. Слезы выступают на глазах у меня, когда вижу я останки дома, в который столько вложено труда, душевного и умственного огня. Все тлен... Не придавайте, голубушка, чрезмерного значения никаким художественным прожектам своим. Не принесет вам сие ни покоя, ни утешения, ни тем более славы. Кто автор и какова цена – известно тебе и Богу, и довольно. Дети – главные создания наши, в них продолжимся. Их следует укреплять.

Я сидела, привалившись к колонне и закаменев вместе с разложенным на коленях блокнотом. Голос звучал громко и внятно, но не оставлял эха.

– ...Занимаясь искусствами с жаром и упованием, должно понимать и предвидеть опасности пути сего. Наветы, равнодушие, присвоение плодов ума и настойчивости нашей иными людьми становятся печальным итогом деятельности чаще, чем могло бы нам представиться. Безвестность и забвение – вот кто будет верен нам по гроб жизни нашей, – в голосе явственно слышалась горькая усмешка.

А посмотрела вверх. Розетки стояли неподвижно. Даже пылинки в столбе света замерли и никак себя не проявляли.

– Но вас-то... вон как любят! Ценят... – возразила я, дрожа, пугаясь звуков собственного голоса, он плохо слушался, но отбрасывал тень, в смысле хорошее плотное эхо. Несмотря на жару, в Ротонде было прохладно, меня познабливало. – Наследие Львова вызывает огромный, колоссальный интерес! У вас столько фанатов... в смысле, поклонников... Почитателей.

Помолчали. В тишине слова догоняло неторопливое эхо.

– Здесь, осмелюсь заметить, немало путаницы, домыслов, – возразил мой собеседник после заметной паузы. – Скромному влиянию моему и даже авторству нередко приписывают чужие творения. Среди которых преобладают те, под которыми я едва ли осмелился поставить автограф. Суеты, восторженности, оборотная сторона которой равнодушие, в этом много больше, чем почета... Вошел в моду после смерти, такое бывает. Я в свое время почитал и превозносил маэстро Палладио, проповедовал идеи и переводил труды его, публиковал, и, паче чаяния, оказался вдруг на его месте...

Вот тебе и посмертная слава.

– ...Но и обрел преданных друзей. Елена Александровна, землячка моя, из новоторов. Вы знакомы... Ценю каждую минуту нашего общения! Она не мастер словесных фигур, но просто-та, исполненная благородства, преданность, доброе сердце не требуют слов... С некоторых пор предпочитаю дождливую погоду. Верный знак, что Елена Александровна почитит забытый чертог своим присутствием...

Забытый! Я покосилась на купель, за лежанием в которой гипотетически меня бы могли за-стать. Встрепенулась. Раз уж я на спиритическом сеансе, нужно использовать сей шанс. Я спроси-ла с напором, глядя прямо перед собой.

– Вопрос! Николай Александрович, ваши московские постройки – это? Дайте наводку! Кроме Тюфилей и проекта реконструкции Кремля?

Мой собеседник ответил после небольшой паузы. Голос стал постепенно стихать, будто убав-ляли звук. Сквозь утчивость мне послышалось легкое раздражение.

– Матушка, истинно говорю, есть ребусы и поинтересней. Была нужда былое ворошить... Не-ужто тайна для вас, что покорнейший слуга ваш не был удачлив и успешен в делах своих? Что имя не принесло ему ни славы, ни успеха, и денег чуть. Дав начинанию собственную фамилию, мог быть уверен я, что это остановит успех всякого важного и полезного дела, и чем дальше, тем больше...

Помолчали. Честно говоря, я не думала, что все прям настолько плохо. Или это поэтическое преувеличение?

Или, вообще, кокетство?

– И только создавая проекты для родственников или друзей моих, и здесь, в Никольском, был я волен, приволен и всем доволен... – Мой собеседник вдруг оживился. – Матушка, ты, я вижу, женщина сведущая, сделай милость, назови мне храма сего... (раздался звук, будто кто-то по-стучал палкой по плитам пола) первообраз и скажи, почему выбран в качестве оного? Если самая прославленная и важная усыпальница во всем свете для меня источником вдохновения послужи-ла. Название храма (снова раздался каменный звук) укажет путь к истине.

Собеседник мой замолчал, ожидая. Тот еще знаток истории архитектуры, молчала и я, камен-но, цементно.

Я еще не знала, что вступаю в период, когда меня постоянно будут экзаменовать...

Тишина, вопиющая о моем невежестве и недогадливости, пульсировала в ушах. Игра в мол-чанку затягивалась, становилась неприличной.

Голос заговорил первым, опечалено, не скрывая разочарования.

– Признаться, рассчитывал я получить скорый ответ и подтвердить справедливость решения своего. Что ж, знамо, рифмы мои не точны, а символика недостаточна.

– Я... вспомню! Поищу, найду. Просто я волнуюсь...

(Просто я без телефона.)

– Вы интересовались числом каменных розетт? – спросил голос учтиво и равнодушно. – Их сто шестьдесят восемь, – последние слова растаяли в тишине.

Я подняла глаза. Сумерки затушевали пространство под куполом. Розетки были еще видны. Обрадовавшись моему вниманию, они снова побежали по кругу, все быстрее, иногда ловко меняясь местами и вращаясь вокруг собственной оси. Каменная карусель завертелась всеми шестью рядами.

– Рот. Он. Да. Рот. Он. Да. Рот. Он. Да! – Я очнулась от собственной громкой скороговорки. – Рот. Он. Да. Рот. Он. Да. Да. Да! – что я несу? Какой еще рот? Мой собственный? Он – понятно. Да... – я с трудом встала, опираясь на колонну. Занемевшие ноги не желали разгибаться. Ныла спина, постреливало в затылке. Черт, сколько времени? Как долго я здесь нахожусь. Где все наши?

За окнами и в кругляше купола лиловело. Еще немного, и в храме сделается темно. Запереть замок без фонарика станет проблематично...

Касаясь стен, я прошла по окружности ротонды. Заглянула за колонны, в купель. Закрывая тяжелую дверь, помедлила. Снаружи таял сладкий и свежий вечерний воздух. Шелестела, вибрировала листва.

Гасло розовое небо.

Микроавтобус ехал в сторону Твери. Супруги-художники зафрахтовали нас на ягодные работы: сбор смородины у них в Боблово. Это была хорошая идея, день передышки перед Москвой. Как пушкинские девушки, крестьянки Лариных, мы будем собирать ягоды и петь песни.

Почему-то меня это волновало, в хорошем смысле слова...

Багажник был доверху набит дорожными сумками, этюдниками, планшетами. Сдержанно пахло маслом и растворителем, родной, приятный запах. Среди багажа выделялся мой ноутбук в ярком чехле, белый-голубой-фуксия, такой не затеряется в траве...

Друзья-художники кто подремывал, кто смотрел окно. Справа от водителя, где обычно сидела я, но Митя до сих пор со мной не разговаривал, возвышалась Галя, видная мне в профиль. Неделя пленэра разгладила строгие черты, смягчила линию рта, не говоря уж о загаре, всяко улучшающем внешний вид. Прямая как сфинкс, Галка безмолвно смотрела на дорогу.

Ася, со всеобщего согласия, растянулась сзади. По ее признанию, в последнюю ночь наша подруга плохо спала. Я сидела между Олей и Марком, он развлекал нас израильскими фото; су-

пруги-художники были там в марте. Марк отлично фотографировал, и я не скучала, как обычно бывает, когда показывают бесконечный отпускный фотоспам.

Места, в ряде случаев, не были абсолютно мне незнакомыми. Я провела на Святой земле пару недель за три года до того, изумляясь зеленой израильской зиме. Мы даже купались вполне безболезненно, причем на севере, – когда были в Галилее, на Кинерете. Правда, не в самом Галилейском море, а в открытых радоновых купальнях православного подворья в Магдале – это в январе! – и рыбки клубились вокруг нас как комары в подмосковном июне...

А вот в Массаве я не была, и на Мертвом море, да и на Красном, и еще много где. Тем приятней было узнавать знакомые места Иерусалима, вспоминать местечки Старого города, фрагменты Виа Делароза, эмоциональные сценки у Стены Плача.

Листая фоторепортаж из Храма гроба Господня, я почувствовала головокружение. Выпила воды. Рассосала барбарисовую карамельку.

Но в голове продолжали лететь по кругу вчерашние розетки...

Нужно было попросить Митю остановить машину, но мы с ним не разговаривали.

Я вернула планшет Марку.

– Чо-т ты бледная, – сказал мой товарищ. – Какая-то серенькая. Э?

– Мить, останови, – слышался Олин голос. – Ей плохо.

Митя снизил скорость, мы свернули с трассы, встали на обочине.

Сзади показалась заспанная, включенная Ася:

– Уже приехали? – удивилась подруга. Пока мои товарищи что-то ей объясняли, я выбралась наружу. Головокружение не прекращалось, это было похоже на знаменитые алкогольные «вертолеты», но тошноты не было.

Я села на травку и уставилась в веселое небо в облаках.

– Ты как? – Митя нарушил обет молчания. Он протянул мне бутылку воды. – Что с тобой?

Тут можно было бы чисто по-женски удачно разыграть карту с его вчерашней эскападой и уходом в ночь, разжечь чувство вины, немножко укрепить акции.

– Все нормально, Мить. Просто укачало. И кажется, я все поняла... Мне нужно немножко времени, чтоб переварить. Десять минут, хорошо? Пятнадцать.

Я растянулась на траве. Бег облаков по небу успокаивал, замедлял карусель в голове...

По иронии судьбы, это оказался поворот на Знаменское-Раек, куда мы заворачивали многократно. И где на Васильевой горе обитала еще одна львовская ротонда, часовня Даниила Столпника. В часовне сохранились фрески. Судьба этой ротонды складывалась не самым радужным образом: бесхозность и заброшенность, и только удачно-неудачное расположение до поры спасало ее от вандализма, но, увы, не от разрухи.

Главный анекдот здешних мест был про то, как увязшие машины туристов трактором вытаскивают из гигантской лужи...

Я вернулась к своим.

– Поехали? Все, я в порядке.

Мы снова двигались по Ленинградке, ни шатко ни валко, движение было довольно плотное. Я вернулась к Марковым фото, перелистывала, рассматривала их.

– Марк. Тупой вопрос. А ведь Храм Гроба Господня – это ротонда?

– Совершенно верно. Гигантская ротонда. Циклопическая.

– И, строго говоря, это храм-усыпальница?

Марк посмотрел на меня внимательно, кивнул.

– Некрополь?

– Да.

– Мавзолей?

– Э, ну, можно конечно и так сказать. Хотя это слово сильно себя дискредитировало...

У меня зачесалось в горле, я припала к бутылке тверской минералки, местный бренд.

– Как всем хорошо известно, – заговорила я, рассуждая вслух, – прах Христа в храме отсутствует. Смотри-ка, все сходится... Тоже распинали его мало не покажется. Тоже, считай, воскрес. И храм в Черенчицах – в честь Воскресения Господня... Ах, как-кой же шутник наш Николай Александрович! Хотя разграбление собственного захоронения он, конечно, предвидеть не мог...

Я вспомнила вчерашний вечер. Себя, сидящую под колонной в беспомощном стыдном молчании. Физически ощутимое разочарование невидимого собеседника. Меня накрыло горечью, сожалением. Правильный ответ подоспел всего через сутки, а назад уже ходу нет.

– Хочешь сказать, – протянул Марк после основательной паузы, – что Львов, планируя собственную усыпальницу, взял прототипом Храм Гроба Господня? Замахнувшись, так сказать, на Ииуса нашего Христа... И проводя некоторые параллели? Смелая гипотеза, Тань... И, конечно, оч-чень литературная.

Я повернулась и посмотрела своему товарищу прямо в умные серые глаза.

– Марк, это не гипотеза. И не предположение. И тем более не писательская догадка. Это так оно и есть. Не спрашивай! – и, без пауз, водителю, поймав его взгляд в зеркале заднего вида. – Ми-ить! А пообедать-то мы остановимся?

Обочины Ленинградки в этой ее части пестрели вывесками. «Кафе», «Столовая», «Горячие обеды», «Копченая рыба», «Свежая рыба», «Ягоды».

– Все, выздоровела? – спросил водитель, усмехнувшись. – Полегшало? Ну вот и хорошо. Я не против, ищите место.

L-project так и не вылился во что-то более материальное, чем все что я описала выше. Не был создан сайт, ни, тем более, портал. Не состоялась выставка. Соответственно, не осуществилась самая амбициозная задумка проекта – создание макетов избранных сооружений Львова, в том числе нереализованных, вырезанных из пенополистирола.

Таким образом, неосуществленные проекты Н.А. были не реализованы дважды. Концептуализм поневоле.

Вот Львов повеселился, там, у себя...

Никакого злого умысла! Просто с октября 2019 года выставка по независящим от нас причинам была перенесена на апрель 2020-го, а в апреле следующего года наступило известно что, а также в мае, июне и вплоть до конца этого чудовищного года. Весь мир немного умер и слегка воскрес, и процесс пока не закончен. Вирусологи с политологами упражняются в меткости прогнозов. Страх, горечь и равнодушие впитались в нас, росли намертво маски и перчатки, и этот венецианский карнавал смерти все еще продолжается, волнообразно...

Таким образом, «Ротонда» и стала единственным материальным воплощением того, что пышно и нелепо называлось L-project. Тщательно отшлифованная, повесть получилась, по правде говоря, совсем неплоха.

«Ротонда» вышла – за авторством Евгения Рождествина. Вокруг публикации возник некоторый шум, весьма для меня досадный, и появилось целых три рецензии, включая мной уже упомянутый текст под названием «Ро-Ре», но довольно скоро все стихло, и мне оставалось только радоваться, что это не моя повесть, так ярко воссияв, быстро и без следа ушла в песок забвения.

Но я не унываю, другой герой из восемнадцатого века совершенно разобрал мою душу.

К счастью, он (герой) никакого, ни малейшего отношения не имел к искусствам, ни к каким.

Конец

Моя благодарность специалисту по наследию Львова Ирине Бочкаревой – за общение, доброжелательность и прекрасную экскурсию по Торжку. За бесценные консультации – историку моды Татьяне Нагорских. Сергею Белорусцу – за то, что читал текст на всех стадиях производства и высказывал свое мнение. Дорогому другу Владимиру Тучкову, ушедшему от нас в сентябре, – за внимательное чтение и важные советы. Владимиру Пимонову – за бережное чтение и подробнейшую корректуру. Анне Аркатовой – за чтение махины текста и доброжелательный отзыв. Анне Толстиковой – за читательское терпение и за компанию в части расследований. Марии Смирновой – за то, что обеспечивала автора редкими книгами и материалами, благодаря чему многие источники удалось прочесть на бумаге.

Литература:

1. Андреев А.К. Дом Разумовского в Москве – последнее произведение архитектора Н.А. Львова // Сб.: Проблема синтеза искусств в архитектуре. Л., 1975. Вып. 5.
2. Андреев А.К. Бывший дом Разумовского в Москве и некоторые вопросы истории русской архитектуры начала XIX в. Л., 1975.
3. Архитектор Николай Львов. Храмы, дома, усадьбы эпохи классицизма. Кучково поле, 2019.
4. Ирина Бочкарева. Н.А. Львов. Очерки жизни. Венки новоторжских усадеб. Торжок, 2008.
5. Алексей Гарин. Архитектор Николай Львов: автор дворцов, соборов и... «каменного картона» (<https://rcmm.ru/kto-est-who/33736-arhitektori-nikolay-lvov-avtor-dvorcov-soborov-i-kamennogo-kartona.html>)
6. Гений вкуса. Н.А.Львов. Сборник статей Министерства образования Российской Федерации. Тверской государственный университет, 2001.
7. А.Н. Глумов. Н.А. Львов. М.: Искусство, 1980.
8. Т. Григорьева. Землебит. Забытая архитектура. (<http://www.history-gatchina.ru/article/zemlebit2.htm>)
8. Дзюбанов С.Д. «Верует в Резон, как во Единого Бога» (подлинная история тайной женитьбы Н.А. Львова) // Г.Д. Державин и его время. Вып. 4. СПб., 2008.
9. Гавриил Державин. Стихотворения. Петрозаводск: «Карелия», 1984.
10. Зодчие Санкт-Петербурга. XIX – начало XX века / Составитель В.Г. Исаченко. СПб.: Лениздат, 1998.
11. Егоров Николай: Архитекторы Санкт-Петербурга (Николай Александрович Львов (1753–1803 гг.) (<http://lvov.lit-info.ru/lvov/articles/egorov-arhitektory-lvov.htm>)
12. Елена Иванова. «Проект парка Безбородко в Москве Н. А. Львова – уникальный памятник истории русского садово-паркового искусства // Пейзажный парк в Европе и России: от Просвещения к романтизму. «Кучково поле», 2017.
13. Алексей Каверин. О строительстве Приоратского дворца и дальнейшем судьбе землебитного строительства и дальнейшей судьбе школы землебитного строительства, а также о секрете прочности землебитных стен. (<http://www.dkd.ru/design/book/920/>)
14. Коплан Б.И. К истории жизни и творчества Н.А. Львова. 1927 (http://www.mathnet.ru/php/archive.phtml?wshow=paper&jrnid=im&paperid=5490&option_lang=rus)
15. С.О. Кузнецов. Адам Менелас // Зодчие Санкт-Петербурга. XIX – начало XX века / Составитель В.Г. Исаченко. СПб.: Лениздат, 1998.
16. Лаппо-Данилевский К. Ю. Поэт Александр Слепецкой. Литературная мистификация в журнале «Муза» (1796 г.) // Литературный факт. 2017. № 3.
17. К.Ю. Лаппо-Данилевский. О тайной женитьбе Львова // НЛО. 1997. № 23.
18. Николай Львов «Воспой, любезна лира!» Из поэтического наследия / Составитель Ирина Бочкарева. Торжок, 2014.
19. Елена Милогина. Н.А.Львов. Художественный эксперимент в русской культуре последней трети XVIII века (<https://davaiknam.ru/text/n-a-levov-hudojestvennij-eksperiment-v-russkoj-kulture-posled>)
20. Е. Г. Милогина М. В. Строганов. Гений вкуса: Н.А. Львов. Итоги и проблемы изучения. Тверской гос. ун-т, 2008.
21. Муравьев М.Н. Краткое сведение о жизни господина тайного советника Н.А.Львова (https://rvb.ru/18vek/lvov/05addenda/annex1_1.htm)
22. Львов Н.А. Избранные сочинения. Кёльн; Веймар; Вена: Бёлау-Ферлаг; СПб.: Пушкинский Дом; Рус. христиан. гум. ин-т; Изд-во «Акрополь», 1994.
23. Н. И. Никулина Николай Львов. Л.: Лениздат, 1971.
24. И. Е. Путятин «Николай Львов. Итальянский дневник. Путешествие 1781 года. 2019.
25. Лилия Романенко Николай Львов – первый зодчий Горячих Вод // Памятники Отечества. 200. Вып. 49 (Вся Россия. Кавказские минеральные воды).
26. Л. Ю. Сапрыкина. Исчезающий Петербург // История Петербурга. 2009. № 1.
27. Тверецкий (Р.И. Матюнин). Тайна женитьбы Львова // Вышневолоцкий историко-краеведческий альманах. № 4.
28. В. Ф. Ходасевич. Державин. М.: Мысль, 1988.

Лариса ЙООНАС

В каком-нибудь городе Фридрихсхафене
на железнодорожном вокзале вдруг обнаруживаешь себя
почему-то в Киеве
похоже все вокзалы построены одним человеком
немного изменившим кладку стен и просветы окон
в один и тот же год видно как время водило его рукой
в невыносимой тоске расставаний воспроизводимой им бесконечно
в каждом захудалом городке и в мегаполисах стиснутых камнем
как получилось что все вокзалы неотличимы друг от друга
история годами спрессовывалась на заплыванном асфальте
следами жвачки солидола копоти и машинного масла
оловянные чайники и фартуки дворников до сих пор отражаются в лужах
никогда не высыхающих на перронах закольцованных Фридрихсхафенов
перелистываемых нами как страницы фотоальбомов
значение какого-то места часто понимаешь позже
просто ходишь просто смотришь вокруг просто машешь знакомым
а потом какое-то неясное воспоминание
останавливает твои поезда навсегда.

И такое белое расстелилось пространство
и сказало езжай и прозрачный воздух
обнял окутал наполнил легкие
губы налились кровью
каплей за каплей выцеживаясь из прокушенной ранки
сжатые руки не разнимались ледяные слова
как шары как сахарные ягоды клюквы
катились по снежным рукавам протянутых рук

Лариса Йоонас родилась в 1960 году в Татарстане. Училась в Москве. С 1983 года живет в г. Кохтла-Ярве, Эстония. Публиковалась в журналах «Волга», «Октябрь», «Дружба народов», «Воздух» и др. Автор четырех сборников стихов. Стихи переведены на эстонский, финский, литовский, польский, английский, итальянский языки. В 2019 году вышла книга-билингва «*Un quanto perso in strada*» с переводами на итальянский язык.

огромные раковины полные людей и улиц
безупречные прозрачные тонкие
чтобы дневной свет проникал
и гулял бы туда и обратно
истончаясь радужной побежалостью
лопались оставляя металлический привкус
недоговоренности как предательства и покинутости
время звенело на ветру
обещанием непрямого избавления.

Дорожная заметка – Фридрихсхафен,
город, где стоит памятник графу Цепелину,
над Боденским озером летают воздушные шары и прогулочные дирижабли.
В курортном городе всем находится место:
болельщики сидят в пивной на открытой террасе,
на маленькой яхте играют в карты, загоревшись от прохожих зонтиками,
круизные корабли, гудя, пристают к берегу,
рабочие приколачивают что-то к сцене грядущего фестиваля,
китайский ресторан, казавшийся пустым, к вечеру заполняется китайцами
дети бросают в озеро камни; цепелин, ревя, идёт на посадку,
крупные капли дождя разбиваются о брусчатку улицы,
сдавленное тучами солнце освещает секвойи.
Здесь какие-то свои специальные бодензейские секвойи,
аутентичные, как и бодензейские макаки.
Можно было бы считать прогулку простым туристическим ничегонеделанием,
если бы не эти непостижимые моему пониманию секвойи,
под которыми я мечтала погулять
всю свою краткую непримечательную жизнь.

Засыпание переход на другую сторону ночи
усталость как блаженство мешающее уснуть
что это за дорога которая брезжит сквозь веки
я уже не вижу своей улыбки мерцающей в темноте
вот мы летим расширяемся просачиваемся во вселенную
в щебетании сумеречного леса сокрытого за спиной
наши тела пульсируют в пустоте это неоновые гуппи
это выталкивающие пространство медузы
поднимающиеся все выше к едва уловимому свету
колышущиеся каждым биением сердца
улетающие в неизвестность щебет улыбку клубящийся сон.

Восхождение в музыку
в неизвестность похожую на ночной неопознанный шорох
не можешь вспомнить что такое небо воздух камень
и не хочешь знать что такое камень
опускаешься на дно слов которые все мягче
все прозрачнее теряют свои очертания
рассыпаются в пыль заканчивают свое существование
в огромных полостях мира где растут пульсирующие звуки
проходящие сквозь космические туманные ткани
невозможно отмахнуться невозможно выплыть
звуки просачиваются как мед сквозь поры
склеивая ослепляя обезмолвливая
протоязык проточувство протоощущение
вот твоя первобытная простота музыка
усложняющая мой мир до невозможности понимания.

В ночном неожиданно разноцветном городе
множество удивительных событий
рождения и смерти проезжающие машины
абажуры в окнах беззвучные кухонные мистерии
я читаю об алгоритмах шифрования
математика как дыхание вечности
накоротке со звездами в обнимку со временем
обряд посвящения отстранения от земного
фотоны радиоволны вдохновение тишина
поющая сияющей пустоте.

Конечные станции подмосковных электричек:
Черусти, Голутвин, Белые столбы или Лобня –
я когда-то составила список
мест, где непременно должна побывать.
Это были дальние страны конечных станций, ковыльные перегоны,
не такие как Балашиха, Подольск или Сходня –
пыльные депрессивные поселки, жилища моих друзей и знакомых.
Так я осваивала Подмоскowie,
открывая для себя все больше уныния и печали,
а когда электричка шла по Казанской дороге,
она иногда обретала крылья

и, перестав притормаживать у Вешняков и Ухтомской,
брала разбег и мчалась, пугая стоящих на перронах,
как Летучий Голландец с почти несуществующими пассажирами,
распотрошенными на молекулы – на вдохе, в полудвижении,
а потом внезапно останавливалась в Казани,
и родные запахи уличной выпечки,
как сладкий яд, вытравливали из памяти
Павелецкий, Савеловский и Ярославский.
Только не говорите мне ничего, я знаю, их больше не существует.

Разговоры с мертвыми поэтами

Наконец понимаешь, что нет речи сильнее и свободнее той,
которую создали слова, рожденные тысячелетия назад
и до сих пор держащиеся своего происхождения.

Повторенные многократно, они обрели мощь
ощутимо большую, чем мимолетные события, порожденные ими.

Как бессильно сиюминутное, не успевшее накопить столько опыта,
как хлеб, небо, воздух и вода,
но пытающееся объяснить неуловимый протоязык,
существующий над ними и вне их.

Слова, произнося которые, ты будто раздвигаешь мир своими легкими,
расправляя их как крылья, расширяя межзвездные пространства,

слова, в которых уже давно нет ни рода, ни племени, ни правил, ни ударений,
ни спряжений,
всех тех оболочек, скорлупы, что придумали люди,
ради удержания ощущений, которые едва касаются их настоженных тел.

«Я перестаю овеществлять твои слова,
я не понимаю, на каком языке они были написаны,
было ли это когда-нибудь важным для тебя или для меня?

«Подари мне одно-единственное стихотворение,
которое я буду повторять как музыку,
непрерывно, днями и ночами, вслух и мысленно,
закольцовывая его.

«Когда я буду лететь в запотевшем зимнем автобусе,
или скользить над зеленой рейнской водой,
или выплывать в полночь на конечной станции метро,
сходя в полутьму с подрагивающего эскалатора.

«Буквы слишком изменчивы, их смыслы как ртуть,
они не выдерживают проверку временем.

Я выучила эти тысячи языков, чтобы говорить с любимыми,
но я не говорю на языке Рильке, не говорю на языке Шекспира,
я просто говорю языком, которым говорили они, в той мере, в которой
это умеют делать
шестеренки и коленвалы несовершенного человеческого организма.

То что существует в мире, уже написано,
растворено в окружающем, и снова собирается в тексте,
каждый раз заново и другими словами,
но мир пронизан написанным, это то самое единственное живое
или умершее чувство,
надо ли тебе понимать его начертание, чтобы понять его?

Мои стихи как диалоги с мертвыми поэтами –
диалоги с теми кто уже не может ответить,
полотно их слов не превращается в сиюминутное переживание,
это особый род беседы, требующий умения воскрешать испытанное,
отделения стихов от их осмысленного благоухания,
от невольного полета, выравнивающего шероховатости.
Это солнечный ветер, овевающий вытянувшуюся в изумлении плоть.

Стихотворения мертвых поэтов столько раз прошли вселенную насквозь,
что ужас с той стороны бытия пронзает меня, когда я читаю их,
и восторг понимания ошеломляет меня, растворяя в своем внесловесном свете.

РАССКАЗЫ

Архивные папки

И.С.

Когда не знаешь, как начать писать, говорить, берёшь чужие слова. Вот и сейчас я беру чужое, твое, тобой написанное-переписанное с моих слов обо мне. Для кого ты писал-собирал это все? Для пустоты твоей и моей.

Четыре архивные папки, присланные мне из Екатеринбурга, разбухшие-опухшие, как глаза после долгого плача. Четыре папки-глазка, четыре смотрящих за мной, на меня сегодняшнего, на чужака, чудака.

Нет, это не сверка – того, что было – с тем, что есть. Это разговор с мертвыми как с живыми.

Мёртвый дед-ты ведёт архив своего внука-меня, фиксирует телеграфным, скучным образом (перьевой ручкой) внуковы-мои взлёты, падения, выжимает жизнь домосковского и внутристи-личного периода в несколько точных, острых строчек. Здесь же – подборка дипломов, благодарственных писем учителей, олимпиадных сертификатов. Раздутые первыми успехами папки. Что этот успех значит сейчас?

Что значит сейчас афиша моего первого концерта, напечатанная дома на принтере, наклеенная на подъезд моего дома, в подвале которого был концерт. «Ты начинал с подвала, а теперь вот где ты». Где?

Оборотка афиши в осколках подъездной краски, смешанной с клеем ПВА. Я это помню сам. Это не архивные папки, это ящики моей памяти. Концерт был 1-го мая, весенний, оттепельный концерт, последний рывок перед окончанием учебного года, когда уже можно петь, а не только учиться в поте лица. И вот 1-го выпадает снег. Плотный, нестерпимо белый, падающий прямо в кадр дедовского-твоего фотоаппарата. В кадре я – без шапки, уже весенняя курточка нараспашку намокла от непрошеного снега. Снег – это смерть. Он-она падает на нас и думает, что мы поверим в отмену весны и жизни. Никогда.

Тебя хоронили в мороз под тридцатник. Все шло к тому, что похороны перенесут, земля никак не давалась. Но каким-то образом все, что должно было поддаться – поддалось. Все случилось в срок. Это не ящик памяти, это все с чужих слов. Я узнаю обо всем от других. Я не увижу этого сне-

Денис Сорокотягин родился в 1993 году в Екатеринбурге, окончил Свердловский мужской хоровой колледж (пианист) и Екатеринбургский государственный театральный институт. Актер театра и кино, режиссер, драматург, художественный руководитель «DAS-театра», педагог по актерскому мастерству и вокалу, автор учебных пособий для детских музыкальных школ. Актер Театра музыки и поэзии Елены Камбуровой. Живет и работает в Москве. Публиковался в журналах «Знамя», «Новый мир», «Сибирские огни», «Нева», «Русский пионер», на портале «Полутона».

га, не почувствую холода, не возьму в ладонь мерзлую землю. Поэтому я имею право не верить. Ни словам, ни своим глазам, которые ничего не видели, не плакали, не разбухали от скорби, как архивные папки.

– Зачем ты их собираешь? – спрашивал тебя. Я злился, каким-то образом умудрялся ревновать к самому себе. Ты отвечал: «Потом поймёшь». Знаешь, это стимул жить, жить и когда-нибудь прийти к этому «потом». Оно настанет только тогда, когда я сам начну собирать архивные папки. Нет, не свои. Другого-другой. День ото дня спрессовывать любовь, дарить ей бессмертие, ведь любовь – она есть, она здесь, а раз она есть, то ее рано или поздно не будет, это случится, неминуемо, в один день. Поэтому нам-мне нужно вещественное подтверждение, подшивка любви. А смерти нет. Она с нами не случится, не совокупится, я это понял благодаря архивным папкам. Ты, собирая все-мое в одном месте, и подарил мне бессмертие. Бессмертие незнания. Ты не видел ни одного моего спектакля в Москве, не видел, а только представлял, верил моим-чужим словам – и значит не знал.

Не знаю, но люблю все, что с тобой-мной связано. Это великий дар, данный нам двоим. Любовь на расстоянии незнания. Я люблю тебя и не знаю, где ты, но я люблю то место и тех, кто там с тобой рядом. У меня нет выбора.

Мне не хочется цитировать твои-мои записи из архивных папок (4). Я перечел каждую по два раза. Первый раз – это неузнавание никого-ничего-себя, второй раз – припоминание, веревки на папках завязываются крепко-накрепко, и дело делается само, во сне, в остановках внутри дня, в зависании, обрыве мысли, память делает своё дело, вершит свой суд над тобой-мной. И ты должен ответить за того парня – сегодня. А воды утекло немало, но ничего не изменилось, не поменялось коренным образом, как бы мне-нам не казалось. Разрослось, облепилось лишним, но остов ещё прослеживается, корень крепок. Архивные папки – корень всех радостей, бед и проблем. Отламываю один отросток-отрывок, отрываю его от сердца, отдаю в руки тексту, приживется ли он в новой среде-земле? Или будет испытывать сиротство и сделает все, чтобы не жить-не быть?

1 апреля 2004 г.

Дениска поехал с хором в Казахстан. Это его первая поездка без родителей, бабушки и бабушки. Собирали долго, нагрузили прилично. Возмущался, но бабуля была неумолима. Сумку с трудом втащили в вагон. Ехало тридцать человек. Руководили П. и С.

Поместили в гостиницу без телевизора. Дали концерт в Кокчетаве и Петропавловске. Ходили на экскурсию. Концерт был посвящён памяти композитора Баха. Встречались с местными школьниками (не понравились).

Купил мне тубетейку «как аксакалу», себе цепочку с черепашкой.

Устал. Достали киргизы, казахи в поезде.

Приехал, рассказал и в школу

—

2004 год. Мне шёл одиннадцатый год. Гостиница в Кокчетаве. Двухместный номер. Кровать у окна. Сквозит. Раннее утро. Мой сосед (не помню, кто это был. Вася, ты?) ещё спит. Я лежу на кровати и слышу пение птиц. Так птицы поют только в самом начале весны. Громко, инородно, перекрикивая друг друга. Этот звук здесь-там лишний. Я сам себе кажусь лишним. Тоскую по дому. Высокая степень оторванности и сиротства. Я позвоню домой и скажу, что нестерпимо скучаю, до рези в животе, до несглатываемого кома в горле. Я позвоню, полумёртвый от разлуки, в другую

страну, где пока все ещё живы. И ещё долго будут жить. Смерти нет – я пойму это гораздо позже, когда научусь говорить с мертвыми как с живыми. Когда развяжу узел и открою(сь).

Обидно за киргизов и казахов. Но они всю ночь пили, говорили на чужом языке, а потом шатались по вагону.

А я приехал, рассказал и в школу.

Вот что сейчас важно.

Бродячая Гета

Я вышел из книжного магазина «Москва»

Купил «Мую жизнь» Коровина и

«Категории композиции. Категории цвета» Кочергина

Вышел, выдохнул, что детекторы на входе не запиликали

Мне всегда кажется, что я вынес из «Москвы» больше, чем сейчас в моем пакете

Выбросил в урну чек – подтверждение, что не вор

– Молодой человек, вы знаете, я ходила в садик вот здесь, через дорогу, в Гнездниковском.

Мне девяносто один год, представляете? Я коренная москвичка в третьем поколении. Мама – двенадцатый ребёнок в семье, папа – польских кровей. Оба были безумно красивые. А в садике площадки не было, и где гулять, спрашивается, вот мы, детьми, с воспитательницей и нянечкой поднимались на лифте и гуляли на крыше. Я, вообще, шла в «Елисеевский» и не знала, что его закрыли. Ужас. Это ведь не магазин, а музей! А когда война началась, мне было десять. Я была в то время в лагере в Тарасовке. Знаете, там уже заранее подготовили такие рвы, в которых мы укрывались, когда бомбили. Потом нас всех собрали в грузовой машине, поставили рядами лавки, и мы поехали через всю Москву. Без родителей, сами. Привезли на Речной вокзал, посадили на паром, в самый трюм, представляете? Ехали шесть дней в этом самом трюме, причалили к станции... до сих пор помню название села – Великий Враг. Я сначала думала, что какая-то буква недописана, а потом поняла, что это такое название. От этого Врага мы ещё шесть километров пешком. Наконец добрались до интерната. Нас подселили в избы. Мальчиков, девочек отдельно. Ходили в туалет туда, где раньше пасся скот. Вот так. А потом мой отец – поляк – приехал за мной. Он был рядом в командировке. Приехал и забрал меня. Мать заставила его меня забрать, так как ей с ребёнком в военное время можно было не работать, ну и так далее, легче с ребёнком, со мной, то есть. Потом мама и отец развелись, и у мамы появился дядя Яша – еврей – как я его любила! Он меня водил в кафе гостиницы «Националь». Был весёлый такой, приветливый. А мама меня была часто. И все время шептала: «поляк мой, поляк». Не могла забыть папу. Знаете, мой муж строил Останкинскую башню. У него орден Ленина за это дело. Я сейчас этот орден на себе ношу. Вот он. Когда советская власть начала терять позиции, а муж уже к тому времени умер, давно я уже без него, и я поняла, что этот орден – просто игрушка, побрякушка. Куда его теперь? И я его продала, и на эти деньги выручила себе дубленку. Вот и говорю, что теперь его орден на себе ношу. Как же хорошо мы сейчас встретились и разговорились с вами. Этот разговор ни к чему не обязывает, правда? Я вот так вот и шляюсь вечерами. Я – бродячая старуха. Ха. Утром голова плохо работает, днём тоже не очень. Мозги не сразу включаются, все-таки возраст, но к вечеру – как смазанный мотор, кланусь. Вируса не боюсь. Я ведь советская. Значит отличная. Отличная от всех остальных.

Всю жизнь со спортом, волейболистка. У меня был лучший бросок, вот так – и туда. А работала бухгалтером. Не помню даже, что закончила. Вроде техникум какой-то. Мать меня сразу отправила на работу, и я устроилась учетчицей в радиоинститут. Я сейчас по Тверской до Библиотеки Ленина, и там на автобус до Медведково. Пошляюсь ещё чуть-чуть. Так хорошо знать, что придёшь к себе домой после прогулки – и никому ничего не должен. Никому.

– А как вас зовут? – спрашиваю. Поймал паузу и сам не понял, как это получилось.

– Генриетта Адамовна. Мама звала – Геткой, подружки – Геркой.

– А меня зовут Денис. Я родом с Урала.

– О, у вас другое, Денис. Другое. – показывает в область сердца. – Я садик искала, искала, не нашла. Но он в Гнезниковском, вот здесь. И на крыше гуляли. На лифте – и туда. Это был 35 год. С ума сойти.

Перевожу взгляд на крышу.

Сегодня пошёл первый снег.

Перевожу взгляд на Гетку-Герку-Генриетту

Ее нет

Решил

Если доживу до этих самых лет

Тоже буду шляться

Буду бродячим стариком

Искать места молодости

Останавливать эту самую молодость

лучше, конечно, читающую, но как уж будет

И говорить, говорить, не давая молодости вставить и словечка

Пусть молодость слушает

А старость говорит

И шляется вечером по Москве

Владимир МОРОЗОВ

ЛЕГКИЕ ГОЛОСА

Когда болезненно тревожит
Приснившийся под утро сон –
Как хорошо, что день не прожит,
И даже не начался он.

Цикорий утренней прохлады
И купы мокрых фонарей
Бредут неспешно вдоль ограды
К калитке запертой моей.

Наверно, всё не так уж скверно,
Коль повторяешь наизусть:
«Приеду осенью, наверно,
А может, вовсе не вернусь».

С самым собою в разговоре
Твердишь, пока не надоест:
«Обида – данница неволи,
Да и вообще – тяжёлый крест.

В минуту позднего ненастья,
На грани мглы сторожевой,
Мы снова станем безучастны,
Сливаясь с палою листвою»...

А за окном светлеют пятна
Осенней влажной желтизны,
Как будто дни пошли обратно
И ничего нам не должны,

Владимир Морозов родился в 1958 году в Якутии. В 1980 году закончил геологический факультет Саратовского государственного университета. Публиковался с 1985 года в журналах «Литературная Грузия», «Новый журнал», «Волга», «Последний экземпляр». Автор книг стихотворений «Холодный воздух» (Саратов: Контрапункт, 1998) и «По дороге к декабрю» (Саратов: Музыка и быт, 2018). Живет в Саратове и Санкт-Петербурге.

Беженцы

Биолончель соседской пилорамы
Становится почти что не слышна,
Когда восходит за оконной рамой
Холодная осенняя луна.

И в горьком послевкусии заката,
И в розовом свеченье тишины,
Есть многое, что знали мы когда-то,
И многое, что знать мы не должны:

Мы постигали тайны уравнений,
Которые не надо постигать,
Записывая имена растений
В потрёпанную общую тетрадь...

А в сентябре заилило колодцы,
И мы, оставшись в осень без воды,
Уходим за полночь, устав бороться,
Не оставляя на земле следы.

Не сознавая тяжести потери
В саду осеннем нас с тревогой ждут
Обломанные ветки – подмастерья
Томительных медлительных минут.

И мелкий дождь, мерцающий над лесом
И падающий на ночной пустырь,
Нам стал теперь совсем не интересен
Как собеседник или поводырь.

Дачники

Накануне осенней тревоги
Возвращаясь под вечер домой –
Осторожней на сельской дороге:
Здесь машины гоняют порой.

В серой дымке застывший посёлок.
Листья жгут за забором глухим.
В ожидании дней невесёлых
По земле расстилается дым.

Соглядатаи местного бога,
Соплеменники долгих минут,
Две вороны стоят у порога
И чего-то томительно ждут.

Дым плывёт по деревьям и крышам,
Застилает пустые дома...

Нищета попрошаек бесстыжих
Потихонечку сводит с ума.

Хорошо, что посёлок безлюден,
Потому что осенней порой
Устаёшь от суровости судьей,
Что пришли в темноте за тобой.

В стране погибшей саранчи
И горько пахнувшей полыни
Ночами воронье кричит
И свет под фонарями стынет.

Цинизма ветра и тоски
Насельники и лицемеры –
Бредут деревья вдоль реки
И ветер слабо пахнет серой.

Угадывая каждый шаг,
Им в ноги стелется незримо
Холодный воздух, твёрдый как
Ступени Иерусалима.

– Мы к вам приходим по ночам
И осторожно смотрим в окна –
Вода стекает по плечам,
В ночном саду земля намокла,

И наступила тишина,
Как будто ангелы ночные,
Влетая в спящие дома,
Сломали каменные крылья.

Накануне холодной погоды,
На исходе осеннего дня,
Водят листья свои хороводы
И кричат, что узнали меня:

– Мы летим по осеннему скверу,
По аллее пустой, сверху вниз,
Где деревьев прозрачные сферы
В тёмном воздухе пересеклись.

Мы давно за тобой наблюдаем,
Мы украли твои дневники,

И укрывшись за старым сараем
Прочитали четыре строки –

Ты живёшь в невеликом пространстве
Одиночества, бед и забот,
И в историю северных странствий
Не записан твой маленький флот!

У бормочущего водостока,
В дождевой отражаясь пыли,
Притулилась больная сорока...
Ничего больше не говори –

Подожди до рождественской ночи,
Когда ты будешь счастлив вполне,
Когда снега прозрачные клочья
Отразятся в закрытом окне,

Когда тени декабрьской вьюги
Полетят вдоль железных ворот,
Словно лёгкие зимние духи,
Разорвавшие старый блокнот...

31 декабря

Лиловой лёгкой краской
Окрашен небосвод.
Наверно, не напрасно
Приходит Новый год –

Туманный и морозный
Приходит выходной,
И мы не слишком поздно
Идём к себе домой.

Сквозь пелену разлуки,
Сквозь снег над головой,
Слышны ночные звуки,
Кларнет или гобой:

«Раздроблен мир на части,
Как битое стекло,
Но наше время, к счастью,
Ещё не истекло.

Мы к вечеру забыли,
Как бесконечным днём,
Взлетали клубы пыли
Под ледяным дождём,

И снова захотели
Понравится не вам,
А солнцу и метели,
И северным ветрам...»

Узнать немного о себе,
Живущем в темном серебре,
За зыбкой гранью зазеркалья,
О том, который в Новый год
Пешком по улице идёт,
Сбежав от нас, пока мы спали.

Перерождение – не смерть.
Пока горит неяркий свет,
Меняя очертанья улиц,
Входи скорей и дверь закрой,
Пусть зимний дождь над головой
Шумит, пока мы не проснулись.

Душа, не мокни под дождём!
Скорей вернись в наш спящий дом
И до утра останься с нами,
Покуда длится Новый год,
Покуда флейта и фагот
Еще слышны за облаками...

Белой ложки колыханье
В темном мареве стакана.
Темнота в оконной раме,
Потому что ещё рано.

Зимний ветер заполошный,
Прекрати в окне двоиться!
Неужели это сложно –
Рассказать, что ты не птица?

Это ты, январский ветер,
К нам забрёл по бездорожью,
Потому что жить на свете
Стало просто невозможно –

Подожди чуть-чуть, признайся,
Расскажи, что ты не ворон –
Просто голос твой сорвался
В нашем климате суровом,

Просто где-то в зазеркалье,
Где-то там, за облаками,
Мы ещё не перестали
Видеть свет в оконной раме –

Где-то там, на белом свете,
За туманным небосводом,
Мы, как маленькие дети,
Прячемся от непогоды.

И, сбежавшие с уроков,
На соседней старой даче,
Пушкин, Гоголь и Набоков
О делах своих судачат.

Осыпается солнце в конце потемневшей аллеи,
Потому что дожди льют четвёртые сутки подряд,
Все равно, вопреки обещаниям местных свирелей,
Потихоньку кончается вечно простуженный март.

Потихоньку сбиваются ночью солёные пятна
С ненававшейся жизни жасмина, сирени и роз...
Что останется, что? Невозможно и невероятно,
Что мы скоро уйдём, а под утро ударит мороз.

Что ты хочешь сказать? Неужели напрасно все это,
Словно свет непогашенной лампы, роняющий тень?
Запечатаны кровью упавшие с неба предметы:
Нераскрытые розы, жасмин, барбарис и сирень...

В пустом больничном коридоре
Ночные дуют сквозняки –
Тишайшие, как разговоры
На берегу большой реки.

Чередованье слов и пятен,
Зиянье пауз и пустот...
И ход леченья непонятен,
И врач, наверное, не тот.

Уже не сильно и волнует
То, что в палате гаснет свет –
Из незакрытых окон дует,
А воздуха как будто нет –

Жизнь кажется такой короткой
В бреду бессонницы моей...

Ночной весны прозрачной водкой
Полны графины тополей.

В седьмом часу уже светает,
Хотя фонарь ещё горит.
И мой сосед не умолкает –
Всё сам с собою говорит.

Мы сделали блестящую карьеру
Когда случайно разрешили дождь,
Но вскоре стало холодно не в меру
И очень шумно – слов не разберёшь.

Что толку нам от наших поражений,
Когда не знаем мы других побед –
Как будто нас выводит местный гений,
Взяв за руку, из темноты на свет.

По вечерам к нам кошки ходят в гости,
А рано утром плачет за окном
Жасмин – цареубийца на погосте,
Осыпанный ненужным серебром.

Холодный свет, завёрнутый в бумагу,
Ночные тени режет, как ножом,
Туман к реке стекает по оврагу,
И чайка в нашем небе небольшом

Сложила крылья и парит над чащей,
Закону тяготенья вопреки,
Как этот дождь – безумный, говорящий,
Застывший над поверхностью реки...

Я не могу быть лучше или хуже,
Но я могу быть больше, чем ничто.
Душа – собака, пьющая из лужи –
Не видит отраженья своего.

Какими-то безумными кругами
Ложится дождь на дерева в саду,
Как будто время растает с нами
И, уходя, бормочет на ходу,

Что не желает видеть нас отныне,
Поскольку очень много пауков
На розах, вишне, сливе и малине,
Что чай ещё, наверно, не готов,

Что много змей, что всю траву скосили
Вдоль берега реки, но если дождь
На два часа избавит нас от пыли,
То вечер будет сказочно хорош –

И снова возвращается обратно,
В калитку входит, на крыльце стоит...
А вечером становится прохладно,
И пёс, в загоне запертый, скулит.

– Прочь гони дурные мысли –
Видишь: в утреннем тумане
Брызги мокрые повисли
На полуоткрытой раме.

– В нашем диком захолустье,
Там, где жили мы когда-то,
Нам хватало зимней грусти
В позднем мареве заката.

Всё, что знали мы с тобою,
Нынче, на исходе лета,
Стало бледной синевою
В раннем мареве рассвета,

Стало дождиком и эхом,
Словно около калитки
Бродит постаревший Чехов,
За ночь вымокший до нитки...

Легкие голоса

– Бог строит муравейники в лесу –
Как будто мальчик со стеклянной флягой,
Держа отца дыхание на весу,
Бежит сквозь дождь с весельем и отвагой.

– Вот так теряют душу или сон,
Как будто это свет над головою,
Как будто дождь летит со всех сторон...

– Не огорчайся: дело наживное!
Продай и нам немного чепухи
Свободомыслия и лёгкой лени,
Прости нам наши прошлые грехи –
Хотя бы накануне воскресенья!

– Но этого не может быть вообще!
Да, да, не может! Что бы ни твердили
Нам эти сосны мокрые в дожде
И бабочки сухие в паутине...

Настя ЗАПОЕВА

НА УГЛУ ТОЛСТОГО И ВОССТАНЬЯ

*Не отпускай меня вниз головой
В пространство мировое, шаровое!*
Арсений Тарковский

пространство мировое чур меня
копеечного атласа брехня
про то что всё закрашиваем сами
пропахшие скамейкой и дождями
карандаши пожёваны с конца

а всё-таки она едва кружит
окно от перегрузок дребезжит
всё незаметней голуби деревья
и булка сохнет вот оно старенье
но с возрастом вращение земли

как память милосердней к дуракам
не дочитавших модных муракам
пусть жизнь казалась сдачею сначала
её не хватит атласов лекала
разбросаны и мы исчезнем там

где карандаш с обгрызанным концом
скамейкой пахнет кислой под дождём
подмалевав пространство мировое
оно в конце хорошее такое
ну что стоишь пошли уже идём

убежишь за молоком с бидоном
купишь там же соевых сто грамм
голубям покрошишь от батона
хорошо наверно голубям

вечный пост невольный
метронома

Настя Запоева родилась в городе Абакан в 1976 году, училась в Томском государственном университете, с 1998 года живёт в США. Публиковалась в журналах «Крещатик», «Волга», «Артикль», TextOnly и др. Автор книг «Почти красиво» (2016) и «Холод согреет» (2018).

мерная цыганщина внутри
мне её припадочность знакома
то замрёт то бесится замри

юбками цветастыми не шаркай
по полам некрашеным Кармен
гонит нас с надкушенной булкой
через площадь этот метроном

и пустой размахивая тарой
ты бежишь по площади домой
пусть мутит с цыганщины усталой
не мгновенью говорят постой

но простой привычке умиранья
шелест гулкий голубиных крыл
на углу толстого и восстанья
нас с тобою кажется хранил

а когда оно замрёт-воскреснет
не мгновенье даже так фигня
станет сердцу холодно и тесно
и легко должно быть без меня

дуй на воду в хате с краю
где калашный ряд
ах ты раю мой ты раю
или это ад

воды Леты кровь из пальца
вечности жерло
сны приличные не снятся
в общем повезло

просыпаешься не страшно
значит жизнь прошла
палец в небе ряд калашный
общая судьба

сгинуть в пропасти забвенья
с мукой на лице
прикрывая знаки тленья
не рыдай мене

кто не ищет не обрящет
большого добра
выбирай чего поменьше
умирай с хвоста

я другой такой не знаю
вертится земля

дуй на воду в хате с краю
здесь назад нельзя

придержи коней у края
спрячься под кровать
ах ты раю мой ты раю
где тебя искать

снова лыжи до зимы
рассыхаются
просветы
голубиных крыл нежны
и мучнисты скоро лето

за сараем тупичок
дядька солью посыпает
жмёт к весне воротничок
и к шести уже светает

скоро лето потерпи
сладкий дым пустого парка
утренние фонари
обернёт зане подарки

здесь как правило редки
о винил иголка трётся
если можешь потерпи
там где тонко там и рвётся

трепет крыльев за окном
отопленья воркованье
и любой по сути дом
это лишь воспоминанье

и продлёнка дотемна
голубиных крыл просветы
снегопада тишина
скоро лето скоро лето

синтаксис полураспада
в жмене сдача на метро
так и скачешь от и до
и кому сказать не надо

непонятно

наше дело
надышаться до зимы
воды Леты кровь из мела
убегающей строки

всё здесь кажется уступкой
непонятному тому
кто хранит твой грифель хрупкий
про последнюю строку

ах чего же ты хотела
кровь бегущая строки
ты давно похолодела
и кому сказать прости

может быть кому не надо
не хотелось говорить
мы боялись не распада
нам хотелось тихо жить

но за всё придёт расплата
удушающим родством
хоть строка не виновата
в беге призрачном своём

между выражением глубоких
сожалений юмор и погода
нижних этажей не предлагать
в полинявшем небе самолёт
словно вещь забыли из комода
тальком пересыпать и убрать

это нам не больно и не страшно
для кого-то лётная погода
неба полинявшего пунктир
поменяешь воду черепашке
скормишь ей салат из бутерброда
и глядишь на небе проступил

нолик серой меткою на ткани
полинявшей за ночь небосвода
вот уже расходится пробел
между выражением сожалений
юмор и нелётная погода
значит самолёт улетел

черепашке тоже очень грустно
лист капустный крохи бутерброда
как умеем в форточку глядим
там давно накурено и пусто
кран подъёмный башня хлебзавода
городок под небом голубым

Софья СУРКОВА

ОПИСЬ ПЛЕСЕНИ

Рассказ

Анна ценит дисциплину. Дни Анна проводит одинаково: час после пробуждения читает, пьёт воду, полирует мебель и садится работать. Первые полчаса Анна соскальзывает со стула, потом привыкает. Анна решила посвятить свою жизнь написанию большого труда о видах высших аэробных плесневых грибов. Анна дотошна, хотя по образованию и не биологиня. Она окончила четыре первых курса в разных вузах: поступала на геофак, на философский, на факультет минералогии и последний раз на физико-математический (там не проучилась и трёх недель, потому что ей пришлось купить очки).

Анна изучила имеющиеся в её родном городе виды: вырастила на булке черную хлебную плесень, выпросила у знакомой фармацевтки образцы пальчатого и золотистого пеницилла и соскребла всё, чем была покрыта её комната. На этом решила не останавливаться и отправилась в Хосту. В приморских городах влажность выше, а растительность обильнее и многообразнее, что, наверняка, способствует большим плесневым движениям, – объяснила она себе.

Анина мать всячески ей потакала и давала заниматься чем вздумается, не взвешивая на неё за неоконченные высшие образования. Узнав, что дочь пишет исследовательскую работу о видах плесневых грибов, она выделила ей нужную сумму, чтобы Анна могла заниматься делом, не отвлекаясь на подработки. Она помнила свои молодые годы, омрачённые саженцами и подносами.

Прибыв в Хосту, Анна сняла у щуплой старушки весь верхний этаж дома. Дом располагался совсем близко к морю: в нескольких метрах от входной двери – парапет, и сразу за ним спуск на пляж. Анна поначалу сокрушалась, что пляж не песчаный, а покрыт мелкими камнями – заходить в море было больновато, – у Анны чувствительные ступни. Но позже, обнаружив на камнях непонятный налёт, она даже обрадовалась, сочтя его потенциальным для изучения.

Море крепко вошло в Анин распорядок дня. Теперь по пробуждении она первым делом шла купаться, каждый раз доплывала до разбитого водой волнореза, кусками погружённого под воду, а частями выступающего над водой где-то на метр, так что на него можно забраться. На нём толпились мальчишки, гремящие, как кухонная утварь. Копашащиеся дети раздражали Анну, хотя она слишком любила нырять, поэтому терпела их, но начинала громко сопеть, когда ребята, толкая друг друга, задевали по случайности и её.

После купания Анна завтракала и отправлялась на поиски – она бродила вдоль побережья, ближе к вечеру заворачивая в глубь города. Эти вылазки в своём дневнике она игриво называла «грибной охотой». На самом деле грибы заворачивали её с детства (не плесень, конечно, а обычные лесные), в них закупоривалась влага и прохлада почвы, а под шляпками клубился мрак сказочных времён.

Софья Суркова родилась в 1999 году в Московской области, с 2017 года – студентка Литературного института. Публиковалась в журналах «Флаги», «Ф-письмо», TextOnly, «Литература», «Парадигма», в арт-дайджесте Soloneba, на «Полутонах». Шорт-лист молодёжной поэтической премии «Цикада» (2021). Живёт в Москве.

Несмотря на то что у Анны имелся пристойный ноутбук, она упорно записывала всё от руки в тетрадь. Почерк у неё неровный и скачущий, со временем записи становятся всё более непонятными. Ниже приведены расшифровки её исследований, которые удалось восстановить. Стоит заметить, что хоть Анна не сведуща в биологии, это нисколько ей не мешает, даже наоборот – её работа полна изысканий, которых в обычных научных трудах не найти.

Aspergillus candidus

Белоснежный аспергилл диаметром достиг шести суток, с одной стороны – зернистый, с другой – шерстистый, споры обильные, а некоторые даже двухъярусные. На первый взгляд он кажется абсолютно несовершенным, но и я не дура – приложила троекратно луту и вот что разглядела: погнутые полости игольных ушек, в них крохотные неоперившиеся совыта, которых можно на первый взгляд спутать с ангелами. Выделяется из почвы при помощи растительных субстратов, но! без дрожжевого помысла (если только замыслишь о дрожжах, ножки аспергилла вздуются, как фаланги пальцев, и улепечут вглубь).

Aspergillus flavipes

Желтоножковый аспергилл покрывает сам себя лопатчатыми формулами, с виду очень изыщен, т.к. несмотря на однорукость, он сохраняет свой грушевый вид. Представляет особую опасность для киви (и фруктов, и птиц). Чтобы произрасти в Уругвае, ему требуется солодовый экстракт, в приморской области аспергилла и так избыток. Мой образец достиг диаметром четырнадцати суток. Для большего интереса я провела с ним ряд незатейливых экспериментов:

1. Если ровно в полдень (по уругвайскому времени), вынести аспергилл на солнце, он достигнет своей совершенной стадии – произрастёт сам в себе сначала в лишай, а на следующий момент в раскидистый папоротник, его пигмент набухнет и покинет свою желтоватость, станет мохисто-зелёным. Но учтите: стоит его передержать на солнечном свете хоть с минуту, он обретёт мерзкий коричневый цвет и выйдет из своей совершенной стадии.

2. Эксперимент с раствором соды и молотого чёрного перца ни к чему не привёл. Можете даже не пытаться.

3. Я опять слишком сильно отполировала сидущку стула, соскользнула, больно ударилась копчиком, расстроилась и больше этот аспергилл не трогала.

Aspergillus nidulans

Гнездовой аспергилл оказался патогеном и вызвал у меня иммунодефицит, будьте аккуратнее. При близком рассмотрении его колоний я обнаружила там огромные лёгкие, наполненные болотными каплями, ближе к ночи болотца начинают смещаться к лёгочному центру и сливаются в целый водоём, я даже арендовала на день микроскопную мастерскую, чтобы разглядеть его флору и фауну. Растительность скудна и немногочисленна: по каёмке легкие покрыты зарослями брусники, если лопнуть ягоду, то её сок затейливо потечёт по капиллярам, придавая ландшафту болезненный вид. У болот обитают птицы с длинными ногами: цапли, журавли, фламинго, пару раз мелькал страус, но он так быстро перемещался, что я его плохо разглядела, я бы вообще его не заметила, если бы не громоздкость, с какой он топал.

Aspergillus fumigatus

Дымящий аспергилл достался мне с огромным трудом: его можно соскрести только с левого рога парнокопытного скота, чей желудок полон пшеницы. Споры – белые и бархатистые – никакого

интереса не представляют, в отличие от выделяемого ими фиолетового сока. Он по составу идентичен морской воде, в нём морские коньки строят длинные изгороди из микроскопических ракушек.

[Приписка на стикере: я собрала в колбу сто тридцать миллилитров сока и отвезла на экватор, в тропическом климате он быстро нашёл себе почву и вырос обычным грибом с рубцеватой шляпкой]

Aspergillus ochraceus

Охряный аспергилл обильно произрастает на створках мидий, за ними пришлось нырять, и заложить уши, так что если он что и говорил, то я не расслышала. Споры мелкошероховатые и шаровидные, мне удалось наблюдать трансформацию его колоний в полый рукав – это значит, что аспергилл достиг половой стадии развития. Рукав я надрезала скальпелем и вложила в него кусок слипшегося сахара, тот был сразу поглощён, а полость начала сворачиваться и разворачиваться с экстатическим размахом. Сделанный мной разрез вспузырился и зарос.

Aspergillus terreus

Земляной аспергилл я собрала с недавно вырезанной буковой трубки для курения. В его спорах растут соцветия хризантем, маскирующихся под астры. Заросли очень густые, будто прячут что. Я догадалась аккуратно подцепить и раздвинуть листики: эта поросль скрывала пятерых двухголовых, по очереди сношающих быков. Если не побрезговать и выжать их потную шёрстку, можно получить отличное средство от комариных укусов. Я решила попробовать скрестить этот аспергилл с гнездовым: болотце при взаимодействии с быками породило гнутостветистую яблоню, которая переживала годовой цикл за две минуты (стремительно цвела, плодоносила, сбрасывала листья, дрожала на ветру и возвращалась обратно к почкам). Яблоки так быстро опали и гнили, что я не никак не успевала их собрать.

Первый месяц Анна много работала и внесла в свой перечень шесть новых видов плесени. Но последнее время она стала странно себя чувствовать. Так и записывала в дневник: «я странно себя чувствую сегодня», с этой фразы начинается каждая заметка. Анна стала хуже спать: сон поверхностный, тревожный, из-за чего она позже встаёт и потом весь день глаза слипаются, её часто мутит. Анна не забросила свой ритуал утренних заплывов, но теперь уже не забирается на волнорез: мальчишки, кажется, замыслили плохое против неё, они норовят пихнуть Анну посильнее, чтобы та упала. Анна уверена, она поскользнётся и не удержит равновесие, прямиком разобьёт себе голову и обломает кости. Более всего она переживала за позвоночник.

От покойной бабушки ей достался тонометр, она всегда его с собой возит на всякий случай, но с недавнего времени начала измерять давление по несколько раз за день. Несмотря на неважное самочувствие, Анна продолжала работать и собирать материал. Она понимала, что её исследование имеет колоссальную важность, хотя вряд ли современные, научного закала (так Анна их называет) учёные оценят её труд по достоинству, ведь сухие условности, которые предлагает нам действительность, её не интересуют, она всегда заходит дальше. От того Анины труды могут столкнуться с обвинениями в недостоверности (особенно последние записи).

Эвкалиптовый мёд

Очевидно имеет плесневую структуру, может, в конечном своём изложении и не являет образцовую плесень, но этимология мне до боли знакома. Его внутренний тягучий строй несёт гибель

блохам. А незрелый, он – самое страшное из несчастий. Вскрыв банку, я обнаружила засахаренную ледовитость, вот она под увеличительным стеклом: скрупулезно скрученный с колосьев ячмень (его покров на языке ощущается зернисто) и огромные пышные корни эвкалипта, они вздулись, как диванные подушки, рядом втиснутые на спинку. Эвкалиптовые корни дают медовой земле сок, в нём копошатся черви. На первый взгляд, их копошения случайны и беспорядочны, но если смотреть долго и не отрываясь, увидишь, как они образуют червивые поселения – махонькие деревеньки. Их быт налажен и держится на трёх коромыслах, четырёх вёдрах и колодце, всегда полном остуженной водой.

Извёстка

Когда у соседнего дома началась стройка, я и подумать не могла, что это обернётся для меня такой удачей. Вот моя плесневая находка – известковая паста отбеленная, комовая. Уйму мешков с ней работницы приволокли к изгороди, ну я и подукрала малость. Чутьё меня не подвело: как только я глянула на известь сквозь лупу, стало очевидно, что передо мной новый, ранее никем не замечаемый сорт плесени. Я разлепила комья извёстки и обнародовала её нутро, заполненное соковыми головами, отгрызенными, не отрубленными. Усы сомов были связаны между собой, образуя на первый взгляд лишь нелепую скожканную окружность. Но вы, будьте добры, присмотритесь, и станет ясно, что рыбы головы соединены в ленту Мёбиуса. На такую выходку горные породы не способны, только плесень!

Ржавчина

Мной было принято бодрое решение повнимательней осмотреть и собственное жилище. Надеясь отыскать плесневые мотивы там, где их остальные не подмечали, оправдались. Перед тем как изучать её самостоятельно, я попыталась выяснить, что успели сделать предыдущие исследователи. Купила учебник Щавелевой Натальи Витальевны «Ржавление», но там одни нелепости про металл и кислород, она не видит внутренней (то есть настоящей) формы вещей. Опять всё делать самой! Я срезала с карниза ржавую корку и расчихалась. Характеристика первая – ржавая плесень раздражает слизистую и способствует чиханию (да такому, что смотреть на солнце не помогает!); характеристика вторая – на атомарном уровне каждый фрактал ржавчины устроен по-разному, на их доскональное изучение уйдут столетия (когда я наберу себя учениц, одну обязательно выучу для этих целей). В первом ржавом атоме бесконечная обезьяна бесконечным количеством рук перебирает детские деревянные кубики, с выжженными на них буквами, составляет слова. Во втором ржавом атоме бобры разбирают плотину. В третьем ржавом атоме лежит покинута горстка минералов. Остальные атомы я оставила без внимания.

Чешуя

Удивительно то, что я варю рыбный суп раз в неделю с того момента, как приехала в Хосту (для чего покупаю на рынке свежий минтай), но до сегодняшнего дня я не замечала ничего необычного в чешуе, которую счищаю с рыбы перед готовкой. Наружный покров роговых пластинок скрывает в себе спорадическое начало. Отогнув пластинку, обнаружила: бархатный абажур от торшера, укачанный плешивой бахромой (такие были на Бейкер-стрит, 221-б), лампочка не горит, но около всё равно бьются мотыльки, и грузные мужички в бежевых жилетках с огромным количеством карманов ходят кругами и пьют символ веры, двое посередке несут великий ящик – ящик позванивает. Я изучала плесень-чешую всю ночь и решила пойти купаться сразу, как рассветло, чтобы на пляже никого не было. Я почти заплыла за буйки, когда по моей ноге что-то скользнуло; взглянув в толщу воды, разглядела стайку маленьких рыбок. Я поняла; раз никто не предполагал, что чешуя на рыбах на самом деле лишь особый вид плесени, то никто и не догадывался посмотреть, как они взаимодей-

ствуют с водой. Но я-то вижу, как споры отделяются, растворяясь вокруг, заставляют воду мутнеть. Мой взгляд скользнул по поверхности воды, и я заметила, как она испаряется, впитывается в воздушное пространство. Вдохнула поглубже и ощутила в глотке знакомый замшелый налёт. Мне стало дурно. Я быстро вернулась домой. Записывая это, я дышу через марлю (хотя и не уверена, что её материал не являет плесень). Повсюду разросшиеся грибки. Это невыносимо.

Дописав, Анна выскочила из дома. Она торопилась к торговке рыбой, рассказать ей об опасности, скрытой в рыбьей чешуе. Она бежала вдоль берега, считая волнорезы. После каждого пятого волнореза становилось причудливо, и Анна ненадолго замирала. Первой, что её остановило, была громадная шикарная люстра, её прибило из глубины моря: лампочки, обвитые водорослями, продолжали гореть и подсвечивали песок, делая его зеленоватым. Не успела Анна взглянуться, как набежала волна, люстра забарахталась на её гребешке и ушла под воду. Анна потрясла головой: может, это рыбы пытаются усыпить её бдительность, чтобы она забыла про их чешую-тую плесень? Анна поспешила дальше. Но ровно через пять волнорезов её отвлекло солнце. Она прищурилась и смотрела, смотрела, пока в её голове крутилось странное осознание, что Авраам смотрел когда-то на то же солнце, что и она сейчас. Бог Авраама сотворил это солнце. Эта простая мысль была очень светлой и ненадолго принесла облегчение. Если бы Анна не отогнала её, возможно, она не побежала бы дальше к торговке, но Анна опять потрясла головой.

Чтобы попасть на рынок, после шестнадцатого волнореза нужно свернуть направо, в глубь города. В третий раз Анну остановила фееричное зрелище: две молодые девицы выгуливали свинью (Анна имела склонность объяснять разные замеченные ей нелепости, выстраивая гипотетическую предысторию: она подумала о том, что, возможно, бедных девушек когда-то надул хитрый продавец минипигов, подсунув вместо декоративной комнатной свинки обычного борова, и вот, время спустя, им приходится возиться с огромной животной – не выкидывать же её на улицу). Анна улыбнулась своим мыслям. Произошедшие на её пути странности заставили Анну сменить бег на быстрый шаг. Так она дошла до рынка и нашла ту самую торговку, у которой покупала всегда филе минтая. Анна долго объясняла ей свои догадки, сильно размахивая руками и повышая периодически тон: «Я занимаюсь изучением плесневых грибов уже изрядный срок <...> как же Вы не понимаете! это представляет большую опасность <...> результаты моих исследований не подлежат опровержению! Грузные мужички с великим ящиком не могли быть обнаружены где-то ещё! Только плесень функционирует таким образом!» Торговка поначалу усмехалась и отмахивалась, но потом обеспокоено замолчала, слушая Анну. Она заверила её, что поговорит с рыбаками, изложит им Анину теорию, после проводила Анну домой и уложила спать. Торговку съедала грусть: как будто всё, что дано этой взбалмошной девушке, это краткосрочная радость триумфа, которая приходит только после проделанной работы. Выходя из дома, торговка думала: «Главное, чтобы Анна никогда не догадалась, что она на самом деле ничего не знает о плесени».

Данила НОЗДРЯКОВ

голубой протуберанец (...и в бутове будет бунт)

I.

легкая ветка метро
бутовская разведёнка с прицепом
нормальная кривая гаусса
нормальная
очень

я вижу все их мысли
стоя на открытом балконе
они светятся в ночи
текут по желобу лавой
серые дома мыслей
однотипные серии
все они разные
как ногти на одной руке

замучен тяжёлой неволей
засыпая
не проспи станцию
наступает административная ответственность
за нахождение в поезде
следующим в тупик

можешь следовать только в тупик
своей жизни
и штраф не придётся платить
из заработанных денег
брошенка

я видел свой затылок
он следует в тупик
и читал свои мысли

Данила Ноздряков родился в 1986 году в Ульяновске. Живёт в Москве. Окончил Ульяновский государственный университет, историк. Преподавал историю и философию в университете, сейчас работает журналистом. Участник литературных фестивалей в Чебоксарах («Голос-А»), Тольятти, Саратове («Центр весны»). Дипломант международного Волошинского конкурса (2019). Публиковался в журналах «Зеркало», «Воздух», «Транслит», «Опустошитель», «Симбирск», «Литerrатура», TextOnly, Textura, «Кольцо А», «Формаслов» и др. Автор поэтической книги «Поволжская детская республика» (М.: Воймега, 2020).

нарушителя
в этом светлом вагоне

люди поставлены в условия
которые не они сами выбирали
открытие объективных условий существования в обществе
является

главным достижением марксизма
короче говоря
когда начинаешь играть в майнкрафт
есть только один режим хардкора
и больше не на что поменять
птицам
на лёгкой ветке метро

2.

я принял твёрдое решение
как бордюрный камень как бордюрный камень
найти волшебную лампу
в черневском пруду черневском пруду
достать очередного утопленника
в запрещённом для купания месте

моё желание
как пятничный вечер как пятничный вечер
гулять по винновской роще
в жаркий зимний день спуститься до пляжа
мимо заброшенного рыбзавода
вернуться с *артюшкино*
зайти с женой к маме
фаршированные перцы
детство детство
и посмотреть российский сериал
один бесконечный день
вечное повторение вечное повторение
мать учения

3.

как был замкадышем
так им и остался
ближе к кольцам всевластья подобрался
и свернулся в пупке катышком

защитный слой лотереи
отделяет от моментального счастья

от получения кольца всевластья
не томи, стирай поскорее

ещё один билет
призом поход в мордор
потереться об успех мордой
и снова жить в норе

айм эн элиен
ама литл элиен
поволжский мэн ин москоу

4.

на метро до работы
как на самолёте до родного города

двенадцатая
самая короткая
голубой протуберанец
волга бывает такой
только весной
летом она оттенков
люблинской и замоскворецкой
и такая же большая
а не эта кишка
шланг между двумя районами

сяду на лубянке
выйду на коммунарке
на электричке до бутова
пройду в парке

слышишь
стреляют
это учения на полигоне
за дачным посёлком
предупреждали вроде бы
что кровь запечётся в огромное чудище
и народная свобода не узнает себя в отражении
1793-й, николас натт-о-даг
нет не так
мы пойдём другим путём
собирать грибы к битцевскому душегубу
в юловский колдовской водоём

двенадцатая
апостольская
самая кроткая
схема создана
в студии артемия лебедева
жестяная отрада страждущих
прорубь в банке
пахнет санитайзером
держат равновесие в толпе
равнение на флаг
усиленного причинения удовольствия

5.

трясаясь в отцепленном вагоне
я слышал говорили
уважаемые пассажиры
поезд следует по следам
магистра рассеянных наук
мы не будем дважды повторять
мы не история
мы все перепутали для вас
живите как учил свистнувший на горе рак
любите как завещал вечный мрак
кусками жирного красного мяса земли
на тарелке маяка в тумане

мертвы все
никто не жил
а тот кто жил
тот притворялся
пока не начинался из тумана день
такой же ненастоящий как мрак
как жизни отцепленный вагон

6.

пижма в середине лета
в середине остафьевского шоссе
я бы пошёл дворами
чтобы спрятаться от жары
если бы здесь были дворы

в сухом остатке
ленин не жил в бутове
памятник у станции привирает

ленин просто гостил
я снимаю квартиру за тридцатку
и живу без прописки

карамзин в остафьеве жил
и тоже без прописки
приехал погостить и остался
его пытались выгнать
но он делал вкусный омлет на завтрак
по древнерусским рецептам
да только спорный момент
был ли карамзин уроженцем симбирска

перед отъездом
мне дали грамоту министерства культуры
разрешили снять маску с лица
и сказать небольшую речь
я вспомнил
всех забываемых симбирян
хлебникова
хармса
дмитриева
надежду мандельштам
гашека
нину кривошеину
и обещал всегда нести комочек поволжской земли
в кармане
нематериальном
все кто здесь родился и жил
навсегда остаются здесь
где бы ни были

я говорил
и видел
в зале дворянских собраний
дворца имени ленина
(сладкий музейный запах как в остафьеве)
свет ламп
огромной люстры
пижму
в середине лета

7.

мужчины и женщины
граждане рф и снг
все все все

у нас есть работа
для вас

работы так много
как виноградин в грозди винограда
сад с видом на днестр
даждь нам днесь
арбузы и дыни
томаты размером с кремль
и дом как у галкина с пугачёвой
всё было
и война была
и теперь здесь охранять покой двора
каморка 33 метра
зато не надо платить за аренду
дай закурить

встречный вагон
луч света в тёмном царстве
кажется едет рядом
а не навстречу
оптическая иллюзия

в горах тянь-шаня
мы их часто встречали
я не хотела уезжать оттуда
у меня была хорошая работа
иностранцы приезжали на завод
я английский знаю и ис
здесь от меня этого не надо
маникюр научилась делать
муж с другом взял машину в лизинг
возит-грузит
два выходных в месяц
долго искали квартиру
киргизам не сдают
и в садик сына не берут
зато копим на свой дом

семья из смоленска
снимет квартиру в вашем районе
умоляем помочь

всегда и для всех
из метро тепло
человеческих тел
рядом
навстречу

8.

и в бутове будет бунт
ласковый как знаменский пруд
пойдут круги по дороге
по волхову и по волге
теплый ульяновский ветер
ответит листьям керемети
в скрипинских кучурах

былые времена будущего
победа человека бунтующего
стрелки часов растают мёдом
нет больше работы
и незачем вести счёт
кто больше произведёт
прибавочной стоимости без выбора

мы не зря заслушивались квинами
друзья будут друзьями
ловит сладкий снег
единый человек
целостный и многомерный
яйцеклетка и сперма
в пробирке природы

человеческой эволюции утро
царства маленьких детей роды
мир транслюдей и киборгов

Тамерлан ГАДЖИЕВ

ФУТБОЛЬНЫЙ МАТЧ

Рассказ

– Братишка, что ты ругаешься на самокаты? Прогресс не остановить! Ты слишком консервативен.

– Слышу от человека, который подделывает тест на COVID, чтобы показать сыну макеты пленных армян!

– При чем здесь консерватизм? Я радуюсь победе. Это обычный патриотизм. Тебе бы тоже не помешало. Может съездишь, посмотришь?

– Нет, спасибо. Стараюсь воздерживаться от фашизма.

Они сидели в ресторане «Таксим». На входе стояла длинноногая хостес в короткой юбке и зазывала посетителей улыбкой белоснежных зубов и накачанных губ. Из-за барной стойки повара и бармены орали на топтавшихся между столами официантов. Ильяс и Рустам ковырялись вилками в искандер-кебабе и обсуждали закончившуюся накануне войну. Из динамиков грохотала турецкая попса, и молодым людям постоянно приходилось срываться на крик. Каждая реплика привлекала раздраженные и осуждающие взгляды соседних столиков. Едва закончив есть, Рустам попросил кальян.

– Ты не за рулем? Может, раки попросим? Будешь?

Ильяс ответил что-то невнятное. Потом, проглотив огромный кусок мяса, который ему никак не удавалось разжевать, сказал:

– Ты прекрасно знаешь, что я без машины.

– Мало ли, думал на каршере. Ну так че, выпьем? Давай по одной хотя бы, а дальше – как пойдет. Официант, раки!

Ильяс и Рустам знакомы с детства. Их отцы подружились еще в двухтысячных, с тех пор как однажды их машины не смогли разъехаться среди панельных многоэтажек в Кузьминках, где они тогда жили. Оказалось, что Рустам с Ильясом ходили в одну и ту же школу, Рустам на три класса старше. Отец Ильяса, который часто упрекал сына за малочисленность азербайджанских друзей, требовал проводить как можно больше времени с новым товарищем.

Рустам взял Ильяса под опеку. Каждый раз, проходя мимо него по школьному коридору, он спрашивал Ильяса о делах и «не обижает ли его кто». Однажды спросил, есть ли у него девушка, и стал при всех раздавать «мужские советы». Школьная команда КВН потом сочинила из этих советов миниатюру.

Сам Рустам в одиннадцатом классе встречался с Ирой – голубоглазой, длинноногой – вылитая Камерон Диаз из «Маски». Расстались они, потому что ее родители не хотели, чтобы дочка водилась с «черножопым». Ильяс узнал об этом спустя три года, а тогда Рустам говорил, что сам ее бросил. «Наскучила».

Тамерлан Гаджиев родился в 1995 году в Москве. Работает в РБК. Изучает зарубежную литературу в МГУ им. Ломоносова. Прозаик. Окончил сценарную мастерскую киностудии «Лендок» и литературную мастерскую Litband. Публиковался в журналах «Новый мир» и «Дискурс».

Поступив в университет, Рустам стал активистом молодежной организации, устраивавшей патриотические мероприятия за счет пожертвований предпринимателей азербайджанского происхождения. Он вписал туда Ильаса, который посетил только одно собрание. На нем обсуждали очередную годовщину Ходжалинской резни, а после выпили много водки.

– Ты – армянофил! – вдруг сказал Рустам. – Помнишь, когда тебе дали роль какого-то армянского поэта в школьном спектакле? Еле отговорил тебя на сцену выходить...

– Что-нибудь еще? – спросил официант, глядя только на Рустама.

– Ты что-то будешь? – спросил Рустам. Ильяс покачал головой. – Счет принеси, друг.

Когда война только началась, Рустам ходил на продовольственные рынки топтать армянские абрикосы. Тогда же он с друзьями нацепил на машину флаг и кружил по МКАД под громкую музыку. Видео разлетелось по Telegram-каналам. На следующий день в его дверь постучал участковый.

Удивительно, но он всегда выходил сухим из воды. Иногда он отделывался мелкими штрафами, но зачастую «давал на лапу».

– Они конкретно боятся национальных вопросов, – рассказывал Рустам. – Проверки документов, облавы на узбеков – это все одно. Когда реальный кипиш, они всегда заднюю дают.

– Рустам, я хочу, чтобы все жили дружно и мирно. Знаешь, я не из тех, кто готов умирать за родину. Но это чувство мне... понятно. Я не понимаю, как можно из-за клочка земли кого-то убить?

– То есть ты готов смириться с тем, что армяне живут на земле твоих предков? – спросил Рустам.

– Нет, я хочу, чтобы мы вместе жили на земле наших предков. Вот ты живешь в Москве, верно? Никто тебя не притесняет.

– Не притесняет? Рассказать историю? Совсем свежую! Сегодня у входа в метро меня остановила баба в полицейской форме. Лицо такое стержовное... мегера, самая настоящая. Спросила, есть ли документы. «Русский понимаешь?» – спрашивает. Я молча протягиваю паспорт. Она пролистнула на страницу с пропиской. «Где прописаны?» Я говорю адрес. Она возвращает паспорт. Я собираюсь уходить, и вдруг она: «Телефон пробьем по базе данных? Вдруг краденный». «Нет, – говорю, – не краденный». И ухожу. Чем не притеснение?

– Слушай, понимаю о чем ты, но... не все люди такие, – сказал Ильяс. – Просто человек некачественный попался...

– Что ни люди, то хуй на блюде.

– Поэтично, – сказал Ильяс и приподнял стакан.

– Вот поэтому я тебя позвал, – сказал Рустам и вдруг оживился. – Дело к тебе есть. Ты же у нас литературу любишь, так?

– Что такое? Стране нужен новый гимн?

– Нет. Стране нужны новые герои...

– ... а народ рождает дураков!

– Вот из-за таких шуток тебя хотят исключить из организации, – строго сказал Рустам. – Говорят, ты даже мемы какие-то делаешь!

И правда, вот уже два месяца Ильяс вел сатирический Telegram-канал «Ходжа Насреддин». Ильяс набрал около трехсот подписчиков, чем страшно гордился.

– И что с того? – спросил он.

– А то, что организация хочет выгнать тебя с позором. Они думают, тебе армянское лобби платит!

– Бред! Как им в голову вообще пришло!? И ты им веришь?

– Я слишком хорошо тебя знаю. Ты бы струсил брать деньги у армяшек, – сказал Рустам. – Но я предлагаю писать для нас.

– Что писать?

– Сценарии роликов на YouTube. Про героев войны.

– Типа переделывать подвиги в видосы?

– Да. Но есть нюанс: подвиги надо придумать.

– В смысле? А с реальными что не так?

– Мы пробовали писать сами. Говорили с ветеранами в госпитале. Большинство рассказывали, как им было страшно или о том, как их товарищи взрывались на минных полях. Один, помню, рассказывал о генерале, который отчитывал офицеров за слишком бережное отношение к солдатам. Но в организации хотят более позитивной повестки...

– «Позитивной повестки»? Рустам, ты говоришь как сраный политик!

– Слушай, война только закончилась. Мы победили. Зачем людей расстраивать? Мы вернули наши исторические земли. Пусть радуются. Вот твой шанс прославиться! Напиши пару классных роликов, добавь их в CV. Из организации тебя не выгонят. Быть может наоборот даже поощрят. Дадут характеристику. Иди потом пиши, что хочешь! Организация своих не бросает... И вообще, ты о семье подумал? Неужели твоему старику приятно, что ему ежедневно трезвонят и обзывают сына предателем?

– Ты за этим стоишь? – Ильяс схватился за край стола.

– Нет, не я. Но я знаю, кто. И если ты окажешь организации услугу, я попрошу этого человека прекратить. Меня он слушает.

Рустам глядел Ильясу прямо в лицо с улыбкой, которая как будто говорила: «Смотри, какой я хороший друг!» Официант принес счет и достал из-за пазухи кассовый аппарат. Ильяс потянулся было за картой, но Рустам его опередил. Официант положил чек на стол, и Ильяс разглядел сумму – 4 573.

– Я переведу, – сказал он.

– Ты чего? – Рустам притворился обиженным. – Угощаю!

Какое-то время они просидели молча. Ильяс думал о том, что пытается вместиť в себя оба этих мира, сам он никак не мог в эти миры втиснуться. Самое гадкое, что может совершить человек, – это предательство. И это как раз то, о чем его просит каждый встречный.

– Ты подумал над предложением? – спросил Рустам.

Ильяс вспомнил, как в пятом классе он записался в школьную команду по футболу. Завладев мячом, он часто брал игру на себя, одноклассникам постоянно приходилось просить у него пас. Они кричали:

– Ильяс, Ильяс, по левому флангу!

И вдруг парень из параллельного класса, перед тем как подать угловой, спросил:

– А ты че, нерусский, получается? Чурка типа?

– Да нет, Илюхой меня звать, – ответил он. И до сих пор считал тот день одним из самых паршивых в своей жизни.

– Подумал? – снова спросил Рустам.

Сергей ЗОЛОТАРЕВ

проходил недавно Райским садом
ангелы созревшие в садах
раздевали взглядом – буду гадом –
ни единого вопроса не задав

проводили вниз в каменоломни
и уже у входа: дядь, а дядь?
можешь ничего не соблюдать
только помни

ведь пока о чем-нибудь да помнишь
ты всему оказываешь помощь

окидывая взглядом ГВС
включая электрический на кухне
холодный свет и думаю прогресс
аукнется тому кто не аукнет

летающего куда-то воробья
и не узнает как комочек грязный
трапёзу отличает от тряпья
а шлицевую от крестообразной

обязательное деревце
на участке у ручья

Сергей Золотарёв родился (1973) и живет в г. Жуковский. Окончил Государственную академию управления им. С. Орджоникидзе. Автор книг стихов «Книга жалоб и предложений» (М., 2015) и «Линзы Шостаковича» (М., 2021). Публиковался в журналах «Арион», «Новый мир», «Новая Юность», «Дружба народов», «Интерпоэзия», «Урал» и др. Лауреат премии журнала «Новый мир» (2015). Предыдущая публикация в «Волге» – 2019, № 7-8.

если мир на что и делится
то случается ничья

если что и удаляется
удивляется болит
то совсем не обязательно
через клавишу delete

по утрам меня часто пошатывает
точно вслух меня что-то нашептывает
или мною моргает общественное
или собственное

подсветив аритмией мерцающей
путь к колодцу я вижу колодезный
спектр преломлен водой отмокающей
от себя одиозной холодной

тут вода – интервалы и паузы
между каплями бедным гербарием
меж пластами земными заложенная
и отпаренная
отутюженная
ставшая парусом
родниковому ветру послушная
тут вода – интервалы и паузы
меж хорошим и лучшим

только я промежуток меж действием
и бездействием – крыло стрекозиное
что растратив себя на взбивание
растворится в земле как озимые

в человеке все должно быть напрасным
что и делает человека прекрасным

коли жизнь бессмысленна беспощадна
то и ладно

а число стремящееся к бесконечности
все одно приходит к нулю
за отсутствие человечности
я его и люблю

зерно из которого варятся стекла
набухло намокло

чуть выждать и сделается рассада
прозрачной для взгляда

пространство оконное заколосится
и выступят лица

Земля местами так щедра
как если нет внутри ядра
ни средоточия ни центра
и лишь коры земная цедра
соскабливается с утра

как будто можно и без сердца
дарить добро из серебра
или всю линию добра
оценивать в один сестерций

как будто можно без души
заботиться о братьях меньших
когда их райдер неизменчив
в своих запросах небольших

или погибнуть ни за грош
за просто так ни за понюшку
как будто можно простодушно
не думая что не умрешь

РАССКАЗЫ

На ободах

Я – водитель старой облупленной маршрутки ГАЗ-2217 «Соболь». Мой транспорт похож на таз с отбитой эмалью. Я отлично помню волшебный звук, который издает такой таз, падая на кафель общественной бани, – он долго и пронзительно дребезжит, попрыгивая на полу.

Дно моей маршрутки местами проедено коррозией. Так что во время движения здесь можно наблюдать сквозь дыры серую ленту асфальта или рябь гравия. Для этого надо вытащить из дыр промасленные тряпки. Когда я переключаю передачи, корпус маршрутки вибрирует, движок угрожающе тарыхтит.

Выдвижная дверь закрывается сильным ударом. Но не до конца. Поэтому во время движения дверь мелко-мелко постукивает.

В Москве уже почти не осталось таких облезлых, пропахших бензином и выхлопом пузатых реликтов. Но если вы минуете МКАД и притормозите около какого-нибудь крупного торгового центра или так называемого «транспортного узла», то увидите ...Вот они стоят с большими черными номерами маршрутов на боковых и лобовых стеклах, с обязательным иконным триптихом на панели управления или чётками, свисающими с солнцезащитного козырька. Давно я катаюсь на своей маршрутке. Пейзаж за окнами прекрасен в своей унылости: бетонные заборы, полупромышленные здания, высоковольтные вышки, толстые, похожие на гигантские шахматные ладьи трубы ТЭЦ, объекты «Мойка» и «Гранитные памятники».

Баллоны на двух моих колесах пробиты. Поэтому я еду на ободах. Медленно, но кое-как еду. Пассажиры заходят и выходят.

«Около поворотики, будьте любезны», – говорят одни.

«Шеф! Ну я же просил за остановкой!» – орут другие.

«Недавно вошедшие за проезд передаем», – говорю я.

Пытаюсь сделать свой голос грозным, но плохо получается.

Чем дольше пассажир находится в салоне, тем труднее с ним расставаться. Есть в салоне некоторое количество лиц, с которыми я еду очень, очень, очень давно. Я надеюсь, что выйду из маршрутки раньше них. А есть такие, которые выходят, не успев зайти. Спрашивается, зачем садились? Бывает, что я кого-то сам не беру, несмотря на их взмахи руками. Ну их! Подозрительные какие-то.

Владимир Гуга родился в 1972 году в Москве. Закончил музыкальное училище им. С.С. Прокофьева и Литературный институт им. А.М. Горького. Сменил несколько десятков профессий и мест работы. В данный момент pr/event-менеджер Чеховского культурного центра московской Библиотеки им. А.П. Чехова. Автор книг «Фаина Раневская. Великая и непредсказуемая» (2016), сборника рассказов «Мама нас точно убьет» (2019). Публикации в изданиях: «Огонёк», «Урал», «Дружба народов», «Журнал Бориса Стругацкого "Полдень XXI век"», «Литературная Россия», «Литературная газета», «Топос», «Литература», «Формаслов» и др.

Иногда на встречной полосе возникает такая же раздолбанная маршрутка с пассажирами. Тогда я кошусь на водителя. Обычно это потёртый жизнью мужик. Чаще всего нерусский. Усы, кепка, жилет с карманами. Раз – и исчез! Он едет назад, а я – вперед. А может быть, он – вперёд, а я – назад. У каждого – своё понимание направления движения, потому что никакого «впереди» и «позади» нету. Есть только сейчас и здесь, которое есть всегда и везде. К сожалению, или к счастью, это невозможно осознать.

Ответ Андрею Чемоданову на его реплику «Я не понимаю, как пишут прозу!»

Дяде седому так просто
Девчонки уже не дают:
Тёти пикантного возраста
ждут его, ждут его, ждут...

А что же тогда делать дедушке?

Блядь! Вопрос сам по себе настолько кошмарен, что непонятно, как продолжить стихотворение. Лучше бы я его не начинал. Любое продолжение будет выглядеть фальшиво и натянуто. А написать что-то очень хочется. Тема-то архиважная. Я, вот, в четырнадцать лет пять раз посмотрел фильм «Новые амазонки». Меня одного из всего класса пускали на этот фильм, потому что в четырнадцать я выглядел на семнадцать. Помню, перед началом второго просмотра ко мне начали приставать две взрослые тёти. Ну как приставать? Просто они сидели рядом со мной и задавали всякие вопросы, типа, а почему ты один пришёл в кино, мальчик? А знают ли твои родители, на какие фильмы ты ходишь? А есть ли у тебя девушка? Задавая вопросы, они хихикали.

Когда в зале стало смеркаться, женщины отсыпали мне пригоршню сосательных конфет «Театральная». Начался фильм. Я сосал конфеты, нюхал ароматы тёт и ждал, когда на экране появятся сиси. Вообще, этот фильм хорош и без сись. Это такая очень печальная история любви. Хотя, и хэппи-энд в нём имеется, и вроде, комедия, но всё-таки грустный фильм, грустный. Один только эпиграф к нему чего стоит: «Завтра – это сегодня, только завтра». Слова некоего Славомира Мрожека. От этого эпиграфа у меня до сих пор что-то там по спине бежит. Но особенно грустным его делает музыка композитора Хенрика Кузняка.

Вернувшись домой после второго просмотра «Новых амазонок», я зачем-то рассказал бабушке про беседу с незнакомыми тётями.

«Старые суки», – вынесла свой вердикт бабуля, выслушав меня.

Но почему я вдруг вспомнил этот случай? А хрен его знает. Наверное, чтобы отвлечь от неудачно начатого неудачного стихотворения. Оно никогда не будет дописано.

Поэт Чемоданов однажды изрек, что процесс создания стихов должен напоминать вытягивание из заднего прохода гирилянды хорошо смазанных анальных шариков. Лучше не скажешь! Как видите, это сравнение в отношении прозы тоже уместно.

Единая Россия

Одному моему знакомому несказанно повезло. Мало того, что его пригласили на Форум молодых писателей в пансионат «Липки», так его еще заселили в двухместный номер с красивой молодой писательницей... Якобы. Во всяком случае, он рассказывал об этом инциденте без тени сомнения и смущения. «Просто мест не осталось, – объяснял он. – Ошиблись в расчетах».

Мне тоже в Липках повезло: я увидел там уникальное природное явление. Случилось это в продуктовом магазинчике, расположенном неподалеку от лучей-корпусов здания «Липок».

В этой маленькой лавочке продавали всё подряд: крупы, конфеты, консервы, лимонад, сигареты, колбасу. Ну и алкоголь, конечно. В общем, целый супермаркет уместился в этом классическом сельпо. Распоряжалась в лавочке боевитая продавщица – невысокая, коренастая, языкастая. В тот день около прилавка топталась очередь мужиков. Покупатели в основном молчали. Или чуть слышно переговаривались.

Очередь медленно, словно голодный питон, ползла к своей добыче. Мне показалось, что я оказался в очень необычной компании. Хотя, вроде, очередь как очередь: стандартные, простые мужики пригородного типа в кепках, приталенных куртках, спортивных штанах. Присмотрелся к коллегам и с удивлением обнаружил, что многие мужики, стоящие за водкой – молодые писатели с Форума. «Ничего себе, – опешил я, – вместо того, чтобы слушать лекции Радзинского, Аксёнова, Ямбурга и Маканина, они оказываются... Вот те на...»

Но сильнее всего меня поразило, что между мужиками, съехавшимися в «Липки» со всей страны, занимающей половину глобуса, простирающейся от рассвета до заката, не наблюдалось никаких различий. Казалось, что все они приковыляли из ближайших покосившихся домиков. Казалось, что все мы проживаем здесь, на звенигородской земле.

Тут ко мне подошел полужнакомый молодой писатель и сказал:

– Вова, можно я с тобой встану? А то очередь длинная...

– Валяй, – ответил я.

Он пристроился передо мной. Никто из стояльцев не возмутился.

– Видишь, – тихо сказал я, – перед нами вся Россия выстроилась. Тут тебе и Ангарск, и Сахалин, и Петрозаводск, и Питер, и Екатеринбург, и Ижевск, и Оренбург. Короче вся Российская Федерация в одной лавочке.

– Единая Россия, – подтвердил мое умозаключение полужнакомый полумолодой писатель.

– Россия едина – она непобедима! – вдруг отозвался стоящий за нами поэт.

Мы взяли по бутылке водки, какой-то нехитрой закуски и двинули обратно к зданию пансионата, напоминающему своей архитектурой веселую детскую вертушку на палочке.

Инициация

Я познал женщину в тридцать пять лет. Случилось это так. Возвращаясь из магазина со здоровенными сумками, я встретил около лифта полную незнакомку средних лет с двумя детьми и целой горой клетчатых баулов. Каждый баул был перетянут матовым скотчем. Я, разумеется, помог женщине загрузить тяжелые туки в кабину лифта. Они заняли фактически всё пространство от пола до потолка. Для пассажиров оставался крохотный пятачок свободного пространства у самых дверей.

Женщина подняла руку, чтобы нажать на нужную кнопку, но в последний момент остановила палец:

– А вы почему не заходите?

– Потому что мы обязательно застрянем, – ответил я. – Лифт перегружен.

– Да бросьте вы! – решительно возразила незнакомка, – Заходите, пожалуйста своё время!

– Да, не... – промямлил я. – Лучше уж подожду. В правилах эксплуатации написано – не более четырёхсот килограмм. А во мне – около девяноста. Плюс сумки десять кило, не меньше. Итого сто. И ваш груз неизвестно сколько весит.

– Уж очень вы нерешительный, – кокетливо заметила незнакомка. – Ничего не случится, не бойтесь.

Затем она схватила меня за руку и втянула в лифт. Дети отправились на нужный этаж пешком.

Между четвёртым и пятым этажами лифт, издав какой-то мученический стон, остановился. В кабине погас свет.

- Зачем вы сели в лифт? – отчаянно закричала женщина. – Вы же знали, что он застрянет!
- Ну, вы же настояли... – пролепетал я.
- Что значит настояла? – наступала дама. – У вас что, своей головы нет?

Я не знал, что ответить на этот вопрос и просто замолчал, понимая, что в моей жизни произошло важнейшее событие – я окончательно познал Женщину, то есть её истинные суть и сущность.

Минуты через три после остановки лифта к внешним дверям кабины подошли дети моей попутчицы – мальчик и девочка.

– Мама, – всхлипнула девочка, прижавшись глазом к междверному просвету. – А что нам теперь делать?

Женщина достала из кармана большую связку ключей и, протянув её мне, заявила:

- Раздвиньте пошире щель и просуньте в неё ключи.
- Почему я?
- Потому что у вас сильные и длинные руки, и, вообще, вы – мужчина.
- Я не буду этого делать.

С лестницы донёсся зов моей престарелой бабули, которой я как раз нёс запасы продовольствия и всякие хозяйственные мелочи. Вздволенная долгим отсутствием внука (кроме магазина «Копейка» я еще заглянул в магазин «Кристалл»), она отправилась на его поиски.

- Вова, где ты?
- Я в лифте, бабушка, не волнуйся. Скоро приедут мастера и вытащат нас отсюда.
- А с кем ты там? – настороженно спросила бабушка.
- Не знаю, с какой-то женщиной.

«Какая-то женщина» усмехнулась:

- Бабушка... Надо же... Вы уже сам как дедушка. Вон, вся голова седая.
- Не ваше дело.
- Передайте, пожалуйста, моим детям ключи.

– Я не стану этого делать, – повторил я, – потому что ключи могут улететь в шахту, и тогда вы вообще домой не попадёте.

- Не улетят, не бойтесь! – наступала дама. – Чего вы такой осторожный?

Любой женщине известно о способности мужчины многократно наступать на одни и те же грабли, ну, а мне, к счастью, известно о том, что женщине это известно.

– Немедленно уберите ключи и не приставайте ко мне со своими нелепыми идеями, – рявкнул я. – Хватит. Возьмите себя в руки и ждите приезда специалистов.

Я повернулся к попутчице спиной и включил тетрис на своём телефоне.

- Вова! – снова раздался с лестницы голос моей бабушки. – Ты где?

В свои восемьдесят четыре бабуля быстро забывала то, что произошло несколько минут назад, зато хорошо помнила события довоенной давности.

Старая зелёная сумка

Прах бабушки я забирал в конторке около огромного кладбища на окраине Москвы.

– Без справки о захоронении мы прахи не выдаём, – сказала служащая, безликая тётка в синем халате. – У вас есть захоронение?

- У меня пока еще нет захоронения, то есть я еще не похоронен, – ответил я машинально.

Тётка бросила на меня ослепительный взгляд.

– Вы должны предъявить справку с печатью, что у вас есть место на кладбище для захоронения праха. Иначе мы вам ничего не отдадим.

И я поехал на другое гигантское кладбище за необходимой справкой. Кладбища эти располагаются в диаметрально противоположных окраинах мегаполиса, так что дорога у меня отняла

почти два часа. По пути я пытался понять смысл требования у меня справки с места захоронения. Если прах токсичен и его действительно требуется закапывать в землю на определенную глубину, то одной справки для контроля правильного захоронения явно недостаточно. Тут необходимы дополнительные меры, которые не позволили бы мне развеять прах на скалистом берегу бескрайнего океана или поставить урну в сервант рядом с кубком победителя всесоюзной юношеской спартакиады. А может быть, власти блюдут посконные традиции захоронений – только в землю, только на кладбище? Но в этом случае справка тоже не поможет. Нужны дополнительные меры контроля. Например, сопровождение вооруженного наблюдателя. А то откуда они узнают, что я сделаю с прахом после получения?

В администрации моего «родного» кладбища круглолицый, похожий на Колобка сотрудник заявил мне:

– Чтобы получить справку о наличии места для захоронения, вам необходимо заказать землекопа.

– Что значит заказать?

– Вы должны оплатить работу сотрудника, который выроет вам яму. Оплата в кассе, вон там.

– Зачем мне землекоп, если я сам в силах закопать урну? Лопатой, слава богу, я пользоваться умею.

Колобок страдальчески сморщился и заявил:

– Существуют правила.

– Внутренние?

Колобок стукнул ручкой по столу и уставился в окно.

– Молодой человек, вы хотите захоронить прах своей бабушки?

– Хочу. Но я не собираюсь заказывать землекопа. Я не хочу, чтобы мне кто-то вырыл яму.

«При желании, – подумал я, – у меня хватит сил закопать и тебя вместе с твоей конторой».

– Вам точно не нужен землекоп?

– Точно.

– Тогда распишитесь здесь.

Я поставил свою закорючку в какой-то огромной учетной книге.

– Хорошо. Но оплатить работу землекопа всё равно придётся. Без кассового чека оплаты его работы у нас справки для получения праха не выдаются. Да! И еще вы обязаны заказать металлический трафарет для временного обозначения могилы.

Временное обозначение могилы я тоже мог смастерить сам из палки и картонки, но дискутировать на эту тему с утомленным Колобком я уже не желал: меня вся эта кладбищенская канитель тоже порядком утомила.

Оплатив всё, что требовалось, я покинул администрацию. Около входа ко мне подошёл осунувшийся, взъерошенный тип неопределенного возраста и, щедро обдав перегаром, спросил:

– Могила не нужна?

– То есть? – опешил я

– Продаю родительскую могилу. Деньги очень нужны. Всё по чесноку. Документы в порядке.

То-сё... Переделаем, никто не докопается. Недорого.

Я молча отвернулся и пошёл к автобусной остановке.

На следующий день я вновь предстал перед Колобком. Теперь у меня в руках болталась зелёная хозяйственная сумка из плащевки. В сумке лежала урна с моей бабушкой.

– Здравствуйте. Я пришел, – сообщил я.

Служащие администрации подняли головы.

– И? – спросил Колобок.

– Где ваш землекоп, которого я заказал.

Колобок открыл свою толстую книгу и принялся водить по строчкам обратной стороной карандаша.

– Подождите! – сказал он. – Вы же отказались заказывать землекопа... Ну, да... Вот, вчера. Я помню. Чего же вы теперь хотите?

– Но я же оплатил его, то есть землекопа.

Неожиданно в беседу встряла женщина в тяжелом макияже и янтарной мишуре.

– Молодой человек! Вы издеваетесь? Что вы мешаете работать? Вы понимаете, где, вообще, находитесь? То одно, то другое! Когда вы, наконец, успокоитесь-то?

– Подожди, Наташа, – мягко осадил свою коллегу Колобок и вкрадчиво сообщил мне: – У нас все землекопы расписаны буквально по минутам. Вы вчера отказались от своего, и мы его отправили на другой участок. Но если вам так уж нужен новый землекоп, вы можете его заказать. Где находится касса, вы знаете.

Я шёл к знакомому участку. В левой руке я нёс взятую напрокат лопату, в правой – зелёную сумку с бабушкой. С этой сумкой моя бабушка когда-то ходила в булочную, в гастроном, в овощной. Сумка оказалась на редкость крепкой. Бабушка её сама сшила, раздербанив старый гэдзэровский плащ, привезенный дедушкой из гастрольной поездки. Сколько себя помню, столько сумка висела на своем законном крючке в прихожей. Зимой я иногда катался на ней с ледяной горы – сумка очень хорошо скользила.

По дороге я заглянул в продуктовую лавочку, забитую дошираком, тушенкой, бутылками с газированной водой и конфетами.

– Водка есть? – тихо спросил я.

– Продажа алкогольных напитков на кладбище запрещена, – ответил смуглый продавец.

– Ну, чё вы... – я заискивающе ухмыльнулся.

Пол литра «Праздничной», полтора литра «Дюшеса», плавленый сыр «Президент» прекрасно уместились в старой зелёной сумке рядом с бабушкой. За пятьдесят лет службы на сумке не образовалось ни единой дырки. И ручки её ни разу не оторвались – хоть кирпичи таскай.

См. выше

Я летел из Амстердама в Москву и смотрел в иллюминатор. По стеклу медленно ползла муха. Куда её несло? Неизвестно.

Один шажок мухи относительно раскинувшихся за бортом просторов равнялся, наверное, десятку километров. Топ-топ – преодолен горный перевал, топ-топ – форсирована речка, топ-топ – позади озеро, топ-топ – пройдена бескрайняя пашня. Понимала ли муха, что с ней происходит? Откуда мне знать. Может быть, она специально, как говорится, «села» в самолет, чтобы смотаться из Амстердама в Москву по своим делам. Также не исключено, что муха просто жила в салоне лайнера. Но как бы там ни было, эта муха неслась с сумасшедшей скоростью в столицу Российской Федерации из столицы Нидерландов. И она вряд ли осознавала сложность конструкции самолета, важность таможенной службы, масштабность земель, раскинувшихся за бортом.

Пока я следил за передвижениями мухи, кто-то там, наверху, смотрел на меня своими фасеточными глазами и в свою очередь меланхолично размышлял: «Чё этот дурак ползает там по своему иллюминатору, даже не задумываясь о том, на какой высоте он находится, с какой скоростью и куда несется. Небось, он случайно попал в наш транспорт?»

А кто-то еще выше смотрел на того, кто смотрел на меня, смотрящего на муху и думал... (см. выше).

От этих мыслей повеяло неприятным холодком. Чтобы отвлечься от них я снова присосался к вискарю, купленному в Duty free. От качественного бухла качественно всадило.

Неожиданно пейзаж за окном закрыли непроглядные облака, а ледяные мысли рассекла рельефная блондинка мини, идущая по салону.

Бу-бу-бу-бу

Я брал интервью у какого-то важного кренделя, то ли у заместителя директора металлургического комбината, то ли у вице-президента международной энергетической компании. На мне был деловой костюм, в котором я себя чувствовал как хер в тисках. Важненько что-то там гудел: «...бу-бу-бу... развитие... бу-бу-бу... логистика... бу-бу-бу... продвижение...». Я в этих телегах ничего не понимал. И не понимаю. Мне платили не за понимание, а за трудовые часы. Я сидел на окладе. А когда ты на окладе, голову, как известно, можно не включать. Однако, башка, сука, так устроена, что должна всё время что-то думать. Или читать, или смотреть на тёлку, или слушать музыку, или нюхать цветы. Знал я одного человека, который умел отключаться полностью. Я видел, как он сидел на одной высочайшей государственной конференции и тупо глядел на докладчиков, не моргая и не шевелясь. Два с половиной часа. Как гранитная статуя. И вышел из анабиоза, лишь когда нас пригласили на фуршет. Гениальный журналист. Профи. Я так не умею. Мне ещё учиться и учиться...

А мой визави всё зудел: «... рефинансирование... бу-бу-бу... активы... бу-бу-бу... кадровая политика... бу-бу-бу, бу-бу-бу...».

Чтобы не отрубиться, я попробовал думать о бухле и бабах. Но не зацепило. Как назло, моя голова неожиданно вспомнила очень смешной случай. Он произошел несколько лет назад. Я тогда работал копирайтером в одной крупной торговой компании. Мы, сотрудники креативного отдела, пыhtели над созданием то ли рекламного буклета, то ли каталога. Приближался так называемый «дэдлайн». Когда наше напряжение дошло до критической точки, тишину в зале, набитом креативными сотрудниками, нарушил громкий треск и басовитое «Бля-я-я-я!». Затем последовал глухой удар. Я оторвался от своего монитора и увидел, что над столом всеми любимого старшего дизайнера Бориса Петровича вместо торса работника торчат ноги. Как это? Что за неожиданный цирковой кульбит? Петрович, такой важный и рассудительный человек, солидный специалист, эрудит, доцент художественного вуза, обладатель седебородой сократовской внешности – и вдруг...

«Ебанная офисная мебель! – зарычал Петрович из-под стола, – купили по дешевке, бляди!»

Мы бросились поднимать нашего дорогого Петровича, предвкушая, что это происшествие придется сегодня хорошенько отметить. Да... были времена... Эх!

А важненько, между тем, всё бормочет: «...стартап... бу-бу-бу... новые перспективы... бу-бу-бу... основные приоритеты... технологическое превосходство... бу-бу-бу».

Желание заржать усугубляется жестким и жестоким подавлением этого желанием. Я сижу, пытаюсь унять разъезжающиеся уголки рта, а начальник продолжает свою канитель:

«...франшиза... бу-бу-бу... рекредитование... бу-бу-бу... контролинг... бюджетирование...»

Я, вообще-то, обычно беру интервью не головой, а своим главным инструментом – представительным видом. Голова моя в этом деле участия не принимает. Я понимаю, что если мой главный и единственный инструмент во время интервью вдруг выйдет из строя, если меня разубылит, случится катастрофа. Перевожу взгляд с собеседника на портрет Путина. Становится еще смешнее. Панически вливаюсь в чашку с чаем и допиваю одним глотком всё, что в ней осталось.

«Может быть, еще чайку?» – вдруг переходит на русский язык интервьюируемый. Я молча, не поднимая глаз, киваю головой. Ржака накрывает меня еще круче. Я боюсь пошевелиться.

А мой истязатель продолжает, как ни в чем не бывало:

«...модернизация... бу-бу-бу... госзаказ... бу-бу-бу... тендер... бу-бу-бу...»

В кабинет заходит рельефная брюнетка в обтягивающей миди и белой полурасстегнутой блузке. Плышет с подносом как лодочка. Начальник, у которого я беру интервью – серьезный человек. Он может позволить себе такую дорогую помощницу. Когда секретарша наклоняется, чтобы поставить передо мной новую чашечку, я проваливаюсь в омут её сногшибательных духов и с журналистской цепкостью впираюсь взглядом в кружевной лифчик, открывшийся мне во всей своей красе. На крохотной бирочке в межгрудии написано Intimissimi. Кружева лифчика образованы из слов «Sex», «Love» и сердечек.

Вдохновленный, начинаю мечтать. Подлая ржака ослабевает свой стальной зажим. Наконец-то я поднимаю глаза и киваю собеседнику. Поправляю строгие, представительные очки. Я снова в форме.

«...конструктивные решения... бу-бу-бу... квартальная прибыль... бу-бу-бу... хорошие показатели продемонстрировали наши ритейлеры... бу-бу-бу... оптовые отгрузки несколько просели, но на общую картину показателей не повлияли... бу-бу-бу... кризисные тенденции продолжают проявляться, но мы научились...»

Диктофон пишет, рабочее время тикает, честно заработанные гроши капают на мой счет, мы с помощницей моего мучителя хохоча бежим по золотому песку тропического пляжа, чтобы погрузиться в пучину жарких чувств в тени, отбрасываемой листвой невысокой пальмы. Моя голова, наконец, нашла себе применение и угомонилась.

«...бу-бу-бу... подъем производства... бу-бу-бу... потенциальный рост... бу-бу-бу... бу-бу-бу... бу-бу-бу... бу-бу-бу...»

Евгений СТРЕЛКОВ

ИЗ КНИГИ «КОНТУРЫ»¹

Вступление Кирилла Кобрин и Петра Казарновского

Кирилл Кобрин: Волжский труд

Человек стоит на палубе судна, неторопливо идущего по Волге. Стоит на носу. Перед ним разворачивается неторопливая картина: слева, справа шествуют берега, то холмистые, то низинные, то лес, то луг, а то и поселения, маленькие, средние, редко – большие. Нечасто – в наши времена нечасто – навстречу тоже проплывает судно, пассажирское, туристическое, с обычно пустой палубой, ну разве что две-три фигуры молча стоят на носу или корме. Есть опасность, что на палубе бухтит музак, но предположим, что это не так и что нам не портят этот практически рай. Ну да, чуть не забыл, изредка попадают и грузовые посудины, баржи, почему-то чаще всего порожние. Ощущения бурной и плодотворной хозяйственной жизни нет, точнее – современной хозяйственной, индустрия там и все такое. Но нет и пустоты полной. Что же есть? Назовем это разворачиванием времени и пространства в одной из лучших разновидностей их сочетания, разворачиванием мира Поволжья.

Или тот же человек удит рыбу. Скажем, на Оке, там, где она готова отдать свои воды Волге, отдать безо всякой спеси, скромно и молча – а ведь у нижегородской Стрелки Ока разве чуть ўже Волги, которая, согласно странной табели о рангах водных потоков России, находится выше ее. Да и что может быть выше Волги – не считая сибирских рек, конечно? Разве Кама могла бы посоревноваться, да вряд ли – там другие расклады, пред-уральские. На Волге – Кузмин и Розанов, Мельников-Печерский и Петров-Водкин, на Каме – заезжий Пастернак смотрит восторженно на огни Мотовилихи. Кама – прекрасна, но она течет по местам, куда едут, даже бегут, в случае чего, от траблов в сердце России. На Каме – сочиненный Юрятин, на Волге – настоящий Нижний. Наверняка я несправедлив, но Бог с ним.

Да, так тот же самый человек удит рыбу на Оке. Или на Керженце. Или еще где в тех местах. Неважно, впрочем, стоит ли он на палубе, сидит ли с удочкой, отмахиваясь от комарья; он вот что делает – он размышляет. Не «думает», а именно «размышляет», перебирает всякие штуки в голове – столь же неторопливо, как судно плывет по Волге, как рыба кружит вокруг крючка с наживкой, как местный говор, уже не окающий, конечно, но особенный, медленноватый. Как Розанов перебирал записи из Короба Первого и Второго «Опавших листьев». Ну такой типа жанр, что ли, местный, если мы здесь о словесности. Или местный способ жизни, если мы о жизни.

Розанов тут неслучайно. Эта книга Стрелкова выросла из розановского «Русского Нила» – образа, интонации, даже интенции. Нет, не «идеи» – с идеями у Василия Васильевича было небогато, да он и не переживал по данному поводу, наоборот, возводил в достоинство. Мол, я безыдейный и беспринципный, как сама жизнь. Жизнь – с мухами и котлетами – отдельно, идеи – с ненужной ученостью – отдельно. Последние пусть там где-нибудь на берегах Сены или Рейна возвращают и лелеют, а мы тут не мыслим отвлеченно, а живем самым непосредственным образом. А жизнь, по Розанову, есть прибавление добра – всяческого добра, в основном материального или отчасти материально-го свойства: детишек, хозяйства, монет в его собственной коллекции. Розанов – нумизмат русской

¹ Книга готовится к печати в издательстве «Дирижабль» (Нижний Новгород).

жизни; добавим, впрочем, что той русской жизни, что он сам себе и другим придумал. Реальная же русская жизнь поставила в 1917-м все на свои места; вместо *полноты* Василий Васильевич увидел *пустоту*, которую так боялся, приписывая ее не русской жизни, а исключительно русской литературе. И умер от расстройств.

Я пишу все это перед тем, как ты, дорогой читатель, примешься за главное, что есть в этой книге, за стихи, не от желания поболтать обо всяком. Хотя, на самом деле, разве не является болтовня разновидностью стихов, причем не худшей? «Нынче ветрено и волны с переклестом» – чисто потрепаться, пусть и эпистолярно. Впрочем, я о другом. Я о том, что обсуждать стихи, которые ты, дорогой читатель, сейчас примешься читать, занятие глупое и ненужное. Представлять автора стихов – дело нелепое и высокомерное. Нелепое, так как пишущий предисловие не литературовед и не филолог, а написавший ниже следующие стихи – поэт известный и хороший. Если кто не знает, гугл вам в помощь. Высокомерное, так как кто я таков, чтобы, поглядывая через плечо, представлять, мол, вот Евгений Стрелков, он такой-то и такой-то, интересный, талантливый и проч. Так что остается говорить о мире, частью которого эти стихи и их автор являются и который они, автор и стихи, посылно создают. А мир этот – волжский, даже если неоднократно упомянутый выше водный поток в каком-то конкретном стрелковском тексте не указан. Потому и Розанов. Он же с Кузминым и Петровым-Водкиным данный мир начал сочинять, по большей части.

Вот Василий Васильевич в 1907-м плывет на «Князе Юрии Суздальском» по реке. В Ярославле с высокого холма на него смотрит Михаил Александрович и пишет:

Каждый вечер я смотрю с обрывов
На блестящую вдали поверхность вод;
Замечаю, какой бежит пароход:
Каменский, Волжский или Любимов.

Чуть позже, уже на «Гоголе», Василий Васильевич плывет мимо Хвалынска, но Кузьмы Сергеевича Петрова-Водкина в родном городе нет, молодой художник путешествует по Африке, рисует «Танец одалиски». Петров-Водкин родился здесь, в Хвалынске, здесь надорвался и умер отец его, грузчик Сергей, а через 23 года, в 1930-м Кузьма Сергеевич напишет и издаст в бывшем Петербурге книгу об этом волжском городке, назвав его (и саму книгу) «Хлыновск».

Да, но Розанов. Семейство нужно содержать, оттого на пароходе он не прохладается, а набирает путевые очерки, которые сразу же опубликует в «Русском слове»; отбить отпуск и все такое. Нет, не газетная халтура, это, да, мгновенная, но подготовленная годами волжской жизни реакция на путешествие туда, где, как решил Розанов, и есть подлинный русский мир за пределами столиц: «Едва по длиннейшим сходям вы спускаетесь на один из громадных, рядом стоящих пароходов, вы точно окунаетесь в “волжский труд”, как что-то своеобразное, в себе замкнутое, как в особый новый мир, который сразу отшибает у вас память Петербурга, Москвы и даже вообще всего “не волжского”».

Книга Евгения Стрелкова – тот самый волжский труд, именно. Неторопливый, объемный, реальный. Реальнее так называемой реальности. Собственно, литература только для этого и существует.

Пётр Казарновский: Следя зигзаги навигации

В Нижнем Новгороде, под эгидой некогда существовавшего журнала «Дирижабль», теперь ставшего издательской маркой, выходит новая книга поэта, художника, краеведа, ученого Евгения Стрелкова – его четвертая поэтическая книга, полновесная, подробная, способная и удивить, и дать возможность присмотреться к уже знакомому голосу и облику. Попробую дать очерк всех расходящихся образов и мотивов сборника «Контур», а заинтересованный читатель сможет самостоятельно не открыть для себя творчество этого нижегородского автора.

Евгений Стрелков – поэт, тесно связанный с водой, то мерно текущей в положенных пределах, то норовящей их преодолеть, сломать, снести. Но эта игра воды – волжской ли, окской – ограничена приемлющим взглядом учёного поэта (поэта-учёного), чтобы быть вписанной в гармонический око-

ем с так плотно и плавно связанным с нею воздухом, с небом, с изменчивым и шершавым (женское и мужское) ландшафтом берегов, с изгибами исторического зрения, угадываемого краеведом, которому ведомы эти знаки природы. Это ведание не отменяет новизны, которой Стрелков достигает, упрощая (примитивизируя) свой привыкший к сложным геометрическим построениям глаз. Мне кажется, такой ход автора говорит о лёгкости и даже весёлости смотрящего на трудную работу стихий, постоянно не довольствующихся уже добытой свободой. Весёлый глаз поэта как будто намеренно отрывает движения единого процесса одно от другого, чтобы этим помысленным зиянием и придать процессу шаткой динамики, и наметить пунктир в неминущей связи единого – пунктир, по которому действие, как по лекалу, найдёт свой паз. Действительно, это весёлое занятие – видеть шаги мира еще не завершёнными, как бы зависшими, с занесённой и замершей в воздухе стопой. Таково видение, представленное в стихотворении «Наблюдение»:

Лодки вёслами словно вспороты
на причалы волной выброшены
между ржавых ларей – их моторы там –
лодки сложены и выпотрошены.

Но поэт знает, что это только краткое время остановки, вроде затмения, когда рыбацкая лодка, будто в ходе какого-то неясного обряда, уподобляется рыбе; поэт знает, что место лодки – в воде, как каждой сфере отведено какое-то определенное место. Пределы приедаются. Но Стрелков находит в каждой чистой стихии (как бывают чистые цвета) – воде, воздухе, пламени, времени – нечто родственное, созвучное из другой. Это и есть мгновенный просвет, когда из толщи среды выныривает инородное:

Мягко стелют снегом поля.
Жёстко баюкает наст.
Где-то под ними земля,
что весной обогреет нас.
А над снегом, настом, землёй
ионосферный вой.
И совсем вверху про запас
– звёздный рой.

Так что поэту интересен миг, в котором глазомер хотел бы застать мир. В остальном же он хочет глубоко волноваться «единой картиной», где всякая разобщённость преодолена. И не в привычности восстановленного порядка дело. Аналогии не дают поэту покоя, и он с волнением и тревогой ищет связей предметов (и явлений) друг с другом – связей, углубляющих мир до неисчерпаемости. Стрелков, кажется, нигде не исповедует и не реализует идеи, что всё подобно всему: его воспитанный на точности выбираемой траектории глаз только намечает возможный маршрут, учитывая условия окружающего.

Взгляд автора быстро, но зорко подхватывает детали, чтобы из их свободного расположения сплести пейзаж – часто утончающийся, испаряющийся, тянущийся вверх, где сила левитации возмёт своё. Таков кузнецик, смело взнуздавший паутиными нитями цветок, чтоб вознестись на нём в «пленительный зенит». Таков же – не по усмотренной ли глазом историка «анalogии»? – и Василий Васильевич Розанов, пристально, «око в око» наблюдающий наблюдателей.

Именно аналогии! Стрелков в высшем смысле рационалистически (традиция энциклопедистов, о которой поэт из книги не устает напоминать, *рассказывая в стихах о судьбах ученых-чудаков, на свой страх и риск строивших странные модели мира*) подходит к немислимым соответствиям. Так в стихотворении «Черемас» оживание цветка, предстающего бабочкой, свободно сопоставляется с врезающимся в птичий гам поездом:

В края далёкие направил машинист
свой поезд литерный, что будит по утрам
тебя, стремительно врезаясь в птичий гам, –

неслышная красота нежного насекомого объединена с грохотом поезда, окунающегося в норывающий сделаться мохнатым, пушистым, пернатым галдёж птиц. Эта аналогия будит. Как будит и найденное подобие поэта с бакеном: поэт спокойно покачивается на водах (жизни), тогда как внутри себя заключает огненную бурю. Полно в этой книге и аналогий звуковых, требующих особой зоркости читателя: таков, например, образ обмена «**клубов** (пара) на **глубины**» из стихотворения «Водообмен».

Учёный Стрелков вообще, кажется, готов видеть в предстоящем ему пейзаже кабинет, где невидимый, но деятельный мастер сотворяет чудо отражений – ещё одну версию аналогии. Ведь только окружённым водной гладью можно неумозрительно убедиться, что «и верх и низ – одно». Но элементы, составляющие это «одно», это целое – все по своим местам, и глаз геометра выдает в поэте и эконома, бережно располагающего слова по отдельному тексту, тексты внутри книги, так что из этой немного-старомодной немного-сухости медленно, как восстающий из воды гудящий колокол, поднимается многосоставный образ ума, живущего во все дали природы. Чем не дань XVIII столетию – веку изобретения законов, идущих впереди явлений!

Стрелков верен себе в следовании традиции: торжественная и ребячливая – тоже соединение! – природа в этих стихах способна открываться, звучать под камертон то Державина, то Хлебникова, то Заболоцкого...

Грандиозность природного замысла, всегда опережающего помыслы науки и щедро предлагающего последней черпать формы и содержания, не даёт забыть о тяжести объёмов и может вызвать у поэта и умиление, граничащее с удивлением. Должно быть, только в таком состоянии Стрелков видит спасение от катастрофы, несомой миру мощным и безответственным человеческим умом, о чём – в посвящённом А.Д. Сахарову стихотворении «Синтез», написанном по-гесиодовски неторопливым гекзаметром (думается, это монолог великого ядерщика и борца за мир и справедливость). Да, в отношении к этому шаткому миру умиление поэта соседствует с тревогой: оставленный технический хаос, бурелом приостановленного прогресса стал обиталищем птиц, не забывших о небе. И именно в восстановлении привычного хода и порядка птиц и рыб, огней и дней видит поэт основу грозного, но мира. О грозности и даже угрозе напоминает частый образ грозы, названной или подразумеваемой. Таково и стихотворение «Канон»:

И бабочки клочок бумажный
бессвязно мечется, как сон,
и тучи дом многоэтажный
для обрушенья вознесён
над головой, и кто-то важный
сейчас нажмёт грозы клаксон.

Созерцательность этих стихов Стрелкова, кажется, находит новое, по сравнению с прежними, выражение – в фигуре рыбака, несколько отстранённо говорящего или поющего о том, что происходит то ли с ним, то ли не с ним, с кем-то другим – жившим когда-то давно. Кажущаяся простота этих стихов несколько обескураживает (как и надрывная и безжалостная – при всей сострадательности – «Плясовая»): высокий примитив? тонкая ирония? пейзажная лирика без нарочитой философичности? В любом случае, эта весёлая простота нередко подчёркивается парной рифмовкой, так что парадокс остаётся немного вытесненным, как, например, в двухчастном цикле (все циклы у Стрелкова здесь именно такие – диптихи) «Птицы небесные» центральная фигура – всё-таки рыбак, и он уподоблен тем, кто не сеет, не жнёт:

Рыбачья судьба – гляди на поплавок,
пока стучат года косой волной в песок.

Странническому взгляду рыбака открываются какие-то почти брейгелевские сценки, в которых современный антураж то ли нелеп, то ли печален, но не заслоняет лиц, не изменившихся со времён Демьяна и Козьмы. И этот же взгляд способен в разрушенной церкви (кстати, в Козьмодемьянске) увидеть

меж живописных туч –
лик как люк
и как линь – луч.

Заметим: не рыба-кит, не рыба-меч, даже не рыба-фиш, а рыба-луч (все эти рыбы проплывают по книге «Контур»!). Божество в славе! А рыбак – не волжский ли Франциск, в своём глубоком созерцании забывший, кому проповедует радость – птицам или рыбам?

Поэт-путешественник, поэт-странник, поэт-рыбак не только ждёт попутного ветра, но и поднимает его, заранее как будто зная его направление, хоть и предчувствуя ужас пребывания Ионы в чреве китовом. Так он способен насыщать – строить, планировать – тревогу и грозу, могучую предвестницу. Странствие, к какому бы причалу оно ни приходило, продолжается, и возникающий в книге образ Одиссея в Горьковском море вполне закономерен: хитроумный герой стремится к своей Итаке, которая внутри, но которая – только сон об исходной точке путешествия-возвращения. Или Ной – вновь аналогия! – странствователь по морю потопа в усилии приблизить землю, и вновь, как и должно быть, не обходится без птиц, вестников добрых. Или зловещих, когда они накликают участь Китежа-мира в новом потоке новой локальной жертве, только птицы эти – радиоволны. Видя мир таким шатким, содержащим в себе торжество и катастрофу, странник по водам – этот исчезающий Одиссей, или Ной, или Иона, – не вполне доверяя судьбе, бросает послание в бутылке: послание-сообщение, послание-летопись.

Стрелков-историк любит рассказывать о жизни забытых чудаковатых, связанных с его краем, персонажей – и делает это остро и сильно, подчёркивая драму их авантюризма. Не эти ли истории извлечены из выловленной бутылки? или опущены в бутылку в уверенности, что будет неизвестный историк-странник? В этой книге представлены истории астронома из Дерпта Адермана, поэта и исследователя Сибири XVIII века П.А. Словцова, промышленника и талмудиста Зелика Персица и даже нашего современника – физика-теоретика А.А. Андропова... По-своему все они – тоже Одиссеи, Ионы, Нои... Таковы игры аналогий, которые открывает Стрелков.

Как и многое в книге, внешне безыскусное стихотворение «Поток» наводит на мысль о таинстве сближения творчества и жизни природы: потоки воды, воздуха беспрестанно сближаются словами, находящими и вызывающими смысл аналогий и аналогию смыслам:

Река налита до краёв
водою внешней внешний рёв
и гул порыва
наводит ум на бодрый тон
и ветру вторя в унисон
среди разрыва
летающих денно облаков
кипящих пенно берегов
ты ждёшь мотива
и наблюдаешь свозь кусты
как правит свежие листья
в потоке ива

Знает Стрелков толк в произнесении слова между ударами грома!

Он ценит то ожидание, которое предшествует появлению слова, заранее измеряя маршрут, коим его направить, его расправить в простор. Это и есть контур, есть контуры. Они не ограничивают. И

они не замкнуты. Тяготеют к незамкнутости, разомкнутости иллюстрации, в определенном ритме помещенные в книгу, – визуальные композиции Е. Стрелкова, совмещающие в себе схемы, чертежи, диаграммы, элементы архитектурного убранства – математизированный, геометризированный космос автора.

Заканчивается же книга своеобразным поэтическим комментарием к выставочному проекту «Созерцатели солнца». Это особый раздел книги – цикл «Радионебо»: автор выступает здесь в роли свидетеля вершения мифа – победы над небом. Собственно, это научная поэзия, недаром одно из стихотворений отсылает к Ломоносову: «Раскрылась сфера звёзд полна...» С ностальгией по временам, когда он дерзал измерить небо будущностью, Стрелков тщательно выверяет взаимодействие надмирного и человеческого:

И учащаются скачки,
и расширяются зрачки.

И тут в основе естественнонаучного мифа поэта – всё же удивление, замирание дыхания, граничащие с ужасом первочеловека:

И неотрывно в небо вперясь,
душой туда перенесясь,
астроном самописца перья с
осей срывает, торопясь
прочесть анналы мироздания
заполнить, сколько хватит сил
все беззаконные зияния
в кругу расчисленных светил.

Евгений СТРЕЛКОВ

Аналогия

Он сам себе поёт и сам собою правит
Кузнечик солнечный, по музыке собрат,
Порою собран весь – и вдруг себя расправит
в полёте медленном над жердями оград.

Куда летишь, соратник по созвучьям?
И где окажешься, когда тебя
неотменяемо, как сеть паучья
притянет гравитацией земля?

Но оседлав цветок, ты вновь натянешь нити
чтоб их сплести в пленительном зените.

Бакен

Представим: бакен – штык,
торчащий из пучины.
Из глубины возник,
из самой юрской глины,
из известковых плит, из залежей триасса,
из бездны, где кипит калёной магмы масса...

Не так ли ты, пиит?
Паришь над лоном волн
спокоен,
но при том
огнём
глубинным полн.

Бриз

Бриз настоящий, морской,
зыбкой –
и пароходик твой –
зыбкой.
Трав луговой настой
пряный, густой.
Бриз промокает лоб твой
сырой
губкой.

Водообмен

Алексею Цибереvu

Кубометры воды завезли в небеса,
И почти уж достроена эта гроза,
Что когда-нибудь будет.
Через час или два – и за четверть часа
всех вокруг перебудит.
И наполнит все бочки в посёлке пустом,
И промочит все кочки в подлеске густом,
обстучит кузова и кабины.
И в итоге стечёт понемногу в пруды,
где жилище найдут кубометры воды,
разменявши клубы на глубины.

Волга легендарная

Около того места, где они все собрались, был лес
А.И. Введенский
И пир пуст остался
А.И. Введенский

1.

Вкруг государевой горы
прята былинные орлы
на гору ту вела тропа,
и ветер ковыли трепал,
где пир устроен царский был,
теперь рыбак уху варил
и ждал смиренно переправы
на берег рыбный – берег правый.

2.

Река его жена беглянка
Крутилась в сумрачной потехе,
и разинская персиянка
ему мерещилась в волне.
И чайки вольная делянка
и ласточки живой застрехи
и птичьи перья как доспехи,
и сам как всадник на коне.
Волна волною реку моет
собака лает, щука спит.
Под набежавшею волною
царевны скит.

Волжское утро

Туман смывает волжских гор вершины,
скрывает рокот судовой машины,
подвижные воздушные кувшины
возведены.
И створных знаков речных аршины
едва видны.
Ложбины
заполнены слоями пустоты.
И солнце силится встряхнуть её пласты
и выбить пух из душевой сей перины.

Чтоб вновь, промыты влагой и чисты,
туманом разобшённые листы
слились в единое
волнующей картины.

Волжское

Крутые кручи – над ними тучи,
привольны плёсы, туги, тягучи.
Бушуют чайки – слышны их кличи,
но не увидишь – слезятся очи.
В домах и дачах затопят печи,
и ветра плачи доносят речи.
Дым стелет клочья вдоль речки течи,
и нет короче, чем нынче – ночи.

Гроза

*На шаровидной колеснице...
Хрустальной, скользкой, роковой*
Г.Р. Державин

В громокипящей колеснице
безудержно вертятся спицы
и раздаётся грозный бой.
И между этих спиц сочится
дождя прозрачная водица
и непокой
в душе и всё не спится,
когда кипит над головой
поток той влаги грозовой –
хрустальной, скользкой, роковой

Над травами

Последний шмель – неровен и тяжёл
его полёт: сентябрь на исходе,
но солнце припекло – и он ожил,
летит над травами на самом малом ходе;

в густых лучах ему довольно сил.
Но солнце клонится, роняя брызги света.
И каждый взмах шмеля усталых крыл
питаем каплею сгорающего лета.

Одиссей в Горьковском море

Кажется, плавание нескончаемо.
Всё увеличивается отставание
от графика. Неузнаваемы
берега, само расписание
корабельного быта
словно склёвано чайками и забыто.

По берегам – огромные пинии,
встречные корабли не подходят близко.
Но как не верти, а крутит машина винт и
в нить распрямляется береговая линия.

Каждый встреченный остров напоминает абрисом
благословенные берега Итаки.
Но сколь не гляди стооким Аргусом,
не расшифруешь створные знаки.

Лишь вода – это то, что никогда не изменится
сколько бы за кормой она не клекотала.
И, слезой размыта, Большая Медведица
сливается с Малой.

Паром в Коротни

«Ветерок», кафе-веранда, дождь,
городок с именами Козьмы и Демьяна.
Дырявый тент, лужа в ложбине дивана.
В ожиданьи парома водители пьют растворимый кофе
пассажиры и пешеходы – квас или пиво.
Ветерок треплет флаг на пароме, живо
накрывает бакен, сносит в сторону дым
от дизеля, будоражит духом грибным:
сходят по трапу Демьяны, Козьмы, их жёны, дочери и кузины,
волокут с того берега, где Коротни, белых грибов корзины.

Паром в Мышкине

I.

И острова, залитые дождём,
и мост понтонный – значит, подождём,
и бакенов проколота вена.
До Углича к заутрене дойдём?
как знать, но в Мышкин – это непременно.

Там, в Мышкине, господствует собор.
Поодаль продащицы пёстрым хором
нахваливают прошлогодний сбор,
а после на паром – за новым сбором.

Собор обглодан временем, пролом
щербат, как псом изгрызенные кости,
но голубок вибрирует крылом
на росписи, и судно ловит в снасти

Попутный ветер, что готовит рок
тому, кто не уклонится от цели
назначенной – не то Ионы душный мрак
укутает его в китовом теле...

2.

Паром – он тут и мост, и крест, и торг,
и ты не вздумай спрашивать про Фарсис,
ведь кит не для того тебя исторг
из чрева своего – уж будь покладист.

И верен жребию: иди, куда простёр
свою десницу птиц и рыб водитель:
У Капитана глаз остёр
и светел китель.

Плѐс

Мы вышли из ворот под сизый дождь жемчужный
и этот оборот, казалось бы, ненужный
вдруг нам раскрасил путь, и радужный, и влажный,
и враз в сплетеньи пут груз хлопотный и важный
стал лёгок и погнут, как тот стакан бумажный,
куда спешим плеснуть состав живой, купажный
запомнив плеск, и Плѐс – вальяжный и винтажный.

Розанов на Волге

Василий Васильевич Розанов
в палубном кресле, один.
Улыбчивый, хотя и строгий на первый взгляд господин.
увлечённый, видимо, водами, видами: Русский Нил!
Это я подслушал? Это он обронил?
Обозначил, означил – и вот течёт
Ярославль-Кострома-Нижний: чёт-нечёт
женский топоним – левый берег, мужской – супротив,
образуют оба обоюдно людный мотив;
полный, как Волга весной, двуполый,
луговой, полевой, палевый и лиловый,
сизый, лазоревый и заревой,
млечный, зарничный,
с поволокой,
словно судачий глаз.
Василий Васильевич – око в око –
наблюдает нас.

Утро Одиссея

Ты в центре моря – или мира?
Тумана холодная порфира
скрывает берега черты.
и только глубина порыва
вернёт из призрачной мечты,
опустит на равнину вод,
теней распушит хоровод.

Туман рассеялся, однако.
Ты гредишь: где-то там, вдали
благословенная Итака
свои качает корабли.
Туда, туда! где шум прибоя,
очаг а родительском дому
забыть позволят сон, как Троя
курилась в жертвенном дыму.

Воздушный шлюз

I.

За стальной преградой растёт гора облаков
План за планом, будто в оптическом театре,
меж бетонными башнями вырастают,
распирая шлюзов корыта.
Мистерия вихрей там, в пифагоровых сферах,
но они так далеко, что выглядят – монолитами,
полированными улитками
из перламутра,
особенно – в утро.

2.

Словно из ваты –
выпуклы и покаты,
ноздrevаты, подбиты
спешащим ливнем,
накрывают запертый шлюз,
оставляя в нем газ
испарины из нездешней влаги,
ворс ветра, коленца лучистого сена, –
всё стекает в гулкий бетонный таз,
и оседает пена.

Вячеслав ЛОПАТИН

(10.07.1936 – 04.10.2021)

УЗРЕТЬ

(Фрагмент)¹

<...>

Из воспоминаний

– Текст, который вы сейчас будете читать, можно назвать сложносочиненным, весьма своеобразным произведением, таким, собственно, как и сам автор.

Никакой логики не вижу. Злые шутки играет данный текст с читателем, нет чёткой линии, перескок с одной темы на другую, много отсылок к рассказам людей, подкреплённых как архивными материалами, так и цитатами из опубликованного – нить повествования теряется, общий смысл ускользает.

Автор хочет поделиться многим из прочитанного, узнанного, услышанного от старших товарищей в середине 1950-х и «до смерти» напугавших его практически на уровне физиологии. Происхождение текста и явилось результатом этого глубокого эмоционального стресса, оставшегося на всю жизнь и потребовавшего осмысления и вывода в очередную утопию о светлом будущем.

Это, отчасти, мемуары, но не в их обычном понимании... Скорее, это описание событий, участником которых он являлся в силу своей профессии художника и работы реставратором в музее имени А. Н. Радищева (г. Саратов). –

С.А. Чеботарёва. Научный сотрудник музея им. А.Н. Радищева.

Как живёт мифотворец Ярыгин² Без претензий

Пережитое, перелицованное, / Уценённое, удешевлённое,
Второсортное, бракованное, / Пережаренное, недопечёное –
Я с большим трудом добывал его, / Надевал его, обувал его,
Ел за завтраком, за обедом. / До победы, после победы.
Я родился ладным и стройным, / С голубым огнём из-под век,
Но железной десницей тронул / Мои плечи двадцатый век.
Он обул меня в парусиновое, / В ватно-стёганое одел.
Лампой слабою, керосиновую / Осветил, озарил мой удел.
На его бесчисленных курсах, / Заменяющих университет,

¹ Редакция публикует (в авторской редакции) фрагменты из последней работы Вячеслава Владимировича Лопатина, готовившейся для «Волги». Страница В.В. Лопатина в «Журнальном зале»: <https://magazines.gorky.media/authors/l/vyacheslav-lopatin>

² Валентин Акимович Ярыгин (1920–1970) – поэт. Страница в «Журнальном зале»: <https://magazines.gorky.media/authors/y/valentin-yarygin>

*Приучился я к терпкому вкусу / Правды, вычитанной из газет.
Если я из ватника вылез / И костюм завёл выходной,
Значит, общий уровень вырос / Приблизительно вместе со мной.
Не желаю в беде или в счастье. / Не хочу ни в еде, ни в труде
Забирать сверх положенной части / Никогда. Никак. Нигде.*

1961 год

Ярыгин Валентин Акимович, сорок один год, не нарадуется, – за тунеядство теперь гнобить не будут! – он пенсионер.

Телеграмма

*Белому Дому, Красной Москве. / – «ПРЫ - ГА - Я, БЛА - ГО - ДАРСТВУ - ЕМ. - АВЕЛИ». –
Стоит, Каины, что нас к е-/к оной матери ещё не отправили.*

Назначена III группа инвалидности с ежемесячной выдачей 30 руб. 80 коп. (1 доллар стоит 65 копеек. Минтай с головой 48 коп. 1 кг, минтай без головы 54 коп. Баня 14 коп. Квартплата мизерная, медицина бесплатная). 57 кг рыбы в месяц – не съешь. 220 раз в баню не сходишь. Ярыгин неприхотлив в быту, но без матери не выжить – инвалид, запойный.

Пенсия Ярыгина была бы в 2020 г. – 3 458 руб. 74 коп. (1 доллар стоит 73 руб. Минтай стоит 150 руб., баня 250 руб. Квартплата? Медицина?) Купил бы Ярыгин на свою III группу инвалидности в 2020 году рыбы 23 кг, в баню ходил бы 13 раз.

*Во всех сердцах для чудака / местечко было б огорожено,
узнай он, куда я несусь на ка-/расике свежемороженом.*

1963 год

Мать Анна Григорьевна плачет, – Валентина в больницу положили на обследование. Скорую-то он для неё вызывал, поинтересовался заодно, что это у него кал чёрный. Понадобилась срочная операция – три четверти желудка вырезали! Трое суток Анна Григорьевна у сына в больнице возле кровати сидела.

Ярыгину увеличили пенсию до 76 руб. 50 коп.

Было бы в 2020 году 117,69 долларов – 8591,37 рублей (1 доллар стоит 73 рубля, минтай 150 рублей 1 кг, баня – 250 рублей заход). Минтая купил бы 57,52 кг, в баню пошёл бы 34 раза за месяц.

1965 год

Ярыгину пенсия назначена 120 рублей: высшая в Советском Союзе.

Купил бы минтая 222 кг, в баню ходил бы 857 раз (1 доллар стоит 65 коп.).

В Саратове 2020 года за эти 184,61 долларов – 13 476,53 рубля (1 доллар стоит 73 рубля) купил бы минтая (150 руб. 1 кг) – 89,8 кг, в баню (250 руб.) ходил бы 53 раза в месяц. Столько рыбы за месяц не съесть, столько раз в баню не сходить.

2020 год – Квартплата? Медицина?

Удивляется коммунист Ярыгин, вступивший в партию на фронте, что не исключают из КПСС. Инстанции приняли во внимание, что Ярыгин доброволец-ветеран Финской войны и Отечественной. Лишь трое из каждых ста ушедших на войну ребят призыва 1921–1924 годов рождения, остались в живых.

1962 год

«Кубинский кризис». Разговаривают друзья детства, ветераны Отечественной войны: Григорьев Николай Андреевич – врач-психиатр, 43 года, и Валентин Акимович Ярыгин – 43 года, пенсионер-инвалид. Акимыч стоит на своём:

– Вы меня, ребята, извините! Вы люди современные, а я не могу пересматривать свои позиции столь часто. Случись война, я бы и опять добровольцем пошёл!

– Да куда? У тебя астма! Без глицерина никуда: ты за неделю загнишься, до передовой не дойдёшь!

Друзья детства – Григорьев, Иванов

Григорьев Николай Андреевич (20.05.1920–9.01.1990), жена Руфина Николаевна, – врачи-психиатры «на Алтынке» (Саратовская областная психоневрологическая больница), отделение «хроников», «распавшихся». Ярыгина пьянка несколько раз доводила до белой горячки – его стихи у основателя саратовской психиатрической школы Александра Гамбурга¹, врачей Михаила Кутанина², Скуратова, Юрия Штерна³.

Григорьев – врач, не единожды крал в больницу Акимыча, человека непрактичного, жить не умеющего. – *Хороший мужик, а по мелочам от него всяк натерпишься – Николай чем хорош: он живёт чем-то сверх материального содержания жизни. Это уже большое значение в нашей жизни – сколько вокруг безразличия: Николая заслуга – пребывающих в спячке расталкивает. В старые времена из таких святыне формировались! Надо сказать, он несчастнейший человек – но довольно! Светлая личность!* (Ярыгин).

Отец Николая – художник по стеклу, вся семья – он сам, Руфина, дочь Лена, сын Вова – рисует. – В «Водоканале» портрет Ленина 1924 года работы по стеклу отца Николая Андреевича – показала работа качественной, краеведческому музею находка, а может и художественному? (Лопатин).

У отца Николая Андреевича был приятель-художник: – *Перед войной лозунг написал по хлебозаготовкам, слово длинное, не уместилось в строку, перенос сделал, а получились инициалы общества старых революционеров – царские политкаторжане к этому времени вредителями оказались. Затаскали художника: – Зачем врагов народа пропагандируешь, кто научил, где сообщники? – Отпускают на ночь домой: – ...о семье подумай! Себя не жалко, их пожалей – признавайся! – Идёт ночевать, к нам заходит, сидит, плачет. Обошлось, не посадили.*

Отцов давно нет, семьями продолжают дружить – сын художника, ровесник Николая. 1963 год, его теперешняя служба – содержит гостевой домик начальству. Ему предписано: казённая легковушка-вездеход, охотничьи, рыболовные припасы, гостей привезти, ночевать устроить, вывезти на охоту, на рыбалку, домой отвезти. Домик не он охраняет, зверей егеря на охотников выгоняют, удочки – гости сами закидывают.

1963 год

Лопатин методист по ИЗО-искусству – Областной дом народного творчества, «свой» в Радищевском музее.

Экспедиции Михаила Аржанова и Наталии Свищёвой⁴ по сбору икон в Саратовской области в 1960-е годы полуофициальны – директор Радищевского музея Пугаев⁵ и зам. директора по на-

¹ Александр Львович Гамбург (1925–2002) – профессор кафедры психиатрии Саратовского медицинского института. Ученик М.П. Кутанина, которого и принято называть основателем саратовской психиатрической школы.

² Михаил Павлович Кутанин (1883–1976) – профессор кафедры психиатрии Саратовского университета.

³ Юрий Викторович Штерн (1937–2006) – психиатр.

⁴ Наталия Иннокентьевна Свищёва (1938–2002) – журналист, театральный критик, искусствовед, научный сотрудник Радищевского музея.

⁵ Виленин Григорьевич Пугаев (1926–1996) – директор Радищевского музея (1964–1976).

учной работе Арбитман¹ опасаются в отчёты работы музея включать собирание икон.

Аржанов и Свищёва мечтают создать в Радищевском музее «древнерусский отдел» – инициатива, осуществившаяся через сорок лет, в 2010 году.

– Зачем создавать древнерусский отдел, если в музейной экспозиции нет икон?

– Вот отдел и нужен, чтобы в музее повесить иконы!

Михаил Николаевич Аржанов (1924–1981) – доброжелательный, открытый характер, сын крестьянина из деревни Синельниково Аткарского уезда, работает реставратором масляной живописи Радищевского музея: из семьи репрессированных. Деда – в НЭП зажиточный крестьянин, даже имел конюшню скаковых лошадей – раскулачили: в погребе держали три дня без еды и питья – уморили. Отец Михаила с семьёй убегал от репрессий, скрывался, в Саратове сумел на тогдашней окраине домишко построить. Теперь 1963 год, – Михаил в письме размышляет, – не уехать ли из Саратова, пока не выслали...

<...>

В Москве в полиграфическом институте² преподавали уцелевшие художники 20-х годов – носители уничтоженной культурной грамотности. Аржанов сознательно ушёл из профессионального искусства – из Художественного фонда при Союзе художников Саратова. С 1959 года работает реставратором в музее вместе с Гущиным³, для них музей – храм искусства, сотрудники музея – жрецы святого искусства. Аржанов дорожит возможностью рисовать, но не хочет, чтобы рисование было источником средств существования: не к ремеслу – презрение к руководящим установкам, культивирующим лакейские качества работы советского художника-профессионала.

На стажировках в Москве по масляной живописи в ВХНРЦ им. Грабаря Аржанов знакомится с сотрудниками Третьяковки и музея Рублёва, «левыми» художниками и искусствоведами – Свешников⁴, «лианозовцы», Голомшток⁵. Аржанов в 1967 году участвует в экспедиции «по Северу»⁶ с Кишиловым⁷ (ГТГ) и Кириченко⁸ (Музей Рублёва). Музеев три, а экспедиция находит две древние иконы, «достающиеся» Третьяковке и музею Рублёва.

За участие в экспедиции ГТГ передаёт в 1968 году Радищевскому музею иконостас, предположительно семнадцатого века, из города Муром Ярославской области. –

Ксения Вячеславовна Фёдорова. Иконостас XVII века в собрании музея // Пути русского символизма: провинция и столица. Материалы десятых Боголюбовских чтений. Саратов. 9-го июня 2004. Саратов, 2006.

Михаил отпускает бороду – для работы над образом Фиделя Кастро Гущину нужен подходящий типаж. Гушин рисует и приговаривает, Лопатин сам слышал: – *Что красота в искусстве? Жизнь надо претворять в красоту!*

¹ Эмилий Николаевич Арбитман (1930–2002) – искусствовед.

² В полиграфическом институте учился М.Н. Аржанов в 1948–1954, заочно.

³ Николай Михайлович Гушин (1888–1965) – художник.

⁴ Борис Петрович Свешников (1927–1998) – художник, близкий друг М.Н. Аржанова.

⁵ Игорь Наумович Голомшток (1929–2017) – историк искусства. До эмиграции в 1972 г. старший научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института технической эстетики.

⁶ Экспедиция в июле 1967 г. Москва – Вологда – Вытегра – Ошта – Рокса – Шимозеро (ГТГ, Музей Рублёва, Саратовский художественный музей). См. Михаил Аржанов. Из дневников и писем (1952–1981) // Волга. 2019. № 11-12. <https://magazines.gorky.media/volga/2019/11/iz-dnevnikov-i-pisem-1952-1981.html>

⁷ Николай Кишилов – искусствовед и реставратор Государственной Третьяковской галереи. Эмигрировал в 1973 г., близкий друг М.Н. Аржанова.

⁸ Вадим Васильевич Кириченко – главный хранитель Музея имени Андрея Рублева.

1963 год

Осенью Николай Михайлович Гушин просит Лопатина познакомить с коллегой – психиатром Николаем Андреевичем Григорьевым.

Гушин в 1908-1910 годах закончил общеобразовательное отделение Психоневрологического института в Петербурге. –

Л.В. Пашкова. Составитель и автор вступительной статьи к каталогу «Николай Михайлович Гушин (1888–1965). К столетию со дня рождения». Саратов, 1991.

Григорьев Николай Андреевич с дочерью Леной и Лопатин на квартире у Гушина – второй этаж, дореволюционная двухэтажная постройка – комната, восемь квадратных метров, одно окно. За дверью коммунальная кухня – «кухаркина комната»:

– Крохотная ...в архиве обнаружила документ – ордер на восемь квадратных метров. –

М.А. Богадельщикова¹. Вокруг Гушина. По архиву художника // Волга–XXI век. 2008. № 3-4. С. 170.

Картины Гушина на стенах впритык – меняются местами, уходят, появляются новые. Всегда на своём месте – над дверью до потолка – картина Валентина Михайловича Юстицкого «Весенние радости»².

На полу недавние морские пейзажи, больше десяти работ в редкой для Гушина манере – «с натуры». Привёз из Крыма, куда уволокла его тётка Зоры Абрамовой (ушла на пенсию полковником, – по службе назначена была присматривать за Гушиным, и они подружились: вместе отчёты «куда надо» писали, по словам Гушина).

Почти два десятка морских этюдов привёз Н. Гушин в конце 1963 года из Коктебеля. Они воспринимаются как свободные музыкальные импровизации: над морем колеблются полосы облаков, зажжённых закатным солнцем, волна идёт за волной бурным потоком красок. ...всё только цвет, только ритм горизонтальных красочных полос, расположенных на холсте подобно ряду нисходящих ступеней.

...Художник словно заставляет зрителя угадывать неясные контуры изменчивых стихий – неба, моря, капель дождя, порывов ветра. Ритмом цветowych пятен, волнистых линий он старается передать определённое состояние, как его передаёт и музыка. –

Л. Пашкова. Вступительная статья к каталогу.

Лена – её два варианта «Голова рыбы» маслом, сделанные под впечатлением от живописи Гушина, дают, возможно, более полное представление о живописи Гушина, чем всё – «круга Гушина» (Пятницына³) – рисование.

Гушин предложил Григорьеву выбрать себе на память какую-либо работу. Понравилась «Волна» – она Ленку и захлестнула (Григорьев) – два года висела в комнате, пока дочь Лена, девятиклассница не утонула: отцу «стала очевидна» связь картины с несчастьем...

1965 год

Высоцкий ещё не появился, Галича слушаем в сумасшедшем доме. Юрий Штерн, лечащий врач Николая Андреевича (психушка 2-й Сов. больницы, три месяца с острым психозом – уто-

¹ Маргарита Александровна Богадельщикова (1937–2021) – жена художника М.Н. Аржанова, кандидат педагогических наук, автор статей о художниках круга Гушина.

² Валентин Михайлович Юстицкий (1894–1951) – художник. Картина «Весенние радости» написана в 1948 г. Юстицкий и Гушин жили в Саратове в доме №97 по ул. Гоголя.

³ Ирина Николаевна Пятницына (1945–2004) – искусствовед, научный сотрудник Радищевского музея.

нула дочь Лена) ведёт нас в свой кабинет. Дверь – ключ, свет зажечь, другую дверь открыть, свет – выключить, дверь за собой закрыть – на ключ. Лестница, второй этаж. Дверь – ключ такой у проводника на железной дороге. Идём дальше. Кажется, изнутри здание больше, чем снаружи. И пусто почему? – палаты первого этажа переполнены, люди в коридорах лежат.

Юра артистическая натура – в сумерках без света посидели.

Галич: ни по радио услышать, ни в газетах прочитать! Чувствуешь себя преступником за то, что слушаешь; виноват, что живёшь.

ГАМЛЕТ

Б. Пастернаку

*Ты прошёл, не поклонившись бесу. / На похлёбку душу не сменял.
А у нас всё ту же пьесу, / только ей не видится финал.
На подмостках шлюха Клеопатра. / Ренегат Антоний мелочит.
Далеко от этого театра / поступь принца Гамлета в ночи.
Ни к чему моление о чаше. / Друг у друга задницу голя,
лицедеи – геростраты наши / продолжают свалку за роля.
Плохо, друг, с вакансией поэта. / Дребедень, что моськи втуне злы.
Божье слово ныне снова в гетто / отщепенцы в сумрак унесли.
На виду заведомая липа, / разминая новенький протез,
создаёт шумы-эффекты импо- / тентной фронтки творческий процесс.
Любо дело без последствий акта, / индо аж начальство пуделять,
для сугрева публики в антрактах / вывода поэзию как блядь
Славен Бог, что упася от срама, / нам таланты тех не уделил,
кто, когда идёт такая драма, / шутовской свой чешут водевиль.
Не судьба нам в царстве фарисея / жизнь прожить, как по полю пройти,
Может ветер бросит в почву семя, / обдувая камни на пути.*

Оклемался Николай Андреевич – продолжал работать на «Алтынке», и «по-домашнему» за нашим психическим здоровьем присматривать. Лет шесть назад наш однокурсник по художественному училищу Иван Нечаев был призван в армию, хотя по состоянию здоровья его нельзя было призывать – через год комиссовали, но учиться дальше он не смог: хорошо рисовал и писал... пропал художник. Его пример заставил Николая Андреевича настоять на освобождении от призыва в армию нашего друга Александра Санникова¹, а позднее Жени Яли² – ставших художниками.

Гущину поставили диагноз – рак, и он захотел удостовериться, уточнить диагноз. Повторное обследование проходил в Областной психоневрологической больнице у Николая, аппаратура «Алтынки» позволяла:

– У нас оборудование – все анализы делали. После нас посылать некуда – нам лечить надо было.

Полмесяца Гущин то лежал, то на «Алтынку» ездил. Удостоверился – рак предстательной железы. Решил лечится – разрежали, зашили, – поздно. Прошёл курс химиотерапии – знаменитые седые кудри выпали, стали расти густые чёрные волосы, отпустил породу.

1964 год

Договорились дежурить у Гущина дома.

¹ Александр Захарович Санников – художник.

² Евгений Дмитриевич Яли (р. 1946) – художник.

Я на ночь пришёл, сменил дневного Валентина Израилевича¹, математика СГУ, мужа Наташи Свищёвой – уставшего, лица на нём нет. Меня на день сменили Миша Аржанов с Маргаритой Богадельщиковой.

Гущин спит на своём ящике, в котором привёз имущество из Франции. Нам раскладушка. Горит лампочка всю ночь, персонажи картин будто присутствуют. Форточка закрыта – Николай Михайлович боится простудиться.

Одну ночь я проворочался на раскладушке, от меня Гущину ничего не потребовалось.

Попросился сидеть за дверью – фанерной, – если позовёт, я услышу. На кухонном столе коммунальной кухни ночами переписываю свои дневные «разговоры» – записывать наловчился, а собственные каракули не разберу: пишу «Попытку поэмы» (четвёртым вариантом «КИЧ»²), переписываю стихи, надиктованные Ярыгиным. Он стал писать стихи иначе – влияние Цветаевой: перенос слова в строке, внимание к звуку. Не возражает – из его новых стихов может состояться целая поэма. Жаль только – черновой вариант этой «Поэмы» Ярыгин при жизни не успел увидеть и через сорок лет этот черновик был со всеми машинописными опечатками Лопатина опубликован: Валентин Ярыгин. Поэма // Волга. 2009. № 1-2 (418).

Гущину видно наше томление, пытается развлечь рассказами из жизни – невероятной.

1905 год

Пермь, студенческая сходка. Уходили с приятелем, а по дороге мостик через ручей, лежит убитый жандарм. Вернулись предупредить, чтобы расходились, а по их следам – свежий снежок выпал – жандармы. Избили, судили. Не посадили. Пришлось лечить отбитые лёгкие, по совету жил в лесу. Повалился приходить старичок, осмотрелся – сказался посланником, за Гущиным. Есть на горах братство тысячелетних мудрецов, присматривают за человечеством, каждый на счету. Подходящих берут к себе – Гущин им понадобился. Условие – добровольность, внешность прежняя, от каких-то человеческих привычек отказаться.

А Гущину как раз загорелось быть художником, – это у него-то, Коли, ученика 5-го класса Пермского реального училища! – музей купил картину, уже в экспозиции висит.

Прощаясь, «посланник» показал три видения из будущей жизни Гущина. Два потом состоялись, а третий эпизод ещё впереди: – море, Гущин медленно заходит в воду, вода накрывает его с головой. Такой представлял себе Николай Михайлович Гущин собственную смерть.

Моё недоумение развеяла Наташа Свищёва, со страстью:

– ...он вам, дуракам, голову морочит, одно и то же всем рассказывает!

Как обухом по голове! Как не поверить? Наташа с детства знает Гущина, близкого друга семьи Наталии Ивановны Оболенской³ – главного хранителя Радищевского музея.

– *Лучше всех разбирается в живописи. Но! Трусиха!* – Лопатину сказал Иван Никитович Щеглов⁴ в 1962 году о Наталии Ивановне Оболенской.

Живут – угол Советской и Провиантской, коммунальный двухэтажный длинный дом с единственным балконом, на котором спит Иннокентий Михайлович Свищёв, школьный преподаватель математики, в прошлом революционер. Наталия Ивановна из «бывших» – дворянка.

Квартира – комната, два дивана, стол, на стенах картины Гущина.

¹ Валентин Львович Израилевич (1936–2009) – преподаватель мехмата Саратовского государственного университета.

² Вячеслав Лопатин. Кич // Волга. 2014. №5.

³ Наталья Ивановна Оболенская (1904–1980) работала в Радищевском музее с небольшими перерывами с 1925 до 1970 года; главный хранитель музея с 1951 по 1970 год.

⁴ Иван Никитич Щеглов (1882–1962) – художник.

В коммунальных соседях ровесница Наташи – Зора Абрамова, мать учительница. Зора с детства хорошо рисует, поступает в Саратовское художественное училище, – директор Просянкин¹ её выгоняет с 3-го курса за знакомство с Гушиным. Хороший живописец. У меня остался её этюд головы маслом с поправками Гущина, – получилась из учебной работы творческая вещь. Не удалась жизнь у Зоры, хотя дом сломали, дали хорошую квартиру на Астраханской. «Перестройка». Сын Валерка – «безотцовщина», неустроенный, баламут запойный. Внучка по пьянке отцовской обгорела на даче, уже взрослая с изуродованным лицом – давно её не видно.

Зора под поезд бросилась.

Гущин – где только не был!

До революции творческая поощрительная командировка за успехи в рисовании – Америка. Гущин делает памятник погибшим революционерам в родной Перми, бежит от Колчака – Харбин. Там на своей выставке разговорился с белыми офицерами – теперь им пришлось бежать от красных, – они тогда искали в Перми Гущина, чтобы расстрелять.

По мандату Дальневосточной республики – Япония.

Париж, Италия, Африка.

В Советский Союз приехал из Монако – Монте-Карло («Лазурный берег»).

В Монте-Карло у Гущина парусная яхта. В бурю любил выходить в море. В экспозиции музея Монте-Карло автопортрет Гущина – кот на плече, за спиной освещён солнцем парус, грозное небо. Эту картину, когда за границу в «Перестройку» стали пускать советских людей, увидел саратовец Чибряков Юрий Александрович. Усмотрел на этикетке фамилию знакомую, пригляделся – *Да это же бывший сосед! Гущин по приезде в Саратов жил в моём дворе, в гостинице «Колхозная», пока квартиру не получил.* – Чибряков увлёкся судьбой художника, спустя полвека после смерти художника получил возможность стать автором документальной кинокартины о Гущине², – «Перестройка».

– Да зачем же вы вернулись в Советский Союз? Живёте в коммуналке, недоброжелательное отношение властей, опасность ареста за свои неординарные взгляды. – На мой вопрос, а затем при мне его ещё дважды так спрашивали – один ответ:

– Вы ещё не понимаете, молодой человек, что такое тоска по родине.

Свет зари багрово-алой / ранил крыши Монте-Карло.

Раскраски радужные галла / тень разлуки умыкала.

Вишь опять циклопам взгляда / ввечеру блазилась Вятка.

О, безродного расклада / одинокая повадка.

Бржевский Александр Германович. 1988 год.

Стихи Бржевского интонационно родственны живописи Гущина. Бржевский впервые увидел картины Гущина, приехав на обсуждение разрешённой через двадцать два года после смерти художника персональной выставки Гущина, – «Перестройка». Александр Германович из сибирского города – племянник Гущина, сын советского прокурора. Не то чтобы далеко, но соблюдалась дистанция – ни Гущин к ним, ни они к Гущину.

Ретроспектива

– ...в Саратове... было и несколько честных художников, не пятнающих себя конъюнктурой – график Александр Скворцов³. Живописец Иван Щеглов. У Гущина перед ними было то преимуще-

¹ Михаил Иванович Просянкин (1919–2000) – художник. Директор Саратовского художественного училища (1950–1981).

² «Я вернусь». Документальный фильм. 1989. Юрий Чибряков – сценарист. Об этом см., напр.: <https://fn-volga.ru/news/view/id/109801>

³ Александр Васильевич Скворцов (1894–1964).

ство, что он при советской власти не жил, от ночного стука в дверь не вздрагивал, к чёрным воронкам не прислушивался, постановлений партии и правительства по вопросам искусства не изучал и не посещал вечерней партийной школы... Он остался и всю жизнь оставался человеком, с гневом воспринимающим даже легчайший признак насилия над собой. –

Н. Свищёва. Противостояние // Газета «Богатей» (Саратов), январь 2001 г., № 1 (65).

1925 год

– апрель – октябрь. Международная выставка декоративных искусств и художественной промышленности. Париж.

– Список экспонентов отдела СССР на Международной выставке декоративных искусств в Париже 1925 г., получивших награды, присужденные Международным жюри. В этом «Списке» в разделе – «Класс IX. Роспись» ...под номером 22 зафиксировано: Гуцин Н.М. – золотая медаль. –

М. Богадельщикова. Вокруг Гуцина. По архиву художника // Волга–XXI век. 2008. № 3-4. С. 190-191.

Гуцин просился в Советский Союз строить социализм – в советском консульстве объяснили, упустили: социализму пользы от Гуцина больше на Западе.

1927 год

Париж. Встретил Маяковского, сокурсника по художественному училищу:

– О, Коля! Такие же наивные глаза! Как живёшь?

– Хочу в Советский Союз!

– Зачем?

– Строить социалистическую культуру!

– Гиблое дело! Лучше денег дай, – у тебя всегда карманные деньги, а я в бильярд проигрался.

1948 год

Лето. Гуцин в Саратове.

– На левой руке носил не браслет – на верёвочке ожерелье, в несколько раз обёрнутое – горный хрусталь просверлённый. Чёрный берет баскский – ткань типа брезента и в берете дырочки, и металлические пистончики. Плащ короткий песочного цвета. И не пуговицы, а пластинки наклёпанные. Он, по-моему, и зимой в нём ходил. Сутулый, высокий, волосы с сединой. Хорошо разбирался в фотоаппаратах. На базаре купил у Ивана Гавриловича – мой знакомый: потом таскали в КГБ – зачем продал фотоаппарат Гуцину. Николай Петрович Трубкин знал Гуцина... –

Снегирёв Борис Николаевич. 1993 год.

В комнате Гуцина на стене смычок виолончели – память: первое время во Франции не мог устроиться – подрабатывал игрой на виолончели в парижских театрах. Козача¹, учившийся у Гуцина и потом оставшийся с ним в дружеских отношениях, говорил, что виолончель, привезённую из Франции, Гуцин был вынужден продать в оркестр Саратовского театра оперы и балета имени Н.Г. Чернышевского. Инструмент настолько хороший, что след его не может потеряться.

– Читал курс технологии и художественных материалов в 1948 году. –

Ответ Гуцина на графу в анкете.

–...после седьмого класса поступила в СХУ. Осенью 1948 года Гуцин вёл короткое время занятия по технологии – на первом этаже, под методкабинетом. –

Семёнова Нина Петровна².

¹ Виталий Федорович Козача (1918–2002) – художник.

² Нина Петровна Семенова (р. 1932) – заслуженный художник РФ.

– Я был старостой в СХУ, не мог не поддерживать отношения с Гуциным. (Зачем записывать мой рассказ, – мало ли что! – не надо записывать.) Кисти, краски, клей выписывал на занятия. А он читал в училище технологию материалов.

Мы все натягивали холсты, делали подрамники. Он диктовал рецепты грунтов и показывал на практике, как надо работать. Особенно хорош «веймарский грунт» – жухлости не даёт и блеску не даёт: всегда открыта кухня, краски принимает, всегда можно продолжать.

У меня рисунок Гуцина того времени – «Голова натурщицы» (бумага, соус, 44,2 x 37). В училище была организована студия для преподавателей, были занятия по рисованию. Постоянно рисовали Гуров¹, Щеглов, Миловидов². Посадили натурщицу и рисовали. И вот он пришёл к ним, вынул соус, бумагу взял и начал... И вот, пока он рисовал, они подходили посмотреть, а потом собирали свои рисунки и уходили потихоньку – и он один остался.

Я был в восторге, он видел, что это не наигранно и это искренне – поэтому мне и досталось. И подарил я ему аппарат трофейный – обменялись. Он фотографирование знал хорошо, в объективах разбирался хорошо – в аппаратах разбирался. Я ни разу не видал, чтобы он фотографировал, как ни придёшь, он всё рисует. –

Козача Виталий Фёдорович. 1986 год.

– В самом Гуцинском характере было заложено учительство (Пятницына).

– Обрели учителя европейского уровня. Невиданное и опасное пророческое вольномыслие. Магия свободы. Романтик и мистик убеждённый (Краснопёрова³).

Обсуждение каталога выставки «Формула цвета». 6 июня 1993 года.

«Законы изобразительного искусства... отменены быть не могут»

Гуцин учил писать непременно сразу всё, чтобы в любое время прерванная работа выглядела во всех частях одинаково законченно. Всё время следить за общим... Общее, общее – вот к чему надо стремиться. Идти не от анализа, а от синтеза.

...Он говорил с огорчением: чем ближе к нашему времени, тем меньше художники знакомы с законами изобразительного искусства, которые в любое время и при любом новаторстве отменены быть не могут. –

Ненашева: Волга. 1988. № 74.

Ненашева рассказывает об одном из ярчайших впечатлений своей жизни – портретном сеансе, на который она и соученик Аркадий Солоницын⁵ пригласили для консультации Николая Михайловича и тот откликнулся на просьбу. «Н.М. пришёл, посмотрел наши работы, проанализировал их. Сказал, что рисунок и живопись неотделимы друг от друга, поэтому нужно оставить маленькие кисточки и писать весь холст сразу большими цветовыми отношениями. Предложил показать нам, как это делается.

Взял у меня большую кисть, и где-то через полчаса на моём робком, вялом холсте появилось произведение яростное, захватывающее повышенной напряжённостью цветовых отношений... Работал не отрываясь, быстро переводя глаза с модели на холст и обратно, изредка давая нам пояснения. Нервная рука его мгновенно касалась кисточкой то холста, то палитры. Мы смотрели и слушали, затаив дыхание и открыв рты: на наших глазах свершалось чудо. После этого сеанса

¹ Владимир Фёдорович Гуров (1903–1989) – художник.

² Борис Васильевич Миловидов (1902–1975) – художник.

³ Лидия Петровна Краснопёрова – старший научный сотрудник Радищевского музея.

⁴ А. Ненашева. «Он воспитывал примером...» // Волга. 1988. № 7.

⁵ Аркадий Павлович Солоницын (р. 1927) – художник.

работать, чувствовать по-прежнему было невозможно. Гуцин согласился позаниматься с несколькими студентами.

«Занятия продлились недолго по независящим от Н.М. и от нас обстоятельствам», – пишет Ненашева в 1987 году и даже по прошествии стольких лет обстоятельств этих не называет. –

Пятницына. Художники круга Гуцина // СГХМ им. А.Н. Радищева. Материалы и сообщения. Выпуск 7. Саратов, 1995.

Учительство Гуцина, – в 1948 году преподавал технологию живописи в Саратовском художественном училище, – закончилось его изгнанием оттуда, по доносу «в ОБКОМ» преподавателей училища: эмигрант не имеет права учить советских студентов. Гуцина из СХУ уволили, остался работать реставратором в Радищевском музее.

– Дурак я, дурак, подписал коллективное заявление против Гуцина! – это Иван Никитович Щеглов в 1962 году.

– Да никто в Саратове так небо не напишет! – это о картине Гуцина «Камыши», подаренной Чудину, которую мы приносили уже больному Щеглову показать. Мы его навещали, приносили ему, вместе с проигрывателем «Рекорд», – послушать классическую музыку на долгоиграющих пластинках. Иван Никитович расчувствовался, – прежде сам пел в городском хоре, любил музыку, но ни в коем случае Утёсова, пугался всякого намёка на приклатнённость. Несмотря на расписку о неразглашении, – «Где были и что видели – забудьте! такое напутствие» – рассказал, что по доносу Гурова получил десять лет тюрьмы. На наше недоумение, как же – оба преподавали в художественном училище, – *Возможно ли, вы же с ним работаете!* – возмущение Ивана Никитича:

– Что вы говорите, мне следователь показал листок бумаги в ладонь и подпись Гурова: – Обратите внимание на художника Щеглова. Он избегает писать портреты рабочих и колхозников.

1951 год. 20 февраля

По наводке Гурова пришли к Щеглову домой с обыском, а портретов и правда – нет. Зато – рассказывал Иван Никитич – отыскался компромат: открытку не успел послать в «Детгиз» –

...почему советские писатели не пишут так хорошо, как Тургенев в рассказе «Муму». –

Открытку, по словам Щеглова, изъяли при обыске 20 февраля 1951 года.

В 1951 году Щеглова посадили на 10 лет, в 1954 году «активировали»: больных, чтобы не портили статистику смертей, из лагерей отпускали.

Александра Петровна Ильина, бывшая жена Ивана Никитича, подарила Лопатину копию ПРИГОВОРА и в первую очередь указала в тексте на несправедливость:

–...Ивана Никитовича ... судимого в 1933 году за антисоветскую деятельность особым совещание при коллегии ОГПУ на 3 года лишения свободы, меру наказания отбыл, в преступлении, предусмотренном ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР.

По словам Александры Петровны, когда человек попадает в тюрьму, полагается его выписывать из домовой книги:

– Ивана Никитича из домовой книги не выписывали. Зачем такой подлог – явный! – в официальном документе?

Умер Иван Никитович Щеглов 15 августа 1962 года. Похоронен на Воскресенском кладбище: 216, участок 32. Александра Петровна Ильина похоронила Щеглова в могилу их сына, умершего от скарлатины в 1910-х годах. Она заставила Лопатина, к его удивлению, переделать могильную табличку – на фанерке написал отчество «Никитович», пришлось переделать на «Никитич»:

–...чтобы было русским языком, не советским!

Более ста оформленных под стекло и окантованных бумагой рисунков с персональной выставки Щеглова 1961 года в Радищевском музее находятся в комнате коммунальной квартиры Ильиной – безо всякой надежды на спрос. И она подарила их Лопатину со «смешным» обоснованием:

– ...*вот у вас в окне стекло разобьётся...*

Лопатин и его жена Перерезова¹ подарили эти рисунки Радищевскому музею, и часть их была показана на выставке Щеглова к его 100-летию со дня рождения – 1982 года.

Рассказывает Щеглов о пребывании в лагере, где-то в Аткарском районе Саратовской области². Большое пространство огорожено глухим высоким деревянным забором. Внутри под летним солнышком, кучками и в одиночку сидят, ходят люди – минутка такая, когда его вызывают «без вещей»: примета плохая – на расстрел выводят «без вещей».

А никогда не говорят – куда ведут, зачем везут. Едут долго – машина без окон. Всю дорогу в дырочку смотрит. Узнаёт саратовский вокзал – в Саратов привезли.

Два конвоира с винтовками – выводят: коридоры, люди гражданские, некоторые в белых халатах. Комната, очередь. Сажает на стул – один рядом, другой конвоир у двери: люди в его сторону боятся смотреть. Иван Никитич тоже боится – радоваться: неужели не расстрел? Заводят в комнату. Один конвоир у двери остался, другой у стола пакет передаёт.

Медсестра нагнулась, будто что-то поправляет, а сама шепчет:

– *Иван Никитич, не бойтесь. Жалуйтесь на здоровье – вас выпустят.*

«Выпустили» не сразу – три года и восемь месяцев «отсидел»: Щеглову уже 74 года.

Эпизод с «активированием» рассказал сначала Щеглов, позже та самая медсестра – оказалась женой художника Ткаченко Василия Кузьмича. У того погибла от советской власти семья в Западной Украине, мальчишкой убежал в Саратов. Записался добровольцем на фронт. Живой остался – опять в Саратов: художник, женился. Живут – трясутся: узнают – схватят. Жена, медсестра, близко к сердцу приняла появление растерянного, с конвоирами Щеглова. Помогла ему сориентироваться в незнакомой обстановке – не побоялась.

– *20/10 1954 г. я был освобождён досрочно.* –

Щеглов. Личная карточка члена (кандидата) Союза Советских художников. Дата заполнения 12 февраля 1955 г.

Реабилитация

1956 год. 14 июля

– *Гр-н. Щеглов был в 1956 году необоснованно арестован органами государственной безопасности...*

В 1955 году уголовное дело на гр-на Щеглова по протесту Генерального Прокурора Союза ССР было рассмотрено президиумом Верховного суда РСФСР и прекращено. Гр-н Щеглов полностью реабилитирован.

Со дня реабилитации гр-н. Щеглов работает в СХУ и вынужден проживать у знакомых и, главным образом, в художественных мастерских училища, что является грубым нарушением постановления Художественного фонда СССР и решения правления Саратовского Союза Сов. Художников.

А. Гришин, зам прокурора Саратовской области // СГХРМ. Архив: А.В. и В.В. Леонтьевы. Опись № 1. Ед. хр. 195.

¹ Людмила Евгеньевна Перерезова (1935–2009) – художник.

² Щеглов отбывал срок в колонии (Лаготделение №7) в селе Луганское Красноармейского района Саратовской области.

1962 год

Иван Никитич с больничной койки намерен поскорее встать и в деревню: зимой искал решение будущей картины, писать летом начал... А у него скоротечный рак желудка – на солнышко вывели на каталке во двор больницы всего два раза. Ему не говорят о диагнозе, и он недоумевает, почему слабеет. Сохранился набросок Лопатина с натуры: Иван Никитич в больничном дворике, на каталке лежит – так и не встанет больше. Своего состояния не осознаёт.

Хочется его подбодрить: навязывается Лопатин в напарники на этюды – *как только встанете...* – Куда там, в ужас пришёл: да чтобы с ним рядом стояли, когда он пишет? Приходится отказываться от намерения – с облегчением переводим разговор «на живопись».

– *Всем временам пример – Сезанн работает только с натуры.*

Вспоминает Щеглов: участвуя в Москве на выставках АХРР в 1928, 1929 и 1930-х годах, он привлекает внимание качеством своей живописи. Вызывают в Москву – хотят поощрить: общее собрание – инцидент с А. Герасимовым¹.

– *Какое у вас отношение к Сезанну?*

– *Я считаю Сезанна большим художником!*

Герасимов демонстративно встаёт из-за стола президиума, молча выходит.

Монтичелли в Саратове

– *...долго стоит он (студент) как загипнотизированный перед мерцающей перламутром живописью Монтичелли.* –

Г.Н. Кожевников. 1946-1947 гг. Из истории Саратовского художественного училища (к 50-летию основания). СГХРМ. С. 37.

Щеглов и Монтичелли

Своё осмысленное отношение к живописи Щеглов связывает со временем, когда в Радищевском музее были обе картины Монтичелли – вторую работу из Саратовского музея можно увидеть в экспозиции Музея изобразительных искусств в Москве.

Щеглов называет фамилии саратовских художников – втроём они дружат, у них программа совместных согласованных увлечений: после Монтичелли Ван Гог, потом Сезанн.

– *Поглядеть бы теперь на те работы!*

– собственные эксперименты сгорели вместе с домом Щеглова в большом, тридцатых годах, пожаре «на горах» – улица Вольская.

– *С целью поучиться: только пример, иначе станете подражателем!*

– в манере Монтичелли исполнены: «Крестьянский дворик» 1926 года, «Лошадка» (в том же дворике) 1929 года – обе в Радищевском музее.

Гущин и Монтичелли

1959 год. Впервые назначив нам, студентам, встречу в Радищевском музее, в «Французском зале» – прежде всего заинтересовался нашим отношением к Монтичелли. Как на беду, только что в училище прошёл урок по истории искусства. Упоминалось имя этого художника. Гущин от возмущения чуть до потолка не подпрыгнул, услышав от Лопатина, что Монтичелли сумасшедший – ну и тут же, к видимому облегчению, получил разъяснение, что это не относится к живописи художника.

Успокоившийся Гущин считает необходимым рассказать о себе: всю жизнь увлечён психологией, и о сумасшествии может судить профессионально, так как учился в 1909-1910 годах в Психоневрологическом институте в Петербурге. Монтичелли сошёл с ума не потому, что рисовал.

¹ Александр Михайлович Герасимов (1881–1963) – художник.

В процентном отношении сумасшедших среди художников не больше, чем в других слоях населения. Не без ехидства уточнил, что сходят с ума и советские рабочие и колхозники.

Картина Монтичелли «Окрестности Парижа»: неизученный, лучший период творчества художника, само открытие которого ещё впереди. Одно присутствие этой картины ставит Радищевский музей в ряд крупнейших музеев мира. Монтичелли одновременно и предтеча импрессионизма, и представитель постимпрессионизма, находит свой путь в изобразительном искусстве,

...опередив своё время! Его картина – это даже не живопись!

Живопись ошибочно считают изобразительным искусством.

Вот такими загадочными словами счёл необходимым изъясняться Гушин перед студентами художественного училища: Санников Александр, Людмила Перерезова, Вячеслав Лопатин.

Гушин любит живопись Монтичелли: когда жил во Франции, был преуспевающим художником и коллекционером. Часть работ привёз в СССР. У него было пять небольших картин позднего Монтичелли, и теперь жалеет, что перед отъездом из Франции продал их.

Если бы знал, что в Советском Союзе любят Монтичелли, непременно привёз бы их с собой.

О себе говорит, что по западным меркам не был богатым человеком. Жил в Монте-Карло (Княжество Монако), имел парусную яхту, мастерскую, неплохую коллекцию живописи, из которой в Саратов привёз портрет работы Гойи, картину Ван Тройена, икону Равенской школы, скульптуру Менье.

– ...высокий божественный смысл Игры. ...это чувство не только не исчезает, а, напротив, обостряется. ...Игры, завораживающей, провоцирующей, продлевающей нашу встречу с картиной. ...сама живописная материя. И можно уже не искать разгадок, а просто смотреть, как переливается и мерцает фактура, как рядом с буграми краски образуются впадины и как по ним в последнем лёгком касании скользит кисть, оставляя прозрачные следы... –

Наталья Свищёва. Свободные фантазии Валентина Юстицкого // Газета «Саратов». 1992. 23 апреля.

Некоторые картины Юстицкого (1947–1951)

1948 г.

«Весенние радости». Х., м. 48,5х59. Приобретено Радищевским музеем в 1984 году у В.Ф. Чудина. Ж 2694.

«Гобелен». Х., м. 60,5х50. Приобретено в 2005 году у А.В. Юстицкой, дочери художника.

1949 г.

«Весенние радости». Х., м. 57,7х77. Приобретено в 2006 году у А.В. Юстицкой.

«Дамы в масках». Д., м. 28х23.

1950 г.

«Бал в Версале». Х., м. 67х93. Приобретено в 1983 году у А.В. Юстицкой. Ж 2596.

«Парки» («Судьба»). Х., м. 58х78,5. Приобретено в 1983 году у А.В. Юстицкой. Ж 2599.

«Весенние радости». Х., М. 57,7х77.

«Арлекин». К., м. 51,2х44. Приобретено в 1965 году у З.Н. Юстицкой. Ж 1465.

1951 г.

«Въезд Дон-Кихота в Саламанку». Х., м. 69,6х102,2. Приобретено в 1968 году у З.Н. Юстицкой. Ж 1503.

1947 год

Заочная полемика Юстицкого с Миловидовым с Успенским¹

Успенский Валентин Сергеевич (летняя практика 1958 года студентов 3 курса СХУ):

¹ Успенский Валентин Сергеевич (1926–1992) – художник.

– Врубель для вас может быть хоть богом, но пусть на работах ваших это никак не сказывается.

– Гуцин? Океан колористических исканий! Недолго и утонуть...

Сообщил Лопатин.

Миловидов (1946 год: привёл студентов художественного училища в Радищевский музей и возле французов говорил: – *От Добиньи идите, от Монтичелли не идите.*)

– *Враньё! Не может художник проповедать то, что не исповедует!* – Реакция Юстицкого 1947 года на рассказ Аржанова о советах Миловидова.

Сообщил Солянов.

Открытие Монтичелли – «ещё впереди»!

Обратим внимание, что обе картины Монтичелли Радищевского музея (одна отобрана инстанциями и экспонируется в Москве) происходят из собрания Алексея Петровича Боголюбова и, после их приобретения, Боголюбов, подобно Монтичелли, стал писать этюды не на холсте, а на деревянных дощечках – единственный среди русских художников-пенсионеров. Кроме влияния своих друзей Коро и Добиньи, в творчестве Боголюбова, может быть, в большей степени просматривается ранний Монтичелли:

–...я стал вглядываться, как этот народ, выросший в школе Энгра, Руссо, Коро и прочих новых светил, ещё только что тогда открывших новую эру французского пейзажа, глядит на натуру. –

А.П. Боголюбов. Записки моряка-художника. Публикация, вступление, комментарии, указатель имён – Н.В. Огарёва¹. Самара: Издательский дом «Агни», 2014. С. 82.

Сказывается живопись Адольфа Монтичелли на работах Гушина, Юстицкого – по мнению Ирины Пятницыной, их послевоенное творчество – симбиоз. К сожалению, смерть помешала Пятницыной разработать эту тему в статье.

Присмотримся и мы к предтече импрессионизма и постимпрессионизма Монтичелли. Тонкослойному письму предшествует рисунок мягким коричневым карандашом – просматривается по всей поверхности.

– *Что же изобразил здесь художник – бурлящую воду, снег, белую каменистую почву?* –

Л.П. Краснопёрова. Окрестности Парижа А. Монтичелли // Пути русского символизма: провинция и столица. Материалы девярых Боголюбовских чтений. Саратов, 2006. С. 95.)

На картине Монтичелли – уникальное состояние природы, изображения которого не усмотрели никакие художники: против низкого слепящего солнца – бывает дважды в году, перед выпадением снега и когда он растает. При такой неустойчивой погоде редко проглядывает низкое пронзительное солнце, дающее эффект скользящего света, отмеченный Л. Краснопёровой. Картину можно долго рассматривать: возвращаясь – видеть заново. Способна долго удерживать внимание – уже «сюжет» не прочитывается, а на уровне красочного слоя «смотрение» разворачивает «музыкальную ткань» восприятия: предчувствие живописи, которую – *ошибочно считают изобразительным искусством* (Гуцин).

В конце XX века, при обходе Лопатиным старой экспозиции вечернее солнце при косом свете выявило графью – в левом нижнем углу по сырой краске черенком кисти художником оставлена подпись и дата написания:

– «А М 53»: «А(дольф) М(онтичелли), (18)53 (год).

¹ Нонна Валерьевна Огарёва (1925–2016) – искусствовед; сотрудник Радищевского музея (1948–1970).

«В Саратовском художественном училище без Щеглова пострадает учебный процесс». Щеглов в 1962 году с обидой рассказывает:

– После войны... из Москвы запрос в художественное училище: поддерживает ли коллектив училища кандидатуру Щеглова на государственный «пансион», чтобы ему полностью отдаться искусству. – Не поддержали. – Завуч Никитин Владимир Ильич... отвечает на запрос: умелый, тактичный, за тридцать лет выучил всех молодых художников Саратова – без Щеглова пострадает учебный процесс.

Записал Лопатин.

1947 год

«...Ни слова об импрессионистах!»

После войны плохо с репродукциями: Иван Никитич приносит в училище свои – качество печати лучше в дореволюционных изданиях (Леонтьев¹) – учит студентов на импрессионистах – ... свет в окошке (Щеглов). Раскладывает на полу репродукции с картин импрессионистов – проводит занятие. Дверь открыта, проходит мимо Никитин, завуч. И зовёт Владимир Ильич Ивана Никитича в свой кабинет:

– ЧТОБ С СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ НИ СЛОВА ОБ ИМПРЕССИОНИСТАХ!

Записал Лопатин.

В 1947 году Музей изобразительных искусств Москвы вывел из экспозиции импрессионистов, на их месте до 1953 года был «Музей подарков товарищу Сталину».

Личный опыт художника Щеглова

Начинать писать этюды небольшого размера, постепенно размер увеличивать – по мере того, как начинает получаться. Достижением своим считает – может выходить «на натуру» с холстом метрового размера.

– Писать широкой кистью. Сразу всё, большими отношениями, ярким цветом – ни в коем случае серенькими красками; уточняйте цветовые отношения, продолжая писать, но основа – цветовая – уже заложена. –

– Себе нужно верить, не чужому опыту доверять.

Вот «Родник» у Ивана Никитича: вопреки общепринятому – как учат! – передний план остался жидкой пропиской, а дальний постепенно нагружался красками, и уже небо написано корпусно.

– Разве не удачная вещь получилась?

Достижения свои находит не только в цвете, как принято считать со стороны, дескать, живописец хороший, да рисовать не умеет. Иван Никитич считает необходимым работать с рисунком

– ...рисунок дисциплина самостоятельная, как и композиция.

– И композиция! Все саратовцы, кроме Мусатова, его пренебрегают...

– Из саратовцев разве только Сапожников² рисовальщик лучше Щеглова? ...

– Из ровесников Белоусов³ – но к цвету невнимателен.

Пример работы над композицией – Сезанн: с натуры-то с натуры, да надо и думать. Вот сидел Иван Никитич возле грязелечебницы, писал мостик через Глебучев овраг («Казанский взвоз». 1945 год) – пришлось перспективу нарушить, чтобы пейзаж вместить в пределах холста. При бо-

¹ Имеется в виду либо Александр Владимирович Леонтьев (1893-1962), либо Виктор Владимирович Леонтьев (1898-1965), фотографы, сотрудники Радищевского музея.

² Сапожников Алексей Алексеевич (1888–1954) – художник.

³ Белоусов Федор Васильевич (1885–1939) – художник.

ковом свете видно, сколько раз переписывались перила моста. Убедительно получилось – никто из зрителей не замечает перспективных искажений.

С видимым «трудом», забываясь в работе, делает свои натюрморты и пейзажи Иван Никитович Щеглов. Прилагая усилия – «работая», и мы в его картинах, рисунках увидим авторскую артистичность, чуждую иным «блестящим» проявлениям. «Неказисто» – это поверхностное отношение к искусству Щеглова: щегольство несвойственно ему.

1961 год – Щеглову восемьдесят лет: на обсуждении его персональной выставки 1961 года говорят, что его живопись самая молодая.

При надлежащем отношении уникальный опыт художника Щеглова будет востребован... к сожалению, не сейчас: его не показывают, на нём не учат...

– Мать И.Н. Щеглова, заметив у мальчика большую любовь к рисованию, с самого раннего детства всячески поощряла развитие его способностей. Учительница школы, где учился И.Н. Щеглов, обратив внимание на дарование школьника, также советовала ему в дальнейшем серьёзно заниматься рисованием. Но тяжёлое материальное положение не позволило И.Н. Щеглову отдаться своему призванию в юности и своевременно получить необходимое художественное образование. Только после того как И.Н. Щеглов в 1903 году устроился конторщиком в управлении Рязано-Уральской железной дороги, он смог поступить в Саратовское Боголюбовское рисовальное училище, которое окончил в 1913 г. –

Н. Оболенская. Выставка работ художника Щеглова Ивана Никитовича. Каталог. Саратовское книжное издательство, 1962.

Зима 1961-1962 годов

– Кем я мог работать в Управлении железной дороги? Младшим конторщиком. При зарплате в шесть рублей носил котелок с тросточкой! Сейчас у меня шестьдесят рублей, но я не могу носить шляпу, пойти с тросточкой (Щеглов).

– ...Нелегко было одновременно работать и учиться, но, несмотря на это, Щеглов успешно закончил в 1913 году училище и начал самостоятельный путь в искусстве. Однако высокая требовательность к себе заставила его возобновить «годы ученичества». Ради совершенствования профессионального мастерства он в 1918 году поступил в открывшийся тогда в Саратове Высший Художественный институт, в мастерскую профессора А.И. Савинова, и в 1923 году вышел оттуда со званием художника станковой живописи. Вскоре Щеглов стал преподавателем Саратовского художественного училища. Он отдал педагогической деятельности более 40 лет, и, пожалуй, ни об одном из учителей бывшие студенты не вспоминают с такой любовью, благодарностью и уважением, как о Щеглове. –

Н.И. Свищёва. Иван Никитич Щеглов (1882–1962). Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1972.

<...>

1930 год

– Саратовские художники получили инструкцию – организовано товарищество «Художник». В. Завьялова. СГХРМ. Архив... Ед. хр. 22.

1932 год. «Лагерь художников»

– Постановлением ЦК ВКП(б) положен конец всем формалистическим извращениям в искусстве и все художественные силы в стране были объединены в единый лагерь союз Советских художников...

По-прежнему в техникуме доцветал формализм. В 1934 году с приходом нового директора Г.А. Кириленко положение резко изменилось... Формализм, расцветавший в училище все эти годы, был окончательно похоронен. Последний и наиболее яркий его представитель В.М. Юстицкий сошёл со сцены и как преподаватель, и как художник, наглядно показав беспочвенность и гнилость основ формализма в искусстве. –

Г.И. Кожевников. Из истории саратовского художественного училища (к 50-летию основания). 1946-1947 гг.

1937 год

Юстицкий приговорён к десяти годам лишения свободы по статье 58-10:
– за контрреволюционную агитацию.

Леонтьевы: Саратовская хроника

–14 августа 1938 г. Доклад Бурмистрова¹ (директор Радищевского музея).

Полит просвет работа (сектор).

«Голубая роза» У нас выплывает как положительное

А так как самое отрицательное (явление).

К праздникам Революции.

Люди готовятся по-настоящему к этим дням.

Музей поставлен на службу Советской власти.

(а мы с таким отделом Советского искусства далеко уедем?) –

СГХРМ. Архив... Ед. хр. 49, лист 309.

23 августа 1938 г.

– Не выставлять (в экспозиции Радищевского музея)

Вебера², Корнеева³, Юстицкого. –

....Ед. хр. 29, лист 165-оборот.

1939 год

– Политическая ошибка показать Врубеля, Мусатова. –

...Ед. хр. 23.

<...>

Разоблачён Юстицкий

1947 год. Отсидев в лагерях десять лет (девять – «активирован» на год раньше по состоянию здоровья), возвратился Юстицкий в Саратов. Педагогическую работу доверять нельзя.

Взялся вести детский кружок изобразительного искусства – Дворец культуры «Комбайн». Маркушину, тогдашнему старосте этого ИЗО-кружка в составе проверяющей Комиссии, запомнился Бадаква Виктор Павлович:⁴

– ...в белой рубашке, как глиста.

По отзыву Комиссии преподавать в ИЗО-кружке Юстицкому запретили.

Творческие заказы – не дают.

¹ Иван Дмитриевич Бурмистров (1898–?) – директор Радищевского музея с 1937 по 1949 г.

² Яков Яковлевич Вебер (1870–1958) – художник.

³ Федор Максимович Корнеев (1869 – после 1934) – художник.

⁴ Виктор Павлович Бадаква (1918–1970) – художник.

1947 год

«Художник – боец передовой линии идеологического фронта»

– Все эти «Голубые розы», «Бубновые валеты», «Ослиные хвосты» и прочие порождения декадентской и формалистической эстетики несли в себе реакционное содержание, утрачивали национальную независимость в области художественного творчества, одурманивали и духовно растлевали народ. –

Искусство победившего социализма. Редакционная статья // Искусство. 1947. № 6. Ноябрь-декабрь.

1948 год

–...своим знаменем в живописи декаденты сделали М. Врубеля. ...Ясные, гармоничные по своему духу человеческие образы недоступны искусству Врубеля. ...оглядываясь на свой жизненный путь, увидел безвыходность этого пути...

В произведениях В.Э. Борисова-Мусатова нашли своё выражение романтика старого, уходящего мира, настроения упадка и увядания... художник в последний раз воскресил тени минувшего. От его грустных, мечтательных женщин в криолинах и локонах веет холодом могилы.

...Реакционные упадочнические настроения буржуазной интеллигенции 1907-1910 годов особенно ясно отразились в произведениях художников-декадентов, выступавших на выставках «Голубая роза», «Венок», «Салон Золотого руна».

...Стасов: – «Ларионов, Сапунов, Ульянов... Но, кажется, всех обогнал Павел Кузнецов¹, этот из декадентов кажется самый безнадёжный. Сквозь его ужасные холсты не пробьётся уже ни единый самомалейший луч смысла света...» –

А. Зотов. Борьба двух направлений в русском искусстве (конец XIX – начало XX века) // Искусство. 1948. № 3.

1950-е годы

Саратов. Здешние уроженцы Борисов-Мусатов, Кузнецов, Матвеев, Петров-Водкин первыми упоминаются в погромных партийных инструкциях

Добавляются новые имена – Корнеев, Вебер: их картины изымаются из экспозиций, «списываются» из государственных хранилищ.

1951 год: Щеглов получает десять лет лагерей.

1947 год: в Саратов приезжает французский репатриант Гушин (назначен на работу реставратором в Радищевский музей), возвращается из лагеря Юстицкий. Друзья дореволюционной поры Гушин и Юстицкий хранят традиции Боголюбова: критерий качества, связь с европейским искусством, укоренённость российскую.

«Укрепить партийную прослойку» художественной интеллигенции идеологически неблагополучного региона предназначено будущему директору Саратовского художественного училища Михаилу Ивановичу Просянкину:

– *Весь Саратов мне отдали* (пьяный сказал студентам СХУ в 1957–59 годах).

1950 год

– В этом году Просянкин закончил 3 со звёздочками. Сообщено тов. Туманяну.

СГХРМ. Архив. А. и В. Леонтьевы. Ед. хр. 12. На 300 листах. 9 частей. VIII. С.278. 12 сентября 1950 г.

«1950 год. В этом году Просянкин закончил 3 со звёздочками»: зашифрованная Леонтьевыми информация воинского звания – разве не по линии КГБ? Становится директором Саратовского художественного училища.

¹ Павел Варфоломеевич Кузнецов (1878–1968) – художник.

Успенский, Богдеско¹, несколько ранее Макарова², окончившие институт ранее Просянкина, получают назначение в это же училище преподавателями.

Конец 50-х

Гущин – «опять учит»: – осведомил Союз художников недоброжелатель Гущина Александр Пугачёв³, новый реставратор, пришедший работать в реставрационную мастерскую Радищевского музея в 1956 году: теперь в музее два реставратора.

– В самом гущинском характере было заложено учительство. Он охотно делился знаниями со всеми, кто готов был его слушать. В реставрационной мастерской собиралась группа сотрудников – Огарёва, Пугаев, Чернышев, приходили Свищёва, Абрамова. Все хотели учиться рисовать. Гущин ставил натюрморты, давал советы и указания. У Пугаева были заметные успехи в рисовании. –

Ирина Пятницына. 6 июня 1993 года: обсуждение каталога выставки «Формула цвета».

Как раз в то время Обком КПСС разбирал донос на Гущина Союза художников: директор Радищевского музея Завьялова Валентина Фёдоровна⁴ под видом реставратора держит на работе идеологического диверсанта Гущина. А тот в музее организовал кружок формалистов:

– уже безнадежно испорчен Михаил Аржанов, а вот за молодого способного художника Виктора Чудина⁵ ещё можно побороться.

Завьялова организовала в защиту музея письмо и собирала подписи к нему. Попросила Лопатина отнести это письмо на подпись больному Щеглову. Тот попросил прочесть письмо и подписал его. Там уже были подписи художников Боброва⁶ и Данилова⁷ и незнакомых артистов, музыкантов, писателей.

Пугачёв при поддержке Бородин⁸, председателя Саратовского Союза художников, был настолько уверен в своей позиции, что положил на стол Завьяловой, директора Радищевского музея, ультимативное заявление об увольнении – «или я, или Гущин!». И, к удивлению заявителя, Завьялова подписывает заявление – увольняет Пугачёва.

Гущин с удовольствием, неоднократно рассказывает об одновременном получении им двух сообщений: Министерство культуры СССР уведомляет о невозможности передать его картину «Ганди» в Индию; Министерство иностранных дел СССР – о предстоящем вручении Джавахарлалу Неру в дар от Советского правительства картины «Ганди».

Сообщение ТАСС («Правда». 1962. 28 января.): портрет Ганди, национального героя Индии, работы Гущина, от имени Советского правительства подарен премьер-министру Джавахарлалу Неру. Из Сообщения узнаём (сам Гущин не рассказывал), что в войну в Монте-Карло (Княжество Монако) основал близко примыкавший к движению французского сопротивления «Союз советских патриотов», который поддерживал своими средствами.

Таким образом узнаём: в Министерстве иностранных дел имеются дополнительные сведения

¹ Илья Трофимович Богдеско (1923–2010) – художник. Преподавал в СХУ в 1951–1953 гг.

² Елизавета Ивановна Макарова (1913–?) – художник. Преподавала в СХУ в 1950–1960 гг.

³ Александр Владимирович Пугачев (р. 1925) – старший реставратор Радищевского музея (1957–1961).

⁴ Валентина Фёдоровна Завьялова (1908–1963) – директор Радищевского музея (1949–1963).

⁵ Виктор Фёдорович Чудин (1936–2016) – художник.

⁶ Борис Павлович Бобров (1913–1964) – художник, с 1950 по 1960 г. председатель Саратовского отделения Союза художников.

⁷ Виктор Кириллович Данилов (1909–1981) – художник, директор Саратовского художественного училища (1948–1952).

⁸ Алексей Иванович Бородин (1915–2004) – художник, в 1960–1964 гг. председатель Саратовского отделения Союза художников.

о пребывании Гущина во Франции. В дальнейшем, при составлении биографии этого художника, необходимо воспользоваться этой информацией.

Результат доноса на музей – требование Обкома КПСС провести специальной комиссией разбор закрытой выставки работ Гущина, Аржанова, Солянова¹, и в их присутствии. Завьялова предупредила Чудина, чтобы он рта не раскрывал на обсуждении, а Гушин на другой день упрекал Виктора за молчание.

Положительные результаты обсуждения (Сообщение ТАСС) стали известны не сразу, и Гушин сообщил о них в письме Чудину – в Польшу: завербовался на службу по линии военкомата из-за невозможности работать художником в Саратове.

– Горечь же свою, что мною потеряны последние четырнадцать лет, что я лишён был возможности заниматься педагогической деятельностью, по-настоящему не мог войти в интенсивную творческую работу, а вынужден был ограничиться реставрационной работой в музее – всё это пусть остаётся на их совести. –

1962 год. Гушин – приложение к письму Чудину в Польшу, с припиской:

– Прилагаемое письмо в Обком прошу сохранить. Н. Г.

1962 год. 24 августа

Общее собрание Саратовского отделения Союза художников СССР

Присутствуют: Черных² – Обком КПСС. Родионова – секретарь Фрунзенского райкома КПСС. Карташев³ – приезжий художник – «генерал»: секретарь Правления Союза художников РСФСР.

БОБРОВ (Председатель Саратовского отделения С.Х. вместо Бородин А.И.):

– Мнение Карташева, информирующего о Радищевском музее, основано на суждениях поспешных и необоснованных.

ЗАВЬЯЛОВА:

– Друзья, братья и товарищи! Предыдущее Правление – состояние растрёпанности, раздрозанности. Атмосфера друг с другом разделаться. Дискредитирование искусствоведов. Научили художников – «как делать?». А «что делать?» – этому не учили. Художники должны видеть жизнь, а это даётся опытом, зрелостью. Нам нужно учиться говорить о вещах, у вещей на выставке.

ГУРОВ:

– В отношении абстрактного искусства – его нет в Саратове. Есть отдельные фанатики – Аржанов ... не умея рисовать, писать, мы в корне его пресекли.

РУСЕЦКИЙ:⁴

– Аржанов, который работает в музее, – не художник, у него нет произведений, а то, что есть – мило.

АРХАНГЕЛЬСКИЙ:⁵

– Прения внутри вызваны нашими же товарищами. Коллектив оказался выше их дразг.

Фамилия Гущина на собрании – «не употребляется».

На этом собрании Лопатин попросил слова и сказал, что Щеглова посадил Гуров. Лопатин со страху сказал, – напуган Щегловым (в то время Союз художников написал в обком коллективный донос, что Гушин идеологический диверсант). С рук Лопатину сошло только потому, что огласил, а не втихую сказал.

¹ Владимир Алексеевич Солянов (1927–2016) – художник.

² Валентин Матвеевич Черных (1902–1987) – секретарь Саратовского обкома КПСС.

³ Олег Николаевич Карташев (1910–1965) – заслуженный художник РСФСР.

⁴ Федор Петрович Русецкий (1905–1966) – художник.

⁵ Николай Александрович Архангельский (1914–1982) – художник.

Общее собрание Союза художников – зачитывается резолюция, что в Саратове нет формализма.

С собрания идут вместе – Завьялова Валентина Фёдоровна, директор Радищевского музея, и Солянов Владимир Алексеевич – реставратор:

- Неужели ... Как же так! Гуров и Щеглов – они же вместе работали...
- Да прекратите! В то время все друг на друга писали!

В 2006 году Приклонская Вероника, научный сотрудник Радищевского музея, в одном из саратовских архивов разыскала стенограмму собрания местных художников 24 августа 1962 года: в резолюции оказалось записано, что – *собрание с негодованием отвергает измышления Лопатина в адрес Щеглова.*

После собрания секретарь Союза художников Прокопенко предлагает Гушину вступить в Союз художников.

- Сплочённое осиное гнездо (Гущин).
- Волки сбиваются в стаю (Аржанов).

На предложение обкома о творческой встрече с художниками Гушин отвечает отказом.

Недоброжелателям – конфуз, мало сказать! – ненадолго.

1962 год

- Пора расширить наши представления о наследии

...пресечение живописно-пластических поисков лучших художников 20-х годов было пресечением глубоких, исторически складывавшихся традиций искусства – национального и мирового. Пора восстановить в полном значении имена художников, чьё творчество было продолжением этих больших традиций: Петрова-Водкина, П. Кузнецова, Лентулова, Фалька, Татлина, Матвеева. Нужно восстановить искусственно прерванное развитие большого пластического стиля, культуры материала, чем, собственно, и было замечательно творчество перечисленных художников, составляющих золотое ядро классики советского изобразительного искусства. –

Н. Андронов. Живые традиции // Искусство. 1962. № 3.

ИСТОКИ САМОБЫТНОСТИ

– Павел Кузнецов всегда был провинциалом. Его рождение и воспитание в Саратове в конце 19 в., вдали от культурных центров Российской империи дало ему свободу стоять в стороне от принятых понятий об искусстве, не принимая общепринятых мнений интеллектуалов-космополитов столицы – Санкт-Петербурга или более сознающих себя «россиянами» москвичей. Его провинциальное происхождение обычно выдвигается в качестве источника (причины) его причудливой, порой эксцентричной наивности, его привлекательной мальчишеской натуры, или же, в ранние годы его творчества, его дерзкой, недисциплинированной оригинальности. С другой стороны, он всегда будет представляться стоящим в стороне аутсайдером, которому не доставало особых привилегий и покровительства, которыми могут пользоваться представители интеллектуальных кругов обеих столиц. Кузнецов никогда не был среди этих интеллектуалов.

...С тем же энтузиазмом, что так привлекало британцев к Индии и французов к Северной Африке, также и русские были очарованы «Востоком», от дикого и романтического Кавказа Лермонтова и молодого Толстого, от простой мудрости Дальнего Востока, описанного Владимиром Арсеньевым, до кочевых идиллий киргизских степей и шумных и многоцветных базаров Средне-Азиатских Эмиратов, изображённых уже самим Кузнецовым. Восток виделся восхитительной, необыкновенной, таинственной и ко всему прочему, неиспорченной «хранилищем» древних мудростей, из которых индустриализованный, сверхцивилизованный Запад мог научиться их преимуществам. Там художник и мастер прикладного искусства могли освежить своё визуальное восприятие не только

благодаря разнице, но и потому, что Восточные искусства не подверглись уничтожающему индивидуальности влиянию Западного академического учения. Здесь чувствовалась и осознанная стихийность, непосредственность, и благородство жестов и беззащитная экспрессия цвета, движения, образов и структуры. Русский неопримитивизм также признавал Восток источником, из которого протекает собственное родное искусство, в котором законная струя была изнурена, превращена в критический реализм 19 века, –рекой, искупавшись в которой, можно было освежить зримую образность. –

Peter Stuppes. Pavel Kuznetsov. – Cambridge University Press. 1989. Перевод: Марина Сергеевна Савенкова, Валентина Сергеевна Палькова.

1962 год: Декабрь – Манеж, Хрущёв:

– В чём-в чём, а в отношении искусства и культуры Сталин был абсолютно прав! Слышите? Прав без всяких оговорок! –

Нина Молева. Эта долгая дорога через XX век. М.: Книжная находка, 2003. С. 201.

1972 год

Неутилитарное искусство

Идёт Лопатин с Чудиным по Саратову. Книжный лоток на улице:

– Гляди! Гегель: «Эстетика» – в четырёх томах!

И надо было в руках Виктора раскрыться первому тому на неутилитарности искусства.

– А художники что делают? Где наша совесть?

Заводится Чудин, покупает Гегеля. И давай ссылаться на авторитет.

Последствия скорые...

Собрание творческой интеллигенции города Саратова

Очередное Постановление толкует на местном материале заведующий отделом культуры обкома КПСС Шабанов Николай Иванович:

–...модные и сверхмодные мальчики ТЮЗа...

Космополитизм, нигилизм... чванливая национальная ограниченность. В области художественного творчества не всё обстоит благополучно... позиция художника, глубина... расцвет, кругозор.

Идёт борьба за души художников...

Анатолий Катц¹, Юрий Болдырев², Виктор Селезнёв³, Борис Ямпольский⁴... Клеветнические, антисоветские... Протащить свои взгляды, своё кредо в стихах Бернса у Юрия Болдырева... две правды... правда Болдыревых и Селезнёвых.

...Катц в концертной деятельности... руководство филармонии согласилось поставить «Вестсайдскую историю» Леонарда Бернстайна ... девушка и трое мужчин... теряя смысл и цель, приобретают опыт. Быт американских кабаков... Мы должны бороться с Катцами за самих Катцев. Не поймут – пусть делают выводы сами... Ещё раз подумать и пересмотреть своё поведение. Тактика пролезания во все щели... Безуспешны попытки врагов опрокинуть основы социалистического реализма...

Художники несут вздор. Идти от Гегеля призывает Виктор Чудин. Под определённым влиянием сформировался...

¹ Анатолий Иосифович Катц (1936–2017) – пианист, композитор и педагог. Заслуженный артист РСФСР.

² Юрий Леонардович Болдырев (1934–1993) – литературовед.

³ Виктор Макарович Селезнев (1931–2012) – литературовед, журналист.

⁴ Борис Яковлевич Ямпольский (1921–2000) – литератор.

Зинаида Давыдова¹ в газете «Заря молодёжи» протаскивает... явно идеалистическое и формалистическое... и вздор-то не их...

Давыдова о них в «Заре молодёжи» пишет... её муж художник Борис Давыдов² к какому лагерю принадлежит? Коллектив музея Радищева... никак не может спуститься с высот классического искусства на саратовскую землю... –

Записал Лопатин.

Результат

Анатолий Катц – пианист, на три года лишен сольной концертной практики.

Юрий Леонардович Болдырев – уволен с должности директора букинистического магазина.

Виктор Селезнев – уволен из Приволжского книжного издательства.

Борис Яковлевич Ямпольский – уволен с работы (художник кинотеатра «Пионер»).

Виктор Чудин – уволен из Художественного фонда при Союзе художников, лишен творческой мастерской.

У Гущина

– проигрыватель «Рекорд», набор долгоиграющих пластинок. В уголке треугольный столик, цветы – торчит обычно репейник. И бутылка хорошего вина. Тщательно готовится к приёму гостей, которым собирается показать свою живопись – обязательно под стеклом, электрическая лампочка триста свечей. Звучит музыка: «Грустный вальс» Сибелиуса гостям, пришедшим первый раз; знакомым – Шопен; почитает Баха – «Хорошо темперированный клавир»; «в родстве» с Шуманом, с пиететом к Скрябину. Люся Перерезова, жена Лопатина, художник, спрашивает:

– *Николай Михайлович! Почему у вас нет Бетховена?*

– *Бетховена у меня не может быть!*

Шуман – любимый композитор. Гущин особенно любит музыку позднего периода, написанную, по мнению знатоков, душевнобольным композитором: «Концерт для виолончели с оркестром» и «Фортепианная фантазия До-мажор, опус 17», имеющая относимое Гущиным к себе программное посвящение из Фридриха Шлегеля:

Во сне земного бытия / Звучит, скрываясь в каждом шуме,

Таинственный и тихий звук, / Лишь чутькому доступный слуху.

И Гоголь: – *Струна звенит в тумане* – эта строка встречается в дарственных надписях на обоях картин Гущина, произносится часто, но не все – из «Записок сумасшедшего».

К характеристике Гущина – аналогия

– *Для Шумана музыка прежде всего была способом выражения всего того, чем возбуждалась его внутреннее, духовное «я». Своё творчество он всегда связывал с какими-либо именами, лицами или же пережитыми страницами (С. 98).*

Музыка Шумана нашла и ещё найдёт отголосок в душах мечтательных, её поймут только серьёзные умы, которые не довольствуются одной гладкой поверхностью, но опускаются на дно и там ищут жемчужин (С. 100). –

А.Г. Рубинштейн. Лекции по истории фортепианной литературы. М.: Музыка, 1974.

«Взрослый ребёнок – зрелая душа»

– *Литературный музыкант, музыкальный литератор – Шуман апостол романтизма. Истин-*

¹ Зинаида Георгиевна Давыдова, в девичестве Смолякина (1938–1996) – учитель французского, журналист, поэтесса.

² Борис Иванович Давыдов (1936–2015) – художник.

ная романтика связана с детством, а не со зрелостью: взрослый ребёнок – мечтатель, ибо изображаемые им романтические чувства живут только в стране детских грёз.

Детское пристрастие к розыгрышу: старание быть сильным напоминают старания наивного мальчишки. Близость к детству: заставлял слушателей домысливать и фантазировать, Его музыка – подсознание детей, поэтому музыка помогает быстрее созреть душой. Вдохновил тип живописи *Jugendstil* «юношеский стиль», а также разновидность постмодерна – Гоген, Ван Гог, аспект «наивности» – Руссо. –

Сирил Скотт. Окультизм и воздействие музыки. М., 2005.

– ...Шуман ведёт нас в такие места, которые без него мы никогда бы не отыскивали. Порой его музыка бывает настолько спокойной и мягкой, что мы словно чувствуем себя на небесах. Но иногда она становится до того яростной и пугающей, что мы будто попадаем в ад. Всё зависит от того, о чём грезит сам Шуман... всё, что Шуман сочинил, прелестно, странно, индивидуально. Шуман просто блуждает по неизведанным тропам, и это наше дело – последовать за ним или нет. Если да – перед нами откроются восхитительные пейзажи, только совсем иные. Музыка всегда стоит тех дополнительных усилий, которых она требует от слушателя ... вы познакомитесь с музыкой Шумана и полюбите её. Через неё вы проникнете в его душу – а это прекрасная душа. Музыка Шумана рассказывает нам о том, каким был Роберт Шуман. Но при этом она обращена ко всем нам... Всё, что он испытал в своей жизни, изливается в его музыку. Ни одного другого композитора мы не можем узнать так близко. Шуман делится с нами своими самыми сокровенными тайнами, рассказывает свои самые заветные мечты – он говорит со слушателями так, словно они его любимые друзья. –

Стивен Иссерлис. Всякие диковины про Баха и Бетховена, а также про Моцарта, Шумана, Брамса, Стравинского. СПб.: Азбука-классика, 2007. С. 132.

«Сродни музыкант, живописец»

– Антон Веберн... утончённость выражения и необыкновенность красок и форм... поиски «Синей птицы» чистой художественной формы... графические «линии красоты», живописные гармонии красок, симметрия пространственных фигур и плоскостей, симметрия звуковых волн и длительностей... Именно этого рода художественная крайность в некоторой мере сблизила Веберна с В. Кандинским и П. Клее. –

В.Н. Холопова. Ю.Н. Холопов. Антон Веберн. Жизнь и творчество. М.: Советский композитор, 1984. С. 34-35.

В Саратове (1947–1965) Гушин одинокий мистик. Лопатин своими ушами слышал – в 1927 году Гушин в Париже принят в масоны 18 степени, за написанную им теоретическую работу «Постижение действительности музыкой Шумана на шести уровнях тремя состояниями».

«Только мистики...» Из писем Гушина Ненашевой. 1955 год

– ...Оккультные и мистические учения всегда говорили о сложности человека, включающего в себя все планы вселенной, в нем скрыты тайные, оккультные, космические силы, неведомые официальной науке и будничному сознанию человека. Человек – точка пересечения всех планов бытия, наделенный властью творить красоту. Восприятие красоты в мире – есть творчество. Но в свободе, а не в принуждении бытия красота и творчество, не в приспособлении к миру, а в созидании мира иного, просветленного.

...Когда наша душа вливается в космос, соприкасается с неминуемой правдой – умолкает однообразное, тревожное дребезжанье рассудка, которое дробит и заглушает музыку сфер. Только тогда свободно и легко входят в нас волны мировой жизни – звуки, шумы, запахи. Только мистики

хорошо понимали, что все происходящее в человеке имеет мировое значение, что в человеке можно открыть все наслоения мира, что душевные стихи его – космичны. –

«Творчество – есть свобода». Письма Н.М. Гуцина. Публикация, вступительная статья, примечания Людмилы Пашковой // Волга. 2015. № 1-2 (454)¹.

1963 год

«Игра материальных сущностей»

– *Игра материальных сущностей может быть содержанием произведения искусства. Игру организует ритм – линейный, цветовой, фактурный не обязательно (Гущин).* –

Записал Лопатин.

– ...а у него действительно матерьяльность, как мы говорим, как нас учили – это стекло, бумага, целлофан, у него же матерьяльность – это сущности, как он их называл... –

Чудин.

ПОНЯТИЕ «СУЩНОСТЬ».

– Го Жо-Сюй (XI век) употребляет иероглиф «яо» – «требование», «сущность», «важное», «необходимое», который, однако, в данном контексте имеет не только этот смысл, но и напоминает о «лю яо» – «шести сущностях», сформулированных Цзин Хао (X век)... – это «ци» – «дух», «одухотворенность»; «юнь» – «ритм», «гармония»; «сы» – «помыслы», «замыслы»; «цзин» – «пейзаж»; «би» – «кисть»; «мо» – «тушь». –

Записки о живописи: что видел и слышал. Перевод с китайского и комментариев К.Ф. Самолюк. М.: Наука, 1978. С. 157.

Гущина, выставявшегося во Франции вместе с Пикассо и Матиссом, в Саратове Союз художников не допускал на выставки, – зарабатывал на жизнь реставрацией в Радищевском музее, как и Михаил Аржанов, Владимир Солянов, Вячеслав Лопатин. Жена Лопатина Перерезова Людмила (писала стиховые тексты, – у неё получилась целая поэма о жизни саратовских художников), – работала художником-оформителем в Областном краеведческом музее. Так же перебивался Юра Машков², близкий своим мироощущением к импрессионисту Сислею.

Михаил Аржанов сделал в реставрационной мастерской Радищевского музея портрет Ярыгина – в фуражке неснимаемо, трезвый сидит. Другой раз на углу тогдашнего громадного реставрационного стола стояло пол-литра: рассуждает Ярыгин. Заходит Главный хранитель, душа и сердце музея Наталия Ивановна Оболенская – не стала мешать. Снова заглядывает – те же и то же, – командирским голосом:

– Бу-тыл!-ку! Под стол!

Рука Ярыгина хватает бутылку – войсковые навыки не пропёшь! – и под стол.

Робеет Ярыгин Гуцина – тот терпеть не может пьянства. Интервал сохраняется, ещё и ляпнул с большевистской правотой:

*Вы все палитры перебрали. / Но мы в удушливой пыли
вне ваших шёлковых спиралей, / окровавленные цвели.*

*И потому немного тужим, / что столь приятны для очей,
вы ни людским сердцам, ни душам / не приготовили речей.*

Ярыгин: – Ну и чего? Гуцина выгнали из училища! А часть молодёжи всё равно качнулась к нему, стала испытывать священный трепет – хуже только сделали. Все способные ребята поспорили

¹ <https://magazines.gorky.media/volga/2015/1/tvorchestvo-est-svoboda-pisma-n-m-gushhina.html>

² Юрий Иванович Машков (р. 1936) – художник.

со школой: кого я ни слушал из молодых ребят – никто слова доброго не сказал ни об училище, ни о Проснянкине! –

О высшей реальности

– Его увлекла древняя платоновская идея двоемирия в интерпретации философа и поэта Владимира Соловьёва. Гуцин всегда пытался проникнуть в сверхчувственный мир высшей реальности, невидимый глазу, постигаемый интуицией, духовным сверхусилием. Соловьёвская мировая душа стала целью его глубинных художественных устремлений. Подобно молодому Блоку, он искал её в прекрасных, печальных, загадочных образах вечной женственности. Сегодня эти слова звучат странно, порою даже вызывают усмешку. –

Наталья Свищёва. Противостояние // Газета «Богатей» (Саратов), январь 2001 г., № 1 (65).

Санников встретил на улице Гуцина и – чувствует себя, будто в Париже побывал. Гуцин не сёт в себе кусочек Парижа – за пределами обыденности человек. А Санников впервые увидел живопись Гуцина: идёт по улице, подмышкой картина – из руки в руку перекладывает, а Саня перебегает с одной стороны улицы на другую – рассматривает. По описанию это была картина «На целинных просторах» – фотография осталась у Лопатина, холст записан Гуциным.

Обязателен и пунктуален – и несправедлив? – у Чудина уважительная причина, не пришел в оговорённый срок; Гуцин даже слышать оправдания не хочет... умеет быть неприятным.

Тонкая, широкой кости фигура. Сухощав, крупные кисти, тонкие с длинными пальцами. Подушечки приплюснутые на кончиках пальцев – пальцы не сужаются, а расширяются. Манера вскидывать голову, стоя близко при разговоре, прямая посадка головы.

Куртка с короткими рукавами, берет. Особые дни – лунные, солнечные? – означены браслетами на обеих руках: в несколько витков, свободно висят на кистях рук редкостные драгоценности. Позже мы узнаём – браслеты магнитные, самодельные.

С незнакомыми, «на людях» Гуцин сдержан. Даже детей называет на вы.

Несколько раз Лопатин видит его в очереди – в столовой на проспекте Ленина напротив Военторга. Ест он какую-нибудь кашу, что-то молочное, овощное.

– ...Детское впечатление сладостной жизни. И чувство сытости не присутствует.

– Куда Вы есть ходите?

Пришёл Гуцин посмотреть столовую Сельхозинститута, напротив Художественного училища, на Советской. Беру себе сырники – белые на тарелке...

– Что это такое? Мало я мясо ел, и сил мало. Надо было больше мясо есть!

Диетическая столовая на Астраханской. Банку кильки – прошу буфетчицу вскрыть: Гуцин из-за плеча, как птица, приглядывается...

Перерезова.

– Характер Николая Михайловича вспыльчивый был, доверчивый, улыбка очень приятная, очаровательная.

Гуцин был отдалённым. Но очень внимателен. –

Чудин.

Чудинский период в творчестве Гуцина

В 1987 году, когда разрешат сделать выставку Гуцина, станет возможным выделить краткий «чудинский» период в творчестве Николая Михайловича.

Живопись Чудина – его автопортрет. Куски картона ярко окрашены, как сам художник: зелёные глаза, красное лицо, оранжевые волосы – рыжий. Как сам художник в толпе, так же выделяются его картины среди работ других художников. Так же среди работ Гуцина с обычным

преобладанием холодных цветов выделяется натюрморт 1959 года «Полевые цветы (репейник)»: Х., м. 44х52,5. СГХРМ, Ж – 2178. Приобретено в 1972 у Г.Д. Гликмана (Саратов). Прототип этого натюрморта – «Цветы» Чудина того же лета 1959 года: К., м. 49х65. СГХРМ, Ж-3529. Приобретено в 1995 году у автора (Саратов).

Лопатин вспоминает, как перед открытием выставки Гушина идёт с Чудиным по экспозиции – работы уже висят. Говорит Чудин: – *Кажется, это моя работа!* – Молчи, – говорит Лопатин, – *и рядом ещё твоя: ты их привёз с Марфутки – весной 1960 года писал там вместе с Аржановым. Пусть висят, хотя бы до открытия, а то я твой «Стожок» (принадлежит Сапожниковой из Омска) опознал заранее и его вывели из экспозиции – напрасно. Пусть бы так и висел «Стожок» с соответствующей этикеткой.* –

После открытия выставки Чудин признаётся: – Не Гушина, моя работа, – а ему уже не верят.

Так этюд и вошёл в каталог как работа Гушина: «Проток». К., м. 39х51. Собств. Микояна С.А. (Москва). Другая работа Чудина признана за работу Гушина: «Летний этюд». К., м. 44х52. СГХРМ. Ж – 3526. В 1995 приобретено у Ф.Д. Татару (Саратов), ранее – собственность В.А. Дубровиной¹ (Саратов).

Понравившиеся этюды Чудина Гушин просит на время – повисеть у него дома. Потом возвращает – «исчерпал» – говорит.

– *Гушин зажигался и сам вдохновлял* (Чудин).

Однажды предложил выбрать что-нибудь из своих работ – на память.

Виктор выбрал: у воды ствол дерева, как бы сумерки – на Врубеля похоже, но странность у дерева – да и дерево ли? – существо какое-то. А Гушин отдавать не хочет: – *Вам ещё рано. Эта работа Вам пока будет сложна.* – Настоял Чудин: и нравится вещь, и быт не устроен – взять на себя ответственность хранить может из-за небольшого размера.

Гушинские деревья – это Существа, биологической цивилизацией совместившие духовную и материальную природу: назначение – гармоническое, доброжелательное покровительство; потаённое наставничество; связующее – мифическое всех народов «Древо жизни».

Под «Деревом» получил озарение Будда... соприкосновение сознаний, – не состоялось? ...

– *Поспевай Вавилон строить!* (старец Памва, незлобивый анахорет: Лесков).

Деревьям не нужно куда стремиться – парадоксальным образом организовано Ими движение вокруг Себя. Они источник, побудитель всех искусств – и сами высочайшее объёмное симфоническое произведение... Рост дерева – удар молнии. Несущий элемент – ствол. Развилки, ветки – силовые узлы, линии. Из почек листья – ладошки – поворачиваются к солнцу. Солнце сходит на Землю: свет упал – «на свету» и взбирается – «тенью»; радость жизни – звонкая, счастливая.

– *Что мне нравилось и было полезнее всего, то это – когда он смотрел, говорил иногда: – Вот этот кусок у вас хорошо получился, надо весь этюд дотянуть до такого уровня. – начинал я думать и это было полезнее всего. Он подталкивал – сам бы я не додумался, не увидел. Не готов был тогда увидеть.*

Чудин вспоминает, что Гушин говорил с каждым на том языке, который понятен собеседнику. «О профессиональных секретах» – сообщал только то, что ученик, по его мнению, уже готов познать. Он иногда говорил: – *Для Вас это рано!* –

Пятница. 1987 год. Записала рассказ Чудина.

Гушин пытается через знакомых достать для Чудина работу.

¹ Вера Андреевна Дубровина (1917– 2000) – балерина Саратовского академического театра оперы и балета.

Гликман¹ Сергей Абрамович, профессор физической химии – или химической физики? – в Саратовском университете. Ему Чудин делает большие, в размер листа чертёжной бумаги диаграммы, графики. Сначала фон – акварелью небо, облака, трубы. Чем труб больше, чем дым гуще – тем лучше. Слово «экология» уже появилось, соотносится с миром капитализма: там абстракционизм, генетика, а советскому человеку новая забота, – в трамвае продащица газету рекламирует: – *Как уберечься от экологии?*

Лопатин Чудину помогает – поверх его небесных пейзажей пишет буквы и цифры чёрной тушью, «палочным» шрифтом. Так жалко портить Чудину живопись – и ему жалко: а ещё утешает.

В первое время знакомства купить у Чудина картину Сергею Абрамовичу в голову не приходит: перебирает этюды, какие поменьше – себе берёт – чтобы в конверт поместились, будет посылать знакомым в качестве поздравления к праздникам.

Дома у Сергея Абрамовича Лопатин впервые увидел живопись Гущина. Профессорская квартира большая: дети бегают везде – не сосчитать, так их много, потолок так высоко – свет лампы не достигает. А на стене сказочный пейзаж – «Сказочный лес» (Х., м. 99,6х69,5). С 1968 года работает Лопатин в Радищевском музее реставратором. В декабре выходит из музея через боковой вход: перед глазами полная луна, стволы деревьев музейного скверика, снег – так вот откуда сюжет «Сказочного леса»!

В Саратове – у Гущина не яхта – лодка «гулянка». Сам дёргает ремень – мотор старый, но заводится. И Николай Михайлович – семидесяти лет, голый по пояс, радостно изображает кроважность – *Сарынь на кичку!* – а то и прочтёт всё стихотворение своего друга юности, земляка, авиатора, поэта («футурист жизни»), Василия Каменского по просьбе восхищённых присутствующих. И – память! – другие стихи Серебряного века.

«Старая Волга»: лодки стоят на улицах у домов, как теперь, в 2020 году – автомобили. Летит Лопатин в командировку, выглядывает из самолёта: мешок пустой потрясти над тазом с водой – столько в 1967 году лодок под Саратовом на Волге.

У Гущина «дача» напротив Саратова – на Сазанке сарай. Но прима-балерина Дубровина так успешно занимается хозяйством, что восклицает Гушин: – *Ну, настоящая Марфутка!*

Появляется на двери сарая надпись «Вилла Марфутка», по западному обычаю давать загородным участкам имена служанок (сообщила Маргарита Богадельщикова).

«Вилла Марфутка. Приют моих голубых видений» – надпись на сарае. Молодые девушки льнут к Гушину, – они и есть его голубые видения.

Пишет письма. Огарёва Нонна Валерьевна в Радищевском музее с 1948 года. Утром приходит на работу, на её столе в уголке письмо лежит. Через несколько дней – другое... Собралась стопка. Перевязывает верёвочкой:

– *Николай Михайлович. Такие мысли – это общественное достояние. Не могу взять ответственность держать их у себя.*

Бурное объяснение – очередной разрыв отношений. Но чистая правда на двери «Виллы» написана – не одно голубое видение у Николая Михайловича.

Свищёва и теперь переживает – сорок лет прошло:

– *Иду по проспекту Кирова – Гушин навстречу, уже с Зорой Абрамовой. И меня «не увидел», и от меня отвернулся – «ах ты, трах-тарарах!»*

– *И ещё видел – как Гушин бегал на коньках. В короткой куртке, так гонял на стадионе возле «Липок»: как-то с училища иду в сорок девятом году – ещё учился (Гушину 61 год).*

Козача.

¹ Сергей Абрамович Гликман (1892–1966) – доктор химических наук, профессор СГУ.

– Мы с ним катались на коньках. ... «Вилла Марфутка». Перебывали все его знакомые, вся интеллигенция города... можно было видеть всех милых молодых женщин, входивших в круг его общения.

Свищёва. 2000 год. Обсуждение совместной выставки в Радищевском музее «Гущин – Аржанов».

– 1959–1961 годы... с нами на лыжах. Зимой на «Марфутку» ходил с нами на лыжах. – Богдельщикова.

– ...Жизнь Николая Михайловича довольно сложная, но он никогда не унывал. Был большой оптимист. Всё ему было хорошо. Был доволен, что опять в России.

Бывало, днём или вечером, сидя за столом, много рассказывал Николай Михайлович. Во Францию он состоял в «Союзе советских патриотов», стремился сюда и в 47 году приехал.

Поместили его в «Дом крестьянина», затем дали комнатку маленькую на 2 этаже с соседями по кухне, для которых Николай Михайлович оказался нежелательным. Так он и жил до конца своей жизни.

...В то время наши дети малые рисовали, и Николай Михайлович, наблюдая, им что-то указывал или поправлял, а то и проводил кисточкой штрих.

Лодка у него была 3 лошадиные силы, огромная – тихоход. Так мы часто катались. А однажды заплыли далеко, потом сели на мель, выбрались и вернулись только поздно вечером, добирались в темноте. Но в этом тоже была какая-то незабываемая красота.

Любил он молодёжь. Купил, как он называл, «Виллу Марфутку», «кукольный» домик, чтобы в выходные могли отдыхать родные и знакомые.

Друг Николая Михайловича была балерина Дубровина. Когда Николай Михайлович шутил, говоря, для чего нужны мужчины женщинам, она говорила – для удобства.

Был у него и такой эпизод. Писал он портрет одной кинозвезды. Пришёл за гонораром, она его встречает в обнажённом виде, он страшно рассердился и убежал, так и не получив денег. Он был нравственно чистым. –

Воспоминания Гликман-Смиренской Милицы Фёдоровны (без даты). О Николае Михайловиче Гущине // СГХРМ. Архив. КП-11237/32. А-3505.

О, женщины!

– ...дарит Гущин свою работу Дубровиной. Однажды приходит в гости – вечером: за дверью – семейный скандал. Подарок – живопись – на полу перед дверью. Подбирает Николай Михайлович свою собственность, тихонько уходит – и никаких разговоров потом; ни он, ни она.

Солянов: со слов Гущина.

1995 год

– ...дамский угодник... – 1948 год. Гущин взволновал саратовскую интеллигенцию своей картиной «Франция в огне»: – «...экстаз, экспрессия, всполохи цвета! Наконец-то! И у нас в Саратове появилось!» – заслуженный артист РСФСР, Народный артист СССР, солист Театра оперы и балета имени Н.Г. Чернышевского Серебровский Глеб Владимирович¹.

Рассказ его вдовы: вспоминает Серебровская Любовь Александровна, балерина и балетмейстер того времени.

¹ Глеб Владимирович Серебровский (1896–1975) – советский оперный певец (бас). Заслуженный артист РСФСР (1934). Лауреат Сталинской премии второй степени (1947).

2000 год

– Такие люди были всегда, есть сейчас и будут. Мы должны быть счастливы, что нам на пути встретился... я знала хорошо Гущина. ...и сейчас на выставке прошлое вернулось – жизнь прекрасна.

Серебровская. 2000 год. Обсуждение совместной выставки в Радищевском музее «Гущин – Аржанов».

Зрелые женщины настороженно и неоднозначно относятся к Гущину.

Нила Константиновна Шилова, секретарь писателя Куприна, – вместе с ним возвратилась в СССР. Уже в Саратове познакомилась с Гущиным, весь послевоенный «иноземный имидж» Гущина её рук дело. Около шестидесяти работ Гущина сгорело в её подвале... Когда в «Перестройку» стало возможно Радищевскому музею экспонировать Гущина, Лопатин и Пашкова для сбора картин бывали у Шиловой – на стенах её портрет, картины Гущина; – если б не дочь Танечка, Нила Константиновна вспоминать не хотела... разговорилась: такого русского языка, как будто попали в XIX век, встречать не доводилось.

1955 год

– ...женственность я утверждаю в аспекте девственности, а не материнства...

Мы все охвачены стремлением к вечной Женственности. Это источник нашего рабства и любви... –

Гущин. Из письма к Ненашевой.

Кроме «рабства и любви», женственность – стимул творчества. С художником Игнатовым Николаем Сергеевичем¹ Лопатин делал ремонт в комнате Гущина. Размыли старую побелку, купоросим, белим. Вещи прикрыты, в углу – живые цветы: пишет Гущин. С удовольствием показывает свою работу в процессе, но обязательно ставит стекло перед картиной. Чтобы свежая краска не прилипала, в углах гвоздики набиты. Уверяет, что его работы смотреть надо обязательно под стеклом, при ярком свете.

Лопатин с Игнатовым «благоговеют»... Пока идёт ремонт, видят три варианта – каждый раз новая живопись, на одном и том же картоне.

В то время Лопатин с Санниковым и его тогдашней Зиной, племянницей Эмиля Арбитмана, пришли к Гущину. Она подросток – такое возрастное состояние связывается с «полтергейстом»: будто выключатель повернулся – Гущин такой молодой, мы с Саней «на периферии».

Гущин по впечатлению приписал к цветам Зиночку – картина вертикального формата, назвал «Берёзанька»: 1964 г. Картон, масло. 70х41. СГХМ. Ж-1482. Поступление: в 1966 из мастерской художника.

Другая ипостась Зиночки – закончил ранее начатую: «Чайка» – 1964 г. Х., м. 50х70. СГХМ. Ж-3439. В 1993 приобретено у Ю.С. Евдокимовой (Саратов), ранее – собрание Р.А. Резник² (Саратов).

Цель художника

Лопатину больше нравился первоначальный вариант – цветы, о чём и сказал. И спохватился – как я смею делать такие замечания, вот достанется!

Нет. Помолчал Гущин. Объяснял: у художника должна быть цель, достигая её, приходится отказываться от попутных, даже удачных, вариантов. Можно работу испортить, но нельзя от-

¹ Игнатов Николай Кириллович (1897–?) – скульптор.

² Резник Раиса Азарьевна (1915–1990) – кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы и классических языков, заведующая кафедрой в 1954–57 гг. в СГУ им. Н.Г. Чернышевского.

клониться от цели – «на пути созидания небывалых ценностей», на пути восхождения «к сверхмирной полноте»:

– *Всего же на «Берёзаньке» семнадцать вариантов.*

Люся – «Фемида»

– Заходим с Суминой – скульптор нашего курса, без предварительной договорённости, чего Гуцин не любил. Просит меня остаться, интересуется мнением по поводу «Берёзаньки»: – ...в основе три треугольника, соприкасаясь углами, образуют две диагонали – судьбоносная линия. Внизу треугольник белый. Если бы наложение треугольников – была бы звезда: это лучше. Вы родились под знаком Огня – вода и огонь свойственны вам, а белое опасно.

– Ну, вы Фемида! Это у китайцев белый цвет траурный. Не у нас. Белый цвет у нас – необъятная тишина, ожидающая. –

Перерезова.

2019 год

В Саратов из Хабаровска приехала Смирнова Галина Михайловна: филолог, в 1950-е училась у Оксмана, знакома с Гуциным; привезла письма Гуцина к ней – подарок Радищевскому музею – в архив. В живых – из знавших Гуцина – остался один Лопатин: ему Галина Михайловна подарила ксерокс писем Гуцина – не возражая огласки: радости причастности сокровенному.

23/ХІІ 59.

Милая Галя,

Инна Александровна уже во второй раз передаёт мне от Вас привет и привет – сугубый. Благодарю... Признаюсь – я был удивлён, несколько смущён, тронут и испытывал невероятное чувство досады. Почему, когда Вы были здесь, так пренебрежительно относились ко всему, что с такой искренностью несло к Вам и было всегда от всей моей души?

Как основание данного вопроса, – я мог бы осыпать Вас градом самых легучих упреков, но не хочется Вас огорчать. От всего сердца желаю Вам счастья и глубокой веры, – что оно будет. Поздравляю с наступающим Новым годом. В надежде получить от Вас весточку, прилагаю свой адрес:

Улица Гоголя, д. №: 97, кв. 3. Н.Г.

12/І. 60.

Галочка,

Получил Ваше, полное ласковых слов, письмо. Был несколько растерян, так как у меня в памяти за все годы нашего знакомства, нет ни одного момента, который мне напомнил бы о такой Вашей нежности ко мне. Одни, с большей или меньшей остротой, возникавшие конфликты, да чередующиеся разногласия, были основой и содержанием наших встреч, вольно или невольно, скрепившихся наших путей.

Галя, милая, поверьте. Это не упреки... скорее, это предостережение, чтобы Вы были осторожны, так как моя, чрезмерно повышенная, чувствительность к неясности, льющейся от других, и, тем более, от Вас, да и своя неясность, далеко не исчерпанная, могут породить заблуждение – у меня может закружиться голова. Ведь Ваша «храбрость», проявленная Вами в письме, с выражением сердечности и теплоты, вытекает только из Вашей уверенности, что, находясь за тридевять земель, – Вы – неуязвимы. Но представьте себе, что было бы с Вами и со мной, если я, сорвавшись с места, в один прекрасный день, вдруг бы предстал перед Вами?! Вот почему, Галочка, я пропагандирую идею, что все вы – одинаковы, что всех вас нужно отправить не только на Венеру, а прямо на обратную сторону Луны, чтобы не видеть больше вас никогда, так как вы не способны жить живой жизнью, а только проливаете слёзы над могильными плитами, прочувствованных надписей, вздыхаете над ними... Как я тянулся к вам всей своей душой и как вы всегда проходили мимо меня – косым

дождём! Повторяю – это не упрек... Это параллели с фактами... Их следовало бы Вам учитывать в новой Вашей жизни, в новой обстановке, в новом Вашем окружении, хотя бы для того, чтобы в могущих возникнуть созвучиях – не обрывались бы так бессмысленно песни Вашей души. Единственный смысл жизни – в жизни живой. Несколько строк о «милом» Вашем Саратове. – Сейчас, когда я пишу – хлопьями валит снег... Как нежным лебединым пухом покрыто всё. Позавчера гурьбой ходили на виллу Марфутку, напрямик, по Волге, через все отроги, вздыбленных замёрзших льдин. Поход длился 3 часа вперёд, 3 часа обратно. Вернулись поздно... Саратов уже появился в блеске огней. Из Москвы постоянно возвращаются мои работы. Вернулся «Ганди», «Элегия», «Ноктюрн» и др. Закончил свою работу «Вечность».

Посвящаю её вам – девушкам, как и все песни мои, выраженные красками, в образах, навеваемых вами – красотой вечной женственности.

Мне не хотелось бы афишировать своё желание – познакомиться с Олей Кулаковой, поэтому не могу обращаться за соответствующим содействием к кому бы то ни было, но если у неё хватит храбрости зайти в музей, или позвонить – и вызвать меня, – буду очень рад. Ведь это так просто. Галя, милая, не грустите!

Н.Г.

2/2 – 60.

Галочка, милая,

Спасибо за поздравление. С запозданием, но и я шлю Вам свои наилучшие пожелания, чтобы светлые, весенние восторги наполнили Вашу прячущуюся душу.

Почему Вы замолчали? Неужели в моём письме – были какие-нибудь колкости, которые могли Вас обидеть? Уж не испугались ли Вы того, что я, действительно, мог к Вам приехать?

У меня много событий: все мои голубые видения – белокрылые чайки – выходят одна за другой – замуж. А Вы? С сердечным приветом.

Н.Г.

2/1 – 62.

Милая Галочка,

Очень тронут Вашим новогодним приветом. Сожалею, что с таким опозданием поздравляю Вас и шлю свои наилучшие Вам пожелания. Причина этому та, что Вы уклонились поддерживать со мной заочное общение. Учитывая Ваши девические слабости – выходить замуж, я и объяснял Ваше молчание и то, что Вы не ответили мне на письмо, тем предположением, что Вы уже «подстреленная чайка» и что Вам не до меня. Был бы рад знать, как Вы живёте, каковы Ваши настроения, избавились от своих сомнений и неуверенности в себе, в своих силах, в своих способностях и насколько умудрил Вас Ваш жизненный опыт последних лет. Я не помню – видели Вы у меня или нет, написанный мною, портрет индийского вождя Махатмы Ганди? Хочу поделиться с Вами – он отправлен Министерством иностранных дел в Индию, в дар Джавахарлалу Неру. Только что вчера закончил одну работу «Лумумба, Лумумба!» и пишу также «Говорит Фидель Кастро». Обе эти вещи предназначаю в дар конголезцам и кубинцам, как посильную свою лепту в общее дело – укрепление дружбы между народами. Лично, продолжаю жить всё тяжелее, что постоянно опьяняя свой разум безумием мечтаний о вас – «голубые мои видения», даже без того, чтобы верить во что-то, но опьянять необходимо, так как иначе, раздвоение моей сознательной и подсознательной жизни, представляющее собою глубокую трещину, может превратиться в такую пропасть моего дикого одиночества, из которой трудно будет выбраться.

Будьте счастливы, Галочка.

Н.Г.

П.С. Почему-то во мне живёт уверенность, что я ещё увижу Вас.

Н.Г.

6/X – 63.

Милая Галочка, дорогая,

Вы обещали сегодня в 8 ч. вечера зайти ко мне. Без четверти восемь я был дома и до 10 час. ждал Вас в безумном напряжении и в такой острой тоске по Вас, что хотелось рыдать. Если существует злой рок, – неужели ему мало тех четырёх лет, в продолжении которых неумолимыми обстоятельствами жизни я был лишен Вашей чарующей атмосферы, которая всегда так опьяняла меня? Неужели нужно было лишить меня радости ещё и на сегодняшний вечер? Или всё это гораздо проще? Может быть Вы сами не хотели сегодняшней встречи... Я допускаю это, хотя и уверен в том, что Вы, конечно, знали, несомненно не могли не чувствовать и раньше, – как меня всегда неудержимо влекло в Вам. Но сейчас мне хочется выразить Вам что-то другое. Хочется в последний раз принести Вам свою исповедь... Поверьте ей, примите её, хотя бы просто так... к сведению. Да, я живу лишь тем, что постоянно распиная себя на кресте собственного воображения... Но я никогда ещё не чувствовал и не предполагал, что мне может быть что-то дорого так, как, оказывается, Вы дороги мне. Это я с такою остротой осознал и глубоко почувствовал, – когда неожиданно, а может быть и просто случайно, встретил Вас позавчера. Правда я и сам не знаю – как это случилось, что Вы (уже так давно) зародили такое смятение в моей душе... Но, может быть, знать это и не нужно, ... тем более Вам, если Вам ничего не стоит, при любых обстоятельствах, зачеркнуть своё обещание, как например, сегодня. Мне же всеми силами своей души хотелось бы остаток своей жизни посвятить только заботам о Вас, заботам всяческим: и моральным, и эстетическим, духовным и материальным! Заботам о Вас, любимой, дорогой, единственной... Но я знаю, что и это – немного, не для меня. Времена изменились! Если раньше можно было чёрту душу продать (значит она чего-то стоила), то теперь – она даром никому не нужна. Так странно... мы любим искусство во всех видах его, тянемся к нему, восторженно благовоим перед творческими порывами, благословляя их, воспеваем красоту, но забываем о том, что цель наша последняя – не только красота, как создаваемая культурная ценность, а красота, как сущее... т.е. претворение хаотического уродства человеческих отношений в настоящую красоту, красоту живую. Мы так мало стремимся к ней и не только не создаём её, а наоборот, – убиваем зарождающиеся у других эти порывы, бежим прочь от них. Я думаю, что навсегда останусь признательным Вам за дивное своё опьянение и только нестерпимо грустно, что Вы так боязливо сторонитесь всего. Ну что же, Галочка, надоедать Вам не буду, постараюсь не напоминать о себе. Прощайте. Будьте счастливы.

Н.Г.

П.С. Хотелось бы, чтобы эта обнажённая откровенность – признание моё – осталось бы тайной моей и Вашей – только. Не хотелось бы, чтобы разносилось ветром.

Персонажи картин Гуцина

Сулковская Лариса Семёновна – с неё «Летящая»: 1950-е. Х., м. 52х63. – не решилась принять в подарок: дневник той поры хранила до 2007 года – информацией не поделилась.

Аржанов Михаил Николаевич – «Блудный сын»: 1958 г. Х., м. 60х41. СГХРМ. Ж-2882.

Свищёва Наталия Иннокентьевна – «Лунная соната»: 1961 год. Х., м. СГХРМ. Ж-3168.

«Чайка» – другая ипостась Зиночки («Берёзанька») – 1964 год. 50х70.

Богадельщикова Маргарита – «Музыка Баха»: К., м. 37х32,5.

– Гуцин называл свои картины как? – Видениями.

Из культуры импульса! Так Шуман в цикле «Любовь и жизнь женщины» на стихи Шамиссо превращает тексты в сонаты. И Гуцин свои образы переводил в пейзаж, не в качестве мотива, как понимают сегодня художники... Что-то превратит в пейзаж, а что-то в портрет или автопортрет.

Людмила Перерезова.

1987 год

ГУЩИНУ

Ведут

*Печаль и Боль любви не в толпы нам подобных,
но в одиночестве в душе поют,
исходят не из радостей утробных,
но из безмерного молчания минут.
Средь раскалённых прутьями сплетёнными стволов змеистых,
в прекрасных снах затерянно паря
от мира, и Перун из лунных бликов льдистых,
художник – дух, цветов кипят моря,
и Вечность сна цветного и ночного,
ночь вечная и снежная в горах...
И ничего не повторится снова.
И кроме мрака есть не только тлен и прах.*

Борис Казимиров¹

2007 год

Памяти Гущина

*...и кисть учить по-птичьи щебетать, / и неба нет, хотя остался ветер...
И нет пути, остались только щели, / в которых Бог играет на свирели...
...откроешь дверь. И за раскрытой дверью
в тебе мелькнёт смеющийся Париж.
Юрий Проскураков².*

По словам Огарёвой, Н.М. Гущин иногда в уголке уединялся и жаловался вслух:

– Бедный Гущин.

– Вам бы прожить так, как я жил! – это тоже слова Гущина на попытку его пожалеть: сказала Зора Абрамова.

Чудин о Гущине

– *Гущин рассказывал, как жил на Западе, работал?*

– Он жил там заказным портретом. Одно время дворником работал... Здесь он всё-таки укрепостился больше, чем там... На выставке на одной (1955 год), я ещё тогда Гущина не знал... и нас (студентов художественного училища) туда водили, не помню кто из преподавателей, гущинский был автопортрет, говорит: «Вот образец, как не надо делать».

– *С Гущиным Вы контактировали тесно?*

– Постоянно. До шестидесят первого года... Я уезжал. Много времени потерял – приехал, а он умирает. Он забирал великолепно. Его (живопись) не увидели, хотя и показали, хоть и выставка была. Работы его надо осветить... все они делались при электрическом свете, при лампе (300 свечей)... Им надо свет большой, они очень, так сказать, наполнены тоном.

Тёмные... но они цветные тёмные. Дать им свет хороший, он должен быть повыше картин... музеев у нас не светлое помещение, кроме того, оно же зашторенное постоянно... а у него действительно матерьяльность, как мы говорим, как нас учили – это стекло, бумага, целлофан, у него же матерьяльность – это сущности, как он их называл...

¹ Борис Борисович Казимиров (р. 1955) – литератор.

² Юрий Григорьевич Проскураков (р. 1946) – литератор.

Он часто брал у меня работы: «Можно она у меня повисит?» Ну, повисела. «Возьмите, я исчерпал её». Часть он раздарил моим работ. Но, наверное, не предупредил, что ли. И вот одна попала на его выставку. Она так до конца и висела.

...Но немножко мне в тягость было его обучение. Он как-то разделял: считал, что цвет у меня такой... что я очень искренний был... Он говорит: «Вам не нужно о цвете заботиться: как у Вас выйдет – и этого достаточно». Живопись у Вас вроде лады, давайте рисунок... Он разделял. Я считаю, что это неразделимо. Он мне подарил книгу Гольбейна, и там надписал: «Виктору, на память и в назидание».

Он же на этюды выезжал, писал с нами... Он на меня как обрушится: «Что Вы наделали?...» А мне уж и работать неохота. «А Вы знаете – оставьте». Усомнился. Потом он на этой работе мне где-то пятнышко поставил. И ещё на одной работе – точку красненькую поставил. Я почувствовал – она конструкцию даёт. У меня там чего-то рушилось-рушилось, а тут – раз!

Сергей Рыженков. «Чудин: натура – это палитра» // Газета «Авторское право». 1993. 12.14.05.

Гущин: звук – слово – цвет

– ...нужен мозг... где есть непрерывная цепь от звука к слову и цвету без существующих теперь границ... творчество – это неистовое стремление к неведомому. И вот здесь возникает грань двух стихий, когда музыка делает безбрежной гармонию красочных звуков, когда живопись приобщает к непостижимым тайнам музыки: Гущин.

Маргарита Богадельщикова. О Гущине // Волга–XXI век. 2007. № 5-6.

– Психологическое воздействие картины организовано, запрограммировано художником Гущиным, вдумчиво рассчитано им, что ещё больше сближает такое искусство с музыкой: живопись – внушение! –

Пятницына. 2000 год. Обсуждение выставки «Гущин и Аржанов».

–...идея синтеза живописи, музыки, поэзии характерна для начала XX века, а опыты её воплощения находим у А. Скрябина, М. Врубеля, М. Чюрлёниса.

...пейзажи Гущина... словно слышим весёлые, зелёные шумы весны, золотые звоны лета, печальные скрипки осени. «Моя симфония»... Что слышится в этом оркестре цветов – звуков? Шум и свист ветра (красный), звуки гобоя и виолончели (синий), взывающие песни труб (жёлтый). Может быть, так следует интерпретировать «Мою симфонию» Николая Гущина?... последний автопортрет... итог его творческих исканий и духовное завещание нам. –

Людмила Пашкова. 1991 год

На первом этаже – квартира художника Юстицкого (1892–1951), – друг Гущина с 1916 года. Там живёт его дочь Анна Валентиновна, вспоминает «те» времена, тогдашнюю компанию:

– Было чем дышать! Высокий дух... – Это двое равных друг другу людей – по интеллекту, по опыту пережитого, по масштабу творческой личности. Их жизни осветит и скрасит ежедневное общение без страха и опасений.

Их встреча была настоящим подарком судьбы. –

И. Пятницына. 1995 г. // Черновики, записи у Лопатина.

О возможном симбиозе живописи – «Гущин-Юстицкий» (основа – Монтичелли)

– О взаимовлиянии двух художников говорить не просто. Ясно то, что его не могло не быть. Но как его обозначить, определить?.. Юстицкий и Гущин – ... Познавание мира, в котором... всё есть «игра материальных сущностей», организованных на ритме и гармоническом согласии. Это искусство философского осмысления мира, несущее идею Космоса и Бога. Своеобразие этого понимания каждым – вот задача для исследователя.

– *Творчество Гущина и Юстицкого – явление, развивающееся в нашем сознании.*

Пятницына И.Н. Художники круга Н.М. Гущина // Саратовский государственный художественный музей имени А.Н. Радищева. Материалы и сообщения. Выпуск 7. Саратов: Арéal, 1995. С. 134–162.

И.Н. Пятницына. Выставки «несоюзных» художников в музее имени А.Н. Радищева. Художественные коллекции музеев и традиции собирательства. Материалы шестых Боголюбовских чтений, посвящённых 175-летию со дня рождения А.П. Боголюбова. 28–31 марта 1999 года. Саратов: Слово, 1999. С. 106–113.

1919 год

Прозрение Юстицкого (до апреля 1919 года)

– *...Хочется думать живописью... не одними образами, а красками, то есть через тон. Взаимодействие красок велико и контрасты выверены от Леонардо да Винчи до французов.*

...в Ренессансе была гармония, почему же анализ играл большую роль, чем теперь. Картину можно узнать по её поверхности, и критерий её фактура – силой живописной, силой влияния красок при определённой живописной конструкции определяется ценность мастерства.

Шедевром всё же будет покрытие плоскости тоном настолько живописным, что не понадобится ни литература, ни психология, ни объёмы и формы. Такой иногда уже Матисс... –

Е. Водонос. Очерки художественной жизни Саратова эпохи «культурного взрыва» 1918–1932. Саратов, 2006.

Из лагерных писем Юстицкого

– 8 марта 1939 г. Я видел поразительные сны. Это была несмолкаемая музыка. Я проникал в какие-то лучезарные пространства, поразительные по цвету. Лучи шли в разных направлениях – то прямыми линиями, то спирально. Цвет был как бы иллюстрацией музыки. Вибрация цвета была поразительно тонкая, еле уловимая, а при музыкальных подёмах всё преобразилось в какие-то ясные тона, почти торжественные, и только извилистые чёрные линии всё время как некий лейтмотив. Это какая-то музыкальная, беспредметная живопись. Но она сферична и при ясности очертаний не имеет никаких точных границ. Всё мгновенно переливается, всё это очень кинетично. ...особенно интересно – это сочетание цвета с музыкой. Нет сомнения, что будет когда-нибудь такое искусство. Такого большого впечатления я никогда нигде не получал. Значит, где-то в извилинах мозга имеется зародыш соединения этих двух искусств в новый организм. –

В. Юстицкий. «Выйти из неживой жизни». Из лагерных писем Юстицкого. 1937–1947 гг. Опубликованы А. Симоновой // Волга. 1989. № 7.

<...>

Гущин о Юстицком

– *Творчество Валентина Михайловича крайне разносторонне и выявлено им было в различных течениях. В последний период он много работал в поисках живописной формы, красочной насыщенности, фактурных шумов, ритмического звучания. –*

Отзыв Гущина (без даты). 2007 год. От А.В. Юстицкой Л.В. Пашковой.

О цвете в живописи: потеря самостоятельного значения со времён Позднего Возрождения

– В качестве характерного и интересного примера возьмём труды Джилло Дорфлеса (самая фундаментальная его работа по эстетике – «Становление искусств», 1959)... «цель моей работы – рассмотреть искусства в их становлении, то есть так, как они на наших глазах развиваются, созревают и умирают...» Дорфлеса занимают переломные моменты в истории вкуса, связанные с перестройкой языка искусства и рождением новой техники, несущей в зародыше возможность грядущих перемен.

Так, например, он анализирует функцию цвета – основного технического средства живописи. ...со времён Позднего Возрождения в европейской живописи утвердился так называемый «тональный» цвет, то есть такое использование цвета, когда он стремится уничтожиться как собственно цвет...

Тональный цвет... был полностью переосмыслен импрессионистами, разработавшими, по определению Дорфлеса, *colore timbrico* (от слова *timbrico* – тембр). В этой своей новой функции цвет как таковой несёт выразительную нагрузку. Дальнейшее развитие живописи, полагает Дорфлес, идёт по пути всё большей «тембризации» цвета...

Дорфлес проводит параллель между развитием живописи и музыки. –

А.Г. Погоняйло. Критика современной буржуазной итальянской эстетики // Ленинград, 1978. С. 24-25.

1960 год

О понимании цвета в Саратовском художественном училище.

Урок живописи – 40 часов, постановка старшего курса: подиум, накрытый холстом, сидит натурщица. Просянкин берёт работу ученика и ставит её на пол рядом с постановкой: чтобы студентам очевидно стало отличие холста «в натуре» от «холста» в живописи:

– Разве такой должна быть реалистическая живопись? Пишите реально, неотличимо от натуры!

Звук – слово – цвет

–...нужен мозг... где есть непрерывная цепь от звука к слову и цвету без существующих теперь границ... творчество – это неистовое стремление к неведомому. И вот здесь возникает грань двух стихий, когда музыка делает безбрежной гармонию красочных звуков, когда живопись приобщает к непостижимым тайнам музыки: Гуцин. –

Маргарита Богадельщикова. О Гуцине // Волга–XXI век. 2007. № 5-6.

Параллель развития живописи и музыки

Своим примером, своей живописью Гуцин прежде всего привлекал внимание к самостоятельности цвета в живописи, утраченной с Позднего Возрождения.

– Творчество Гуцина и Юстицкого – явление, развивающееся в нашем сознании.

Пятницына. Обсуждение выставки «Круг жизни, колесо истории (Гуцин – Юстицкий)». 2003 г.

По расчётам Шмита – Прокофьева витки развития изобразительного искусств конусом сходятся в точку – эстетический «конец света» наступает в промежутке 1985–2015 годов

*Ни чёрное, ни белое, / ни синее, ни красное –
навек оледенелое. / Бесцветное. Безгласное!*

Итог:

*И ничего не сделает тут, / ни трудясь, ни празднуя –
и Бог!*

– Глаза просят цвета. То ли дело радуга –
кого она не остановит, не охватит восторгом.

Чудин

– К рубежу тысячелетий «формула цвета», разработанная Чудиным в циклах картин, была приведена к своему логическому завершению... Его произведения... в которых – вера в Бога и спо-

койствие, глубокое понимание духовных и религиозных ценностей... вновь возвращают нам веру в неслучайность и не бессмысленность земного пути человека. –

Людмила Пашкова. Виктор Чудин. Альбом. Саратов, 2008. С. 3–7.

1965 год

Формула цвета Чудина

Идея – Григорьев, решение – Чудин (образно-понятийное мышление).

Григорьев: – *Гущин сторонник без рамы писать – нельзя связывать цветность холста зависимостью от рамы! Рама отразит, часть цветности возьмёт на себя. Он говорит, если картина не смотрится без рамы, значит, в ней чего-то не хватает...*

Мы, группа саратовских художников, удивлялись нашему старшему товарищу, художнику-любителю Николаю Андреевичу Григорьеву, его выражению – *Вгоним живопись в математическую формулу!* – вынь да положь ему правила сочетания цветов для живописи. Мы, кроме Чудина, иронически относились к идее Григорьева, считали её чудачеством.

Чем Чудин отличается?

Чудин отличается совмещением абсолютного чувства цвета с аналитической одарённостью, – этим отличаюсь! – Чудин уделил внимание абстрактному понятию «цвет», его визуальному смыслу, чётко разделив понятия чёрно-белого рисования и тепло-холодной живописи.

<...>

Друг Ярыгина Лев Александрович Иванов (7.05.1918 – ?)

– учёный секретарь Саратовского сельскохозяйственного института имени Вавилова. К 1962 году собрал стихи Ярыгина, напечатал на пишущей машинке в трёх экземплярах. Свой экземпляр в руки Ярыгина не давал, а экземпляр, принадлежащий Григорьеву, весь испещрён авторскими исправлениями – некоторые листы автором вырваны. Это потому, что – *Лев Александрович Иванов*, – который, как известно, – *пришёл на службу без штанов* (Ярыгин), – считал себя поэтом и маленько редактировал стихи Валентина на случай обыска. Тогда в протоколе фотоаппарат и печатная машинка числились «множительная техника». Печатная машинка регистрировалась «где надо», а самостоятельно написанное в конце шестидесятых стало называться «самиздат».

Ярыгин не возражал, соглашался, что его поздние стихотворения, записываемые уже не Ивановым, а Лопатиным, могут составить поэму. Этой черновой подборке Ярыгин не успел сделать поправки. Через пятьдесят лет после его смерти, в первоначальном виде, с машинописными опечатками Лопатина опубликовал «Поэму» Валентина Ярыгина – журнал «Волга»: 2009. № 1–2 (418). С. 148–171.

1963 год

Магнитофон появился – Окуджава доступен и Коган: событие!

– *Окуджава вообще лапша без ритма! Балалайку надо! Окуджава – это, конечно...но без костылей он не годится!*

– *Какие костыли?*

– *Гитара! Технически даже Коган сильнее Окуджавы!*

Лев Александрович Иванов – основоположник «магнитофонного метода литературы». По его мнению, будущее литературы принадлежит этому новаторскому способу записи прямой речи:

– *Конец письменной литературе, наступает «диктофонная» эпоха.*

«Магнитофонным методом» – карандашом на бумаге, Лопатиным в 1966 году исполнен «КИЧ» (третья редакция: первоначальное название «Попытка поэмы»).

Читается «КИЧ» трудно, необходимо пояснить сюжет. Виктору Матко, исключённому из Саратовского художественного училища за строптивость, негде жить. Григорьев Николай Андреев-

вич, психиатр, помогает художнику Матко перезимовать «на Алтынке». – ...делов-то!... – Деловая обыденность – перезимовать в сумасшедшем доме! – встраивает в советскую повседневность и «ЧСИР» – «Член Семьи Изменников Родины», Зою Михайловну Олехнович.

<...>

Башенин Валерий¹, Чашинский Анатолий², Виктор Матко не выдуманные персонажи «КИЧ». И Валерия, и Анатолия, за строптивость вслед за Виктором выгнал из Саратовского художественного училища директор Просянкин Михаил Иванович. Башенин и Чашинский стали известными московскими художниками. Однажды газета «Советская культура» поздравляла Башенина с днём рождения.

Валера Башенин – в 1964 году изгнан из Саратовского художественного училища. Башенин Валерий Викторович живёт в Москве, художник – представитель авангарда, основанного на традициях фольклора. Учителем своим считает Михаила Шварцмана³, создателя «иератур» – закодированного отражения структурных форм мироздания.

Анатолий Чашинский – изгнан вместе с однокурсником Башениным. Живёт в Москве, художник, считает себя учеником Шварцмана, которому предназначено

– *открытие иератической живописи.* –

Анатолий Дмитриевич Чашинский. Взгляд из будущего в прошлое (откровение невидимого в видимом). М., 2007. С 95.

Виктор Матко – персонаж «КИЧ». Живописец, редчайший колорист. Однокурсник Башенина и Чашинского – за строптивость изгнан из училища в 1961 году. В научной библиотеке СГУ делал выписки из Малевича, в кармане носил декларацию о правах человека (подписана СССР в 1947 году, опубликована в «Перестройку»). Пришёл в саратовскую госбезопасность проситься в Париж – до генерала дошел. Тот говорит:

– *...тебя выпустим, одет плохо, худой, голодный. Там скажут, вот как художники в Советском Союзе живут. Поработай, приоденься, подкормись и езжай.*

– *Да меня на работу нигде не берут!*

– *Мы поможем!*

Работал Матко художником, там и жил – на Соколовой горе контора нефтегазовая. Утром приходят на работу (рассказывал по случаю очевидец, инженер), поперёк комнаты на верёвке сушится бельё – Матко стирал. Приоделся, подкормился – опять в Париж собрался. Оказалось – работал в режимном учреждении – 5 лет «невъездной».

«Перестройка» – езжай куда хочешь: Башенин и Чашинский провожают Матко с московского вокзала – в Париж, там его знают, ждут. Вагон пустой, один пьяненький Матко на весь вагон. Заподозрил что-то, через вагонное стекло жестикулирует, выскочить хочет – *Не хочу ехать!* – Проводник здоровенный как шибанёт его назад. Матко в Париже не объявился.

Последний раз Матко видел в начале 90-х однокурсник Лопатина по художественному училищу Гришин. Гришин жил в районе «Комбайна», возле Областной психиатрической больницы

¹ Валерий Викторович Башенин (р. 1943) – художник.

² Анатолий Дмитриевич Чашинский (р. 1942) – художник.

³ Михаил Матвеевич Шварцман (1926–1997) – художник.

– «Алтынки». Рассказал, – в 1990-х годах видел Матко, на «Алтынке» возле мусорки. Там Матко копался в мусорном ящике, попросил у Гришина денег на хлеб. Набралось у Гришина карманных денег на чёрный хлеб. Матко просит на булку:

– *Скучаю по белому хлебу. Дай ещё! Белого хлебца хоцца. Ты не думай – отдам! У меня скоро деньги будут – я получил заказ на картину.*

В круг общения Ярыгина в последние десять лет жизни входили в основном художники, группировавшиеся вокруг опального Николая Михайловича Гущина, из-за этого знакомства с ним не пропускались Выставкомом Саратовского Союза художников на выставки.

Профессиональным художником, т. е. зарабатывающим на жизнь рисованием, стал один Виктор Чудин. Не имея возможности выставляться, художники, как и Гущин, не переставали творчески работать – это считалось в порядке вещей, как художникам, так и поэту Ярыгину.

В «Перестройку» – через сорок лет после смерти Гущина – получили возможность печататься поэт Ярыгин и выставляться художники «круга Гущина»: такое определение им дала в своей статье научный сотрудник Радищевского музея Ирина Пятницына в 1995 году.

– Пятницына И.Н. Художники круга Н.М. Гущина // Саратовский государственный художественный музей им. А.Н. Радищева. Материалы и сообщения. Выпуск 7. Саратов: Арал, 1995. С. 134–162.

<...>

2020-2021

Борис КОНСТРИКТОР

ТРАНСФУРИСТАМ

Преамбула вослед

В № 7–8 журнала за сей год была опубликована, «на правах авторецензии», моя небольшая статья «О “Транспозитике” вкратце», где был сделан обзор вышедшего в Петербурге сборника, посвященного четырем поэтам самиздатского журнала «Транспонанс».

Один из них живет в Петербурге, пишет стихи, прозу, рисует. Его зовут б. констриктор, для иных творческих методов используется другой псевдоним – Борис Ванталов (теперь уже любопытный читатель сможет попробовать разобраться в том, как устроены эти сложные взаимоотношения человека и автора, а затем – автора и героя, героя творящего и героя пассивного и т.д.). Констриктор опоздал со своим циклом, а очень хотел видеть его рядом со статьей-рецензией. Но и так не беда: другой номер журнала – продление, а не опоздание.

А продление здесь – все-таки важное действие: уже 35 лет, как журнал «Транспонанс», издававшийся в нескольких экземплярах в г. Ейске Анной Ры Никоновой-Таршиш и Сергеем Сигеем, перестал выходить. Авторы вышли из подполья и немало сделали для русской литературы, искусства. Теперь, казалось бы, можно говорить уже об истории, уже о ее достоянии. Но автор публикуемых стихов совершает свойственную ему трансвылазку – в прошлое, даже в ту область, которую у нас принято считать недоступной. Не ради путешествия, а ради встречи с теми, кто превращал творчество в праздник, не заботясь о признании. Орфей воскрешает минувшие дни, вновь и вновь подбирая из бесконечного арсенала аналогий возможные ответы на вопрос «что это было?».

Кроме того, называющий себя б. констриктором в последнее время больше рисует (мотив рисования читатель заметит легко – так что это пояснение можно считать подсказкой); пишет больше Борис Ванталов. Потому данная публикация – эксклюзив, как сейчас принято говорить в подобных случаях: слово предоставляется б. констриктору!

А проживает этот последний из трансфуристов (бывших не бывает) на Чёрной речке, близ Невы. Предлагаемые ниже тексты не только продолжают линию эксперимента (переводя его в экзистенциальный регистр), но и способствуют сближению Волги и Невы, Еи и Влтавы – Балтики, Каспия и Азова.

Петр Казарновский

I

Браконьеры искусства,
вы всегда налегке.
Распечатаны чувства.

Медный грош в кулаке.
Повидав то и это,
каждый встретил Ничто.
В нём мембрана поэта,
честь и ритм его.

2

Читай такие книги,
что выбивают стул.

На пятой точке сидя,
услышишь гул.

Тут понимаешь брюхом,
всё не так.

Мир познаётся духом,
дурак.

3

Пройдя безумия мандраж,
понуру в разум возвращаться.
Под крышку черепа, в блиндаж,
и человеком притворяться.
Как будто ты – вот это я.
Как будто смысл есть в природе.
Что тут сказать. Сказать нельзя.
Рисуй и дальше в этом роде.

4

Сон

А. Нику

Безумия веры
священный полёт.
Внизу – инженеры.
И ты, идиот,
цитируя Марка,
летишь мимо крыш.
Дворцовая. Арка.
Витебск. Париж.
Внизу натюрморты
малютки земли.
Распевы аорты.
Всё в звёздной пыли.
Став ветром бесплотным,

прозрачным навек,
не плачь над животным
себя, человек.

5

Памяти Сергея Ковальского

Утро прохладное, майское,
чистого неба родник.
Вдруг настроение райское.
Всех вспоминаю: А. Ник,
Ры и Сигей, Игорь Бахтерев,
Эрль, Борис Кудряков.
Рано ещё. Не позавтракав,
тихо лежу без очков.
Может быть, даже я вижу вас.
Может быть, слышу уже.
Тапки. Халат. Как же мало нас
здесь, на земном вираже.

6

Огарок

Ушли ближайшие давно.
Как догорающая свечка трепыхаюсь.
Опять, ребята, тут темно
и плохо пахнет. Задыхаюсь.
Но отчего-то всё ещё горю
и, как ни странно, не горюю.
Песнь лебединую пою,
тихонько слепну и рисую.

7

Внутри безумия всего
бывает иногда уютно.
Был создан мир ни для чего.
Здесь смутно.

Пари, как дымка, над Paris,
рифмуйся с зауемь вселенной,
несообразное твори,
большой волны военнопленный.

Дек. 2020 – сент. 2021

Андрей ПЕРМЯКОВ

ИСКУССТВО БЛАГОЙ ЖИЗНИ
В ПЕРЕМЕНИВШЕМСЯ МИРЕ

Сергей Трунёв. Письма пограничника. –
Саратов: Музыка и быт, 2021. – 92 с.

*это присказка, только присказка
сказки нетути*
С. Трунев

Аннотация «Писем пограничника» предельно лаконична: «В новую книгу вошли стихи 2004–2021 годов». То есть написанные после далёкого во времени предыдущего сборника «Боковая линия» (2004). И сначала похоже, будто «Письма» даже не столь развивают прежнюю работу автора, сколько конспектируют её. В самом деле, «орудия поэтической речи» – те, о которых Мандельштам писал в самом начале «Разговора о Данте», – Трунёв приручил весьма давно. Применяет и переменяет он те орудия для исследования интонационного, фонетического и прочего звучания мира:

силлаботоника, сила ботаника,
сила батончика марс
помнишь ли, милая, в вешних проталинках
город по имени маркс...¹

Рефлексия по поводу освоенных размеров, вкрапления верлибра и белого стиха, отсылки к пластам советской, досоветской и мировой культур. Чего ж нам боле? Первые стихотворения новой книги не разочаруют давних читателей Сергея Трунёва, но скорей побудят проникнуться ностальгией. Они, те стихи, есть явный и прямой продукт эволюции творений прежних². Впрочем, тому есть причина: расположенные в не совсем хронологическом порядке, первые

¹ «Выпьём за тех кто командовал ротами, / кто умирал на снегу, / Кто в Ленинград прорывался болотами, / горло ломая врагу», например.

² Как мы теперь знаем, эволюция отнюдь не означает прогресса. Она есть продукт адаптации к миру.

тексты новой книги написаны в 2004–2005 годах, то есть сразу после «Боковой линии». Преемственность законна и понятна.

Авторское восприятие мира фокусирует себя в таком тексте точно единым кадром:

тапки на босу ногу, халат на плечи
как обычно ночью, как никогда тверезый
вдруг ощутишь, что больше заняться нечем
выйдешь на лоджию и обнаружишь...
звезды

сколько лет небесный атлас глаза листают
но моральный закон немотствует,
Кант свидетель
если где на свете есть хорошо местами
пусть туда с Колымы откинута наши дети
<...>
докури бычок, улыбнись на прощанье
звездам
реже спи, не храни патроны в картонной
пачке
не свисти о том, что в провинции чистый
воздух
на столе редис и в сортирном бачке заправка
13.09.05

В пропущенных нами четырёх центральных катренах присутствуют и даже действуют Эйнштейн, Постум, Арарат, калашный ряд, бомжи. Все – в пространстве культурно обусловленных коннотаций. С подобающей иронией и с внятыми взаимодействиями с Колымой и Кантом, явленными в начале стихотворения.

Засим тональность меняется. О себе автор всегда говорил с более суровой и явной иронией, применяя ассоциации не литературно-философские, а относящиеся совсем к другому регистру:

посчитаем цыплят по осени
в догонялки рванем по радуге
не беда, что мошонка с проседью
если то, что повыше, радует...

Стихотворение являет собой не перепев более старого текста, но, скорее, вступает с тем текстом в диалог, своеобразно продолжая:

Окрасился месяц багрянцем
Как бритва в дрожащей руке
Вот так и подохну засранцем
В своём никаком далеке

2004

Словом, в своей первой четверти книга «Письма пограничника» видится неким развитием и вариациями предыдущих авторских тем. Похоже, так всё и пойдёт себе далее: вот блок стихотворений о мире внешнем, вот о себе, не слишком любимом, вот о взаимодействии мира и себя... Интересно, привычно, уютно.

Однако далее становится иначе. Причём – радикально иначе. Хотя инаковость эта построена на довольно неочевидных нюансах. Собственно, при внимательном чтении книги отличия заметны и в первых, условно говоря, описательных, стихотворениях «Писем». Прежде всего, переменилось авторское восприятие внешнего. Прежде наружный мир был непременно одушевлён и антропоморфен. Как в следующем стихотворении, написанном пару десятилетий назад:

На окне, затянутом марлёвкой
Ласточки, слепые златошвейки
Первые эскизы прошивают

Улица цветёт аккордеоном
Целый день жирует чья-то свадьба
Что тебе тупой индейский потлач...

Теперь стало по-другому. Мир людей изведен почти целиком. Как изведаны и миры собственной личности. Внешняя реальность отделена неким фундаментальным барьером. Она принципиально иная, непостижимая, тем более – не взаимодействующая с нами напрямую. Напротив: лишь мы можем придать ей некое человеческое измерение, дабы чуть понять. Благо человека стало много, слишком много в нашем мире:

<...>

призрачно все: верить, любить, дышать
зазывать бы в толще твоей перины
блеклая цапля в сморщенных камышах
выглядит балериной

09.10.12

В написанном мною (А.П.) абзаце, предшествующем процитированному фрагменту стихотворения, легко найти парадокс или даже глупость. Каким образом внешний мир может не взаимодействовать с человеком? Человек – законная, неотъемлемая часть мира. Деваться ему некуда.

Тут нам придёт на помощь ставшее вдруг невероятно популярным хорошо забытое интеллектуальное движение. Стоицизм. Вернее, «Новый стоицизм». В *цивилизации* и около проходят «Недели стоицизма», выходят журналы, есть сообщества вроде Moscow Stoа и даже Modern Stoicism Ltd (в дословном переводе – «Компания “Новый стоицизм” с ограниченной ответственностью»). Или ООО «Современный стоицизм». Но вот такая экономико-правовая ситуация в мире теперь).

Один из ведущих деятелей движения, философ и, что очень показательно – биолог Массимо Пильюччи пишет: «...я стал стоиком. Это не означает, что я превратился в кремень, чуждый каких-либо эмоций. Как бы я ни любил мистера Спока (в образе которого создатель “Звездного пути” Джин Родденберри воплотил весьма наивное понимание стоицизма), эта безэмоциональность представляет собой самый распространенный и самый ошибочный стереотип о стоицизме. Но в действительности стоицизм – это не подавление или сокрытие эмоций, а их осознание, размышление об их причинах и умение направлять их себе на благо. Это понимание того, что находится под нашим контролем, а что – нет: следует сосредоточить усилия на первом, вместо того чтобы напрасно тратить их на второе»¹.

Похоже, стоицизм – единственное на сей момент европейское философское течение, возникшее и развивающееся спустя две с половиной тысячи лет после момента своего возникновения. Впрочем, истоки явления скрыты во времена куда более глубокие, а полного забвения и утраты актуальности стоических учений не было за все эти неусветные годы. Тони Лонг пишет: «Гомеровский “твёрдый в бедствиях” и “многоумный” Одиссей был почетным стоическим героем, а Сократ, вдохновлявший

¹Массимо Пильюччи. Как быть стоиком: Античная философия и современная жизнь. М.: Альпина нон фикшн, 2021 (второе издание). – 279 с.

Зенона (и не сходящий со страниц Эпиктета), умер за сто лет до основания стоической школы. Есть и более современные примеры – скажем, обыденный стоицизм из прекрасной песни Ирвинга Берлина: «У меня есть солнце утром и ночью луна. Нет ни денег в банке, ни особняка, ни яхты, но я доволен тем, что у меня есть»¹.

Привлекательность мировоззрения понятна: раз среди столпов движения на равных присутствуют столь разные люди, как император Марк Аврелий; эстет, аристократ, моралист Сенека; и, например, раб Эпиктет – философия стоицизма интересна наверняка. Но за прошедшие века изменилось премное. И, может, особенно – за последнее столетие. Древнегреческая Стоя, её римские последователи, а также те, кто пытался возрождать дух предшественников на границе Возрождения и Нового времени, были уверены: космос устроен разумно, а критерием соответствия индивидуума этому космосу будет прямое следование Пути и обоснованное чувство благородной правоты. Назло внешним обстоятельствам или в согласии с оными – дело третье.

Тут возникают хитрости и противоречия.

Мы, конечно, и до сих пор не знаем, устроен наш мир по совершенному замыслу или создан прихотью стихий. Но узнали другое: флуктуации, где побеждает стохастика, где царит хаос, могут занимать весьма значительные области в пространстве и времени. Это доказано учёными людьми и даже математиками. За такие доказательства давали Нобелевские премии². В подобные флуктуации может попасть каждый из нас с предсказуемо фатальным исходом. И современникам предстоит жить в таких же флуктуациях. И детям, может.

Узнали мы и третье: родное бессознательное, живущее в каждом, не принадлежит ни телу, ни душе. То есть разделение духовного и телесного, высказанное, к примеру, Окуджавой: «Руки на затворе, голова в песке /А душа уже взлетела вроде...» работает для внешнего наблюдателя. Внутри всё гораздо запутанней.

Всё это знает поэт Трунёв. Он же – Сергей

Игоревич Трунёв, доктор философских наук, профессор. Конечно, известен ему и «Новый стоицизм». Думаю, относится к новой интеллектуальной моде наш автор с преизрядной долей иронии. Тем не менее, многие цитаты и даже целые стихотворения из второй трети «Писем пограничника» прям-таки напрашиваются в манифесты этого движения. Вот лежат не сильно молодые, но и нестарые дядьки в кардиологическом отделении или в травматологии. Юная санитарочка бежит среди них, вертя тем, что вертится. К ней бы испытывать родительские или не-родительские чувства, а получается, что она ухаживает за выздоравливающими как за малышняй. Бред, который надо принять и превзойти:

<...>

в 8.00 санитарка выносит судно
точно дитя полуоткрывши рот
тертуллиан изрек: верую, ибо абсурдно
было бы правдой, кабы наоборот

14.12.17

Или гораздо тоньше, честнее, на редкость отключив фирменную иронию. Почти отключив. Разговор в следующем стихотворении идёт о том, что про мир неизвестно – разумен он или не очень; о том, что про нас известно – мы должны выстоять. Но выстоять можно только вдвоём. Из текста никоим образом, ни прямым, ни косвенным не следует: обращается поэт к своей любимой, к своей единомышленнице, или к своей душе. Предположу третий вариант наиболее вероятный, но это сугубые домыслы. Мне просто стихотворение очень понравилось:

все в этом мире бrenно, все, исключая нас
перелицовано, прекреено, перепето
но, не в пример воде, у мира есть
свой каркас
и это мы и ты, кажется, знаешь это

долг всякой сваи встать и стоять столпом
даже если течение уносит все, что было
когда-то близким
а что на душе, так это уже потом
узнают филологи из нашей с тобой
переписки

кто-то скажет, мол, лучше скитаться
как вечный жид

¹Тони Лонг. Стоицизм античный и современный / Перевод Стаса Нарановича // Сигма. 14.08.2019. <https://syg.ma/@stas-naranovich/toni-longh-stoicism-antichnyi-i-sovremiennyy>

² Илья Романович Пригожин, виконт Бельгии, лауреат Нобелевской премии 1977 г.

переходя из города в город, от трона
 к трону
 но мы не такие, мы предпочитаем жить
 пряча живую ткань под мертвой корою
 бетона
 не отступать, не вертеться тугим угрем
 чтобы упасть к ногам многим не хватит
 лестниц
 поверь мне, милая, мы никогда не умрем
 это о нас будут слагать стихи и горланить
 песни
 13.05.16

Зыбкий собеседник. Собеседница. Любый
 другой, глядящий на тебя. Они очень нужны са-
 мому стойкому стойку. Ибо «видно, до смерти,
 Марковна», ибо «неловко атавизму мезозоя /
 брести среди покритосеменных».

То есть книжка получилась уже дважды: сна-
 чала как продолжение хорошо начатого поэти-
 ческого дела, затем – как отражение новой куль-
 турной реальности адекватными средствами.

Но, главное, оказывается, только началось.
 Про это главное мы и попробуем дальше ска-
 зать, но сперва ненадолго отвлечёмся. Локали-
 зуем действие книги. Действие это происходит
 на Волге. Факт, что за пару последних десяти-
 летий в нашей стране возникли интереснейшие
 региональные поэтические феномены, набил
 оскомину и стал общим местом. И, кажется, для
 саратовских поэтов Волга оказалась более важ-
 ным феноменом, нежели даже для поэтов ни-
 жегородских. Только нижегородцы образовали
 некую общность, а саратовцы, скорее, дружат
 по-человечески, нежели ищут общности поэти-
 ческой.

У Алексея Александрова, земляка, почти
 ровесника и поэтического антипода Сергея Тру-
 нёва, Волга играет роль оси мира. Действие про-
 исходит равным образом по обе стороны реки,
 а также под нею, в мире инфернальном. И над
 нею, разумеется. У Трунёва выходы в иное из-
 мерение явлены не менее, однако Волга испол-
 няет тут роль абсолюта – не в теологическом
 смысле слова, а в терминах геометрии Лобачев-
 ского: вне доступа к этой Волге тоже, конечно,
 что-то происходит, но нам того не понять и даже
 не увидеть. Или, как сказал сам автор: «...во всем
 здесь есть какая-то истина / несоразмерная
 средствам земных наук».

Мне просто показалось важным отметить
 важность локального присутствия на берегу *им-
 плицитной Волги* для совсем разных поэтов из
 очень разных городов. Об этом будет интересно
 поговорить тщательней и подробней, но пока
 продолжим о книге Трунёва. О финальной части
 этой книги. О стихах, написанных в 2020-2021-
 м году. Относительное обилие этих текстов со-
 всем не противоречит авторской сентенции: «...в
 жизни так мало событий / реально достойных
 записи» (01.04.21).

В этих стихотворениях, во-первых, сно-
 ва подведён итог некоего этапа. Действующие
 лица прежние, чуть постаревшие, обзаведшиеся
 хозяйством и домашней скотинкой. Каждый – в
 меру своей удачи:

бомж угловатый внешности вейтса тома
 из кинофильма френсиса форда копполы
 дома мимо прошел не со всеми дома
 рядом собачки (двое): Вокруг да Около

Около около баков очистки нюхает
 мелкий Вокруг за хвостом без устатку
 носится
 у мужика дома нет и в голове разруха
 и еще, возможно, сломана переносица
 перенестись бы в рай, да куда без паспорта
 хоть бы и в ад, да только с какого ляда
 впрочем, на небе нет остановок
 транспортных
 он-то пешком дойдет, а зверюги слягут

голодные псы, к ногам хозяина ластанся
 купол небес прошил самолета трассер
 так и живут (живет) в ожиданье мастера
 даже не смея выхаркнуть слово «мастер»
 05.03.21

А дальше, в завершающих книгу стихот-
 ворениях, тихонько-тихонько начата попытка
 некоего синтеза на новом витке. Вот уже и
 про Ойкумену всё понятно, и о себе разном всё
 знаю, и различные системы знания превзой-
 дены, а жизнь-то вся впереди. Вся оставшаяся.
 Силы прежние или нарастающие. Будет очень
 интересно. Жаль только, если следующей книги
 придётся ждать ещё снадцать лет.

Но и это ничего.

Борис КУТЕНКОВ

ПОЭЗИЯ КАК ПРАКТИЧЕСКИЙ РЕЗУЛЬТАТ

Владимир Козлов. ЗАЧЕМПОЭЗИЯ. Избранные материалы к арт-поэтри-проекту #Воскреснемедитации. – Ростов-на-Дону, 2021. – 72 с.

Сборник статей «ЗАЧЕМПОЭЗИЯ» его автор, литературовед Владимир Козлов, не считает книгой в привычном понимании – говоря, что это лишь преддверие будущего издания, которое выйдет, возможно, когда-нибудь. «Это издание выпущено ограниченным тиражом специально к благотворительному творческому вечеру в поддержку медиа о поэзии Prosodia.ru». Однако на фоне современных изданий о поэзии книга выглядит действительно своеобразно – конечно, не из-за малого тиража или ещё каких-то внешних признаков. Уникален сам подход к материалу: в этом сборнике вы не увидите разговора о тенденциях, иерархиях, не встретите ни одной цитаты из современников или классиков (хотя всего перечисленного в практике Козлова – давно и непрерывно рефлекслирующего о поэзии – несомненно, хватает). Сам принцип разговора в этой книге подразумевает именно осмысление поэзии «вообще» из точки сегодняшнего времени. Вопрос о её практической значимости ставится с нескрываемой субъективностью: центром повествования здесь всегда становится авторское «я», Владимир Козлов с его выношенным опытом – не только мыслителя о поэзии, но и практикующего стихотворца. Этот подход подчеркнут не только постоянными отсылками к собственной поэтической практике, но и фотографиями черновиков, и стихотворениями, предваряющими тезисы о поэзии (и как бы призванными находиться в диалоге с ними), и – даже – авторской фотографией и тематической подписью, что иллюстрируют одну из глав. При этом было бы ошибкой думать, что сборник – воплощение эгоцентризма и призван как-либо выставить его автора в качестве эталона: нет, в центре здесь – совокупный опыт деятельности, возникающий на стыке прочитанного, осмысленного и написанного собой же в стихах (пожалуй, последнее – самое неочевидное для книг о поэзии и способно поставить критика в уязвимое положение. Автор – био-

графический объект собственных наблюдений, самым собой доказывающий ценность поэзии. Но в этом – и смелость, и риск, и причина для истинного интереса к изданию).

Меня в своё время – ещё когда отдельные статьи этого сборника выходили в журнале Prosodia в качестве предисловий – зацепил именно жанровый синкретизм козловских писаний с чётко определённым, направленным на себя же результатом: «вернуть сознанию, изгваздавшемуся за неделю в мирских дрязгах, долгах и хлопотах, исходное состояние, из которого смыслы если не открываются, то хотя бы доступны». Этот результат – во многом производное от другой профессии: бизнесмена, делового эксперта, в жизни которого легко может не остаться места поэтической гармонии, а любой выход в пространство иного сознания – сам по себе и драгоценный дар, и спасение от рутины. Таким образом, личностный след, оставшийся на этих писаниях, характеризует автора с нескольких сторон. С одной стороны, как поэта в ситуации «исключения» (для него работа с иным состоянием реальности возникает именно как редкость – как бы противопоставленная тем «долгам и хлопотам», которые навязывает погружённость в деловой мир). С другой, как одного из многих, столь же заезженных бытом. Ценность такого диалога с теми «многоими» – в эмпатии: будучи самому в ситуации перманентной трудности, проще посоветовать что-то таким же, как ты. Сама цель написания этой книги эмпатична – и направлена на Другого, на желание помочь преодолению его неуверенности в мотивации для своего дела: «найти действующий источник внутренней энергии, поискать ответ в другой области. В нём помимо таинственного можно обнаружить и нечто вполне рациональное». Это определение – «рациональное» – не должно обманывать. Сборник скорее провокативно именуется вполне полуканцелярским-полунаучным словом «методичка», будучи предельно далёк от наших институтских представлений об этом предмете. Композиционное строение книги тоже способно озадачить заглавиями, в основу которых положены «искомые слова», являющиеся самоцелями, по Козлову, поэтического творчества: «арт-терапия», «путь преображений», «целый человек» и т.д. Однако и здесь не стоит искать рецептуру: в одной из глав нам недвусмысленно

обещан «нерядовой интеллект» автора – и этот интеллект менее всего ориентирован на готовые решения.

При этом профессия директора аналитического центра не может не вести к внятной постановке задач и осознанию поэзии как практического действия – что, опять же, способно насторожить и озадачить. Однако неслучайно одним из главных антагонистов для Козлова становится понятие поэтического успеха, на котором заикнулись сегодня все. Для него акт рождения стихотворения – «это преобразующая встреча, пересечение, проникновение друг в друга ценностных полей, после которого посыпались искры. Если человек, в чьём сознании состоялась такая встреча, не видит самоценности этого и подобных ему событий, он будет обречён остаться несчастным в любой ситуации, если не удастся “рукопись продать” – а этого ему не удастся». Результат «проектной» поэтической работы, таким образом, оказывается парадоксальным: «успех», обещанный нам в начале книги, становится оборотной стороной материального неуспеха – важно только принять последнее и вдвойне оценить возможность чистого саморазвития. (По сути, повторяется пушкинское «цель поэзии – поэзия», но немного в другом преломлении: как противоположность той цели, к которой стремится пишущий – сетуя на невозможность повторить успехи шестидесятников, на отсутствие зрительских стадионов и на всё, на что принято сегодня сетовать, говоря о «неуспехе» современной поэзии.) «Чтобы реже язык поворачивался обесценить ее [поэзию] только по той причине, что за стихок не начислен солидный гонорар, а значит, в результате поэзии как бы ничего не произошло. Кое-что в результате поэзии несомненно происходит». То, что происходит, – куда более важное: возможность иметь «светлую голову», получить ту самоценность, которую автор называет то «антропологической практикой», то «персональной и видовой эволюцией». Однако итог, при разности формулировок, остаётся неизменным – направленным на себя и как бы исключающим внешние факторы, делающим их необязательным приложением к самоценному творческому акту. «Сборка собственной личности» – один из важнейших результатов стихотворения, настолько серьёзных, что рядом с ним все жалобы на отсутствие гонораров или обрат-

ной связи оказываются едва ли не абсурдными. Другой результат – «преобразование сознания», избавление его от потребительского ракурса. Всё это так, но ужасно сложно понимать такие вещи на протяжении всей жизни и считать их самодовлеющими: погружённость в хаос и отчаяние неизбежны. В этом смысле и слово «методичка», и карманный формат книги, которую носишь с собой в кармане и открываешь в подобные минуты, обретают совсем непривычный прагматический смысл.

Называя книгу «методичкой» и всячески акцентируя внимание на проектности своего замысла, Козлов и отношения поэта с миром заключает в концепцию «договора»: «Мир мне показывает и открывает свое многообразие, он мне лично каждый день предоставляет колоссальную пищу для размышлений. За это я обязуюсь перед ним проводить внутреннюю работу и в каком-то смысле возвращать дар в виде извлеченных из его собственного существования смыслов. Соблюдение этого договора гарантирует яркость мира и остроту зрения». Сказано просто и общо – но именно такие «договорные» отношения, возможно, и нужны в наше время, чтобы внести чёткую концептуальную ноту в ситуацию хаоса (прежде всего внутреннего). Всё, что говорит Козлов, как бы подразумевает маргинализацию поэтического дела как общее место – и противостоит ей, иногда доходя в таком противопоставлении чуть ли не до парадоксов: «...жизнь эта [внутренняя жизнь поэта. – Б. К.] в любом случае гармоничнее той, в которой места поэзии нет. И, по идее, слушать такой рассказ – всё равно что слушать историю про то, как парень из трущоб сумел разбогатеть». Избавить от чувства «смертельной обиды на мир», лишиться заикливости на успехе – такова цель козловских гипербола (по сути, оказывающихся совсем не гиперболами; хотелось бы произнести слово «истины», если бы не излишняя пафосность такого слова, особенно применительно к автору, говорящему из точки «я-опыта»).

Другим внешним антагонистом для Козлова становится символистско-романтическая парадигма, согласно которой художник «слышит голос свыше». Это проявляется и в таком практическом подходе к сочинению стихотворения, как отстаивание черновиков: «Пока стихотворение не опубликовано, каждое слово в нем может измениться», – несколько категорично

говорит Козлов, и от этой категоричности холодеешь – такая позиция как будто исключает интуитивную работу сознания, обязательность «необязательного» слова, поставленного на ощупь – и не поддающегося изменению. И если в разговоре о социальном функционировании поэзии автор почти бесспорен – то, углубляясь в частности поэтической практики, уже обнаруживает несоизмеримость с чужим опытом, который неизбежно индивидуален. Впрочем, можно вспомнить Пастернака (раскритикованного уже только не ленивым за переделывание ранних стихов). А, например, такой современный литературовед, как Марина Кудимова, также в недавнем интервью заметила, что «пока человек жив, он может вернуться к себе и изменить всё что угодно в своём стихотворении». Мне этот подход скорее не близок – однако нет смысла спорить: разговор здесь упирается в различие поэтических позиций¹.

Ещё более уязвима для полемики глава «Поэзия как исследование»: неудивительно, что именно здесь разговор предполагает наибольшую субъективность, так как касается именно определений искусства. Однако отсутствие примеров, которых Козлов на протяжении книги старательно избегает, именно здесь начинает мешать. О самом понятии «энергия исследования» сказано предельно абстрактно: «Мне близка поэзия, в которой есть энергия исследования. При этом ясно, что это исследование художественное – вооруженное, помимо логики, образами, символами, ассоциациями, чувственностью, пейзажами, предметностью мира, эмоциями» (бери этот абзац и привешивай его хоть к современной Лиде Юсуповой, хоть к раннему Александру Кушнеру). Больше всего настораживает следующий момент: «Искусство, которое начинает презрительно относиться к своей исследовательской, познавательной роли,

быстро вырождается. Сначала его по привычке ценят за стильные декорации, а потом идут заниматься серьезным делом». Опасность принять за «стильные декорации» то, что только кажется таковым, то, что внешне «красиво», метафорично и как бы не укладывается в рамки поверхностного «смысла», – одна из главных опасностей критического мышления. В погоне за практическими ответами на вопросы о мире не ударяется ли критик в надоевшее противопоставление «чистого искусства» и «практического искусства», не перескакивает ли вопросы, актуальные ещё во времена Фета?.. Но, как и прежде, оказывается, что с ними ясно далеко не всё. Несколько лет назад термин «поэзия как исследование» уже был введён в оборот представителями «левого» фланга: тогда под таким понималось высказывание, рождённое на стыке философии, социологии, истории, вновь противостоящее романтической парадигме. Это ли имеет в виду Козлов – и противопоставляет ли в качестве «стильных декораций» условного Ивана Жданова – вопрос открытый, и интересно было бы прочитать более аргументированное продолжение этой главы.

Основывая свои тезисы на ряде противопоставлений общим местам (как то – жалобы среднестатистического художника на «другую профессию», мешающую писать; Козлов спорит и с этим), автор остаётся в равной степени и убедительным, и неубедительным. Убедительным – постольку, поскольку в этих тезисах присутствует доктор филологических наук, главный редактор поэтического журнала, хорошо знающий современный контекст и берущий свои наблюдения «не с потолка». Неубедительным – постольку, поскольку чужое воспринимающее сознание стихотворца способно увидеть «своё» или «иное» в частных моментах опыта. Однако и то и другое – следствие непрерывной рефлексии «нерядового интеллекта» над поэзией, а значит, необходимо сегодня любому пишущему. И – незаметно для самого меня – ряд интересных мне авторов собственной поэтической философии², с которыми постоянно находишься

¹Пожалуй, единственное, с чем здесь можно согласиться, – и один из немногих моментов, где автор позволяет себе откровенную «рецентуру»: «В этом, кстати, смысл писать стихи рукой. Сейчас мало пишут рукой – теперь впору говорить, что это не каждому дано». Рукописная стадия действительно даёт совершенно особый взгляд на текст (не только на стихотворный). Однако насчёт возможности «исправить каждое слово» всё же, пожалуй, перебор. Такая взаимозаменяемость – скорее признак бездарных стихов.

²Не включаем в этот ряд критиков, даже отличных и любимых мной. А только людей, разработавших именно собственную поэтическую идеологию, – которых сегодня немного: в их числе М. Эпштейн, В. Кальпиди, А. Тавров, Ю. Казарин, – список

во внутреннем диалоге, нередко споре, – в последнее время пополнил Владимир Козлов.

Мария МЕЛЬНИКОВА

ТРИЛОБИТНЫЙ ПОЧАТОК СОБОРНОГО ТЕЛА

Гоша Буренин. луна луна и ещё немного. – М.: ЛитГОСТ, 2021. – 96 с. – (Поэты литературных чтений «Они ушли. Они остались»).

Жизнь человека, архитектора, художника и литератора Гоши (Игоря) Буренина уместается между 1959 и 1995 годом – не катастрофически короткий, но для конца XX века и невоенного времени все же печально невеликий срок. Об итогах этой жизни Максим Белозор в книге «Волшебная страна» говорит: *«Гоша был гармоническим человеком: писал стихи, рисовал, шутил. После гармонических людей, как правило, ничего не остаётся. И от Гоши ничего не осталось. Только память. <...> Гошина могила на Северном кладбище в Ростове – пример отчаянной бренности бытия: едва различимый в бурьяне холмик у самой дороги, по соседству с мусорной кучей, в ряду безликих бугорков с табличками “Неизвестный мужчина”»*¹.

Известное на сегодняшний день стихотворное наследие Буренина составляют сорок девять текстов, вошедших в книгу «луна луна», вышедшую в 2005 году в издательстве «Запасный выход» тиражом чуть более ста экземпляров, и еще немного текстов, найденных в архиве первой жены поэта Ксении Агалли. Знакомся с этим количественно крохотным итогом удивительно сложной душевной работы, ощущаешь себя палеонтологом, застывшим над фрагментом кости и пытающимся воссоздать облик гиганта, чье тело она когда-то поддерживала. Правда, следует помнить, что все расчеты могут пойти прахом, поскольку законы перспективы

каждый может продолжить по своему усмотрению (при всей разнице позиций и ценностных установок упомянутых).

¹Белозор М. Волшебная страна. СПб: Красный матрос, 2017.

и меры длины и объема в мире Буренина не те, что здесь, у нас. Да и кость, возможно, совсем не кость. Это может быть вообще что угодно.

У каждого из авторов вошедших в этот сборник статей – свой оптический прибор для изучения Буренина. Валерий Шубинский вдумчиво сопрягает его с историей и географией современной русскоязычной поэзии (Буренин родился в Лихене, в Германии, учился во Львове, немного жил в Ленинграде и долго – в Ростове-на-Дону) – и видит причудливое самородное явление: «Эти стихи написаны так, будто всей модернистской поэтической работы с середины 1960-х почти не было. Но нет и не было и советской поэзии – ни “интеллигентной”, ни “средней”, ни низовой. *Эти стихи кажутся стихами какого-то (очень талантливого!) сверстника Станислава Красовицкого или Роальда Мандельштама. Что у него есть? Пребывающее в хаотическом состоянии наследие условного Серебряного Века («первого модернизма»), русский язык, личный талант и слух».* Для Валерии Мориной Буренин – благородный рыцарь слова, не опозленного соприкосновением с «малым миром», герой-сновидец, предавшийся грезам в мистическом саду, а потом – переживший трагедию мучительного пробуждения. А в рассказе Ксении Агалли Буренин просто ускользает от наблюдателя, растворяясь в таинстве Высокой Эклектики львовской школы (именно к ней относят его творчество). В общем, все приборы показывают нечто трудноуловимое.

Буренин – мучительный поэт. «Мучительность» здесь следует понимать не как отрицательную характеристику, а как степень и оттенок сложности. Человек, привыкший к, если можно так выразиться, экстравертной поэзии, к поэзии, говорящей о сколь угодно серьезных вещах, но на языке, привычном читателю, да еще и охотно учащей иные языки – такой человек не сможет воспринимать Буренина чисто физически. Для человека, готового, презрев предостережение Мандельштама, постигать странное наречие чужого ума, Буренин обернется удивительным ментальным приключением – и неизбежным ужасом.

хлеб зацвёл; черствей шинели
лица скомканные спящих

я ревел; солдаты ели;
 дождь шипел в угольной чаще
 где протяжный лось дубами
 плотный лоб чесал под пулю
 заскучавших караульных;
 танк урчал и пела баня
 я слепой иглой еловой
 ящериц на камне трогал
 и проснувшись – злой, блестящий, –
 красный зев казал мне ящер

Это стихотворение 1982 года на первый взгляд выглядит нехитрой зарисовкой из детства сына военного, невинным примером иллюстративной лирики, но «протяжный лось дубами / плотный лоб чесал под пулю / заскучавших караульных» более чем наглядно указывает, что случится с глазом и умом наблюдателя и в какого именно ящера обратится под его слепой иглой безобидная ящерица. Такие обороты случайно не выписываются. Беспечные акыны их не употребляют, это – инструмент строителя сложных конструкций и реорганизатора пространства. Но солдатам, бане, танку и хлебу в обновленном пространстве места не будет.

В дальнейшем сложные конструкции Буренина разрастутся так, что уничтожат в стихе все, что можно уничтожить – сюжет, композицию, героев, логику. В этой поэзии нет ни событий, ни покоя. Здесь ничего не происходит в обычном смысле слова – нечему происходить и не с кем. Появление в текстах Буренина человекоподобных персонажей или элементов узнаваемого пейзажа – редкость на грани случайности. Внимательный читатель, конечно, без труда найдет здесь сквозные образы – заметит и сад, и ангелов, и Улисса, и луну, и сон, и воду, но, увы, не найдет никакого внятного либретто мистической пьесы, которую можно было бы разыграть с их участием. Образная система Буренина не отрицает материальность как таковую – он щедро наделяет невещественные явления конкретными свойствами – «время терпко», «отвязанная явь», «гортанные дыры», «отчётливо выпуклый март». Казалось бы, смотри, слушай, ошупывай, постигай. Но постижения не случится, органы чувств тут не помогут – это все равно что хватать за рукав принарядившееся на праздник привидение. Не поможет ничего из богатого метафорического арсенала Буренина. Загадочные тавтологии, неологизмы, заимствования, смысловые смещения, обманки,

умолчания, слова, одетые в маски других слов – не подарки книголюбу-фантазеру. Не бисер, бросаемый щедрым абстракционистом – хочешь просто любуйся, хочешь сплети фенечку и надень на руку, хочешь вышей портрет Германа Гессе. Выбора у читателя нет. Семантической судорогой своей фразы Буренин подцепляет его ум, словно крюком, вынуждая следовать за собой – в неизбежную пропасть, полную лишь бесконечного бурления и завихрения речи, порождающей и пожирающей саму себя в поисках новых оттенков, углов, температур, границ.

время терпко: тебя не промолвлю пока
 обрастая налётом небесного мела
 я ещё только свод немоты потолка
 трилобитный початок соборного тела
 время – сумрак и глина ребристых аркад:
 снится холод под утро и буквы предела –
 в голубиное крошево готики белой
 замерзает твоя хрупколётная ка

Борис Бергер в издательской аннотации к «луна луна» назвал это «экзистенциальным сюрреализмом» и «новейшей эклектикой», а Олег Юрьев в статье «О поэтах как рыбах» – бесконтрольным наворотом слов и выворотом нервов. Правы оба. Неправ будет только тот, кто примется искать в стихотворениях Буренина ту роковую точку, где эклектика становится наворотом, а сюрреализм – выворотом. Точка эта живет в читателе, причем у каждого читателя она своя. А у автора зачастую нет ничего, кроме слов и сна. И слишком запутанный маршрут, ведущего то ли к сну иного уровня, то ли к пробуждению. Особенное переживание – после стихотворений, вошедших в «луна луна» читать поздние тексты, в которых буренинская мистерия начинает мало-помалу рассыпаться, иномирные воды отступают, обнажая городские строения, узоры на обоях, молчащий телефон, разговорную речь и лирического героя – несчастного, пьющего человека, заново открывающего для себя страшно переиначенный детский букварь и честно признающегося, что все это –

нет, не устричный мрак чудака
 и не пушкинский бред о психушке, –
 просто страх перед ухнувшей двушкой
 и молчанием – наверняка:
 просто страх перед ржавой копеечкой.

В литературе свет преломляется так, что иногда невозможно понять, светлеет в мире автора или темнеет (не будем путать мир автора с жизнью автора). В мире Буренина до конца стояла на безутешном посту

мой близнец, божевольная золушка, –
в пепле губы, в крови ли рукав, –
ни на убыль, ни, горе, ни в прошлое
не исходишь, – заложница, зёрнышко
в недозволенной мгле языка –

«В недозволенной мгле языка», «южнее речи», «в тени языка», «на дне языка» – такие географические обозначения встречаются у Буренина постоянно, его рассказчик обречен был находиться где-то вне своей вожаемой цели, вне воздвигаемого им вербального святилища, при этом будучи соединен с ним страшно, органически:

сам буква и слух я пугливо привязан
к словам –
так глухо срastaются хрящики с памятью
страха
а воздух а воздух доверчив когда пополам
земля и земля на меня разбегается ахнуть

Земля разбежалась и ахнула. Что осталось? Сложность и сложность. Собор и собор, который, в отличие от барселонского храма Святого Семейства, уже никто не достроит – если, конечно, его можно было достроить.

Александр ЛИВЕНЦОВ

ДЕТАЛЬНАЯ НЕДОСКАЗАННОСТЬ

Юлия Лукшина. Сухое плавание. – М.: Стеклограф, 2021. – 196 с.

Юлия Лукшина – автор журналов «Новый мир», «Знамя», «Новый берег», соавтор нон-фикшн книги о популярном ныне выгорании «Уйти нельзя остаться», сценарист (лауреат премии «Золотой орёл», 2017; автор сценария к фильму «Человек из Подольска» по одноименной пьесе Дмитрия Данилова), драматург (финалист конкурсов «Любимовка», 2016, 2019). Но читателю это имя по-прежнему мало знакомо, он, возможно, и предоставит автору шанс,

прочитав страничку, от силы две: не успеешь заинтересовать – извини, автор, становись на полку.

Плюс «Сухого плавания» уже в том, что оно не жаждет оглушить с первых страниц (обычно холостые выстрелы), не торопится с интригой, не даёт броского героя. Темп ровный, какой берёт спортсмен, зная, что бежать долго; язык не старается быть богаче, чем есть, и без груза лишних перечислений. *«Вчера Кевин отпраздновал день рождения в баре у дома... На утро в голове шумело так, как будто там пылесосили»* – кратко, убедительно; *«...редкие постройку были ошибкой, помехой на фоне скупых природных линий. Природа стремилась остаться в своей первоизданной угрюмости, а сюда всё равно зачем-то зашвырнула горстку домов»* – всё живое, у всего есть причина.

Органично – настолько, что не сразу замечаешь, – происходят смены точек зрения. Книгу открывает повесть «Хрустальный дом», где из главы в главу повествование меняет угол обзора: то от третьего лица, чтобы мы поочерёдно заглянули в каждого персонажа, то от второго, а в последней главе («Зоя») герой с читателем, что называется, на ты. Вкупе эти смещения фокуса дают эффект, будто держишь на ладони стеклянный шар с игрушечным домом внутри под медленным игрушечным снегом – и подносишь этот шар к глазам ближе и ближе.

Герои прозы Лукшиной – люди, которых, кажется, знал по прошлой жизни. Они сразу понятны. Не думаю, что так можно сказать про всякую удачную книгу; зачастую персонажи бестселлеров в тени сюжета, их лица смазаны, несмотря на громкие монологи и смелость принимать решения. В «Сухом плавании» повествованию вполне хватает и поворотов, и редких стечений обстоятельств, при которых герои одного рассказа встречаются в следующем уже годы спустя и на другом континенте, а итогом встречи становятся пепелище на месте усадьбы, построенной двумя главами до того, век назад («Круглый стол»). Выражей хватает, но я уверен, что читатель отметит персонажей – близких, точно родня, с живой речью, которую слышишь, пока взгляд бежит по строке. *«Баба Нюр, ты уж не подведи нас. Мы край дотационный, нам рабочие места нужны...»* Вот, готов деятельный мужичок, такому дай – горы свернёт; спускаешься строкой ниже, и отпадают всякие

сомнения: *«У нас таджики в низком старте. Лес почистим, парк облагородим...»*

У хорошо очерченных героев запоминаются имена, не приходится листать назад, отыскивать место, где очередного «Сан Саныча» ввели в текст. Имена персонажей «Хрустального дома» держатся в уме, точно сам их и выбрал из множества: Артевьев, Елена Дмитриевна, Кевин, Барбара, Савва... Закрываю глаза, смотрю в их лица. Почти всегда это люди в кризисе, что-то в них ломается, идёт трещинами, большей частью они недовольны собой, и эту досаду невольно примеряешь на себя. *«Вчера подслушал, как тёща говорит дочери: – Да он простых вещей устроить не может. – И ещё раз повторила с удовольствием: – Не справляется с элементарными задачами, понимаешь?»* Я и голос тёщи слышу, и ловлю противный холодок внутри или жар обиды – кому как ближе – бедолага мужа, неспособного устроить «простые вещи».

Даже дети на страницах книги подмечают за собой нечто новое, неловкое, неудобное – первую любовь, первое желание, от которого только и можно что бежать без оглядки («В руине»). Спустя годы после этого побега герои встречаются чужими людьми, но желание не гаснет – преобразается: *«...придётся сейчас подойти, сломать их разговор, вклиниться, сообщить ей о смерти матери, потом долго говорить про разное... А он бы лучше сел в оранжерею и ждал Ольгу там. Столько, сколько понадобится»*.

Проза Лукшиной полна нюансов. У автора «Сухого плавания» редкий дар говорить о большом через малое. Вот, герой забыл паспорт в номере гостиницы, вот выцвел и потускнел полароидный снимок, или рассыпались бусы, с тяжёлым стуком покатались по лестнице – всё это вращает шестерёнки сюжета. Наконец, героиню не узнаёт человек из прошлого – мимолётное знакомство, царапнувшее душу тогда и причинившее боль снова; у каждого есть эти микродрамы, которые болят через всю жизнь, отчасти на них и строится книга. Даже разрыв семейной пары ужимается до крошечного, точно скальпелем сделанного, надреза по двум судьбам: *«Через месяц муж защитился. На вечеринке он весело чокался с научным руководителем, долго тряс его руку. Ещё через две недели она одна вернулась в Москву и, защитив диплом...»*

Особую роль в почерке Лукшиной ведёт недосказанность. Речь не о сюжетных линиях с

концами, спешно опущенными в воду, не о героях убитых, поскольку не придумалась толковая развязка. Когда увольняешься с места, где поработали десяток лет, или продаёте квартиру, в которой выросли, и последний раз запираете дверь, чтобы спуститься к полному под завязку грузовику – эта пустота внутри, многослойная, со вкусом, с цветом и запахом – она даёт «Сухому плаванию» второй план. *«Одиночество – это, значит, вот как. В сущности, хорошо. Как в спичечном коробке»*.

Аналогии с другими писателями не напрашиваются, но, если задаться целью выявить чей-то след – продолжение довлатовской линии выглядит самым уместным: понятные и вместе с тем извилистые судьбы на ландшафте привычной, бытовой жизни. Но нет – другое настроение, другое построение. Проза Лукшиной сухе, севернее, а порой и более жестока. Можно усмотреть интонации Толстой: кружево деталей, образный язык, своя, с поправкой на общие правила, пунктуация – но и тут иное ощущение: свежее, прорисованное быстрыми летящими мазками. Улицкая – нет, даже близко. Петрушевская – тоже мимо. Возможно, есть что-то от манеры Крусанова, поскольку «Сухое плавание» не лишено приёмов магического реализма, о чём чуть ниже – но и тут я обману. Крусанов повелевает своими героями, а Лукшина с ними соседствует, мирится, уж какие уродились. Странно, но если брать послевкусие, самым близким автором мне показался Гайто Газданов, хотя по форме одни различия – его слог куда гуще, ложится большим объёмом, долго оседает; но именно в его романах я вижу эту заботу о герое, участие в его изломанной, обычно недолгой судьбе.

Стежки магического реализма встречаются регулярно, но нет той массовой доли, когда книгу можно отнести к жанру. Так это выглядит в тексте: *«Видел лошадь только он. Ни дети, ни Татьяна, ни свекровь её не замечали. Один раз свекровь по двору шла, лошадиный круп своим задела. Обе не заметили. Как в кино про призрак»*. Иллюзорный мир присутствует в большинстве рассказов, и первые его появления неожиданны, полупрозрачны, вступают словно курьёз, который вот-вот разрешится, но с развитием истории всё меньше нуждается в объяснениях. Русалка или призраки на фотографиях такие же правомерные «жильцы» прозы Лукшиной, как

фотограф из Америки, как отец семейства, неудачно купивший дачу, или доживающая свой век баба Нюра (она же, будучи представителем «реальных героев», дожив свой век в одной главе, благополучно возвращается ещё через три, точно цыган Мелькиадес у Маркеса, тоже утонувший в реке, как и баба Нюра).

И даже фантастика рассказа «Зоя» (последняя глава повести), взгляд в будущее, с сопутствующими голограммами, коптерами и летающими челноками, похожими на новогодние шары – всё это уложено под полотно текста, чтобы служить опорой, а на поверхности люди, страхи, надежды. Я полагаю, многие любители фантастики разочаруются, не найдя привычной начинки, упрекнув Лукшину – мол, подразнила и сунула социальную боль, раскрасив для вида красками жанра. И даже финальное: «Земли, к слову, больше нет» – кратко, ёмко, без лишней мифологии и объяснений, как постскрипtum – их не впечатлит. Меня впечатлило.

Теперь непосредственно к оглавлению, что, вероятно, опытный рецензент сделал бы в первую очередь. По структуре повесть «Хрустальный дом» – это семейство (неуместное слово, но просится, даже хочется сказать «круг») рассказов, со сквозным мотивом, который одни и те же герои отыгрывают из главы в главу, приближая финал. История охватывает два века. Главным образом описываются наши дни, но сюжет отступает на сто лет назад и на столько же заглядывает вперёд – причём корпус действующих лиц на удивление небольшой и умело сохраняется. Каждая из глав самодостаточна, её можно вычленивать и читать независимо от пре-

дыстории, но и вся повесть целиком выдержана по канону завязка – развитие – кульминация: не лишайте себя комплексного удовольствия, читайте полностью.

Из рассказов выделю: «Копыто», «Мёртвую лису», «Звонки со станции», «Туман», «Воду», «Гусеницу» и собственно «Сухое плавание», давшее название сборнику. Почти всё и перечислил, но не знаю, где убавить. Рассказы схожи по настроению с повестью, однако в них больше модернизма, они смелее, и каждый в своей локации хоть ненадолго, но погружается глубже. Даже их стилистика отличается: темп быстрее, слог короче, и написано с расчётом на опытного читателя. Удачное решение разместить рассказы вслед за повестью, где они расширяют рамки, уже заложенные «Хрустальным домом», добавляют граней, углов, строят новые этажи.

Напоследок пара слова о оформлении. Фотография Сергея Сапожникова хороша сама по себе, но на обложке «Сухого плавания» действительно уместна – этот лестничный пролёт, как малая часть большого, спуск для кого-то, а для другого подъём, лучше слов передаёт тон текста. Пока читаешь, так и кажется, что подсматриваешь за героями через замочную скважину; а по прочтении возникает сытость, как от долгого разговора, словно забрёл по этой лестнице к новому человеку, толковому, не пустому. Хочется верить, что книга не залежится на полках, выйдет вторым тиражом, заглянет в шорт-листы. Желаю ей протиснуться сквозь натиск изданий, а читателю, капризному во все времена, разглядеть её.

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРОВ ЗА 2021 ГОД

ПРОЗА

Каринэ Арутюнова. Шапиро с улицы Шапиро. № 3-4. С. 111

Мила Борн. Дети Гамельна. Яма. Рассказы. № 5-6. С. 149

Антон Ботев. Пьяный полицейский. *История из русской смерти.* № 7-8. С. 9

Марина Бувайло. У нас на районе. Квартира 13. Рассказы. № 1-2. С. 131

Александр Вергелис. Сквозняк. Рассказ. № 1-2. С. 153

Тамерлан Гаджиев. Футбольный матч. Рассказ. № 11-12. С. 165

Иван Гобзев. Моя демонка. Рассказ. № 1-2. С. 145

Владимир Гуга. «На ободах» и др. рассказы. № 11-12. С. 171

Сергей Зельдин. Журфак и др. рассказы. № 3-4. С. 125

Евгения Изварина. «Взапуски – не проблески ли одни...» и др. стихи. № 3-4. С. 108

Борис Ильин. Всем на долгие годы. Рассказ. № 9-10. С. 211

Сергей Кулаков. Страдающий. Рассказ. № 7-8. С. 141

Дмитрий Лагутин. Блуждания. Сказка. № 7-8. С. 93

Саммер Ленц. Собака сутулая, или несколько дней из жизни Кассиопеи Кирпичниковой.

№ 3-4. С. 145

Александр Ливенцов. Ты тоже. Я помогу. Рассказы. № 7-8. С. 75

Андрей Ломовцев. Друг мой Палыч. Рассказ. № 9-10. С. 225

Вячеслав Немиров. Девочка из коммуналки. Рассказ из цикла «Вперёд и наискосок». № 3-4.

С. 139

Илья Оганджанов. Радио Шансон. Дребезги. Атракционы. Рассказы. № 1-2. С. 116

Михаил Окунь. Дедушка. Рассказ. № 5-6. С. 186

Дмитрий Раскин. Город Верхний Маслёнок и главная его достопримечательность. Рассказ.

№ 7-8. С. 127

Татьяна Риздвенко. Ротонда-трип. *История одного проекта.* № 11-12. С. 9

Игорь Силантьев. Созвездие кондуктора. Рассказы. № 9-10. С. 199

Юлия Сиромолот. Подсолнух и яблоки. Роман. № 5-6. С. 10

Алексей Слаповский. Успеть. Поэма о живых душах. № 9-10. С. 3

Денис Сорокотягин. Архивные папки. Бродячее гетто. Рассказы. № 11-12. С. 137

Софья Суркова. Опись плесени. Рассказ. № 11-12. С. 153

Амаяк Тер-Абрамянц. Имя твоё (Август 91-го). Рассказ. № 5-6. С. 176

Павел Терешковец. В бреду. *Псевдоавтобиографический роман.* № 3-4. С. 8

Владимир Тучков. Житие американского летчика Фрэнка Пауэрса во Владимирском центральном. № 3-4. С. 92

Николай Фоменко. Ради первых десяти. *Повесть в диалогах.* № 5-6. С. 85

Вячеслав Харченко. Городок. Рассказ. № 5-6. С. 168

Павел Чхартишвили. Букетик от Рамуте. Рассказ. № 1-2. С. 135

Владимир Шапко. Настольная памятка по редактированию замужних женщин и книг. *Роман.* № 1-2. С. 11

Виталий Щигельский Сквозь Землю. Возвращение. *Рассказы.* № 7-8. С. 113

Вадим Ярмолинец. Медведь. НЛО. пляж тысячи соборов. *Рассказы о Смирновских.* № 9-10. С. 191

ПОЭЗИЯ

Богдан Агрис. «От звёздного закутка...» и др. *стихи.* № 3-4. С. 134

Дмитрий Брисенко. «Ехал зимой в холодной электричке...» и др. *стихи.* № 7-8. С. 102

Евгений Волков. «Талисман» и др. *стихи.* № 5-6. С. 140

Евгений Вольперт. «городок наш называется [непонятно]...» и др. *стихи.* № 5-6. С. 145

Мария Галина. «Их вагоны полны юных горячих тел...» и др. *стихи.* № 5-6. С. 81

Юрий Гудумак. Начало различий. *Стихи.* № 5-6. С. 179

Павел Демидов. Куплеты на черный день. № 9-10. С. 194

Настя Запоева. На углу Толстого и Восстанья. *Стихи.* № 11-12. С. 149

Валерий Земских. «Он вышел из шинели...» и др. *стихи.* № 9-10. С. 206

Сергей Золотарев. «проходил недавно Райским садом...» и др. *стихи.* № 11-12. С. 168

Наталья Игнатьева. «зима краснобайством...» и др. *стихи.* № 7-8. С. 136

Лариса Йоонас. «В каком-нибудь городе Фридрихсхафене...» и др. *стихи.* № 11-12. С. 132

Александр Корамыслов. «НБ» и др. *стихи.* № 1-2. С. 156

Ия Кива. «самое странное, что проявилось во времени в эти шесть лет...» и др. *стихи.* № 9-10.

С. 174

Кирилл Корчагин. 12 стадий близости. № 9-10. С. 179

Ирина Котова. «Слепые глаза птиц» и др. *стихи.* № 3-4. С. 118

Владимир Кошелев. Элегия Фрэнсиса Бэкона и др. *стихи.* № 9-10. С. 187

Люба Макаревская. Девять песен. *Стихи.* № 1-2. С. 124

Родион Мариничев. «Тронешь землю ладонью, подышишь – взойдут ростки...» *Стихи.* №

5-6. С. 3

Александр Марков. Новые псевдопереводы и топорные не-переводы. № 5-6. С. 172

Елена Михайлик. «Это ваше ар нуво – дразнится чего?..» и др. *стихи.* № 3-4. С. 3

Владимир Морозов. Легкие голоса. *Стихи.* № 11-12. С. 141

Татьяна Нешумова. «Душа обитает, а тело живет...» и др. *стихи.* № 1-2. С. 150

Данила Ноздряков. Голубой протуберанец (...и в бутове будет бунт). *Стихи.* № 11-12. С. 158

Андрей Пермьяков. Инмар кылдэм ке. *Стихи.* № 7-8. С. 84

Алексей Порвин. «В тени согнулся и сидит плетельщик...» и др. *стихи.* № 11-12. С. 3

Эдуард Розенштейн. «Такие романы хорошо идут в Германии...» и др. *стихи.* № 1-2. С. 140

Андрей Сен-Сеньков. «Стихотворение, на которое капнули вином» и др. *стихи.* № 3-4. С. 86

Игорь Силантьев. Молоко и трава и жить. *Стихи.* № 1-2. С. 110

Екатерина Симонова. Русский лубок. *Стихи.* № 7-8. С. 3

Андрей Торопов. «Ласточки дом построили...» и др. *стихи.* № 9-10. С. 222

Наталья Черных. Стихи из книги «СССР 2:0». № 7-8. С. 67

Евгений Чигрин. Вот граница, а вот вам таможня. *Стихи.* № 3-4. С. 142

Аркадий Штыпель. Восьмистишия. № 1-2. С. 3

Валерий Шубинский. «О чем сигналият нам огни...» и др. стихи. № 7-8. С. 122

Рафаэль Шустерович. Новые стихотворения (2020-2021). № 9-10. С. 217

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

Геннадий Кацов. «династия мин разгромлена, универсам закрыт...» № 1-2. С. 161

Павел Рыбкин. Из цикла «Стихи к сыну». № 1-2. С. 164

Андрей Таюшев. «В кинотеатре “Победа” похожем на праздничный торт...» № 1-2. С. 160

ПЕРЕВОД

Мириам Ван хее. Из книг «Там тоже падает свет» и «Где нас ждали». Перевод с нидерландского, вступление Анастасии Андреевой. № 3-4. С. 186

Дэвид Довалос. Кто-то и компания, или Темнопад. Перевод Андрея Корчевского. № 1-2. С. 171. О нем: **Андрей Корчевский.** Падая и поднимаясь. № 1-2. С. 170

Андрей Хаданович. «Чётные числа» и др. стихи. Перевод с белорусского Станислава Бельского. № 5-6. С. 190

ИЗ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Вениамин Блаженный. Стихи и проза разных лет. Публикация, подготовка текста Владимира Орлова. № 7-8. С. 146

Вячеслав Лебедев. Стихи из неизданных книг. Публикация, подготовка текста Владимира Орлова. № 9-10. С. 251. О нем: **Владимир Орлов.** Вячеслав Лебедев: концерты без публики. № 9-10. С. 247

Вера Меркурьева. Письма и стихи. Из неопубликованного. Публикация, вступление, комментарии Татьяны Нешумовой. № 5-6. С. 241

ПУТЕШЕСТВИЕ

Михаил Бару. Отпечаток ноги Ивана Грозного. № 5-6. С. 211

Антон Ботев. Основы кировского акцента. № 9-10. С. 231

ВОСПОМИНАНИЯ

Сергей Боровиков. Советский поэт. № 3-4. С. 219

В СВОЕМ ФОРМАТЕ

Михаил Бару. Взять, к примеру, дядю Ваню... № 3-4. С. 192

ПРОСТРАНСТВО ТЕКСТА

Татьяна Грауз. Айги – Мандельштам: в могучей и блаженной нищете (*разрозненные заметки*). № 1-2. С. 214

Борис Констриктор. Трансфуристам. «Пreamбула вослед» Петра Казарновского. № 11-12. С. 179

Валерий Силиванов. Анаграммы про жизнь на физтехе в 90-е. № 9-10. С. 243

ИЗ ПЕРВЫХ РУК

Поэты антологии «Уйти. Остаться. Жить»: **Гоша Буренин, Артур Волошин, Катя Яровая, Макс Батурич, Яков Бунимович, Янка Дягилева, Вячеслав Литусов, Дмитрий Долматов, Александр Рудницкий, Виталий Владимиров.** Подготовка Бориса Кутенкова, предисловие Ольги Балла. № 7-8. С. 194

Евгений Стрелков. Контурсы. Вступление Кирилла Кобрин и Петра Казарновского. № 11-12. С. 170

Валерий Шубинский: «С поэзией никогда не бывает благополучно». Беседа с Борисом Кутенковым к выходу книги: Валерий Шубинский. Тёмная ночь. № 1-2. С. 220

ЖИЗНЬ ХУДОЖНИКОВ

Вячеслав Лопатин. Узреть (Фрагмент). № 11-12. С. 191

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Елена Елина. «В амфоре, ярко расцвечённой...». О кн.: Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Толстиков В.П., Чурекова Н.Б. Амфоры VI–I вв. до н.э. из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. № 1-2. С. 233

Дмитрий Бавильский. Введение в обездоленность. О кн. Светлана Бойм. Будущее ностальгии. № 9-10. С. 260

Елена Зейферт. «Одиссея» Ильи Спрингсона. О кн.: Илья Спрингсон. Кошкин дом. № 3-4. С. 236

Петр Казарновский. О «Транспозитике» вкратце: На правах авторецензии. О кн.: Транспозитика: Авторы журнала «Транспонанс» в исследованиях и материалах. № 7-8. С. 207

Владимир Коркунов. Вывернутая перчатка мира. О кн.: Павел Кричевский. Над плечами мигнут. № 1-2. С. 225

Борис Кутенков. После катастрофы. О кн.: Филипп Дзякко. Глазами ящерицы: Дневник чтения одной несуществующей книги. № 3-4. С. 241; Не выходы, но тупики. О кн.: Как мы читаем: заметки, записки, посты о современной литературе. № 9-10. С. 265; Поэзия как практический результат. О кн.: Владимир Козлов. ЗАЧЕМОЭЗИЯ. Избранные материалы к арт-поэтри-проекту #Воскреснымедитации. № 11-12. С. 242

Алия Ленивец. Дорога к любви, или Путь маленького бесстрашного камешка. О кн.: Оксана Васякина. *Рана*. № 5-6. С. 257

Александр Ливенцов. Детальная недосказанность. О кн.: Юлия Лукшина. *Сухое плавание*. № 11-12. С. 244

Мария Мельникова. Васильев и пустота. О кн.: Николай Васильев. *Нефть звенит ключами*. № 3-4. С. 246; Трилобитный початок соборного тела. О кн.: Гоша Буренин. *луна луна и ещё не много*. № 11-12. С. 242

Алексей Мошков. «Боже, прекрасен твой мир». О кн.: Максим Матковский. *Бельё землян*. № 1-2. С. 230; «На полях манускрипта...» О кн.: Алексей Сомов. *Грубей и небесней: Стихотворения, эссе*. № 3-4. С. 248

Андрей Пермяков. Мир, каким он мог быть и однажды почти стал. О кн.: Андрей Гришаев. *Останься, брат; Евгения Риц. Она днём спит*. № 5-6. С. 261; Вот и поговорили. О кн.: Данил Файзов, Юрий Цветков. *Часть жизни*. № 7-8. С. 209; Искусство благой жизни в пережившемся мире. О кн.: Сергей Трунёв. *Письма пограничника*. № 11-12. С. 235

Юлия Подлубнова. Мак, люпин, примула, колокольчик. О кн.: Анна Бабышкина. *И это взойдет: усадебный роман*. № 5-6. С. 267

Юрий Рыдкин. Поэзия равновесия. О кн.: Александр Уланов. *В месте здесь*. № 1-2. С. 227

Гала Узрютова. Перевод как преступление. О кн.: Стивен Эллис. *Делай так / Пер. с англ. Г.-Д. Зингер*. № 5-6. С. 269

Наталия Черных. Пять «а» и одно «о». О кн.: Анна Аркатова. *Сейчас пройдет*. № 7-8. С. 213

NON-FICTION

Юрий Никитин. Непридуманное в повести «Время возвращений». № 5-6. С. 199

АРХИВ

Алексей Голицын. Поэт Волков и политические анекдоты. № 7-8. С. 167

Контакты:

Анна Сафронова (гл. редактор, проза): safronova-volga21@yandex.ru

Алексей Александров (зам. гл. редактора, поэзия, критика): alexandrov-volga21@yandex.ru

Алексей Голицын (документальные исследования): agolitzin@yandex.ru

Олег Рогов (архивные публикации, критика): rgv@mail.ru

Алексей Слаповский (проза)

Сайт журнала: <http://volga-magazine.ru>

Электронная версия журнала на сайте «Журнальный зал»:
<http://magazines.gorky.media/volga>

Подписано в печать 13 декабря 2021 г.

Журнал отпечатан в типографии
ИП Сергеев

При перепечатке ссылка на «Волгу» обязательна.